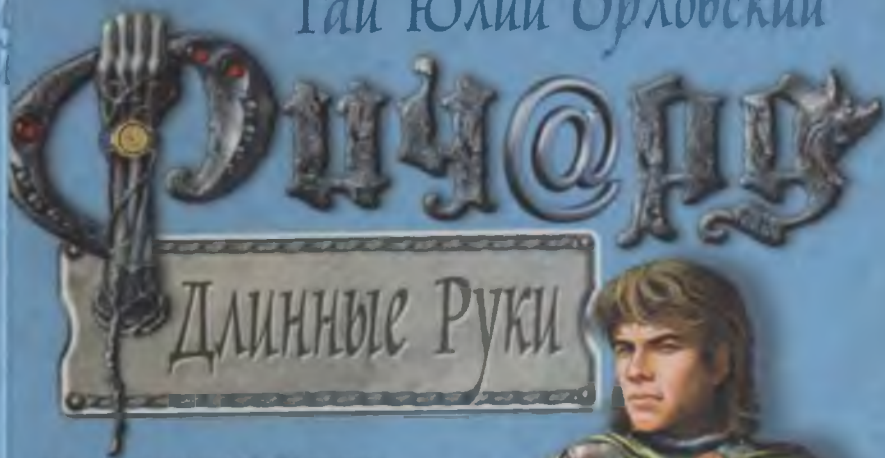

Гай Юлий Орловский

Длинные Руки

Ричард Длинные Руки

**Баллады
о Ричарде
Длинные Руки**

Рицард Длинные Руки

Рицард Длинные Руки —
воин Господа

Рицард Длинные Руки —
паладин Господа

Рицард Длинные Руки — сеньор
Рицард де Амальфи

Баллады
о Ричарде Длинные Руки

Гай Юлий Орловский

Ричард
Длинные Руки

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
О 66

Оформление серии художников *А. Старикова, М. Петрова*

Серия основана в 2004 году

Художник *А. Дубовик*

О 66 Орловский Г. Ю.
Ричард Длинные Руки: Фантастический роман. — М.: Изд-во Эксмо, 2004. — 480 с. — (Баллады о Ричарде Длинные Руки).

ISBN 5-699-06502-4

Из современной Москвы очутиться в средневековой Европе, где странствующие рыцари, драконы, принцессы, колдуны, маги, таинственные замки, где подвалы хранят тайны и сокровища, — выживет ли наш герой?

Особенно если учесть, что окажется не графом, князем или королем, а обычным простолюдином...

**УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4**

ISBN 5-699-06502-4

© Орловский Г. Ю., 2004
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2004

Глава 1

На экране сменялись разбитые вдреизг машины, окровавленные тела. Очень сексуальная телеведущая, умело накрашенная, с рекордно вздернутыми тончайшими арками бровей, что слегка отличало от таких же сексапильных стандартных куколок, строгим голосом, что делало ее еще сексуальнее, перечисляла тех, кто не успел затормозить, рассказывала, кто как врезался, сколько из разбитых машин вытащили убитых насмерть, а кто склеил ласты по дороге в больницу.

Иногда машина с операторами успевала раньше, чем спасатели. На широком экране с разверткой в сто мегагерц очень хороши все эти сцены с выламыванием дверей, а четыре колонки с изумительной звуковой платой от «Sauron» передают все оттенки скрежещущего раздираемого металла, стоны и предсмертные хрипы. Операторы лезут друг другу на головы, стараясь не пропустить кадр, сейчас в СМИ конкуренция, вон шикарный кадр, где в машине мужик завалился на руль, баранкой вогнуло грудь, а женщину на соседнем сиденье после удара о лобовую панель отбросило обратно. Она с запрокинутой головой и лицом в крови, жутко сломан нос и нижняя челюсть, левая щека распорота острым так, что прямо из щеки в кровавую щель выглядывают изломанные зубы.

— Фарфоровые, — заметила Алина.

— Металлокерамика, — возразил Анатолий.
Вспомнил, что обещал с Алиной больше не спо-

рить, себе дороже, поспешно согласился: — А может, и фарфоровые. Во всяком случае, не натуральные. Слишком ровные и белые.

— Стеклопластика, — сказал Владимир, он лениво наблюдал из дальнего кресла. — Теперь это модно.

— Просто дешевле!

— Но и модно, — не согласился Владимир, но с Алиной спорить — гнилое дело, тут же спросил с повышенным интересом: — Чем это ей щеку так?

— Подставкой для мобильного, — сообщил Анатолий. — Они шас с голоса, руками лапают только лохи.

Проскрежетало, будто огромным ножом по стеклу: на экране двое крепких мужиков вскрывают искореженную машину, как консервную банку. За дверцу зацепили крюком, трос натянулся, народ разбежался, только мужественный оператор отступил всего на шаг. То ли фанат профессии, такие ради кадра лезут и под бомбы, то ли по опыту знает, что ни трос не сорвется, ни дверью не достанет.

Затрещало, хряснуло. Отвратительный скрежет, дверца аккуратно отогнулась. Двое спасателей быстро и умело вытащили водителя. Вместо лица кровавое месиво, а грудь в самом деле пробита рулевой колонкой едва ли не до позвоночника. Один спасатель подал условный знак, врачи из «Скорой» продолжили курить, прислонившись к высокому боку машины.

— Ага, — сказала Алина радостно, — этого в морг!.. Спорим, что сегодня убитых будет больше, чем вчера?

— Подумаешь, — возразил Анатолий, — сегодня ж пятница!..

— Ну и что?

— Все прут за город.

— Самые умные поедут завтра утром.

— А нетерпеливых — больше, — пояснил Анатолий, — так что ничего удивительного, что сегодня убитых будет больше.

— А какой вчера дождь лупил? И асфальт скольжее, чем сегодня!

Женщину вытаскивали с предосторожностями. Даже врачи отбросили сигареты и подошли ближе. Как только окровавленное тело показалось из машины, санитары переложили на носилки, бегом несли к распахнутым дверцам машины с большим красным крестом.

Тут же на экране появился перекресток Профсоюзной с Дмитрия Ульянова: три машины всмятку, одну выбросило на обочину, перевернуло. Телекамера ухватила денежный момент, когда через выбитое окно, прямо по торчащим осколкам стекла, острым, как бритвы, выбирается обезумевший человек, с окровавленным лицом, скула срезана, глазное яблоко вывалилось из раздробленной впадины и болтается на щеке.

Блеснуло, на экране появилась розовощекая кинозвезда и начала показывать, как именно использует «тампакс», и щебетать, почему предпочитает именно эту фирму. Анатолий взвыл, всегда реклама на самом интересном, схватил пульт и сердито ткнул в сторону телеэкрана. На первом канале фильм: президент фирмы трахает секретаршу, на втором — лихой ковбой заходит в незнакомый дом, просит напиться и, увидев незнакомую женщину, лезет под юбку. Понятно, тут же коитус. На третьем канале мужичок с солидным брюшком трахает племянника, на четвертом — школьник учительницу, на пятом — немецкий бургер — соседскую козу.

Анатолий фыркнул, перебрали с сексом, можно объесться и сладостями. Даже я, к современному телевидению привычный, решил, что уж очень не то: сразу же начинают бурно дышать, извиваться, страсти-мордасти, хотя на самом деле все настолько рутинно, хоть со знакомой, хоть незнакомой, что думаешь о чем угодно, только не о страстях, будто живешь отдельно от тела.

— Какая цветопередача, — сказал Анатолий с завистью. — Ты даешь! Сто мегагерц?

— И по вертикали, — сказал я, — и по горизонтали. Зря, что ли, я брал с дивидишником?

— DVD отмирает, — сообщил Анатолий. — Сейчас умельцы наловчились брать видеокассеты и перегонять в

MPEG-4 на простые болванки для сидюков. В сто раз дешевле! А качество то же.

— Ну да, — возразил я, задетый за живое. — Щас тебе DVD отомрет! Оно даже не развилось как следует. Ну кому пока нужны лазерные диски на семнадцать гигабайт? Что на них записывать? Все библиотеки мира поместятся на одном...

Анатолий со вкусом начал расписывать новые возможности программ, а на экране сменялись телеканалы, мой ящик берет их две сотни, мелькают женские лица, пистолеты, бешено мчащиеся автомобили, постели, голые задницы, снова автомобили, опять задницы... Изображение настолько неотлично от реальности, что, когда неожиданно в экран плеснула морская волна, я чуть не отшатнулся.

Алина сказала торопливо:

— Давай обратно. Щас рекламная пауза кончится. Интересно, тот вылез из машины?

— Вряд ли, — сказал я. — Лобовой удар...

— А почему наши не взрываются? — спросила Алина обиженно. — В американских фильмах машины всегда ба-бах! Да так красиво, будто не легковушки, а цистерны с бензином. Даже с напалмом. По несколько раз бабахают.

Анатолий торопливо щелкал, телеканалы сменялись с такой скоростью, что мы едва успевали видеть картинку.

— Давай обратно, — сказал я, как глухому.

— А какой был канал? — спросил Анатолий.

— Ну ты и лозер!

— Непривычный я, — сказал Анатолий, оправдываясь. — У меня всего двенадцать каналов. Всегда успеваю простым перебором... Черт, как неудачно! Да нет, тот мужик наверняка откинул копыта.

— Там осталась еще половина передачи, — уличила Алина.

— Нет, такую рекламу дают под конец, — сказал я. — А мужика могут спасти. Если «Скорая» успеет... А что глаз вывалился, так не вытек же!.. Обратно вставят. Сейчас и не то делают.

Один Борис даже не повел глазом в сторону экрана. Перед ним свой экран, в просторечии называемый то монитором, то дисплеем. А сам Борис, согнувшись в «компьютерном» кресле, с наслаждением расстреливает из бластера мечущихся по экрану полигонных монстров. На него бросались из-за каждого угла, прыгали с крыш, выскакивали из люков, расщелин, но крестик прицела находил их всюду. Иногда на экран плескало красным, это драли самого Бориса, он идет «от первого лица», и тогда его пальцы спешно тыкали в «горячую клавишу» аптечного пузырька.

Анатолий посмотрел, сказал с интересом:

— Графика обалденная. А как AI?

— Противника? — спросил Борис.

Анатолий хмыкнул.

— Не твой же! Твой на точке замерзания, знаю. Иначе занялся бы пошаговыми. А эти — для спинномозговиков.

— Сам ты... В пошаговые надо сутками, а тут побомблю минут десять, засеявлюсь и пойду спать. Или работать.

— Да ладно тебе, работник. Знаю твои работы. Покажи, какой ты с виду.

Борис с неохотой вышел в консоль, на экране появился дюжий молодец, как две капли воды похожий на молодцев с плакатов строителей коммунизма. Еще такие ехали на БАМ, а еще раньше — покорять целину. Головка крохотная, зато плечи, руки, кулаки, грудь...

— Хорош, — определил Анатолий. — Это на тебе мифриловая броня?

— Нет, — сообщил Борис гордо, — уже самого бога. Правда, какого-то мелкого, но все-таки лучше мифриловой. У меня тридцать второй лэвэл!

— Ух ты... Правда, говорят, Вортекс своего прокачал до девяностого... Смотри, слева!

Борис чертыхнулся, с испугу принялся палить в белый свет. К счастью, из-за дальних кустов появился монстрик совсем слабый, Борис все-таки завалил, хотя куклой на экране руководить куда труднее, бывалые игроки предпо-

читают «вид из глаз». Не так красиво, зато проще в управлении.

Он переключил на привычное «от первого лица», двинулся дальше по развалинам. Я некоторое время наблюдал через плечо за сражением на экране. Графика в самом деле дивная, пришло время новой версии 3D Max, но с монстрами переборщили. Недаром все первые места в десятке самых продаваемых игр захватили сражения людей с людьми. А то и вовсе не сражения, а строительство, интриги... Лишь на девятом или десятом месте игрушки с монстрами.

— Вон слева, — подсказал Анатолий.

Крестик бластера нацелился на кусты. Монстр выскочил с ревом, огромный, как медведь на задних лапах, четыре руки, все с дубинами, идет медленно, иначе игры не будет: в ближнем бою сомнет сразу, из двух динамиков неся треск пулеметных очередей. Из груди монстра плескали красные струи, он покачивался, но двигался и двигался, в левом углу экрана медленно уменьшается синяя полоса его жизни... Борис наконец начал пятиться, продолжая стрелять, потом патроны кончились, он стрелял из двустолки, а когда расстрелял и те, выхватил пистолет... и тут уперся спиной в стену.

— Стреляй! — кровожадно завопил Анатолий. — Успеешь!

Монстр ударил, в нижнем углу красная полоса жизни Бориса сократилась на четверть. Он судорожно нажимал спусковой крючок, пули впивались прямо в морду, монстр ударил еще, еще...

— Ну!

Монстр замахнулся для последнего удара, но тут синяя полоска подошла к концу и... оборвалась. Он взревел страшно, с неба полыхнули молнии, земля затряслась. Монстр обрушился навзничь, земля дрогнула еще раз.

Борис дрожащей рукой вытер пот со лба.

— Фу, — сказал он потрясенно. — Не ожидал... Все так легко шло, что я забыл сэйвиться.

— Лозер, — сказал Анатолий со вкусом.

— Еще какой, — согласился Борис покорно. — Нет, ну какой гад, а?

— Еще бы чуть...

— Пришлось бы переигрывать почти с начала!

— То был босс уровня, — предположил Анатолий.

— Или там дальше ребята все круче и круче, — сказал Борис.

Я смотрел на монстра равнодушно. Я не фанат игр, я больше по фильмам, в них монстров строят лучше. Там такие рожи, что поначалу вздрагивал, но человек привыкает ко всему. И быстро. Особенно когда с монстрами перебор, в каждом фильме десятки. И только какие-нибудь компьютерные штучки привлекают внимание, да и то ненадолго. Словом, к монстрам привыкли настолько быстро, что фильмы с ними ушли с первых мест. Сейчас даже игры с монстрами уступили первые места симуляторам да строительным.

Алина разделась донага и сидела, раздвинув полные сочные ноги, наискось от Бориса. Тот уже засейвился и переключился на покер, шел на огромный риск, но если удастся подобрать одну-единственную карту, то у него на руках полный стрэйт, красotka на экране вынуждена будет сбросить не только легкое платице, но и трусики, ибо в банке уже на две раздевательные позиции.

— Эй, — позвала Алина со смешком, — я здесь, не там!.. И уже без каких-то дурацких трусиков.

Борис отмахнулся, не поведя и глазом. Я посмотрел на Алину, перевел взгляд с ее сочных грудей на окно, хорошо загерметизированное, с тремя слоями глушителей, чтобы смягчить шум улицы. Хорошая подруга, но секс — это привычно и неинтересно. Все, что можно было придумать, уже перепробовали с нею, все вообще-то пресненько, а всякие острые специи вроде ревности, тайности и прочие разжигатели интереса — заботливо убраны современной моралью. А в самих отношениях новое принципиально невозможно, слишком невелик набор, все перепробовано во всех вариантах. В то же время в играх всегда есть что-то новое, как вон в «Дорожном патруле»,

и разбиваются все круче, и машин крошится все больше, и операторы наловчились успевать чуть ли не за миг до аварии...

У меня на харде около сотни игр, но большинство — старье. Все новое — на дисках. Сейчас выходят очень навороченные, с суперграфикой, сумасшедшей играбельностью... Я прошелся взглядом по полочкам. Теперь уже и промышленность наловчилась делать так называемые «компьютерные столы». Не ахти какое чудо, зато предусмотрены полочки под слимы, пластмассовые коробочки для лазерных дисков. И вот на двух полочках плотными рядами игры, как раньше точно так же стояли сборники поэзии, всякие булгаковы да набоковы.

Вот знаменитый Hitman, игра про наемного убийцу, вот рядом крутая игра с наворотами со спецэффектами о вампире, вон еще про вампира, а дальше про оборотня. Разница невелика, во всех трех я должен подстергать прохожих, убивать, пить кровь, а когда наберу пару уровней, смогу вырывать их сердца и пожирать, а когда стану круче, буду пожирать людей уже целиком. Все сделано эффектно, когда кровь плещет, к примеру, на стену, то не остается кровавым пятном, а медленно сползает на землю, все по законам тяготения. А жертвы вопят так, что мороз по коже. Особенно жалобно вопят младенцы, но это в первом уровне, когда еще слаб, а во втором уже начинаешь нападать на их матерей...

Да, все последние игры — о вампирах, киллерах, проститутках, оборотнях, гангстерах, ворах, извращенцах. Я недавно играл через сеть на battle.net, так вот, несмотря на все свои неплохие рефлексy, меня быстро облапошили, раздели, ограбили, выпили из меня кровь, и потом какой-то игрок затащил в камеру пыток и долго балдел, выкалывая мне глаза, отрезая язык, уши, нос, а потом вообще посадил на кол... Я сам бы, понятно, сделал с ним то же самое, но он успел раньше. Что делать, есть свободные люди, которые играют дни и ночи, настоящие виртуозы,

чемпионы, а я все-таки еще и работаю. И по бабам иногда не забываю.

Алина, не дождавшись продолжения хроники, поднялась и, мощно виляя бедрами, ушла на кухню. В нашей компашке она сегодня единственная женщина. И хотя все, что умеет на кухне, мы делаем лучше, но молча и с удовольствием согласились, что коктейли и бутерброды готовить ей.

Борис шарил по всему харду, завистливо охал, хватался за сердце. Собственно, он зарабатывает не меньше моего, но у него все на баб, пьянки, на обязательный отдых на Кипре, помешались на этом Кипре... правда, туда дешевле всего, а я «лишние» деньги вкладываю в комп. И оттягиваюсь с ним. И диски у меня едва ли не все за последние три-четыре года: фильмы, энциклопедии, книги, программы, игры...

Вошла Алина, опустила на край стола поднос с тонкостенными фужерами на длинных ножках. Каждый до половины заполнен смесью вина, сока и коньяка, на ободке по ломтику лимона, только один для Бориса полон на треть, Борис в этом сноб. И его фужер без лимона.

Мы неспешно разбирали фужеры, торопиться неприлично, но и оставлять не принято. Хотя мне чудится, не только мне противно глотать эту розовую гадость, но... в этом сезоне модно именно это. А мода, как известно, рулит нами круче, чем канцелярия президента или таинственные олигархи.

Анатолий, демонстрируя свободомыслие, допил коктейль чуть быстрее, чем принято, отыскал у меня на полке пакет с чипсами, хрустит, как бурундук в сибирской тайге на высоком кедре.

Борис сделал знак подать и ему, одной рукой пошарил, не глядя, в пакете, другой двигал мышью.

— Наша беда в том, — сказал, не отводя глаз от дисплея, — что у нас притупились все чувства!

Алина спросила лениво:

— Так уж и все?

— Все не все, а самые главные — точно! Вон когда по-

явились видики... или видаки, как правильно?... ты визжала и прыгала по всей комнате и ее окрестностям. Когда героя давили или убивали, ты орала от возмущения, а когда девку выдавали за чужака, ты ревела. Ревела, ревела!.. А сейчас смотришь и спокойно пивко хлебашь, губа не дрогнет. И сердце не екнет, когда героиню под каток мордой о землю...

Анатолий засмеялся.

— А эти компьютерные игры? Как ликовали, как ходили на ушах!.. Помню, когда ты резалась в DOOM, то отпрыгивала от экрана, когда вдруг выскакивал дядя с пушкой в руках. А помнишь Prince of Persia? Ты не могла в нее играть, потому что он иногда срывался в яму с кольями. Было такое? Вот-вот. А там же была простейшая двумерная игрушка с убогой графикой. А сейчас и графика в отпаде, и мощнейшие акселераторы, и кровь чуть ли не выбрызгивается с экрана на стол. И что?... Да сидим, не вздрагиваем. Даже сердце не бьется чаще. И кровяное давление не повышается. Теперь мы все сплошь гильгамеши, все выдавшие.

Борис сказал с ожесточением:

— Мы отвыкли изумляться! Да что там изумляться... Даже на сла-а-а-абенькое удивление кишка тонка. Вот сейчас влезь к нам через стену монстр ростом в два метра и с двумя головами, никто и не подумает, что стена бетонная, внутри всякие трубки да кабели, нет — любой с умным видом скажет либо про голографию, либо компьютерные штучки... теперь все на спецэффекты валят. А то и пустят в рассуждения про НЛО, перемещения во времени и всякую прочую лабуду. И ничья рука с фужером не дрогнет!

Анатолий ухмыльнулся.

— Коктейль больно хорош. Грешно пролить хоть каплю.

— Вот я и говорю, — сказал Борис. — О чем я говорю?... Ах да, о неувидляемости. И вообще... Увидели бы этот мир мой дедушка да бабушка, снова бы от одного устройства в эскэйп ушли. В их мире «сексуальная женщи-

на» — это ругательство. Как и «эротичная»... А теперь вон рекламируют, в школах на уроках учат, как быть посекаспильнее...

Анатолий ухмыльнулся.

— А как насчет красоты порока? Привлекательности Зла? Дима, ты чего все молчишь?

Я развел руками.

— Куда уж мне. Говорите, вы все такие умные.

— А чего у тебя вон на полке «Цветы зла» Бодлера?

Я оглянулся.

— Правда? Не замечал. Это от родительской библиотеки крохи.

— Да какое же это зло? — возразил Борис, он совершенно не обращал внимания, что у меня кислый вид... — Любая жизнь, как знаем из учебника, — просто форма существования белковых тел. В природе вообще ни добра, ни зла, кстати, не было даже в человеческом обществе! Все придумки христианских теологов. Вспомните, разве ведали разницу между добром и злом эллины, которыми мы так восторгаемся, а их мифы издаем миллионными тиражами? Вспомните, владыка всех богов и устроитель порядка на Земле великий Зевс перетрахал всех баб, замужних и девственников, причем не видел разницы: человеком он на них лез или животной. К примеру, спящей Ледой он овладел, как изысканно говорят первоисточники, будучи лебедем, Европу поимел в облике быка... Кстати, настоящих быков, коров и всякий прочий зоопарк он трахал так же спокойно, как и людей, не видя разницы! Когда в облике человека, когда в облике животного. И так делали все боги... И так было во все времена, во все века, при всех религиях. Но пришло христианство и ни с того ни с сего объявило это злом. Пороком!

Анатолий хохотнул.

— Хе, в дупу твоё христианство! Произошел откат, как говорят высоким штилем, к исконным ценностям. Вон в США президентом избрали «голубого». А госсекретарь — лесбиянка. Военный министр не скрывает, даже гордится своей продвинутой. В чем продвинутой? Не знаешь?

Дикий ты человек! Совокупляется с двумя мастифами. Это такие большие собаки... И они его тоже... э-э... совокупляют. Да и вообще, теперь, чтобы стать хотя б сенатором, надо доказать, что не видишь разницы между устаревшими понятиями добра и зла, зато свято соблюдаешь статьи конституции США и прекрасно знаешь юриспруденцию.

Борис сказал с достоинством:

— Да, наконец-то становимся цивилизованным миром. Уход от этого феодализма... я имею в виду не только христианство, но ислам, буддизм, вообще любую религию!.. Это мракобесие, простите за вычурное слово. Нет бога, нет дьявола, нет посмертного наказания за грехи в этой жизни. Может быть, в Средневековье это было нужно, даже необходимо, но смешно пугать просвещенного человека, что полдня проводит за компьютером... пугать озерами кипящей смолы и котлами, где сидят грешники, а черти подкладывают в огонь дровишки.

— А раз нет бога, — сказал Анатолий насмешливо, — то гуляй, Вася!.. Воруй, прелюбодействуй, лги, режь...

Борис возразил очень серьезно:

— А вот для этого и существует юриспруденция. И разветвленная система охраны порядка. И неотвратимость наказания, что поддерживается огромной армией полиции и прочих карательных органов. Нельзя надеяться на собственную оценку вины!.. А то один готов повеситься за украденную в детстве конфету, а другой и резню в детском садике сочтет лишь веселым отдыхом. А в законе права и обязанности для всех едины, что единственно честно и справедливо. Так что ты не прав, Толя. Прелюбодейство узаконено, ибо в нем нет ничего опасного, это все выдумки средневекового христианства, ложь... ну, это по обстоятельствам, есть ложь и во спасение, праведная ложь, а вот насчет воровства и резни нынешняя система охраны порядка срабатывает лучше, чем заповеди «Не укради, не убий». Согласен?

Анатолий пожал плечами.

— Я что, по-твоему, за феодализм? Это я так просто... Слишком уж громко ты заявляешь свое кредо. Нагло даже.

— А я вообще наглый, — сообщил Борис. — Дима, ты чего молчишь? Весь вечер как в воду опущенный!

Алина посмотрела на меня оценивающе.

— Придется мне им заняться, — заявила, едва не позевывая. — Кровь разогнать... или хотя бы качнуть с места на место. А то от застойных явлений всякие умные мысли появляются, а от них голова болит.

Я в самом деле чувствовал себя, как будто из меня вынули некий стержень. Даже кости истончились, плечи обвисают, а мясо сползает под действием гравитации.

— Да, — произнесли мои губы. — Нет никакого Добра. Нет Зла. Ничего нет!

Борис вскинул брови.

— Дима, ты чего? У тебя того... кризис? Могу подсказать неплохого психоаналитика. Начинаящий, так что берет недорого, но — талантлив, пойдет далеко! А пока вруби музыку погромче, включи телевизор, а сам засядь за стрелялку. И телефон не отключай. Пусть тебе звонят, отвлекают...

— От чего? — спросил я.

— От всего, — ответил он твердо и посмотрел в глаза прямо. — Живи просто, ни о чем не думай. Только ни о чем не думай!.. Как все. Не задумывайся. Просто живи. Как прекрасен этот мир, посмотри...

Они пробыли недолго, ведь мы просто возвращались с тусовки видеоконференщиков, ко мне заскочили по дороге отлить, а потом, как водится, по рюмочке еще и еще, за комп смотреть новые проги, перелапали новые сюсюки с фильмами, то да се, и так до часу ночи...

Хохоча, ловили на площадке лифт, как такси. В нашем доме их два: малый и большой. Я вынес Алине одежду, опять вышла голая, она такое проделывает даже абсолютно трезвой, к великому удовольствию курящих на лестнич-

ной площадке соседей. Дверцы распахнулись, все вломились, как в последнюю электричку, а я потащился обратно.

Спать, сказал я себе. Сова не сова, но утром даже у совы голова свежее и тонус выше. Долго чистил зубы, рассматривал себя в зеркало, такого красивого, умного, замечательного... но только гады этого даже не замечают, это только я пока вижу ясно, а они все как слепые. Снял часы, чтобы помыть руки. Горячая струя воды приятно обожгла пальцы, но в теле медленно разливается странный холод. И непонятная тоска.

Перед сном вышел на балкон. Обычно взгляд падает под тем же углом, как и на книгу или на экран ноутбука, но сейчас что-то заставило задрать голову. Звездное небо нависает четкое, непривычно яркое. Я поймал себя на мысли, что смотрю на небо... чуть ли не впервые. Вот так смотрел в самом раннем детстве, потом узнал, что оттуда никто палкой по голове не стукнет, и перестал обращать на этот привычный купол внимание. Не смотрим же на потолок...

Второй раз о небе вспомнил в старших классах школы. Был такой предмет астрономия, но не профильный, можно было сдавать всерьез, а можно и не обращать внимания, и я, конечно же, как и все дети перестроек, обращал внимание лишь на то, что может пригодиться в реальной жизни.

От звезд какая польза, они ж за сотни и тысячи парсеков; а парсек это такая жуть, что, когда я однажды пытался вообразить, прошиб холодный пот посреди жаркого майского дня. И, конечно же, больше никогда не поднимал глаза к небу, как и миллионы москвичей, что смотрят только под ноги и по сторонам, чтобы не упустить прозрачный шанс стать миллионером.

Одна из звездочек ехидно подмигнула. Присмотревшись, заметил, что мерцают и другие, какое-то явление в атмосфере, на самом деле звезды, конечно же, не мерцают. А если посмотреть в телескоп, то кажутся намного мельче, чем простым глазом. И чем телескоп мощнее, тем звездочки мельче.

Я ощутил, как на спину дохнуло предостерегающим холодком. Сейчас бы уронить взор с бесполезного неба, но я смотрел, смотрел. Очень медленно в сознание заползало странное ощущение огромности. Холодок растекался по спине, леденил затылок.

«А ведь в парсеке, — мелькнула неожиданная мысль, — чертова уйма миллионов и миллионов километров. Ни на какой ракете не доберешься. И никогда-никогда человек так далеко не побывает...» И что все эти надежды, что когда-то будем ходить под зеленым или синим солнцем, — сказочки, как и надежды на полет в сверкающей трубе, через которую снова вылетим в такой же по сути мир, только покрасивше, побольше, побогаче, где все умнее, толще, а женщины еще сговорчивее, а сиськи у них еще крупнее.

Холодок распространился по всему телу, начал пробираться вовнутрь. Но я, человек эпохи, когда главными словами стали «побалдеть», «расслабиться», «оттянуться», то есть избегать всяких усилий, ибо усилия — всегда дискомфорт, на этот раз не увильнул. Самому показалось, что расковыриваю старую рану — откуда у меня раны? — но со странным усердием смотрел в звездное небо, пытался представить эти жуткие просторы.

И лишь когда под черепом образовалась глыба льда, а в глазах начали замерзать слезы, я уронил взгляд. Зачем-то вытянул руку, никогда не рассматривал свои пальцы так внимательно и заботливо. Даже когда прищемил дверью, когда натер кровавые мозоли веслами или когда... вспоминай-вспоминай... прокричал внутри испуганный голос, только не поднимай взгляд к небу!

На коже редкие волоски, рудимент, уже не греют, как грели диких предков. Сама кожа неплотная, слабая, охотно передававшая защитные свойства одежде, мазям, кремам, дезодорантам. Под кожей красное мясо. Вообще-то, не красное, красным становится из-за крохотных трубочек, по ним несутся миллиарды красных кровяных телец. Кажется, их зовут эритроцитами. Есть еще и лейкоциты, это бледные амебы, санитары моего леса, ходят самостоя-

тельно, даже против потока крови, уничтожают чужаков, что сумели пробиться в организм через кожу и защитные кремы. Все это, эритроциты и лейкоциты, а также всякие другие ткани, все состоит из ДНК или дрожифил... нет, хромосом, их видел на фото в разных журналах, эти ДНК, или просто молекулы, в свою очередь из атомов...

Дальше стало намного труднее, череп разогрелся, лед таял, но пар в свою очередь грозил взорвать черепную коробку. Я упорно напрягал внутреннее зрение, молекулы увеличивались, становились огромными, как планеты, распадалась на куски, а те разлетались на атомные ядра... Здесь меня потрянула непонятная судорога страха, но я, сцепив зубы, озлобленно представлял себе эти атомы, а потом и вовсе увеличил один атом и пошел углубляться вовнутрь... Здесь уже полная чернота, пустота, целая вселенная пустоты, а где-то в самом центре висит крохотное атомное ядро, а вокруг него носятся... или вибрируют... элементарные частицы...

Судорога страха пронзила с такой силой, что я вскрикнул от боли, но из непонятного упрямства все еще держал внутренним взором этот страшный мир, и вдруг пришло страшное понимание, что и сам я, такой умный, сложный и замечательный, состою из пустоты, где на огромном расстоянии один от другого висят в этой пустоте, вакууме, вот эти крохотные комочки. На таких огромных расстояниях, что от одного до другого расстояние намного больше, чем от комара на Спасской башне до комара на крыше нью-йоркского небоскреба. Но между комарами хотя бы воздух, а внутри меня — вакуум, абсолютнейшая пустота, ничто... И весь я фактически — ничто, ибо частички «чего-то» занимают абсолютно ничтожнейшую часть пустой вселенной, коей являюсь я...

Я услышал хриплый животный крик. Это я, я осознал, кто я есть, что я, из чего состою, и это все в дикой панике забарахталось, завопило, забилося, но с еще большим ужасом я ощутил, что меня несут и швыряют силовые поля космического масштаба, в леденящей пустоте взблескивает, это проносятся не то фотоны, не то галактики и ме-

тагалактики, а потом я и вовсе завис в черной пустоте, в н и ч т о, а вокруг меня ледяной мрак, страшнее не придумать, здесь минус 273 по Цельсию, но я не чувствую холода, ибо то холод с точки зрения теплокровных млекопитающих, а на самом деле это не холод вовсе, это покой, это — н и ч т о.

Я висел в полной тьме. Я знал, что у меня нет ни рук, ни ног, вообще нет тела, ибо все из мяса и костей, а те из молекул, атомов, кварков, а на самом деле из... вот этой пустоты. И что меня нет вовсе. А эти крохотные дрожащие точки атомных ядер — вовсе не я, потому что из таких же точно — камни, звезды, силовые поля, сам вакуум...

Сознание гасло медленно, но неотвратимо, как гаснет свеча, как гаснет жизнь умирающей от старости собаки. Исчезли ощущения, ибо все это ложь, в этом подлинном мире не может быть ощущений, исчезли страдания и боль — атомы не страдают, значит, не страдает и существо из атомов... исчезла сама мысль, уходит ощущение моего «я»...

И в самый последний миг, когда гасла эта последняя искорка, я взмолился мысленно: но должно же быть нечто, что не дает нам умереть в тоске и безысходности? Ведь живем же? Неужели все это — обман? Не верю, что это обман! Не верю...

Не верю!

Глава 2

Целую вечность мир был кроваво-красным. Затем в середине проступило почти оранжевое пятно, наметились туманные багровые волокна, протянулись от края мира и до края. Я попробовал шевельнуть головой, и мир снова стал красным, почти багровым. Я наконец сообщил, что сейчас яркий день, солнце просвечивает мои веки, как масляную бумагу китайского фонарика.

Чтобы открыть глаза, я сделал усилие, будто поднимал

ворота «ракушки». Солнце с готовностью обожгло щеку и ухо.

Бескрайнее поле со скошенной травой... или пшеницей, кто ее знает, какая она с виду. Высокие копны или скирды, похожие на сверкающие кучи золотого песка, на самом дальнем краю поля, почти у темнеющего леса, два человека с косами в руках, несмотря на жару, мерно размахивают своими кривыми железками. Остальные, как и я, лежат в тени, дремлют, пережидают зной. В двух шагах от меня крепкий, хотя и мелковатый молодой парняга. Открытое доброе лицо, волосы русые, крупные черты лица. Рубашка распахнута на груди, парень в тени, однако ноги уже на солнцепеке, тень уходит, скоро припечет так, что парень задымится, если не проснется и не убежит раньше.

Я скосил глаза в другую сторону. Такое же поле, мы почти в середине мироздания. Домики за изгородью, важные гуси идут на водопой или с водопоя, доносится приглушенный гогот. Далекий рев скота. Шелкнуло, забавляется пастух.

Когда-то нас посылали с первого курса в колхоз на уборку урожая, но новинка не прижилась, слишком попахивала старыми временами, и потому мы две недели пили парное молоко, забавлялись с молодыми доярками, дрались с деревенскими парнями, а потом уехали, познавшие жизнь в деревне.

Я лежал неподвижно, а в голове вертелись мысли, как я сюда попал и что со мной. Похоже, своими мыслями... только не вспоминать, не вспоминать!.. уже и так холодок пошел... довел себя до временного помешательства. Наверное, лечили трудотерапией на природе, но сейчас наконец-то пришел в себя. Что со мной было — лучше не вспоминать и фото не спрашивать. Возможно, сидел в смиренной рубашке, вопил, истошно перекосив рожу, губы в пене, гадил под себя и бросался головой на стены.

Мысли неторопливые, но без усилий и задержек. Все-таки я продукт своего времени, когда уже ничему не удивляются, всему готовы дать объяснение, все принять, все

признать, со всем согласиться. Найти консенсус, как говорят. И вот сейчас я готов со всем согласиться, подписать необходимые бумаги, получить обратно свою одежду и деньги на электричку до Москвы.

Солнечная половина мира напозла на парня выше, разделив на две равные половины: нижняя, вопреки Фрейд, на жарком солнце, а верхняя — напротив, в тени. Он замычал, не открывая глаз, зачмокал, загреб что-то невидимое и потащил его или ее в район развилки весьма характерным жестом, что понятно, мне тоже на солнцепеке обычно снятся бабы.

Он открыл глаза, удивительно чистые, светло-голубые, сощурился. Толстые губы раздвинулись в улыбке.

— Эй, а ты откуда взялся?

Я промолчал, отвечать что-то рискованно, обязательно попадешь не в струю, вместо ответа я потянулся, зевнул, изображая такого же сонного увальня, что еще не пришел в себя.

В глазах парня росло удивление. Он окинул меня с головы до ног взглядом, сказал протяжно:

— Из дальних краев бредешь... У нас сроду не видели такой одежды!

Я невольно скосил глаза на свою одежду. Привычные мои джинсы люберецкой фабрики с лейблом, «сделано там-то за океаном», простенькая безрукавка... Ступни торчат босые, я ж сбросил тапочки, когда пошел чистить перед сном зубы. Впрочем, что мне сейчас шлепанцы...

Молчать дальше стало как-то даже опасно. Я сказал так же протяжно:

— Да... Из дальних.

— Меня зовут Хоган, — сказал парень. — Надо успеть заскирдовать, а то ведунья обещает через два дня ливни на всю неделю. Хоть церковь их всех... на костре, но, сам знаешь, насчет погоды обычно угадывают...

Он засмеялся заговорщицки, я улыбнулся, мол, все мы тайком что-то да нарушаем. Надо было как-то назваться, раз уж тут в ходу ники, я сказал:

— Меня зовут Дик. И в чате, и на форумах.

Парень крепко сбит, мускулистый, похожий на боксера-мухача. Рубашка из грубого полотна, такое раньше шло на мешковину, брюки и того проще, а подпоясан веревкой. Короткой веревкой. На такой повеситься не удастся, а удавить себя, держа за концы, никто не сумеет.

— Привет, Дик, — сказал он просто. — Если тебе надо где-то переночевать, то у нас просторный дом. Только помоги мне с этим стогом, а то Велган, братишка, потихоньку смылся, пока я спал... По бабам научился, молокосос!

Он поднялся, я еще лежал, но уже видел, что этот Хоган почти на целую голову ниже меня, крепкий, хотя и мелковатый в кости парень, кровь с молоком, бойкий и белозубый. Психов я представлял совсем другими. Это я куда больше похож со своей интеллигентной внешностью...

Он подхватил вилы, сноровисто полез на вершину стога. Другие такие же вилы лежат в двух шагах от стога, явно остались от молокососа Велгана, знатока по бабам. Еще оглобля, рассохшееся тележное колесо, дорожный мешок... Странное колесо. Без спиц, сплошной круг с дыркой посередине... Дальше — свезенные поближе к стогу мелкие копенки, это из них складывают огромные скирды.

— Подавай, Дик! — крикнул парень, который Хоган, весело с вершины. — Надо управиться до вечера...

Я замедленно взял вилы. Солнце жжет плечи, на голову сыплется клочья травы из-под сапог краснощекого парня. Я неумело поддел остриями вил копенку, она тут же рассыпалась. Хоган захохотал, но беззлобно, ведь я еще не отошел от сладкой дремы, все из рук валится.

Мимо меня пролетела, хищно распластав рукава, потевшая на спине рубашка. Ага, Хоган подставил солнцу белые как молоко плечи. Наверное, он все еще лечится. Я наконец зачерпнул порцию травы на вилы, с усилием зашвырнул вверх. Тупые концы вил достали Хогана в сапог, но сверху вопль почему-то не прозвучал. Я отсту-

пил на шаг и задрал голову. Хоган с вершины стога заворуженно смотрел вдаль.

— Дик, — проговорил он с великим изумлением, — Дик... там погоня?

От дороги в нашу сторону несется, как огромная птица над землей, сверкающий всадник на белом коне. На той стороне поля темным клином лес, если беглец успеет, там не найти, но беглец не успеет: его догоняют пятеро мужчин на крупных темных конях. В их руках я рассмотрел с похолодевшим сердцем узкие полоски железа.

Беглец на миг приподнял голову. Ветер злорадно сорвал с него головной платок. Ослепленный, я увидел блеснувший солнечный свет. Длинные золотые волосы заструились по ветру. И у меня похолодело сердце: по синему чистому небу несется, догоняя всадницу, еще и огромная страшная птица! Нет, у этого крылатого зверя кожистые крылья, как у огромной летучей мыши, и мохнатая голова с жутко распахнутой пастью. Крылатый зверь выдвинул прижатые к брюху лапы, разжал когти.

Легкий конь всадницы промчался от стога в трех шагах. На меня пахнуло конским потом, по ноге ударил комок сухой земли, выброшенный копытом. Я судорожно оглянулся. В красочных снах летаю или дерусь с чудовищами, иногда догадываюсь, что все снится, но, когда я наяву, никогда не придет в голову, что это сон. Во сне не бывает такой резкости в деталях, такой четкости, а здесь даже вот на рукаве кипит, опадая, клочок пены с морды промчавшегося коня...

Крылатый зверь быстро снижался. Я отчетливо видел торчащие волоски вокруг оскаленной пасти, неровные острые зубы, родимое пятно на левой ноздре, а под ним, чуть отстав, несутся со скоростью курьерского поезда тяжелые кони погони. Громадный жеребец переднего всадника свирепо раздувает ноздри, словно и не конь вовсе, а дракон, глаза, как горящие уголья, а всадник люто скалит зубы, похожие на зубы летящего над их головами зверя.

Сердце мое билось так, что едва не выламывало ребра. Вот я здесь, полусумасшедший, попавший в этот мир,

перепуганный и почему-то оскорбленный, и мне надо... Над головой промелькнула черная тень, обдало зловонием, уши резанул жуткий визг. Руки трянуло, вилы вырвало из пальцев и унесло.

Я быстро подхватил с земли оглоблю. На солнце блеснуло железо чужого меча. Руки трянуло снова, в правом плече едва не вылетел сустав. Конь с опустевшим седлом пронесся, задев меня потным боком.

Всадник ударился о землю, перекувыркнулся трижды и остался в стерне на спине, раскинув руки. Пока я решал, что мне надо, землю затрясло от грохота конских копыт. В руках всадников страшные боевые топоры на длинных прямых рукоятях, холод смерти охватил все тело, будто голым бросили в прорубь.

Я пригнулся, над головой просвистело железо. Второго всадника выбросило из седла, третий получил страшный удар в голову, а четвертый успел подать коня в сторону, а конец оглобли пришегся по конскому боку. Я услышал жалобный крик, конь рухнул вместе со всадником.

Пятый, не удержав коня, влетел в месиво бьющихся в воздухе конских копыт, выползающих людей, рухнул, придавив тяжелой тушей. Я отпрыгнул, теперь оглобля вращалась, как крылья мельницы при хорошем ветре. Один поднялся с топором в руках, страшный удар оглоблей по шлему бросил его на землю замертво.

Сзади послышался конский топот. Один всадник, что избегал оглобли, с поднятым топором надвигался на меня, готовясь к удару. Я перехватил оглоблю посередине, попятился. Всадник надвигался, смотрел угрюмо, исподлобья, топор перебрасывал из руки в руку.

Всадник, которого я сбил первым, очнулся, сумел приподняться на дрожащих руках, прохрипел:

— Харлан!.. Харлан, дурак... Догоняй принцессу...

Всадник на коне коротко оглянулся. Девушка на белом коне домчалась почти до самого леса, остановилась на опушке, развернула коня и смотрела на схватку.

— Не-е, — донесся из-под шлема такой густой бас, что у меня душа ушла в пятки. — Не... уже не догнать...

— Дур-рак, — сказал первый. Он поднялся, пошатнулся, с трудом подобрал с земли свой меч. — Убейте этого деревенщину и... Все равно ее надо догнать и убить.

Я завертел над головой оглоблю, бросился вперед, но, когда там подались, оглобля все же достала одного в плечо. Тот охнул и осел на землю.

Но остальные уже поднялись, четверо сильных мужчин, все в железных доспехах. В руках боевые топоры, а их предводитель вообще с длинным острым мечом, при виде которого охватило ознобом страха.

Я начал вертеть оглоблю над головой. Оглобля втрое длиннее руки с топором, к тому же эти все в тяжелых доспехах. Будь кто проворнее, успел бы пригнуться и быстро проскочить снизу, пока оглобля делает широкий круг, но в доспехах не до проворства...

С земли поднялся пятый. С топором в руках он пошел прямо. В круглых от бешенства глазах я видел свою смерть.

Рыцарь тоже видел, сказал резко:

— Как только ударит, бросайтесь все!

Я завращал оглоблей быстрее, готовился сразу же после удара быстро подтянуть и перехватить двумя руками посредине, чтобы отбиваться обеими концами.

Издали донесся красивый серебристый звук. Ничего более прекрасного я не слышал за всю жизнь, хотя у меня долби, а драйверы скачиваю самые новейшие по Интернету. Я невольно скосил глаза и едва не проворонил бросившегося всадника. Отпрыгнул, ударил, по рукам пробежала дрожь. Никогда не бил с такой силой, и никогда оглобля еще не попадала по таком железному столбу.

Всадник рухнул вместе с конем. Теперь я видел залившую солнцем всадницу на белом коне. Она красиво держала, запрокинув голову, изогнутый серебристый рог, и прекрасная щемящая мелодия терзала сердце и наполняла грудь сладкой болью.

— Все на него!

Дрогнув, я все же поймал концом оглобли самого ближнего, быстро перехватил обеими руками посреди, двумя концами отбиваться легче. Еще двое попятились, железо загремело под ударами, я чувствовал себя древним молотобойцем. Но в руках внезапно стало легко. Увидел торжествующие глаза совсем близко. Отшвырнув обрубок оглобли, я упал, как падают в кино крутые парни, перекатился в сторону, поймал руку с топором и выдрал из сцепившихся на рукояти пальцев топор.

И лишь когда вскочил на ноги, понял, что вот теперь, с топором в руке, совершенно беспомощен. И топор в руке какой-то не такой, не плотницкий, никогда не держал в руках подобное чудовище. Да и плотницкий, вернее — туристический держал только однажды в турпоходе.

Стук копыт прогремел, как будто несли табун. Словно из другого мира налетели всадники в железных доспехах. Их будто несло ураганом, но это был ураган из горячего металла. Я слышал тяжелые удары, крики. Всех четверых сбили с коней, отняли топоры и, как скот, согнали в кучу.

Я едва дышал, пот заливал глаза, а дыхание вырывалось из груди с жестяным скрипом. Почти ничего не видя, опустил топор и вытер рукавом лицо.

Притащили пятого, швырнули в кучу к пленному рыцарю. Тот сидел на земле, по лицу текла кровь. Одна рука бессильно висела, другой пытался вытереть кровь с глаз, но пальцы тряслись. Остальные сидели молча. Их лица были угрюмыми и обреченными.

С неожиданно явившимся спасением была девушка, которую рыцарь назвал принцессой. Это с нею четверо воинов, но я видел только ее, прекрасную, как фея из волшебной сказки, какие любят рассказывать по вечерам детям словоохотливые матери.

Трепет пробежал по всему телу. Девушка выглядит необыкновенной с ее бледным решительным лицом, огромнейшими голубыми глазами, в которых сейчас сверкает лед. В то же время у нее нежная белая кожа, пухлые губы,

длинные пушистые ресницы... все как у просто красивой девушки, которая с визгом прячется за мужские спины.

Пышные золотые волосы падают бурными потоками на плечи, струятся по спине и груди.

В сторонке раздался жуткий скрежещущий визг. Двое прибывших воинов добивали за стогом крылатую тварь. Она все пыталась взлететь, но древко всаженных по рукоять вил стучало по ногам, чудовище падало и тыкалось страшной мордой в землю.

Один сказал густым бухающим голосом, будто рядом ударили в самый огромный барабан:

— Это же гарпия!.. Асмер, ты такие здесь видел?

Второй, которого воин назвал Асмером, вытер лезвие топора о мохнатую спину зверя, ответил чистым музыкальным голосом:

— Добрались уже и сюда...

— Думаешь, нечистый уже здесь?

— Нет, — ответил Асмер звонко. — Но его посланцы, как видишь, проникают в эти благополучные земли. Осторожно, Рудольф!

Гарпия, иссеченная на куски, все же ухитрилась вцепиться в сапог этого Рудольфа длинными желтыми зубами и так издохла. Рудольф, низкорослый, но невероятно широкий мужик весь в огненно-красной бороде настолько, что я видел только глаза, да и те поблескивают, как у ризеншнауцера, через рыжие лохмы бровей, с проклятиями бил рукоятью топора в оскаленную морду, пытался расцепить застывшие в смертном окаменении челюсти.

Асмер мелодично похохатывал. Невысокий, тонкий, он показался мне жидкой молнией, даже неким компьютерным спецэффектом, что может моментально менять форму, двигаться с любой скоростью, у которого по определению не может быть застывшего узаконенного облика.

Смуглый, зеленоглазый, он посмотрел на меня хитро, подмигнул.

— Да отцепись же, тварь! — заорал рассвирепевший Рудольф.

Я присел, ухватился обеими руками за челюсти. Ощущение знакомое, я сотни раз так расцеплял пасть отцовскому ротвейлеру, когда он подбирал какую-нибудь кость и пытался втихую сожрать.

Челюсти разжались без скрипа, какое там окоченение за пару минут. В сапоге круглые дырочки, словно пробитые пулями.

— Не больно? — спросил я.

Рудольф наступил, буркнул:

— Малость побаливает. Что за зубы, что за зубы...

Я выпрямился, оказалось, что я почти на голову выше этого силача. Вряд ли ему это понравилось, но он взглянул на меня благосклонно, крепкая ладонь в железной перчатке больно ударила по плечу.

— Молодец, парень!

Плечо заныло, я пробормотал:

— Благодарю вас, сэр.

Асмер покачал головой, взгляд его, брошенный на Рудольфа, был полон укоризны. Но на меня оба посмотрели с некоторым уважением. Наверное, я должен не то сломиться в позвоночнике после такого хлопка по плечу, не то по ноздри уйти в землю.

К пленным подъехал на рослом коне высокий рыцарь в настоящих стальных доспехах странного серебряного цвета. Высокий, красивый, с благородным и надменным лицом. Крупные холодные глаза смотрят с брезгливой надменностью. Массивная нижняя челюсть вызывающе и надменно выдвинулась вперед. И хотя это явно мой спаситель, у меня сразу появилось желание двинуть в эту челюсть. Губы как будто выкованы из темной меди, по углам твердые складки, а на подбородке даже не ямочка, а противотанковый ров, разделяющий подбородок надвое.

Холодный чистый голос с металлическим оттенком прозвучал ровно и беспощадно:

— Во имя Господа, что заставило вас напасть на нас, бездомные бродяги?

Пленный рыцарь поднял голос, голос его звучал зло и раздраженно:

— Осторожнее со словами!.. Я — герцог Морвент, властелин этих земель!

Рыцарь на коне медленно наклонил голову:

— Сэр Ланзерот, благородный рыцарь, к вашим услугам. Что заставило герцога напасть на путешественников, что мирно проезжали своей дорогой, никому не нанося ущерба, не задевая ничьей чести, не оскорбляя ничьих святынь?

Герцог бросил взгляд на принцессу. У меня сразу зашлось сердце, но в груди поселился страх. Герцог Морвент! Властелин, как он сказал, всех этих земель, хозяин ближайшей деревни, где наверняка он царь и бог... И где мое племя, не знаю, что тут за век, но явно я в его власти! Черт, зачем сшиб с коня самого герцога?.. И еще пару раз сбивал с ног уже на земле. И вот сейчас кровь на его морде... да не от рыцарского меча, такими ранами гордятся, а от оглобли. Черт, а как же мое кредо насчет хаты с краю?

Со стога слез Хоган, лицо бледное, глаза вытаращены, челюсть отвисла. Приблизиться к господам не посмел, смотрит на меня, как на висящего уже на дереве.

Герцог ответил надменно:

— Это мои земли. Здесь я хозяин!

Серебряный рыцарь поинтересовался холодно:

— Причина нападения только в этом?

К нему подъехал второй воин, на полголовы ниже, но вдвое шире и такой огромный, что тяжесть грозила вдавить коня в землю. Если у Ланзерота лицо вытянуто по вертикали, как будто на экране сбилась фокусировка, то этот растянут как в плечах, так и в морде. Голова — настоящая скала из гранита. Эволюция с ним не церемонилась: одним ударом прорубила щель для глаз, надбровные дуги так и остались нависать скальным уступом, грубо тесанула короткий нос, рот, все остальное вовсе без обделки, просто неотделанный камень.

Голова на плечах сидит почти без шеи, так мне показалось, потом сообразил, что чудовищная шея просто переходит в могучую спину и широченные плечи. Грудь его напоминала лобовую броню танка высокой проходи-

мости, на которой навешаны добавочные стальные пластины для кумулятивных снарядов.

Он что-то сказал негромко рыцарю, назвавшемуся Ланзеротом. Тот кивнул, сказал с холодной брезгливостью:

— Убирайтесь, собаки!.. Ваше счастье, что никто из наших не пострадал. Иначе сам король Азалатарк не защитил бы тебя, погань.

Герцог поднялся, глаза его с ненавистью впились в лицо блистающего рыцаря.

— Мы еще встретимся.

— Сомневаюсь, — ответил Ланзерот брезгливо. — Я не бываю в свинарниках. Убирайся, пока мои люди не передумали.

Люди герцога быстро подвели ему коня, тот с их помощью влез в седло. Вся группа удалилась, стараясь безуспешно сохранить остатки достоинства. Рыцарь обернулся к принцессе:

— Надо ехать, ваша светлость! Господь милостив, но мы непростительно задерживаемся.

Старый воин тронул его за плечо. Я рассматривал его во все глаза, как ожившего динозавра. Талию, конечно, на таком гиганте искать бесполезно, но на широком поясе, усеянном металлическими бляхами, висит кинжал, короткий нож, фляга с вином, а с другой стороны — устрашающего вида топор с широким лезвием.

Если на Ланзероте кожаные брюки, то на этом — кожаные штаны. Сапоги великанские, на толстой подошве, такая выдержит и противопехотную мину, а за голенищем еще один нож с простой деревянной ручкой. Чисто выбрит, но все равно щетина торчит, как на спине дикого кабана. Голос рыкающий, низкий, бухающий, словно вдали кто-то бьет в огромный барабан.

— Что тебе, Бернард? — спросил рыцарь недовольно.

Воин кивнул в мою сторону. Рыцарь оглянулся, несколько мгновений изучал меня, молодого простоватого парня. Я ощутил, как над миром настала звенящая тишина. Наконец рыцарь сказал с некоторым удивлением:

— Не думал, что в этих землях найдется хоть один...
Ты славно дрался.

Я поклонился:

— Спасибо на добром слове, благородный господин...
Ланзерот.

Рыцарь сунул руку в кошель на поясе. В его пальцах блеснула монета, он готовился ее по-королевски бросить, но старый воин, которого Ланзерот назвал Бернардом, сказал негромко:

— Ланзерот, опомнись... Это ли нужно парню?

Рыцарь поморщился.

— Ты о чем?

— Парню здесь больше не жить, — прогудел Бернард так, будто отзывался из глубокого склепа. — Земли герцога!.. А это его люди. Он волен... он все волен! Ты думаешь, доживет до завтра тот, кто поднял на него руку?

Рыцарь поморщился снова, но его глаза оглядели меня чуть внимательнее.

— Если и доживет, — ответил он, — то лишь для забав в его застенках. Этот герцог — палач, по морде видно. Ты прав, парню здесь не жить.

Я стоял как в воду опущенный. Они говорят обо мне спокойно, как о козе на базаре, которую можно оставить на молоко, а можно и пустить на мясо.

— Возьми под защиту, — рыкнул Бернард.

Ланзерот покачал головой.

— Нет.

— Ланзерот, почему?

— Ты же знаешь, куда едем и что везем.

Бернард усмехнулся.

— А кто сказал, что возьмем с собой? Просто дадим защиту на время, пока минует эти земли. А потом оставим в какой-нибудь деревушке. Парень молодой, а какой здоровенный, погляди! Ему все будут рады. Пару золотых хватит, чтобы обосноваться на новом месте и даже прикупить пару коров или стадо овец.

Ланзерот в сомнении качал головой. Я дернулся, сзади и слева словно вспыхнул свет, озарил лица. Даже у

Бернарда гранитное лицо осветилось, а в дзотах заблестели искры глаз. Воины раздвинулись, в проходе появилась принцесса.

Теперь, стоя на земле, она показалась удивительно маленькой, хрупкой, миниатюрной. И хотя на каблучках, но ее макушка вряд ли достала бы мне до подбородка. Огромные чистые глаза смотрели с дружеской симпатией.

— Мы не оставим его на расправу, — сказала она твердо. — Господь отвернется от нас!

Рыцарь быстро взглянул в ее решительное лицо. В глазах все еще было сомнение, но спорить не решился, сказал жестко:

— На колени!

Меня ударило, как хлыстом. Я опустилсЯ раньше, чем понял, что делаю. Я читал в старых романах фразы, что вот, мол, зашел в зал человек, у которого лицо человека, рожденного повелевать, но пропускал их мимо сознания, как литературный эпитет. Но у этого Ланзерота даже голос именно рожденного повелевать, я опустилсЯ беспрекословно, опустилсЯ сразу. Правда, на одно колено, на второе оперсЯ обеими руками, готовсЯ вскочить, но увидел глаза Бернарда и... остановилсЯ в движении.

— Делай, что тебе говорят, — рыкнул Бернард. — Иначе за твою шкуру не дам и дохлого жука!

Принцесса сказала громко и властно:

— Как тебя зовут? Дик? Ричард-простолюдин! Ты выказал отвагу и благородство, что свойственны только очень мужественным людям. Посему я принимаю тебя под свое покровительство, а также твою присягу на верность!

В голове пронеслись суматошные мысли, сердце заколотилось, но не от страха — от злости и возмущения. Я уже давал однажды присягу, когда не удалосЯ закосить от армии. Почти все из моего класса сумели, кто в самом деле по болезни, кто откупилсЯ, кто через суды добилсЯ альтернативной, а я честно отпахал два бесконечных года, теперь с содроганием вспоминаю этот бесконечный кошмар, сделавший меня демократом до мозга костей.

Тогда тоже все начиналось с присяги, когда вот так же на колено с целованием знамени...

Бернард сделал шагок ближе. Я увидел его лицо и вспомнил, что это Средневековье, в Средневековье все повязаны присягой, абсолютно все. Свободен только король, да и тот присягал стране, богам, народу. Все остальные — вассалы друг друга, так это называется, вассалы и сюзерены, а каждый сюзерен — вассал более высокого вассала, который для него сюзерен, а для высшего — вассал, и так вплоть до короля. Даже король — вассал императора, если здесь есть император...

Я услышал тихий шепот, Бернард говорил как можно незаметнее, двигая только половинкой рта:

— Повторяй все... Повторяй все. Ни с чем не спорь.

— Клянешься ли, — спросила принцесса, — хранить верность?

— Клянусь, — сказал я не своим голосом. Глядя на нее, я готов был поклясться в чем угодно. — Клянусь!

— Обязуешься являться на зов немедленно? Даже если надо оставить дом и семью?

«Какую семью», — мелькнуло в голове, но сказал тем же чужим голосом:

— Да-да, клянусь...

— Клянешься ли и дальше так же отважно защищать честь и достоинство принцессы Азаминды?

Я поднял на нее глаза:

— Да, клянусь!

Принцесса произнесла сильным, звонким голосом:

— Я же клянусь защищать тебя с этой минуты и до конца моих дней. Отныне мой замок и мои земли всегда дадут тебе убежище, а все мои люди придут на твою защиту. Отныне я твой сюзерен. Аминь!

Глава 3

Хоган опасно обошел всадников, побежал, прячась за скирдами, со всех ног к далеким домикам. Рыцарь и его воины тяжело взбирались на коней. Хотя в полных ры-

царских доспехах один Ланзерот, остальные в стальных панцирях, а руки от плеч покрывает кольчуга, но железа на них побольше, чем на современных командос.

Бернард кивнул мне.

— Иди рядом. Мы пройдем мимо деревни.

Я оглянулся на стог, на скошенную траву. Все еще не укладывается в голове, все это Средневековье, драка, крылатая гарпия, божественная принцесса, эти суровые рыцари... Похоже, в размеренном мире «моей» деревни никогда ничего не происходило, а если кого и выдавали замуж в соседнюю деревню, то оплакивали, будто проводжали на край света. Мне проще бы освоиться здесь, понять, что со мной случилось и как выбраться обратно.

Справа и слева двигались блестящие конские бока, в стременах покачиваются сапоги из грубо выделанной кожи. У Бернарда поверх кольчуги еще и стальные пластины на руках, а также щитки, как у хоккеистов, защищающие голени. Я никогда не видел столько железа на людях. И чувствовалось, что это не тонкие листочки металла, которые можно пробить острой палкой, на этих людях настоящие наковальни.

И кони... таких коней я тоже не видел. Не только крестьянские лошаденки не годятся для сравнения, даже кони герцога и его людей кажутся крестьянскими лошадками рядом с этими зверями. А те, которые на Олимпийских играх, слишком тонконогие и изнеженные, они пали бы под этими закованными в железо людьми...

На дороге от далекого замка появилось облачко пыли, росло, быстро приближалось в нашу сторону. Из пыльного облака вынырнули бешено скачущие кони. Потом мне все закрыл могучий круп белого жеребца Ланзерота, еще впереди весело помахивает хвостом лошадка принцессы, но справа на огромном коне высится тяжелая башня из железа, это он, Бернард, прогудел предостерегающе:

— Ланзерот, герцог оказался шустрым...

Ланзерот откликнулся, не поворачивая головы:

- Стыдно для герцога пасть до мести простолюдину.
- Даже такому, — буркнул Бернارد.
- А что с ним? — донесся холодноватый голос.
- Да ты взгляни на него...

Ланзерот не ответил, но я чувствовал, что он так и не взглянул в мою сторону. Я на всякий случай постарался сгорбиться, пошел на полусогнутых.

Впереди Ланзерот натянул поводья. Я видел в просвет между его конем и лошадей принцессы, как герцог оставил коня на полном скаку, поднял на дыбы. За его спиной пятеро воинов, а еще тучный человек в пестром наряде, без доспехов, в красной шляпе с павлиньим пером.

Похоже, герцог намеревался стоптать меня конем или же осадить жеребца прямо передо мной, но Ланзерот невозмутимо загораживал дорогу, а рядом с блистательным рыцарем сидит принцесса и смотрит на герцога, как на пустое место.

— Прочь, — выкрикнул герцог зло. — Это мои земли! И мои крестьяне!

Он сделал знак толстяку в шляпе с павлиньим пером. Тот, крихтя, слез с коня. Спешились и пятеро воинов, начали протискиваться в мою сторону. Бернارد и еще двое воинов достали топоры и молча загородили дорогу. Я помедлил, терять нечего, поднял с земли обломок большой толстой палки.

Герцог сказал злорадно:

— Я счастлив представить шерифа этих земель, верного слугу императора Вильгельма Блистательного!.. И горе тому, кто посмеет противиться его указам. Слово шерифа — это слово самого императора!

Ланзерот холодно усмехнулся. Его рука медленно, очень медленно тащила из ножен меч. От сверкающей полосы стали исходил странный свет, словно меч из льда, стального льда. Все застыли, глядя на это чудесное лезвие. Даже я, далекий от всякого оружия рыцарей, сразу ощутил, что этот меч прорубит любые доспехи, как мой деревянный меч в детстве просекал листья чертополоха.

Шериф вытарашил глаза:

— Он готов противиться мне! Мне — шерифу... Да за это мало виселицы! За такое колесуют, да за это...

Он задохнулся, герцог злобно усмехался.

— Назад, — произнес Ланзерот надменно. — Этот человек принес присягу принцессе. А мы ее вассалы. Всякому, кто предъявит на него свои права, по императорскому указу придется скрестить мечи со мной, ее вассалом.

Бернард бухнул гулко:

— Со всеми нами.

Он взвесил на ладони огромный топор. Редкий человек смог бы удержать такой даже двумя руками, но этот гигант держит, как прутик.

Герцог побледнел, конь под ним слегка попятился.

— Что значит... принес присягу?

Шериф опасно отступил. Я сообразил, что теперь уже он чуть ли не нарушитель закона: посягнул на чужое имущество. Его люди попятились, герцог оказался впереди один.

Ланзерот сказал с оскорбительной вежливостью:

— Так вы готовы, подлый лжец, оружием доказать, что этот человек — ваш?

Он поиграл мечом, бросая блики на сразу вытянувшееся и смертельно бледное лицо. Шериф вскинул руки.

— Стойте, стойте! Властью, данной мне императором, закон здесь я! Если этот человек принадлежит герцогу, то он должен повиноваться герцогу. Если успел принести присягу вам... чертовски хитрый ход, признаю, то мы об этом не знали. Поэтому считаю инцидент исчерпанным!.. Если только герцог не возжелает отстаивать мечом свои права на какого-то вонючего простолюдина, которых у него и так тысячи. Что, по-моему, излишне.

Конь под герцогом попятился, ему передалась дрожь хозяина. Наконец герцог выдал сквозь зубы:

— Нет, я на него не претендую.

Его люди поспешно и с облегчением вскакивали на коней. Шериф пристально посмотрел на меня, на Ланзерота, а потом сказал негромко, обращаясь почему-то к принцессе:

— Но мне кажется, лучше бы вы этого не делали.

Бернард громыхнул:

— Почему?

— Такие люди приносят много бед, — ответил шериф.

— Вы так думаете?

— Я шериф потому, что умею разбираться в людях.

Он поклонился и отступил. Герцог уже удалялся, спина его была прямая, солнце блестит на металлических латах, но мне почудилось, что герцога окружил странный сумрак. Герцог оглянулся, его взгляд отыскал принцессу. Мне показалось, что она вздрогнула и закусила губу.

Лансерот проводил его задумчивым взглядом. Холодное высокомерное лицо выражало не больше, чем вершина снежной горы. Не поворачивая в мою сторону головы, бросил повелительно:

— Мы остановимся на привал на опушке леса. Там ручей... наверное, там и заночуем. Но с первыми лучами солнца пыль взвьется под копытами наших коней! Если тебя не будет с нами к этому времени, ты станешь клятвопреступником.

А Бернард предупредил:

— Много вещей не бери.

А красивый воин, который с нежным лицом, сказал удивительным музыкальным голосом:

— Вообще ничего не бери. И так тащим...

Я попятился. Да, это понятно, теперь мне лучше убраться из этой деревни как можно быстрее. По крайней мере надо побыть под защитой их мечей и их рыцарской спеси, пока не соображу, что со мной, куда я попал и как выбраться. А в деревне вряд ли отыщешь способ, как выбраться в свой мир.

Но и сказать вот так, что иду с ними прямо сейчас, позорительно. Я чувствовал, что бледнею и краснею попеременно, а то и покрываюсь гусиной кожей.

— Я... я только... попрощаюсь, — сказал я.

Надо бы припустить к далеким домикам бегом, но я не знал, какой из них «мой», пошел медленно, потому услышал за спиной брезгливый голос рыцаря:

— И ты думаешь, этот простолюдин решится оторвать задницу от своей теплой лежанки?

— Нет, — ответил другой голос, тяжелый, с нотками медвежьего рева. — Но мы дали парню шанс.

Принцесса, похоже, ничего не сказала. Мне показалось, только сердито сверкнула глазами и потрепала по шее свою красивую лошадку. Рука у принцессы тонкая, нежная, белая, но, похоже, уже умеющая крепко держать поводья коня.

Солнце уже опустилось за горизонт, на землю легли красные тревожные сумерки.

Я все замедлял шаг, домики в один ряд вдоль дороги, а по ту сторону поле, огороды, сады, луг, где пасется огромное стадо коров, мелких и невзрачных, здесь еще не слышали о селекции, тем более — о генетике и клонировании...

За огромным тусклым сараем я опустился на землю. Справа и слева огромные лопухи, слона можно укрыть, задумался. Считать, что я отъехал или поплыл, как выражаются любители наркоты, не стоит. У меня такая особенность, что в большинстве случаев я точно знаю, что сплю и вижу сон, что позволяло во сне чинить всяческие непотребства. Обычно я летал и заглядывал в окна, а когда видел молодую женщину, то бросался на нее, зная, что все безнаказанно, стоит лишь проснуться...

Но сейчас все реально, четко, зримо. Я в этом мире. Как попал, сдвиг ли в пространстве или же чья-то злая воля сюда перебросила — это другое дело. С этим надо разобратся, но это потом. А пока что надо понять, что дальше. Ясно, оставаться здесь нельзя, а защита, которую мне предложили, пусть на время, как раз то, что мне нужно.

Похоже, сейчас новолуние, или, как говорила моя бабушка, «месяц нарождается»: небо чистое, масса звезд, но луны нет вовсе. Зато звезды заливают мир странным трепещущим светом, а мои глаза уже почти привыкли...

Ладно, я насиделся достаточно. Будем считать, что

попрощался с плачущей матерью, угрюмо посасывающим трубочку отцом, а младших братьев и сестер будить не стал. И вот сейчас я бесшумно выскользнул из дома, чтобы не увидели соседи, и задами пробираюсь в поле...

Пока шел через поле, различал каждую кротовью норку, но едва вошел в лес, чернота скрыла все. Я двигался, выставив перед собой руки, но все равно сучья ухитрились обогнуть мои растопыренные пальцы и ткнуть в лицо.

Из-за деревьев донесся глухой вой, а я почему-то считал, что в таких благополучных краях последних волков должны бы поистребить. Над головой то и дело проносились темные тени, закрывая звезды. Я вспомнил ту страшную тварь, что гналась за принцессой, плечи сами перевернулись, а холодная дрожь пронзила от макушки до пят.

Внезапно из темноты голос проревел насмешливо в самое ухо:

— Куда прешь!.. Бери левее.

Я узнал грубый голос Бернарда раньше, чем в испуге бросился наутек. Тьма со всех сторон, я в отчаянии пялил глаза, наконец из тьмы прозвучал звонкий музыкальный голос:

— Дуй прямо. Там костер.

Шагов через пять я едва не влетел в россыпь багровых углей, от которых шел сильнейший жар. Дно широкой ямы заполняли пурпурные комья, похожие на рубины с кулак размером, багрово освещали земляные стенки. У костра ни единого человека, все в тени. Неужели не спят?

Попробовал сидеть перед ямой с углями, показалось глупо, лег, благо воздух прогретый, а земля сухая и теплая, но сон, понятно, не шел, да я и не звал.

Глаза уже привыкли к сумеркам, а тут еще восточный край неба посветлел, из тьмы медленно выступили очертания повозки с огромными колесами почти в рост человека. Кони фыркают и хрустят ветками неподалеку. Еще дальше белеет нечто, похожее на клубы плотного тумана.

Оттуда пахло животным теплом, я рассмотрел крупных рогатых быков. Или волов. Один уже поднялся, медленно поворачивал тяжелую, как башня танка, голову, остальные застыли огромными белесыми валунами.

Первым из тьмы появился воин, которого называли Рудольфом. Из того же теста, что и заступивший за меня Бернард, теперь он казался даже медведистее Бернарда, на полголовы ниже, но еще шире, массивнее и, в отличие от выбритого Бернарда, весь покрытый, как лесной зверь, красной, что отразилось в имени, шерстью. Разве что нос еще не весь утонул в рыжих джунглях. На месте рта вроде бы угадывается щель в рыжих буйных зарослях. Те редкие полоски, где шерсть не росла, показались мне сожженными солнцем, будто Рудольф был особо чувствительным к солнечному свету эльфом или гномом. Красная борода широка, как веник, торчит во все стороны. Такие же пурпурные под цвет заката волосы падают на лоб, даже кустистые брови прячутся под волосами, глаза смотрят зорко из глубоких щелей под скальным навесом надбровных дуг. Да и высокие и широкие скулы, похожие на обкатанные морем валуны, готовы принять удары. Он выглядел надежной крепостью в человеческом облике.

Я ощутил на себе его пристальный взгляд, затем Рудольф ушел в сторону спящих волов, у костра как из-под земли возник Асмер. Невысокий, тонкий, смуглый, он снова улыбнулся так же молча и загадочно, исчез. На фоне светлеющего звездного неба его фигура тоже показалась исполинской. В той стороне стукнули копыта. Я приподнялся на локте, Рудольф пинками поднимал волов. В повозке распахнулся полотняный полог. На землю неловко слез высокий, сутулый, очень худой человек, с неопрятными седыми волосами, обширной лысиной. Лицо его показалось мне острым, как лезвие топора, глаза посажены близко к переносице. Нос, как клюв, губы тонкие, злые, кожа желтая. Он сразу закашлялся от свежего утреннего воздуха, на губах появилась кровавая пена. Даже в слабом рассвете было видно, что лицо посинело. Но для меня имела значение только его одежда:

длинная до земли сутана или ряса, черная, по которой сразу узнаешь попов, неважно какой конфессии.

Его острые злые глаза воткнули в меня взгляд с такой силой, что я ощутил покаяние. Я невольно поднялся, он подошел быстрыми шажками, согнутый, похожий на коршуна.

— Ты? — сказал он пронзительным голосом. — Это тебя наши недоумки увозят отсюда?

Я поклонился.

— Им виднее.

Он всмотрелся в меня, глаза его расширились. Он побледнел, отступил на шаг. На лице проступила гримаса страха. Оглянулся, будто ища помощи, вскрикнул еще визгливее:

— Недоумки!.. Кого вы пригнали?

Подошел Бернард, угрюмо посмотрел на меня, на священника.

— Отец Совнарол, если бы не он, то принцесса... гм...

Священник заявил громогласно:

— Бывает, лучше погибнуть от когтей Тьмы, чем принять от нее руку помощи!

Бернард поморщился, но посмотрел на меня вопросительно. Появился Ланзерот, за ним Рудольф. От меня ждали ответа, я переступил с ноги на ногу, жалко улыбнулся, развел руками:

— Ну какая из меня Тьма?

Священник взвизгнул:

— Я вижу!.. Я зрю! Меня не обманешь, прихвостень Сатаны!.. Я зрю за твоей спиной клубы Тьмы, кривляющиеся рожи бесов, слышу их хохот!.. Принюхайтесь, разве не слышите, слепцы, запах серы и адской смолы? Не чувствуете дыхание ада?

Бернард и Ланзерот разом перекрестились, а Рудольф еще и пробормотал молитву. Только Асмер смотрел на меня с сочувствием, но помалкивал. И тут снова полог отлетел в сторону, из повозки выпрыгнула легко и красиво принцесса Азаминда.

Сердце мое, окаменевшее уже давно, задрожало жалко, встало на задние лапки. Сейчас все женщины стремятся быть еще сексуальнее, сексапильнее, эротичнее, порочнее, откровеннее, натуральнее, фабрики и заводы пашут в три смены, создавая эротичные мази, духи, дезодоранты, научно-исследовательские институты ломают головы, чтобы сделать еще эротичнее и сексуальнее, а я смотрел на это воплощение чистоты и непорочности, грудь моя разорвалась с треском, я чувствовал, как забилося окровавленное сердце, как ему захотелось служить, подчиняться, быть в плену этой чистоты и целомудренности.

Безукоризненное аристократическое лицо с нежной белой кожей, несмотря на палящее солнце, вздернутые тонкие брови, удивительно красивые арки, крупные синие глаза в обрамлении длиннющих, как стрелы, ресниц с загнутыми кончиками, красивый рот и водопад золотых волос, что крупными локонами падают по плечам, падают и падают, солнечные зайчики скачут в каждой пряди.

Ее золотые волосы были красиво перехвачены на лбу голубой лентой, сзади падали роскошной волной на спину. Она подбежала к нам, лицо покраснелось, глаза полыхали гневом.

— У меня тоже есть чутье! — сказала она резко. — Да, он какой-то странный... Но он пришел нам на помощь, не думая о себе. И я не считаю, что это было нарочно, чтобы внедрить в наш отряд... врага!

Священник затрясся, глаза полезли из орбит. Назревала ссора, но Бернард воздел обе ладони, широкие как весла галеры, сказал густым медвежьим голосом:

— Мы этого парня возьмем с собой до ближайшего села, куда не дотянутся руки Морвента. Это устроит всех?

Священник хрипел в ярости, глаза его испепеляли меня. Лансерот окинул меня недоброжелательным взглядом, но не снизошел до брани, повернулся и пошел в сторону коней.

Бернард посмотрел ему вслед, сказал торопливо:

— Пора запрятать. Мы что-то задержались.

Все, даже принцесса, отправились к волам, запрягали и взнуздывали коней. Седлали, затягивали на их брюхах широкие ремни. Я отступил в сторонку, чувствуя себя жалким и ненужным. Я и в турпоходе не умел натянуть палатку, ловить рыбу, варить уху, а здесь все суетятся слаженно. Все, как муравьи, делают одно общее важное дело.

Неслышно появился Бернард. Буркнул неприветливо:

— Возьми одну из запасных лошадей.

— Ка... какую? — спросил я, запинаясь.

— Да любую, — ответил Бернард. — У наших коней крепкие спины.

К счастью, Асмер помог выбрать крепкого гнедого жеребца, спросил, умею ли верхом. В голосе звучала такая насмешка, что я, вспыхнув до корней волос, ответил, что умею, хотя за всю жизнь только дважды взбирался на конские спины. Больше просто не приходилось. Разве что когда в ту единственную поездку в подшефный колхоз купали лошадей, забирался на спину, даже устраивали гонки, но то без седла, на мокрых конях, недолго... А сейчас я взобрался на огромного коня, сильного, выносливого, это видно сразу, достаточно только взглянуть на сухие жилы, тугие мышцы.

В повозку запрягли шестерых волов. Ланзерот и Бернард помогали Асмеру и Рудольфу, но потом те остались с телегой, а Ланзерот и Бернард поехали впереди. Принцесса исчезла в повозке. Я подумал, что принцессу могла бы повезти и коза, а шестеро волов — чересчур, но смолчал.

В лесу по обе стороны тропки пошли, отступая за спины, спокойные, уверенные в себе деревья, не знающие пожаров, топоров дровосеков. За их спинами белели березки, прижимался к земле темный ельник. Я старался удержаться в седле, присматривался к своим спасителям. Все в железе, тяжелом и неудобном. Правда, только Ланзерот в металле от макушки и до пят, даже на руках не латные рукавицы, а настоящие перчатки, разве что с внутренней стороны тонкая ткань, иначе хотел бы я посмотреть, как удержит меч, а Бернард и Рудольф всего лишь в панцирях, надежно закрывающих грудь и спины, железо

надето поверх кожаных камзолов. Оба в толстых кожаных штанах, таких же чулках из потертой кожи, даже башмаки такого же цвета, словно все из одного куска кожи.

И хотя Бернард спас мою шкуру, я его инстинктивно сторонился. У него вид человека, который на все перед собой смотрит как на препятствие, которое нужно повергнуть, сломать, растоптать, а я, человек эпохи консенсуса, напротив — избегаю конфликтов любой ценой. Ну, не любой, это так говорится, я все же пока не готов по первому окрику встать в известную позу и стараться получить удовольствие, но все же если есть возможность избежать конфликта, я заранее выберу нишу, втянусь туда и предпочту наблюдать на экране ящика в виде репортажа из «горячих точек».

Асмер и в седле постоянно двигался, оглядывался, улыбался, подмигивал, двигал бровями, руки его ощупывали пояс, карманы, а на далекий горизонт он посматривал с таким видом, словно и его готовился ощупать, подправить линию, где портит горный хребет, заодно смахнуть с неба неряшливых птиц и по-другому расставить облака.

Я напомнил себе, что здесь нет Интернета, где из шести миллиардов двуногих могу для общения выбрать самых совпадающих с моим характером и вкусами, здесь лопай что дают, а не хочешь — подыхай, потому зажал сердце в кулак и заставил коня догнать Бернарда. Тот не обращал на меня внимания, еще бы, я ж простолюдин, а он все-таки воин. Не рыцарь, но один из людей принцессы, а это высокая ступень. Я украдкой приглядывался к его широкому мясистому лицу. Такое же у добряка Матвея Павловича, отца Сергея, но если лицо Матвея Павловича испечено из теплого мягкого хлеба, то у Бернарда высечено из гранитной скалы. И все равно смотрится почти красивым. Голливудские ричардгиры осточертели.

Рыцарь в их отряде только один, но Бернард, Асмер, Рудольф едут с достоинством благородных лордов. В то же время сэр Ланзерот не гнушается сам седлать своего коня, осматривать ему копыта. Похоже, вообще не разде-

ляет работу на благородную и простолюдную, если дело касается коня или оружия.

Я украдкой всматривался в их посадку, копировал манеру держать поводья левой рукой, чтобы правая была всегда возле рукояти оружия. Меча не дали, даже боевой топор не доверили, но Бернард вручил кинжал из сырого железа, и я кое-как прицепил к поясу. Пальцы то и дело сами шупают рифленую головку, по телу странная сладкая дрожь.

Повозка движется, похожая на просторный курятник, поставленный на четыре огромных колеса. Я вообще-то впервые вижу повозку с дощатыми стенками. У нас телеги и подводы... да что там подводы — даже зимние сани и то открыты при любом морозе, а что уж говорить о телегах! Это иногда в фильмах-вестернах видим фургоны, крытые полотном, похожие на передвижные парники, но там легкая ткань, а здесь чуть ли не прототип ленинского броневика...

Настоящий сарай на колесах, даже дверца обычная, сарайная, только ручка деревянная, все-таки железо в этом мире — признак роскоши... За повозкой — четверо коней, так называемые заводные.

Впереди дорога расширилась, деревья ушли далеко в стороны. Я заставил коня догнать головную группу. Да, с конем освоился, это проще, чем водить машину. Правда, машины у меня нет и не было, но друзья давали покрутить руль, и это получалось. Что еще? Я вообще-то ростом даже ниже среднего, но здесь почему-то чувствую себя почти гигантом. Правда, если учесть, что рыцарские доспехи самых видных ричардов с львиными сердцами налезают сейчас разве что на десятилетних подростков, то понятно, что общая акселерация в последние сто лет сыграла в мою пользу. При всей анемичности я все же покрепче большинства жителей этого мира, не знавшего витаминов и джинтропина.

И уже начинаю догадываться, что уроки физкультуры в детском садике, в школе и два года армии тоже что-то дают.

И тут меня пронзила судорога, а волосы встали дыбом. Да, но по небу тогда неслась чудовищная мышь с кожистыми крыльями метра три в размахе! Ни в каком Средневековье не было таких тварей. А ей хоть и удивились, но лишь потому, что не туда залетела или не при той погоде. Какое-то странное Средневековье. О нем ничего ни в старых летописях, ни в пыльных манускриптах, ни в пересказах латинских авторов.

Я тогда воткнул вилы в брюхо совершенно инстинктивно. Ну как бы бросил палку или камень в бегущую за испуганной девушкой собаку. И так же на рефлексах оглоблей защищал ее... Девушку, а не собаку, от вооруженных всадников. И хотя в своем мире вряд ли рискнул бы задраться даже с одним сопляком, все они обкуренные и нанюханные, ничего не понимают и ничего не боятся, но здесь все так необычно, что и я, типичный конформист двадцать первого века, вел себя необычно. Вернее, обычно для этого мира.

Я решился оторвать руку от поводя, пальцы легонько коснулись шеи коня.

— Я тебя люблю, — прошептал я на всякий случай. — Ты сильный и красивый...

«Не конь, — мелькнула опасливая мысль, — а настоящий зверь». Мышцы перекачиваются под гладкой кожей, как валуны, шея толстая, ноги тоже толстые, но все перевито жилами, а грудь широка, как у самого могучего быка. Это для коров в этом мире нет селекции, ведь коровы принадлежат простолюдинам, а вот коней разводят, похоже, в особых собачьих питомниках. Или конятниках. И скрещивают только медалистов с медалистами.

Дорожка вилась по лесу, ей спешить некуда, волю тащатся неспешно, уверенно, спокойно. Я начал успокаиваться, хотя череп раскалится от попыток уложить все в нужные ниши. Понять ничего не понял, зато постепенно ощутил, что сижу на коне почти так же гордо и с достоинством, как остальные. Правда, конь идет шагом.

Лансерот в седле держится как вбитый в седло столб из серебра, а вот Бернард и Рудольф слегка покачивают-

ся, как моряки на палубе, даже не замечая движения мускулов своих тел. От Бернарда донеслось размеренное:

— И все-таки можно радоваться. Да-да, радоваться... Даже ликовать.

— Чему? — спросило красное рыжее лохматое чудовище по имени Рудольф.

— Ты же видишь, под ноги лезет всякая шваль.

Бернард сказал угрюмо:

— Пока что.

— Пока что, — согласился Рудольф. — Потом, конечно, пошлют противников посильнее. Может быть, уже послали. Так что сегодня еще можете спать, как спят в этом сонном королевстве. Но уже завтра надо держать нос по ветру.

— Завтра еще рано, — возразил Бернард.

— Ну, послезавтра, — согласился Рудольф таким низким голосом, что я ощутил инфразвуковой удар в барабанные перепонки.

Глава 4

Деревья ушли за спину, мы выехали на простор. Я даже откинулся в седле. Изумрудно-зеленый мир, иссиня-синий и оранжевый всех оттенков — он раскинулся во всей первозданной красе: необъятный и сверкающий. Чистый, нетронутый. Такого я никогда не видел в родной Москве, когда пару раз выезжал «на природу» с собутыльниками, и впечатление осталось прегадостнейшее. В лесах загажено, под кустами целлофановые пакеты, баночки из-под пива, кока-колы, серые ключья газеты, обглоданные кости и вообще всякая дрянь, что способен оставить только человек. И даже когда мы из леса выезжали на так называемый простор, то и там серо и гадко, а огромные ревущие самосвалы вываливают мусор прямо на ровную землю, откуда ветер растаскивает по всему полю...

Я выпрямился, грудь моя жадно хватала чистый, насыщенный запахом степных цветов воздух. И хотя и в

лесу воздух удивительно чист, но здесь еще и небо, какого я никогда не видел, и оранжевые облака, заботливо взбитые, вылепленные в золотые замки, горные склоны, застывшие водопады. А там, куда солнечные лучи не достигают, там облака искрятся чистейшим снегом гималайских вершин.

Впереди дорога в сотни миль, десятки ночевок в лесу или во встреченных деревнях. В одной из них меня и хотят оставить... Здесь благородные не спрашивают простолудинов, чего те хотят или на что надеются.

Я вздрогнул, блистающая фигура Ланзерота словно бы начинает вырастать в размерах. Меня ткнуло лбом в гриву коня, я поспешно натянул повод. Пальцы тряслись, когда провел ими по лицу.

В ушах прозвучал равнодушный голос:

— Привал.

Больше рыцарь не сказал ни слова, но я услышал все недоговоренное: распрячь коней и волов, накормить и напоить, дать отдохнуть, развести костер и перевести дух самим.

Ланзерот властно бросил поводья в мою сторону. Я поймал только потому, что привык ловить банку пива, у нас принято бросать друг другу, а не передавать из рук в руки, чтобы не коснуться пальцами, а то посторонние решат, что гомосеки...

Блистающая фигура рыцаря и темная масса Бернарда скрылись впереди за деревьями. Асмер развернул полотняный узелок, я с любопытством смотрел на лапоть сухого мха, пару округлых камешков: один светлый, второй потемнее с металлическим отливом. Асмер разложил на земле мох, пристроил тончайшие, как папиросная бумага, полоски бересты, и только когда взял в руки камешки, я понял, что увижу процесс добывания огня.

Камешки сталкивались с сухим шелканьем, как кастаньеты. Асмер наносил удары под углом, словно чиркал спичкой по коробку, и после пятого удара искорки попали в мох, появился слабенький дымок. Асмер пал на колени, смешно оттопырив тощий зад, дул тихо и нежно, а

когда дымок повалил гуще, подложил щепочек и уже дул, свирепо раздувая щеки, похожий на бога ветров с географических картин средневековых художников.

— Ваша светлость, — сказал он почтительно принцессе, — костер готов. А я что-нибудь поищу для обеда.

Рудольф сказал ревниво:

— Я тоже. Посмотрим, кто принесет больше.

Принцесса слегка улыбнулась. Мне показалось, что между этими двумя уже давно идет война за первенство.

Я торопливо вытер коней пучками травы. Они фыркали и рвались к ручью с холодной водой. Особенно вспотел мой конь, а вот конь Бернарда даже не покрылся испариной, хотя Бернард кажется мне вообще медведем-носорогом в непомерно толстых латах.

Принцесса торопливо раскладывала на чистых полотенцах хлеб, сыр. Когда я, управившись с конями, подошел к костру, вокруг жаркого огня торчали крепкие рогульки, а принцесса умело подкладывали толстые сучья, готовила угли.

Я все пытался заговорить, но язык прилип к гортани. То, что я бросился на помощь ей, — само собой, мужчины обязаны защищать женщин, хотя бы в теории, в жизни хрен кто их защищает, они сами кого хошь обидят, но то, что она вступилась за меня, наполнило мою мертвую душу буйным восторгом. Я искал учтивые слова этого мира, она ведь привыкла к благородным словам, но все, что я знал из своего мира, выглядело грубым, неуклюжим, даже просто, если честно, хамским.

— Кхм, кхм, — сказал я, прочищая горло, — мы в походе, ваша светлость... К тому же я, по простоте, не знаю, как обращаться... У нас в деревне принцесс не водилось...

Она улыбнулась краешком рта, начала поднимать на меня глаза... и вдруг застыла. На бледном прекрасном лице отразился испуг.

Я круто развернулся. Девять воинов, все в металлических доспехах, появились словно из воздуха. Все девять рослые, широкие, а один из них вовсе гигант, темные доспехи на нем матово поблескивают. Я всей кожей ощутил

их толщину и невероятную прочность. У этого воина, я сразу определил его в рыцари, шлем с настоящим забралом, в то время как у остальных на головах цельнокованные, с квадратными прорезями для глаз.

На левом локте темного рыцаря огромный щит, металлический, и такой огромный, что им можно бы прикрыть всадника вместе с конем. Рукоять меча болтается справа у пояса, но, когда рыцарь увидел, как я вскочил, мои движения от смертельной усталости были неуклюжими, рыцарь неспешно вытащил меч из ножен. Я застыл, не веря глазам своим, не думал даже, что меч может быть таким длинным и пугающим и что его могут обнажить против меня.

Принцесса вскрикнула, как раненая птица. В ее тонкой ладони появилась рукоять узкого кинжала. Взгляд, который она бросила на врагов, говорил, что она не останется живой в руки убийц и насильников.

Я беспомощно и интеллигентно осматривался по сторонам, как всякий горожанин в поисках милиции. Чужаки как раз переступили через наши топоры, в их руках уже появились мечи и топоры.

И вдруг все застыло. Темный рыцарь сделал еще шаг, но и он остановился. Я проследил за его взглядом, сердце бешено застучало. Из-за дерева быстро вышел Лансерот, без доспехов, обнаженный до пояса. Мокрые волосы блестели, делая его похожим на селезня, а черты лица стали еще резче, злее. Солнце играло на могучих мышцах, а грудные пластины показались выкованными из толстой бронзы.

В руке он держал странное оружие, похожее на лук, только чересчур крохотное, к тому же целиком из железа, даже тетива блестит металлом, но деревянный приклад похож на приклад «маузера». Острый конец короткой стрелы был нацелен на темного рыцаря.

Темный проговорил сильным и резким голосом:

— Нам не нужны ваши жизни.

— Тогда уходите, — ответил Лансерот.

— Отдайте то, что везете, — ответил рыцарь. — И я, клянусь честью, отпущу вас.

— Все знают, — ответил Ланзерот, — чего стоят клятвы Черных рыцарей.

Рыцарь выпрямился. Я видел горящие бешенством глаза, красный рот в прорези забрала. Губы шелохнулись, рыцарь явно готовился дать приказ броситься всем разом, и тогда уже ничто не спасет беглецов...

Сухо шелкнуло. Раздался металлический удар, словно стрела с железным наконечником ударила в наковальню. Прямо в середине шлема рыцаря появился металлический отросток. От сильного удара металл прогнулся, из щели брызнули ярко-красные струйки.

Рыцарь качнулся, колени подогнулись. Он грохнулся навзничь, ноги дернулись, тело вытянулось и застыло. Восемь воинов стояли недвижимо, мечи в их руках слегка шевелились.

Напряженное молчание показалось вечностью. Ланзерот тоже не двигался, так мне чудилось, но, когда я перевел на него взгляд, на дуге крохотного лука поблескивает металлом новая стрела.

Воины стояли в нерешительности, как показалось мне, еще несколько минут. Потом один сделал осторожный шаг назад. Другие отступили тоже. Потом еще и еще, так же медленно убрали мечи в ножны.

Ланзерот не двигался, а они повернулись и отправились к лесу. Когда все скрылись в чаще, Ланзерот быстро подошел к принцессе.

— Вы не ушиблись, ваша светлость? — спросил он озабоченно.

— Все хорошо, — ответила она с благодарностью. — Вы очень вовремя, сэр Ланзерот.

Она отвернулась от убитого, ибо угли прогорали, надо повесить над ними мясо на прутиках, пятеро голодных мужчин, я потрясенно посмотрел на ее склоненную голову, золотые локоны разметались в беспорядке, только голубая лента не дает попасть им в огонь.

Ланзерот выдернул арбалетную стрелу, лицо остава-

лось таким же холодным и бесстрастным, как и всегда. За его спиной появился Бернард, увидел убитого, присвистнул.

— Господи, спаси и сохрани!..

— Уже сохранил, — ответил Ланзерот.

— Хвала Господу, — сказал Бернард. — Остальные ушли?.. Я видел много следов...

— Конечно, — ответил Ланзерот. — Конечно.

Он ушел, я тихонько приблизился к Бернарду. На убитого я тоже старался не смотреть, хотя тот лежит в красивой позе, а доспехи на нем добротные, воистину рыцарские.

— Почему ушли? — спросил я шепотом. — Их восемь человек! А наш ближайший топор вон там, за их спинами.

Бернард хмыкнул:

— Так и не понял?

— Нет, — признался я.

— Эх ты... Ладно, вот если бы меня и Ланзерота убили, ты бы убежал?

Да, хотел было ответить я, конечно, это ж нормально, но посмотрел в его честное солдатское лицо, ответил, как отвечали когда-то дикари, но уже не отвечают в мое просвещенное время:

— Как вы можете! Это оскорбление!

Бернард смотрел с ласковой насмешкой.

— Вот-вот, даже оскорбление... Сам видишь, что, когда бы нас убили, ты бы продолжал драться. Может быть, даже злее. Ну, меня жалко, ха-ха, чувство праведной мести... Потому что ты — свободный человек. Тебя держит с нами долг, честь, привязанность, чувство дружбы. А они держат человека и тогда, когда все остальное рухнуло. Понял?

Бред, конечно, какой там долг, какая честь, какая вообще привязанность, когда все это химеры и ничего подобного на свете нет вообще, но я уже понимал правила игры, кивнул и сказал:

— Это понятно. Но они... другие?

— Их держал вместе вовсе не долг, — пояснил он с от-

вращением, будто держал за лапу толстую жабу. — И не честь. Не знаю, то ли жадность, желание пограбить, то ли еще что... но, когда Лансерот, который все понял сразу, убил их вожака, им уже не надо было подчиняться его приказам. А убивать вас... гм, просто так? Пограбить нечего, видно сразу. А вы с Лансеротом — двое здоровых лосей, успели бы и голыми руками сломать спины одному-двум.

Лансерот подошел, прислушался. Лицо его было темное, в глазах мелькнул огонек раздражения.

— Все не так; — сказал он резко. — Говорю же, этот был колдуном! А когда он умер, чары рассеялись. Без хозяина растерялись... Нет, в церковь не побегут замаливать грехи, как уверяет наш священник, эта падаль не умеет ничего другого, как грабить и насиловать, но теперь будут грабить для себя. А это значит, намного осторожнее.

Когда Лансерот ушел, я тихонько спросил:

— А что у него за странный лук? Я таких еще не видел.

— Ты многого еще не видел, — буркнул Бернارد. — А называется эта штука арбалетом. Очень сложная, правда. Не всякий оружейник может сделать даже простой! То ли дело лук — его можешь сделать сам. Срежь подходящую палку, натяни тетиву... А вот арбалет делают долго, такие умельцы на вес золота. Зато из арбалета даже ребенок может пробить закованного в доспехи рыцаря насквозь. Церковь недавно прокляла арбалеты, как оружие дьявола, но их все равно делают... К тому же у Лансерота арбалет не простой, не простой...

Что такое арбалет, я знал. И, как сын своего века, мог бы рассказать им про арбалеты больше, чем они знают сами. Просто не представлял, что арбалеты могут быть такими маленькими. На лазерных дисках энциклопедий и даже в библиотеке Мошкова я видел только обычные, где тетиву натягивают крюком с пояса, или же усложненные, где ее же тянут воротом. Но все эти арбалеты величиной с лук кочевника, стреляющего на скаку.

— Рыцарь даже не пытался закрыться щитом! Не верил, что Лансерот выстрелит?

Бернард показал головой.

— Он видел, что за стрела в канавке арбалета.

Я насторожился.

— Что-то волшебное?

— Нет, — отмахнулся Бернард с полнейшим пренебрежением. — Ничего волшебного! Просто этот арбалет и стрелы ковали гномы. А их стрелы прошибают и щиты, как гнилое полотно. Любые щиты прошибают! Кроме щитов самих гномов.

Он пошел снимать с убитого рыцаря доспехи, потом его закопали, а я все еще не мог захлопнуть рот. Гномы? Здесь есть еще и гномы?

От свежего холмика земли донесся строгий голос. Священник читал заупокойную молитву. Убитый был христианином, возможно, священник решил дать киллеру какой-то шанс выбрать котел в аду не над самым горячим пламенем. Голова моя шла кругом, но потом я решил, что если гномы, то легче объяснить и летающую гарпию... Правда, раз есть гномы и гарпии, то могут быть монстры и покруче.

Доспехи с убитого Бернард нашел слишком легкими, непрочными, в доказательство порубил их громадным топором, как тонкую жуть. Но меч взял, осмотрел, хотел отдать мне. Воспротивился Лансерот: меч — оружие рыцарей, а простолюдину надлежит драться топором, пикой, кинжалами и другими видами простого оружия. Бернард возразил, что в бою каждый хватает то, что под рукой, Лансерот на это заметил, что они не в бою, на что Бернард сказал многозначительно, что зато в походе, особом походе, а Господь не будет в обиде, если пропустят вечернюю мессу или опоздают к причастию.

Завязался длинный спор, оба ссылались на обычаи, авторитеты, писанные и неписанные законы. Я уже ничего не понимал, потихоньку отстал, стыдно подслушивать, но чувство благодарности к Бернарду укрепилось.

Я все еще чувствовал себя, как в волшебном сне, временами чудесном, временами дурном. Осмелев, приподнимался на стременах, готовый взлететь, как летал во сне,

порхать и кувыркаться в воздухе, визжать от счастья дурным голосом.

Остаток дня ехали без всяких приключений, но теперь Ланзерот старался не удаляться далеко от повозки. Да и Бернард с его громадным топором держался поблизости, хотя ехали по тихим мирным землям. Здесь, как они уже напоминали друг другу, явно успокаивая, еще в древности истребили не только нечисть, но даже волков, что раньше таскали овец прямо из сараев.

Солнце клонилось к закату. Ланзерот вскинул руку, конь под ним взыграл и резво пошел в сторону. Когда отряд догнал Ланзерота, рыцарь был уже на земле. Он ослабил подпругу и, хотя рядом протекал ручей, взял коня под уздцы и повел вокруг поляны, чтобы конь успел остыть.

Здесь, под сенью деревьев, у ручья, и был первый для меня в этом мире привал, ночевка вне надежных стен дома. Ланзерот расседлал коня, к морде привязал торбу с овсом и принялся разводить костер. Мужчины торопливо собирали сучья.

Бернард разжег огонь в углублении, а ветки в пламя бросал только абсолютно сухие, что давали жар, но дыма от них не было. Принцесса хлопотала у костра, разделывала убитого зайца, как простая крестьянка. Я помогал ей неуклюже, брезгливо морщился от еще теплых внутренностей, двумя пальчиками брал окровавленные куски мяса и все не мог заставить себя двигаться уверенно, размашисто.

Пару раз поймал на себе заинтересованные взгляды Рудольфа и Асмера. Рудольф помалкивал, а Асмер вдруг спросил:

— А что ты делал в своем селе?

— Сено косил, — ответил я. Спыхватился, добавил поспешно: — Все, что велели старшие.

— Ну-ну, — сказал он. — А что велели?

— Да всякое, — ответил я. — Я делал все.

— Но больше любил подраться? — переспросил он с интересом.

— Да нет, — пробормотал я.

— Да не стесняйся, — сказал он покровительственно. — Это там в селе худо, а здесь только приветствуется. Если покажешь себя, то определяют не коров пасти, а дадут топор и щит!

— Благодарю, — пробормотал я. — Я ж только и мечтал... чтобы топор, значится, и щит...

Все тело болело, ныло, страдало. Если даже на комфортном сиденье автомобиля ухитряешься за долгую поездку отсидеть задницу, то на этом костлявом коне мой зад за двенадцать часов езды превратился в сплошной синяк.

Мужчины осматривали оружие, точили, ремонтировали доспехи, разговаривали, а я отполз от костра, ночь теплая, даже душная, как перед грозой, скорчился в клубок, подтянув колени к подбородку, и почти сразу провалился к крепчайший сон.

От костра к ногам все же докатывались теплые волны, я даже во сне ощутил, как все мои мышцы расслабились, кровь пошла свободнее по пережатым во время езды верхом венам и капиллярам. Я плавал в волнах теплого тумана, а когда увидел на себе великолепные рыцарские доспехи, даже лучше, чем у Ланзерота, то ничуть тому не удивился, ибо это сон... Дитя грамотного века, уже знаю, что во сне центр удивления в мозгу отключен, мы можем бояться или радоваться, но никогда и ничему не удивляемся, как и другие, гады, не удивляются, что я вот, крепко сжимая шершавую рукоять доверенного мне ножа, поднялся над землей, словно воздушный шарик.

Земля ушла вниз, я ощутил, что уже лечу, так часто взмывал в детстве, да и не только в детстве, эти легкие приятные сны посещали чуть ли не каждую ночь, когда я носился над спящим городом, заглядывал в окна многоэтажек, перепрыгивал с одного небоскреба на другой...

Костер удалился, превратившись в багровую точку среди сплошной темноты. Лунный свет выхватывает только верхушки деревьев, да вдалеке серебрились засне-

женные пики гор. Я завис в воздухе, запоминая место стоянки, так запоминают пчелы и осы, я сам видел их воздушную хореографию, они даже совершают все расширяющиеся круги, но я помню, где восток, где запад, повернулся в сторону гор и полетел над лесом, поднимаясь по дуге все выше и выше.

Вот миновал лес, широкую полосу степи, еще один лес, холмы, почти у самого горизонта показалась россыпь багровых точек. Я направил полет в ту сторону, вскоре обнаружил множество костров. Бородатые солдаты сидят у огня: кто подкладывает веточки, кто точит оружие, но большинство спят, и багровые блики на их хмурых лицах делают их еще злее и зловещее.

Два десятка палаток для военачальников в середине лагеря. Полог каждого освещает трепещущее пламя костра, стража коротает время за игрой в кости. Я пролетел незамеченным над всем лагерем, тревожное чувство стиснуло грудь. Я судорожно вздохнул, однако гнетущее ощущение, что чья-то холодная рука проникла в мою призрачную грудь и пытается ухватить сердце, кольнуло, как острием ножа.

Я судорожно рванулся вверх, круто повернул и понесся в сторону гор. Я летел над темной, как грех, землей, и сердце сжималось от недоумения: насколько же велика и обильна, но едва в этой безбрежной пустыне встречаются люди, то вместо того, чтобы броситься друг другу в объятия, хватаются за оружие.

Дальше к западу огни костров встречались чаще. Однажды я наткнулся на целое войско, что раскинулось вокруг каменного города-крепости. Мне почудилось, что только ночь прервала сражение, а с утра начнут снова, но снизился и увидел, что в самом городе все выжжено, усыпано пеплом, остались только каменные строения, да и те черны от копоти. А весь ров вокруг города заполнен телами убитых.

Я пролетел вдоль рва, здесь только женщины, дети и старики. Их явно согнали сюда, а потом убили. Мужчины

погибли раньше, защищая стены, сражаясь у проломов стен, на обломках разбитых тараном ворот.

А войско, что стоит у города, лишь отдыхает перед наступлением на очередной город...

Еще через час быстрого лета я увидел в ночи зарево пожара. Там горел город, и, приблизившись, я рассмотрел, как на стены карабкаются вооруженные люди, врываются в проломы, убивая израненных защитников, а тяжелые осадные баллисты продолжают швырять на город горшки с горящей смолой.

Кое-где мужчины, сбившись в кучки, отчаянно защищаются, их убивали издали стрелами, а другие захватчики уже врываются в дома, вытаскивали за волосы плачущих женщин, тут же на улице срывали одежду, насиловали, избивали и затем либо убивали, либо гнали в толпу пленных.

Я отчаянно пытался увидеть разницу между защитниками и нападавшими, но все одеты одинаково, крики одних и других звучат на одном и том же языке. Отчаявшись, я полетел дальше, дальше, пока полная луна не зависла над самой серединой мира. Звезды все так же холодно смотрят на мир с высоты, но впервые холодок страха коснулся моего бесплотного тела. Почудилось, что если не успею вернуться до рассвета, то просто погибну. И что вообще этот полет — почему-то очень опасный полет...

Я замедлил движение, собирался было повернуть, но впереди на фоне темного неба возникло черное пятно, абсолютно черное, зловеще черное, и душа моя съежилась от ужаса и забилась в уголок моего призрачного тела.

Пятно быстро разрослось, в воздухе повис огромный воин в рогатом шлеме. Лицо мертвенно-белое, как лунный свет, но глаза вспыхнули, как два горящих угля под порывом ветра. Мне почудилось, что из глазниц посыпались шипящие искры. Воин в тяжелых доспехах, за ним по ветру развевался, как крылья гигантской летучей мыши, черный плащ с блестящими застежками.

— Смертный!.. — громынул воин. Голос его был ужа-

сен, так могла бы заговорить каменная гора. — Ты посмел... ты посмел вторгнуться в мои владения?

Я попятился, но черный воин без усилий держался на том же расстоянии, словно нас связали незримые нити. Я пролепетал:

— Я ничто не нарушил... И никого не трогал...

Воин прорычал:

— И ты думаешь, несчастный, это тебя спасет?

Он потащил из ножен огромный меч. Я смотрел как замороженный. На бледном лезвии засверкали голубоватые искры. Воин взмахнул мечом.

Я видел, что этот призрачный меч сейчас рассекает меня, такого же призрачного, но это будет смерть и тому, не призрачному, что скорчился возле костра...

Я вскрикнул, пальцы сорвали с пояса кинжал, метнулся вперед и всадил острие под левое ребро врага. Над головой раздался страшный рев. На меня обрушилась неимоверная тяжесть, с огромной скоростью повлекла вниз, к темной земле. Ветер засвистел в ушах. Я закричал в смертельном страхе, но не проснулся, сумел вывернуться, взмыл вверх, успев увидеть, как мимо пронеслась вниз и осталась там вершинка сосны.

От темной земли донесся глухой удар. Я поднимался выше, грудь жадно хватала воздух. Руки кое-как попали дрожащим кинжалом в ножны, я с трудом сообразил, откуда я прилетел, и метнулся изо всех сил.

Восточный край неба начал сереть, на земле появилась и разрослась багровая искорка. Бернارد у костра, подсвеченное снизу багровым пламенем лицо выглядит жутко. Я успел увидеть, как он поднял голову, посмотрел на восток, прямо сквозь меня, расправил плечи. Свое тело я заметил в двух шагах от костра, жалко скорчившееся, ноги поджаты, край одеяла натянут на голову.

Я успел даже увидеть, как Бернارد грубо пнул мое недвижимое тело.

— Вставай!.. Пора.

Я на скорости влетел в свою массу костей и плоти, ударился больно и тут же ощутил безмерную тяжесть,

боль в суставах и мышцах, а голову вообще как будто наполнили горячим свинцом. Когда поднял веки, такие тяжелые, глаза сперва смотрели вообще невидяще, потом на красном фоне горящего костра вырисовалась громадная фигура великана со зверским лицом.

Я поспешно поднялся на локте, заставил себя сесть и стряхнуть остатки сна. Великан оказался не таким уж огромным, это всего лишь Бернард.

— В твои годы мне хватало часа, — прорычал он, — чтобы выспаться.

Я сказал виновато:

— Прости, я проспал свое дежурство.

Бернард сразу же отмахнулся.

— Ладно, не благодари. Мне все равно не спится. Но теперь седлай коней. Перекусим на ходу, отсюда надо уходить.

С языка едва не сорвалось, что вблизи я не увидел опасности, потом вспомнил, что это всего лишь сон.

Глава 5

Перед тем как сесть на коней, все встали на колени, молились. Даже принцесса грациозно опустилась рядом со священником, глаза долу, лицо стало строгим и сосредоточенным. Я тоже встал на колени и беззвучно шевелил губами. Молитв я не знал, да и их сейчас даже попы не знают, прислушивался к Бернарду; старый рубака ближе всех, старался запомнить на всякий случай. Вообще-то, никто из этих воинов не просит сокрушить врагов впереди или расчистить дорогу — молитва смахивает, скорее, на обряд самовнушения, ибо каждый просит укрепить его дух, дать силы для бестрепетности, не дать утраститься сил Зла. Есть Бог или нет, но после такого обряда аутосуггестии любой атеист ощутит себя сильнее...

Да, такая молитва не унижает, это, скорее, психиатрия, а не молитва. Я старался запомнить побольше слов и формул, хоть память у меня, естественно, как у любого,

кто для легкости пользуется калькуляторами и прочими облегчальниками жизни, — дырявая.

А потом снова проклятое седло, ноги разведены в стороны так, что я ощутил себя князем Игорем в последний час его жизни. Вообще не понимаю, почему двигаемся настолько осторожно. Лансерот и его воины старались не исчезать из виду, но все же уезжали далеко вперед и в стороны, рыскали, предупреждали о возможной опасности. Повозка тащилась медленно, тяжело, хотя шестеро крупных волов выглядят молодыми и крепкими. День прошел без приключений, остановились задолго до ночи, тщательно устроились на ночь, а костер снова поместили в глубокую яму, чтобы в ночи никто не заметил издали искорку огня.

Бернард отмахивался от расспросов, наконец пробурчал:

— Тебе просто не понять... Ты когда был в церкви последний раз?

Я подумал, что в церкви вообще был только один раз, когда друзья затащили показать это отгроханное безобразие — храм Христа Спасителя, шедевр безвкусицы прошлого, рекорд по дурости и тупости нынешних правителей страны. Мы тогда походили по этому расписанному каменному амбару, поязвили, поязвили...

— Да дело не в посещении церкви, — ответил я дипломатично. — Церковь должна быть из ребер, а не камней или мрамора.

Бернард — воин, морда даже не ящиком, скорее каменный блок из Баальбекской долины, но глаза блеснули остро, понимающе.

— Ну-ну, — прорывал он, — а когда был в самом храме, то как туда попал? Забежал от дождя?.. Или от собак прятался?

Я развел руками. Я простолюдин, потому даже спорить должен смиренно, ведь со мной говорит воин, а воин на пару ступенек выше, ведь здесь различия в Табели о рангах блюдятся очень строго.

— Я ж говорю, — сказал я, стараясь, чтобы голос прозвучал смиренно, — главное — иметь бога в сердце.

— Знаешь, что везем?

— Понятия не имею.

— Мощи святого Тертуллиана!

Я запнулся. Насколько я слышал краем уха, Тертуллиан — один из отцов церкви. Один из тех, кто создавал само христианство. Только неграмотные старушки полагают, что Иисус что-то сделал для религии, на самом же деле он изрек пару прекрасных и совершенно нелепых и нежизненных сентенций, вроде того, что подставь щеку ударившему или возлюби врага, он не оставил ни одного пророчества или хотя бы строчки из «своего» учения, это все сделали его именем энергичные ребята, которых и назвали отцами церкви. Одним из этих горячих и умных деятелей был Тертуллиан. А эти ребята, Лансерот, Бернард и принцесса, каким-то образом выкопали или где-то украли его кости, и вот теперь мощи Тертуллиана двигаются на новое место жительства. Вот вроде как демократы, что добились перезахоронения Ленина.

Бернард смотрит не просто очень серьезно, а торжественно, выпрямился и благочестиво перекрестился. Я на всякий случай тоже с осторожностью перекрестился, тщательно копируя его движения, ибо помню из истории, что запорожские казаки предлагали всякому встречному перекреститься, и если тот крестился не в ту сторону, то с радостным воплем: «Католик!» рубили на месте.

Похоже, я перекрестился верно, топор Бернарда остался на месте. Серые глаза смотрели пристально, чего-то ожидая, и я сказал:

— А-а-а... А я думал...

— Что думал?

— Ну... думал, что это везете... Ну, такое тяжелое?..

Бернард с отвращением смотрел, как я барахтаюсь в словах, не зная, что сказать, ибо сказать что-то надо, но сказать на самом деле нечего.

— Дурак ты, братец, — произнес он с чувством. — Что,

в благополучном мире все такие?.. Давно у вас не был, отвык.

Я возразил, оправдываясь:

— Я полагал, что вы везете что-нибудь... Ну, что-то более...

— Более что?

— Более подходящее, — ответил я. — Если бы вы приехали... скажем, за оружием — тогда все понятно! Вы ж там воюете, значит — оружие покупать в самый раз. Острые мечи, тяжелые топоры, крепкие доспехи. Здесь могут сделать что угодно, а у вас там, наверное, и оружейников нет, одни кузнецы. А кузнец хороший меч не скует, даже я знаю. Кузнецы куют мечи простые...

Я говорил торопливо, убеждающе, но сам чувствовал, что это не звучит убедительно. Бернارد кивал, потом спросил неожиданно:

— Значит, святые мощи не могут быть чем-то важным?

Я пожал плечами.

— Разве что для священников. Но войны ведутся мечами.

— Ошибаешься, — обронил Бернارد.

— Почему?

— Просто ошибаешься, — ответил Бернارد.

— Так объясни.

— Долго, — буркнул Бернارد. — Такие вещи объяснить трудно, надо понимать самому.

Он толкнул коня, тот пошел боком в сторону повозки.

Священник почти не показывался из повозки, что и понятно, как же — приобщается к святости. Прямо напивается ею. День и ночь стучит лбом перед мощами, вот-вот днище пробьет. Правда, повозка на влажной земле увязает чуть ли не по оси. Рудольф и Асмер часто слезали, хватались за колеса. Я тоже, хотя мне никто не говорил, но это само собой разумелось, я ж простолюдин, потому я

молча хватался за колеса, тащил, волок, подталкивал повозку сзади.

Бернард и Ланзерот озабоченно поглядывали на следы. Я слышал, как Бернард сказал негромко:

— Думаешь, поймут?

— Эти следы надолго, — ответил Ланзерот холодно. — Даже если завтра пойдет дождь, все равно...

Они проехали дальше, Бернард остро посмотрел в мою сторону, я поспешно опустил глаза. Бабушке своей рассказывайте, что везете одни только мощи. Даже если Тертуллиан был великаном и кости занимают всю повозку, то и тогда колеса не оставят такой глубокий след. Разве что кости железные. И гроб из литого чугуна.

Я догнал Рудольфа, поинтересовался тихонько:

— Вы все такие... славные рыцари! Вот только...

Он улыбнулся на похвалу, даже не поправил, что рыцарь в отряде только один, кивнул с видом обожаемого медом медведя.

— Что тебя беспокоит?

— Вы четверо — понятно. Как я попал к вам — тоже знаю. Но почему... принцесса? Священник?

Он хохотнул.

— Думаешь, везем выдавать ее замуж? Со своим священником?

— Н-нет, — ответил я скомканно, подумал, что мне такая мысль почему-то неприятна. — Просто не понял...

Он ухмыльнулся:

— А кто бы нам вот так просто отдал мощи святого человека? Даже если принцесса с нами?.. Нет, наш Совнарол неделю уламывал тамошних церковников! Не хотели отдавать, не хотели...

— Но как отдали?

— Наше королевство в опасности, — ответил он, улыбка исчезла, голос посуровел. — И там наконец поняли... Не нас пожалели. Сообразили, что Тьма и силы дьявола придут и по их шкуры. А нам надо успеть привезти, тогда на защиту мощей поднимутся все окрестные баро-

ны! Сейчас они отсиживаются в своих замках. Дурачье, надеются, что беда минует...

Брови сшиблись, глаза стали злыми. Я ощутил, что пора потихоньку в сторону, но не утерпел, спросил напоследок:

— Неужели и принцесса... за мошами?

— Нет, — ответил он совсем недружелюбно. — У нашего короля, благородного Шарлегайла, погиб единственный сын... Сам король плох. Трон опустеет, начнутся свары. Дочь Шарлегайла, принцесса Азалинда, росла в Срединном Королевстве, что-то там изучала. Мы призвали ее, и Ее Высочество изволила согласиться срочно прибыть к отцу. А монастырь святого Тертуллиана был там, в Срединном...

Он пустил коня вперед, я благоразумно отстал.

Господь не позволяет твориться чудесам, вспомнил я каноны христианства. Когда где-то сообщают, что какая-то икона излечивает больных или плачет кровавыми слезами, это всего лишь происки Дьявола. Господь есть Дух, он не вмешивается в дела житейские. Так что кости праведника не могут нести в себе ничего необычного, в них нет той силы, которую им приписывает простонародье, что так и не отошло от язычества, они ничем не смогут наделить тех, кто их защищает или целует гроб, где они лежат.

С другой стороны, если их привезти в город, то он как бы отметится особой благодатью. Дух защитников възграет, как боевой конь при звуке боевой трубы, а Сатана будет посрамлен. И под знамя короля, в церкви которого святые мощи, начнут стекаться даже те, кто сейчас прячется по лесам.

Внезапно солнце померкло. Я пошатнулся в седле, почудилось, что наступило полное затмение. Лазурная голубизна жалко померкла, стушевалась, небосвод залила жуткая чернота, и лишь долгие мгновения спустя проступил немыслимо яркий звездный рой. У меня остановилось сердце: голову под топор, но с Земли такого не уви-

деть! Звездный рой понесся на меня, завертелись галактики...

Я беззвучно ахнул, и тут же все исчезло. Мир залит солнцем, конь идет ровным шагом. Колышется трава, над вершинками стеблей порхают неуклюжие бабочки и проносятся стремительные стрекозы. Но сердце еще сжималось в страхе и непонятной муке, прикоснувшись к чему-то огромному, непостижимому, нечеловеческому.

Ланзерот подождал, когда мы подъехали ближе. Высокомерное лицо оставалось ровным и бесстрастным, тем страшнее прозвучало:

— Справа в нашу сторону двигаются человек пятнадцать... Слева — восемь конных. Полагаю, одна из птиц над нашими головами не совсем... птица.

Бернарду, чтобы посмотреть на небо, надо лечь на спину, не повел и бровью, Асмер быстро обшарил взглядом небо, сказал с жалостью:

— Уже улетела...

— Сделала свое дело, — буркнул Бернард.

— Я бы попытался достать, — сказал Асмер звонким нежным голосом. — Я тут новую тетиву поставил...

Бернард взялся за рукоять топора, рывкнул:

— Двенадцать с одной стороны, да еще пешие? И всего восемь с другой?

Рудольф сказал возбужденно:

— Надо ударить им навстречу! Сомнем, как... К тому же они не ждут. Уверены, что догоняют убегающих...

Ланзерот, бледный и аристократически красивый, сказал холодным металлическим голосом, будто стучал себя кончиком меча по железной груди:

— Но мы в самом деле убегаем! Во Имя Господа, запомните, мы — убегаем!

Я ощутил почти жалость к блестящему рыцарю. Эти люди, порождение Приграничных Королевств, не только не знали страха... нет, страх они как раз знали, но страх им не охлаждал тело, а, напротив, вбрасывал море адреналина в кровь, наливал мышцы силой, а мозг начинал ра-

ботать в ускоренном режиме. И сейчас все оскалили зубы, рычат, глаза налились кровью, а в руках смертоносные топоры...

Священник выскочил из повозки, закричал:

— Именем Господа!.. Святые мощи!..

Бернард первый совладал с приступом бешенства, соскочил на землю и бросился к повозке, ухватился за колесо.

Мы гнали повозку почти на рысях. Я не думал, что рыцари могут бегать в доспехах, но они еще и помогали тянуть повозку, и все это с такой силой, что повозка не шла, а летела. Я тоже крутил колеса, если она пыталась застрять, а в остальное время бежал следом, упираясь руками.

Принцесса пересела на одну из запасных лошадей, у нее была любимая, почти красная, с огненной гривой и рассыпающим искры хвостом, и теперь принцесса то и дело проносилась мимо, раскрасневшаяся, глаза возбужденно горят, в руках арбалет, настоящий, не такой игрушечный, как у Ланзерота...

В такие минуты я начинал толкать повозку так, что она едва не давила бегущих впереди волов. Ланзерот носился, как коршун, кругами, частый стук копыт его коня грохотал в моей голове, как камнепад.

К счастью, небо затянуто серыми тучами, потом потемнели, нависли едва не над самыми головами. Птицы попрятались, начал накрапывать мелкий гадкий, совсем не летний дождик.

Впереди разрастался лес. Мы смотрели с надеждой, блестящая фигура в доспехах нырнула под зеленые ветки, надолго исчезла. Бернард тащил и толкал повозку рядом со мной, он первый вскрикнул:

— Там пусто!.. Прекрасно...

В голове уже не камнепад, а ядерные взрывы. Задыхаясь от жары, я кое-как сообразил, что нахлынувшая со всех сторон тьма не тьма, а сумерки леса, мы уже под сенью, а сень — это сомкнутые над головой в несколько этажей

зеленые кроны разбросавших во все стороны ветви деревьев. Ветви переплелись, сверху не то что не углядеть, но и сбрось с неба камень, он пробьет пару слоев ветвей, потом неизбежно зависнет в этом зеленом плотном массиве...

Повозка остановилась под сенью могучего дуба. Рудольф и Асмер распрягли волов, Бернард принялся разводить костер. Мелкий гадкий дождик усилился, мы слышали, как наверху шелестит, будто сто мириадов крупных муравьев вылезло из дупел и стрижет листья, но земля сухая, ни одной капли не удалось пробиться через многослойный зеленый панцирь.

Мокрые от собственного пота, мы едва сумели пообедать, на что ушли последние ломти хлеба и сыра. Ланзрот пообещал подстрелить оленя, кабана или хотя бы зайца. Бернард проворчал, что до этого еще нужно дожить. Хотя летние ночи коротки, но на этих землях уже нет твердой власти короля Алексиса, а шайки сил Тьмы забираются и гораздо дальше этих земель...

Я содрогнулся, помнил тех жутких тварей, которых убил. Бернард бросил короткий взгляд:

— Сильно озяб? Это от усталости. Поспи, ты трудился, как никто другой.

— Спасибо, — прошептал я.

В самом деле чувствовал, что мясо сползает с костей, а суставы распухли, как у старика, и жутко ноют.

Голова коснулась седла, и почти сразу же увидел сон. Даже не сон, а смесь обрывков сна, когда над головой грохочет голос огромного существа, что-то предрекает, повелевает, а я, как муравей, прячусь под листком, то без всякого перехода скачу на коне через реку по мелководью, то лежу у костра, а некто темный, пряча лицо в тени, неслышно скользит мимо, кинжал в руке...

Я порывался крикнуть, поднять всех на ноги, но язык прилип к гортани. Попытался ухватить неизвестного за руку с ножом, но тело не слушалось. А тот, пряча лицо, наклоняется над каждым, выбирает, с кого начать резню. Я чув-

ствую, что знаю, кто это, догадываюсь, но все же увидеть бы лицо...

Проснулся среди ночи с бешено колотящимся сердцем. Над головой страшное звездное небо, от ямы с багровыми углями поднимается горячий сухой воздух. В тишине слышно, как фыркнул конь, вздохнул.

Я опустил голову, но сон так и не вернулся. А я до утра мучительно пытался вспомнить, кого напомнили движения неизвестного. Не подсказка ли раскрепощенного подсознания, что среди нас в самом деле враг?

На рассвете быстрый подъем, молитва, короткий завтрак — и снова изредка помучивающие волны покорно тянут повозку, а мы едем по сторонам, бдим, в готовности к схваткам.

За долгий переход солнце накалило спину, будто висит надо мной в двух-трех метрах. Затылок уже как сковородка на газовой горелке, пот стекает по шее такими струями, будто меня поливают из лейки. Плечи и спина зудят, словно их грызли большие красные муравьи. Далеко впереди маячит прямая спина Ланзерота, он на своем белом коне двигается через раскаленный полдень, как сверкающая глыба льда.

Я воровато огляделся по сторонам, руки сами торопливо взъерошили мокрые волосы. Даже при полном безветрии чувствуешь себя легче. Вкрадчивый голос сразу начал нашептывать, что хорошо бы снять и эту грубую рубаху из толстой, как мешковина, ткани, как хорошо бы ехать обнаженным до пояса, а то и вовсе плюнуть на все и лечь в холодке, вот там под дубами что-то блеснуло, явно ручеек с холоднящей водой, а мы, дети раскрепощения от всего, привыкли себе ни в чем не отказывать...

Я вздохнул, привстал в стременах, осмотрел окрестности. Не пристало воину Христа, как здесь говорят высоким штилем, слушать шепот мелкого беса. Поддаться желаниям — услужить силам Тьмы, пусть в малом. Падение начинается с крохотного шажка... и все такое. А я

хоть и простолюдин, но тоже воин Христа, ибо в этом мире все воины, время такое. Дивно, что еще не встретили ни одного грандиозного костра с вопящей на нем ведьмой. По школьному учебнику их сжигали на каждом шагу пачками.

Зной доводил до исступления, но я, дитя все-таки более стойкого века, нашел спасительную лазейку в собственной гордости. Не гордыне, а гордости: не поддамся слабости, буду делать и поступать так, как надлежит человеку третьего тысячелетия... который если сам не истязал себя в лагерях по выживанию, то хотя бы видел это в фильмах, а это уже что-то: тем ребятам приходилось намного хуже, чем здешним рыцарям.

Я заметил, что Бернард дважды украдкой оглядывался, делая вид, что озирает окрестности, однажды поймал внимательный взгляд Рудольфа. Не знаю, что обо мне думают и думают ли вообще, но я не выпаду на их глазах из седла, буду делать «как надо», а не «как хочется», что свойственно простым людям здешнего мира и всему человечеству в моем.

Волы тащат повозку тяжело, с натугой. От усталости хвосты едва подергиваются, нет сил шлепать обнаглевших слепней. Все заметно устали, даже принцесса не показывается из повозки.

Только Лансерот все такой же ровный, надменный, с холодным бесстрастным лицом и отвратительно выдвинутой нижней челюстью. Я подумал ревниво, что рыцарь всегда помнит, что он один из самых знатнейших, его имя знают, на него смотрят, с него берут пример. Что простиительно простолюдину или даже сойдет простому рыцарю, для него, Лансерота, это тяжелый удар по чести и достоинству. Так что ему нельзя расслабляться, балдеть, оттягиваться. Вообще-то жуткая жизнь... если не предположить совсем уж дикое, что ему как раз и нравится вот это напряжение, что в этом и есть для него самый кайф, в этом его личный балдеж и расслабление...

Но я слежу за ним украдкой и вижу, что Лансерот про-

сто не показывает виду, что его тревожит, подобно Бернарду, эта зеленая равнина, эта высокая сочная трава, эти редкие роши могучих деревьев. Издали вся долина ровная, как обеденный стол, но на самом деле в изобилии заросших травой и кустарником старых оврагов и балок. Там можно спрятать целое войско. Не заметишь, пока твой конь не наступит на пальцы затаившемуся воину.

Впереди трава чуть колыхнулась, рука Ланзерота дернулась к арбалету. Прекрасная высокая трава, сочная и зеленая, хороший корм для коней, но и прекрасное укрытие для лазутчика.

Лансерот внезапно обернулся, вскинул руку. Я обратил внимание, что рыцарь сжал кулак. Бернард тут же начал слезать с коня. Понятно, наш блистательный рыцарь подал знак взять коней под уздцы, даже мне ясно.

— Здесь должна быть деревня, — сказал Бернард хмуро. — Подумать только, всего лишь три года я проезжал здесь по улице, полной народу..

Я огляделся. Да, здесь когда-то жили, вон камни очагов, но жесткая трава уже пробилась даже из трещин утоптаных тропинок, на месте бывших огородов бурно разрастаются колючие кусты, а там, где был сад, жестоко вырубленный неизвестной силой, яблоньки и груши поднимаются уже дикие. Плоды будут мелкие и горькие...

— Но место хорошее, — заметил Бернард.

— Привал, — коротко распорядился Лансерот.

Волы втащили повозку в тень огромного дуба. Дуб гигантский, картинный, в три обхвата, удался высокий, хоть и на просторе, а уж ветки раскинул так, что под ними разместятся десять таких отрядов, как наш. И от жары, и от дождя спасет. Земля утоптанная, чистая от травы. Явно здесь на сваленных бревнах сидели старики и молодые, устраивали колхозные собрания, проводили народные гулянья, кулачные бои и божьи суды, жгли под лужанье семечек колдунов и ведьм.

Я слез с коня, топтался на месте, не зная, что делать. Лансерот подвел к Бернарду в поводу уже расседланного

коня. Шлем рыцарь снял, ветер с трудом шевелил взмокшие, слипшиеся волосы.

— Не то беда, — сказал он резко, — что деревню сожгли!.. И что жителей убили или увели... Хуже то, что здесь никто не селится.

Вообще-то мне, как человеку, признающему все права личности и сверхценности человеческой жизни, возненавидеть бы рыцаря за такую жестокость и равнодушие к убитым, но с другой стороны — людей на планете уже столько, что как-то не жалко, если пару сел или даже городов слизнет вулкан или землетрясение. А Ланзерота тревожит более важное. Если не селятся, значит, здесь уже опасно. И не просто для нас, везущих мощи святого Тертуллиана, такой опасностью этот блистающий герой с выпяченной челюстью пренебрегает, к тому же всегда готов умереть с мечом в руке... а опасно вообще для края, для этого королевства. Похоже, эти земли все больше попадают под власть или влияние сил Тьмы. А добрым христианам, как вот ему, Бернарду и — особенно принцессе! — здесь не выжить...

Ланзерот вытер лоб платком, только у него отыскался платок, шлем беспечно блестел на луке седла. Бернард расцепил пряжку плаща, хотел забросить на седло, но решил, что коню сейчас и собственные уши в тягость, швырнул на растопыренный куст. Там затрещало, куст осел, жалуюсь.

Ланзерот сказал прохладным голосом:

— Я пройду до конца рощи.

— Да там подходы паршивые, — сказал Бернард. — Завалы, камни...

— Это для коней паршивые, — ответил Ланзерот. — А человек — такая тварь...

— Не опоздай к ужину, — ответил Бернард.

— Когда ты у котла, — отмахнулся Ланзерот, — всегда оказывается, что я опоздал на сутки.

Рудольф и Асмер быстро набрали сучьев для костра, принцесса начала выбивать огонь. Я подивился, полагал в наивности по прошлому разу, что это делают только

мужчины, хотел предложить свои услуги, не женское дело бить тяжелым кресалом по огниву, но вовремя вспомнил, что с моим гуманитарным образованием только в прометеи, ушел к ручью и с наслаждением влез в ледяную воду. Почудилось, что струи вскипели вокруг потных раскаленных ног. Глубина всего до колен, я лег, ухватившись за камни, чтобы не сносило, тут же появились мелкие рыбки, стали жадно пощипывать кожу, срывая лохмотья, драгоценные крупинки соли.

От наслаждения я даже закрыл глаза. Но, когда, продрогнув, начал вылезать из ручья, в десятке шагов из-за деревьев вышли мужчины. Шестеро, бородатые, в лохмотьях, с угрюмыми злыми лицами. Они не спешили, не бросились, просто начали сразу расходиться в стороны, охватывая дуб полукругом.

Сердце мое затрепыхалось, как рыба на разделочном столе. Лансерот ушел осматривать рощу, Асмер и Рудольф на охоте. Принцесса и священник в повозке, здесь только мы с Бернардом. Но и Берnard снял доспехи, оружие. А у них за поясами ножи, в руках зловещего вида топоры. У одного из-за спины выглядывают лук и оперенные концы стрел.

Передний из незнакомцев сказал почти дружелюбно:

— У вас, я вижу, что-то есть пожрать?.. Отойдите от мешков. Разденьтесь и уходите. Мы не тронем.

Бернард сказал угрюмо:

— С чего это вы такие добрые?

Мужик ощерил в улыбке широкий рот с гнилыми желтыми зубами:

— Погода хорошая. В плохую погоду мы злее.

Бернард выпрямился.

— Славный мир создал Господь, — ответил он. — И дал ему хорошую погоду. Потому идите своей дорогой с Богом. Я вас отпускаю.

Улыбка на лице вожака стала напряженнее. Он сунул пальцы за пояс, совсем рядом торчит рукоять ножа.

— Почему ты такой грубый? — спросил он укоризненно.

Бернард ответил так же небрежно:

— Потому что я видел таких, как ты. А вот ты подобных мне еще не видел.

Вожак сказал успокаивающе:

— Я же сказал, мы вам ничего не сделаем.

— Потому что не сможете, — отрезал Бернард. — Вы мне надоели. Даже Господь долго терпит, но потом больно бьет. Убирайтесь!

— Что с тобой? — спросил вожак.

— Я не так терпелив, как наш Господь, — отрубил Бернард.

Вожак облизнул внезапно пересохшие губы. Его соратники начали поглядывать на него выжидающе. Но он колебался, не понимая, что за спокойствие в этом крупном немолодом человеке. Парень, что выглядит здоровым и крепким, это обо мне, явно нервничает, вон покрылся весь испариной, а этот спокоен, чересчур спокоен...

— Где твой меч? — спросил он.

Бернард буркнул:

— Ты еще не понял? Чтобы справиться с вами, мне меч не понадобится.

Вожак впился взглядом в его лицо, стараясь увидеть признаки страха или неуверенности. Все-таки их шестеро против двоих. Шестеро вооруженных против двух безоружных. Но этот чересчур спокоен, словно в его власти разом оборвать их жизни. Может быть, это какой-то странствующий колдун?

Я в изумлении видел, как толстые губы вожака раздвинулись в примирительной усмешке.

— Ты прав, — сказал он, — мир прекрасен! Нехорошо в такой светлый день причинять друг другу неприятности... Мы уходим.

Я перевел дух. Вожак повернулся, явно доверяя Бернарду свою спину, сделал шаг-другой...

— Дик! — взревел Бернард.

В мою сторону метнулись двое с поднятыми мечами. Сам Бернард словно исчез, затем там завертелось, послышались крики, звон металла, но я видел летящее в мое лицо

острие, метнулся в сторону, закричал по-заячьи, кого-то сшиб, в плечо больно кольнуло, сильный удар по черепу высек искры из глаз. Я кричал, размахивал кулаками, бил, а потом сквозь красный туман услышал брезгливое:

— Перестань!.. Не по-христиански глумиться над мертвыми.

Я тряхнул головой. Тело сотрясала крупная дрожь, зубы стучали. Двое на земле с вывернутыми шеями, у одного голова треснула, как спелая тыква, но оттуда вытекло столько крови, что мой желудок начал подниматься к горлу.

— Сильно ранило? — спросил Бернард.

Я осмотрел себя дикими глазами. На боку распорота рубашка, из длинного пореза сочится кровь. Второй порез на плече, но лезвие лишь срезало клочок кожи. В голове все еще звон, словно угодили по ней камнем. Пальцы нащупали быстро растущую опухоль.

Бернард тяжело дышал, в глазах бушевало пламя. Но он цел, в руках два чужих меча, а за его спиной четыре тела. Один стонал и все пытался приподняться.

Убедившись, что мне ничто не угрожает, Бернард вернулся, деловито наступил на горло раненому, я услышал хруст, будто трескала яичная скорлупа. Я потащился обратно к ручью, долго смывал кровь свою и чужую, прикладывал мокрую рубашку к голове. Боль постепенно утихла, но шишка осталась громадная, и еще я догадывался, что принцесса увидит меня с громадным безобразным кровоподтеком.

Лансерот, вернувшись, взглянул в мою сторону недобро, поморщился. Я слышал, как он велел Бернарду:

— Все, от повозки больше ни на шаг.

Бернард возразил:

— Да это случайные бродяги!.. Увидели, что нас двое, решили пожить. Это не люди Той Стороны, точно!.. Даже Дик вон сумел двоих заломать голыми руками. Станный он у нас...

— Это не люди Тьмы, — согласился Лансерот. — Но они прекрасно понимают, что перехватить нас вслепую —

это искать иголку в стоге сена. Зато могли нанять десятка два разбойничьих шаек. Вообще пустить слух, что везем несметные сокровища! И сообщить наши приметы.

Бернард сказал бодро:

— Побьем. Но ты прав, рука устанет всех... Да и след потянется...

— А кого-то могут все же ранить или убить, — закончил Ланзерот жестко. — Тем временем настоящие враги нападут на след... Так что, Бернард, давай лучше считать, что нападали не случайные разбойники.

Бернард поднялся.

— Ладно, — ответил он со вздохом. — Господи, и это в мирных землях!.. А что за перевалом?

Я с похолодевшим сердцем смотрел вслед. Что я странный — нехорошо. Сплоховал. Ведь я по своему статусу должен был броситься первым расседлывать коней, таскать хворост, стараться услужить господам, а я сразу в ручей плескаться, как будто это я принцесса. Да тут и принцессы моются только по большим праздникам. Хуже того, мне никто ничего не сказал. Как будто и они считают меня казачком-то засланным. Причем паршиво засланным.

Я душливо взглянул в сторону тел. Рудольф, явившись первым, быстро оттащил всех в ближайшую низинку, забросал хворостом. Остались только широкие лужи крови, но даже принцесса не обращала на них внимания.

Понятно, эти повозочники — вроде элитных командос, а разбойнички — это первогодки... нет, даже куча подвыпивших слесарей, у которых вообще не бывает шансов против профи. Вообще, если вспомнить всех этих Ахиллов, Зигфридов, Добрынь, Сосланов и прочих пандавов, то получается, что и тогда были элитные войска и простые, были герои для особо важных заданий и герои попроще, вроде нынешнего ОМОНа.

Но и я, гм... Мое счастье, что здесь до акселерации еще века. Даже вожак, самый крупный из разбойников, ниже меня на голову, а весит не больше двух пудов. Ско-

рее, меньше. А во мне все-таки восемьдесят пять кило. Не мускулов, я ж не спортсмен, но и не жира...

Я смывал кровь и слюни с одежды, но трясло меня не от ледяной воды. Хорошо, что оставят в мирной деревне, как только миную земли герцога... Пожалуй, уже миновали, здесь королевства не крупнее московского микрорайона, но лучше пройти земли и его друзей-соседей.

Бернард у костра чинил седло. Под его весом оно вообще могло превратиться в желе, но пока лишь обрело форму лепешки. Коровьей.

— Спасибо, — сказал я. — Как ты понял, что они... не передумали?

Он хмыкнул, глаза неотрывно следили за стежками крупной иголки. Помню, у нас их зовут цыганскими.

— Дик, — ответил он благодушно, — ты жил хоть не в тесном каменном городе, а в малой деревне... так ведь?.. но ты все равно глух и слеп. Ты не видишь, что вон там в кустах затаилась лиса... Боится нас, но уйти не может, под веткой лисенок, еще дурной, не понимает, что надо сидеть тихо. Прямо под нами крот наткнулся на корни, грызет... Толстый крот, матерый! Слева косуля, не слышишь? Если пойти по запаху, то через сотню шагов наступишь ей на голову, спит в кустах, набегалась. А не чувствуешь, какие летучие мыши над головами? Не мыши — коровы с крыльями!

Я прислушался, но едва-едва уловил какой-то странный хруст, что никак не мог быть шелестом кожистых крыльев.

Бернард усмехнулся.

— Жуку не повезло.

Глава 6

Мы тащились день за днем, избегая стычек, но, когда избежать не удавалось, забрасывали ветками трупы и ехали дальше. Иногда священнику удавалось настоять, чтобы хоронили «по-христиански». То есть в земле рыли моги-

лу, священник читал что-то из своей книги, мы все бросали по горсти земли в яму на трупы, как будто прощались с родственниками.

Меня однажды сильно поцарапало, но, оказывается, принцесса умеет врачевать... весьма и весьма, как сказали бы у нас, нетрадиционными способами. Приложила к ране ладони, пошептала что-то совсем не церковное, кровь отхлынула от ее лица, а голос потерял звонкость, но, когда убрала пальцы, на месте косого пореза остался багровый шрам.

Бернард на всякий случай сказал мне строго, чтобы я ничего такого не думал, священник тоже умеет точно так же, а это значит, что у принцессы это умение с учением церкви ничуть не расходится.

В начале второй недели на горизонте выступила горная цепь. Разрасталась очень медленно, но все же пошла вширь, на вершинах днем наблюдался блеск, будто нас рассматривали в бинокли. «Снежные шапки, — сказал я себе. — Всего лишь снежные шапки».

А мы пока что двигались по редкой красоты долине. Деревья гнутся под тяжестью плодов, в ручьях и озерах тесно от рыбы, а дорогу то и дело пересекают стада оленей, свиней, коз. В кустарниках гнездятся оравы птиц, толстые гуси безбоязненно переходят дорогу прямо перед конскими копытами.

Я в восторге смотрел по сторонам, в зоопарке такое не усмотришь, но Бернард хмурился, брови постоянно сдвинуты. Я видел, как он нюхает воздух, вскоре и сам уловил запах гари. Ланзерот, конечно же, впереди, на вершине пологого холма придержал коня, выбирая дорогу, махнул рукой.

За лесом столбы дыма. У меня стиснулось сердце, будто я временами переставал быть человеком третьего тысячелетия, который в городских новостях видит репортажи с места событий, где разбиваются машины, из груд металла выволакивают окровавленные тела, из горящих домов выпрыгивают люди и на глазах зевак разбиваются об асфальт...

Миновали лес, взгляду открылось зеленое поле. Пшеница еще не созрела, пожар коснулся только с краю, но на месте домов либо чернеют головешки, либо развалины очагов. Я робко предложил проехать прямо через деревню, вдруг да поможем чем-то погорельцам, хоть мы и не МЧС, на что Бернард посмотрел хмуро, спросил:

— Ты что, совсем дурак?

— Н-не знаю, — ответил я растерянно.

Но даже с дороги, что вела мимо деревни, я увидел такое, что сердце сжало, а горло перехватило. Между домами, а то и прямо в черной золе развалин — трупы, трупы, трупы. Почти со всех сорвана одежда, видать разбойники такие же бедные, или же уцелевшие крестьяне собирали все, что могли.

Я не мог видеть даже на расстоянии обнаженные тела, отворачивался. В кино, играх и даже в городской хронике все выглядит красивее или незначительнее. Из повозки высунулся священник, прокричал:

— Мы поступаем не по-христиански!

— Господь нас простит, — ответил Ланзерот благочестиво и осенил себя крестным знамением.

— Мы должны остановиться! — крикнул священник. — И похоронить!

Повозку немилосердно трясло, он ухватился обеими руками за края и даже уперся лбом, чтобы не вывалиться. Лицо было обозленное и жалкое.

— У нас есть другой долг, — отрезал Ланзерот.

Остальные промолчали, только Бернард буркнул:

— Они уже мертвы. Там лишь брменная плоть. Души либо в аду, либо в чистилище. Вон даже Дик согласен... Дик, ты что молчишь? Или ты язычник?

Я сказал торопливо, понимая, какое для них это имеет значение.

— Нет! Какой из меня язычник...

— Да сейчас уже трудно понять, — ответил Бернард непонятно, — кто есть кто на этом свете.

На привалах я первым бросался собирать хворост,

а потом мы все ели жаренное на углях мясо. Только священник, как я заметил, никогда не подходил к костру, не сидел, завороченно глядя в огонь, не подбрасывал хвост, не тыкал прутиком в багровые угли, заставляя искры с веселым треском устремляться к небу. Перед сном он обычно сидел у повозки и, упершись спиной в тележное колесо, читал толстую потрепанную книгу, пока не наступала ночная тьма.

Я, помня, что человек с улыбкой нравится всем, часто улыбался, делал лицо открытым и бесхитростным, даже угрюмый Бернард в конце концов подобрел и удостаивал меня коротких бесед, но священник при очередном контакте на привале уперся в меня твердым и острым, как наконечник рыцарского копья, взглядом.

— Изуди!.. Их ты обманул, но меня не обманешь! Твоя душа подобна колодцу, наполненному гадами!

Я передернулся, спросил жалко:

— Так уж и гадами... Что там, тьма?

Он отодвинулся брезгливо, забормотал молитву, осенил меня крестом, а когда заговорил, я уже видел, что он ни за что не переступит черту, разделяющую нас.

— Бездна тьмущей тьмы... Провалы ада, леденящее поле отчаяния... и клубки змей, отвратительных гадов, всевозможной скверны и мерзости!..

Я пробормотал:

— Святой отец, это чересчур образно...

Но он так махал руками и непрестанно молился, что я повесил голову и вернулся к костру. Совсем недавно считали, а здесь и сейчас явно считают, что к спящим в поле в рот может заползти ящерица или мышь, в желудке вывести потомство. Или даже заберется змея и выведет змеенышей. Думаю, кто-то придумал специально для храпунов, спящих с открытыми ртами, а потом привилось и выросло в стойкое поверье. Но в этом случае священник говорит о душе. О Фрейде старик не знает, тем более — про атомарную структуру всего сущего, в том числе и души, если это понятие в самом деле имеет под собой некую почву.

«Символисты», — мелькнуло в голове. В Средние века мыслили и даже видели символами. Я сам встречал в школьном музее серьезные карты для моряков, где ветры изображены в виде толстых морд с надутыми щеками, север и юг, — свирепого вида дядями, только северный — с сосульками на бороде и усах, а южный — смуглый и кудрявый с золотой серьгой в ухе... Мою душу отшельник углядел в виде колодца, но вообще-то как в воду смотрит: я в самом деле чувствую там бездны мрака, отчаяния, там ледяные просторы космоса, что вне меня и внутри меня, там грызущие меня изнутри ядовитые гады, а также пауки, скорпионы и прочие жуки-дровосеки, которых отшельник не углядел из-за слабости зрения, ибо этот мир не знает даже очков, не говоря уж про контактные линзы или коррекцию по Федорову.

Я спал как убитый, но среди ночи раздался скрежещущий звук. Я проснулся, весь дрожа, сердце колотилось часто-часто. Несмотря на холодную ночь, пот выступил на лбу.

Перед костром, освещенная красным пламенем, стояла долговязая фигура. Обе руки вскинуты к темному небу, в одной зажато нечто сверкающее. Я суетливо протер глаза.

Скрежещущий звук раздался громче, я вслушался, это всего лишь был вопль нашего священника:

— Вставайте!.. Вставайте все!.. Я чувствую... приближается беда!

«Мать, мать, мать», — выговорил я злобно в духе поручика Ржевского, только с большим чувством. Новость, видите ли, — беда! Да мы завязли в этой беде, как в средствах СМИ. Тоже мне пророк...

Но из темноты появлялись и тут же пропадали люди с таким же холодным блеском в глазах, на руках и на теле. Но только они обвешаны совсем не крестами.

И вот я уже снова в седле, всматриваюсь, вслушиваюсь. Бернارد обронил, что эти земли отвоевали у нечисти

всего лет сто назад. Я почти видел, как это происходило. Семья отважных переселенцев двигалась при свете солнца, на ночь отгораживаясь заклятиями и святыми молитвами, отыскивала хорошую землю, спешно строила укрепления, засеки, рвы...

Одной семье с такой работой не управиться, потому двигались обычно группами, вместе строили защиту от нечисти, а уж потом рубили дома, распахивали земли под пашни, переносили свои укрепления дальше, чтобы обезопасить пастбища, луга. В эти времена приходилось отбиваться от мелких бесов, от слабой погани и нежити, а когда забредал какой странствующий гoblin, он не мог устоять против дюжины решительных мужиков, которые, кроме вил и кос, умели прекрасно управляться с боевыми топорами и мечами. А тем временем пашни давали прекрасное зерно, коровы приносили по два теленка, а поселенцы то один, то другой находили клады. Кое-кто сразу же установил торговые отношения с местным народцем гномов или горных рудокопов, быстро обрастал золотишком, щеголял с драгоценными камнями на лопате, а эти камни могли б украсить королевскую сокровищницу.

Слухи о найденных богатствах доходили до старых мест, и вот уже новые поселенцы двигаются на богатые земли. Деревня разрастается в село, а то и в город. И вот такая добыча привлекает нечисть покрупнее и помощнее. Появляются огры, баньши, а то и драконы. Город вынужден искать новые средства защиты, да и самому нужен простор, простор...

Я смотрел на остатки земляных валов, на полузасыпанные ветром исполинские рвы. Там на глубине в два-три роста явно захоронены остриями вверх обломки кос. Раньше они в самом деле блестели при лунном свете, и горе тому великану, что пробовал подойти к городской стене... А вот там что-то блестит, словно на камне пробовала расцвести белая ромашка... Явно арбалетная стрела с серебряным наконечником ударила с такой силой, что мягкий металл расплескало, словно птичье яйцо. Чуть дальше каменный остов часовни, кто же поставит на от-

шибе, еще дальше — следы от сгнившей сторожевой будки...

То и дело под копытами хрустят кости. Я присмотрелся, по большей части — человеческие. Целых мало, на многих следы топоров, мечей, молотов. Я горько усмехнулся, покосился на Бернарда, но смолчал. Нечисть, как я слышал, орудует зубами да когтями. Иногда еще колдовать умеет, морок напускать, ядом да всякими чарами пользуется, но когда я вижу следы от рыцарского меча, то не надо мне про нечисть с окровавленными клыками. Знаем мы эту нечисть.

Несмотря на то, что все на конях, двигались мы со скоростью пешеходов. Очень неторопливых пешеходов. Раньше мне казалось, что если уж конь, то обязательно в галоп, ветер навстречу, раздирает рот и выдирает волосы, грохот копыт и летящий горизонт навстречу...

Ехали шагом из-за повозки. Волы вскачь не обучены, да и сами кони, как вскоре я вспомнил, намного слабее человека даже в беге. Человек и быстрее коня, и намного выносливее, как показали первые Олимпийские игры, когда бегунов послали сопровождать всадников на отборных конях, но те вскоре захрапели и отстали от бегунов.

Я сперва опасно вертел головой, на таких черепах, как мы, только зайцы не станут охотиться, нас перехватить — раз плюнуть, потом вспомнил, что противники тоже не на «шестисотых» «мерсах», в этом мире у всех у нас одинаковые мечи и одинаково скоростные кони, так что шансы равны, если не считать, что противника просто побольше...

Я еще не знал, насколько жестоко я ошибаюсь.

Повозка тащилась медленно, оставляя глубокие следы. Я уже овладел иноходью, рысью, даже при полном галопе умел управлять конем одними коленями, учился бросать в воздух топор и ловить за рукоять. Ланзерот смотрел равнодушно, Бернард бросал одобрительные замечания типа: «Бросай выше!», «Скачи быстрее!», — еще чуть-чуть и ус-

лышу что-то вроде: бери больше — бросай дальше, а пока летит — отдыхай вволю, — но больше всего мне хотелось, понятно, чтобы мою удадь заметила принцесса.

Дорога вышла из леса и долго тянулась вдоль опушки. С другой стороны вместо зеленого поля на этот раз тянулись виноградники. Домиков я не углядел, везде только ровные зеленые холмики виноградных лоз, где из-за листьев то и дело выглядывают крупные гроздья сочных виноградин.

Ехали почти до вечера, и все время тянулись эти ряды виноградных лоз, но нигде сборщиков винограда, телег с наполненными корзинами, нет винодавилен, винокурен, сараев с огромными сорокаведерными бочками...

Потом увидели, как из-за ближнего леса поднимается черный дым. Совсем недавно никакого дыма, значит — загорелось недавно. Ланзерот повернул коня, Бернард выхватил топор, прокричал:

— Асмёр, Рудольф! От повозки — ни шагу!

Я толкнул коня пятками в бока, ибо шпоры в этих мирах, я слышал, полагаются только рыцарям, в ушах зашвистел ветер, но сам я держался за спинами блещущих железом Ланзерота и Бернарда. Зверь подо мной чересчур боевой, я же в драку не рвусь, в моем мире уже привыкли искать компромиссы, консенсусы, а то и научились расслабляться для получения удовольствия поневоле.

Деревья ушли в сторону. На той стороне рощи горели повозки переселенцев, трупы по всей дороге, к ближайшим деревьям ползет человек. За ним кровь и... я позеленел, увидев длинные кишки из вспоротого живота.

Ланзерот и Бернард помчались было в сторону пыльного облачка. Туда явно уходят насильники, затем начали притормаживать коней, а я сразу увидел чудовищную тварь, какую и в ночном кошмаре не увидишь, — сидит по ту сторону одной из телег, наполовину скрытая стеной дыма, и жадно пожирает человеческое тело.

Я человек консенсусов, а завидя впереди драку или даже пьяную компанию, благоразумно обойду стороной. Но сейчас я заорал, повернул коня и ринулся через стену

дыма. Конь взвился в воздух, долгое мгновение мы летели через удушливую гарь, затем яркий свет, жуткая крылатая тварь... Она мгновенно вскинула голову и оскалила зубы. От мерзкого писка по коже пробежали пупырышки.

Я хотел прыгнуть, но просто свалился с коня, одной рукой ухватил за горло, не давая страшным зубам впиться в лицо, другой обхватил за основание кожистого крыла и рванул на себя. Тварь бешено извивалась, я чувствовал, что не удержу, выпустил шею, обеими руками перехватил за спину и сдавил изо всех сил. Треснуло, затрещало. Сильная боль в плече, но крылатый зверь трепыхаться перестал. Сверху прогремел разъяренный голос Бернарда:

— Ты что делаешь, дурак?

Крылатый зверь остался, я поднялся, отступил. Тварь вся в коричневой шерсти, голова с собачью, с вытянутым, как у павиана, рылом. Из раскрытой пасти хлещет кровь, зубы блестят, как алмазы. На прижатых к брюху лапах когти в красном. Я наконец пощупал живот, рубашка в лохмотьях, на пальцах осталась кровь.

Подъехал Ланзерот.

— Он сделал, — сказал он Бернарду отстраненно, — что мог. Разве ты учил драться?

Взгляд Бернарда был полон осуждения.

— Но... голыми руками! Он что, пьяный мужик?

Ланзерот заметил:

— Ну, пьяный мужик и курицу не задавит.

Дорога повела его по опушке леса, в одном месте Ланзерот взглянул на помятый куст, натянул поводья. Его взгляд метнулся поверх веток, я услышал властный голос рыцаря:

— Выходите! Мы не враги.

Ветки раздвинулись, вышла женщина с двумя детьми. Мальчик смотрел на всадника исподлобья и с ненавистью, а девочка заревела и пыталась спрятаться матери под подол. От леса простучали копыта. Рыжий конь принцессы неся, как яркая сказочная птица. Женщина инстинктивно попыталась закрыть детей, но принцесса в одно

мгновение спрыгнула, порывисто обняла женщину, присела на корточки перед детьми.

Бернард проехал вдоль догорающих повозок. Массивные плечи опустились под незримой тяжестью. Голос старого воина был хриплым от горечи:

— Сволочи... Они не только всех убили, но еще и глумились. Над женщинами так вовсе...

Он развернул коня, глаза полыхали яростью. Принцесса подняла голову, в глазах был немой вопрос.

Бернард покачал головой.

— Детей туда не стоит. Даже если... если они и так все видели. Да и вам, ваша светлость, не стоит.

Я едва не разорвался от сочувствия, ибо прекрасные глаза принцессы наполнились слезами.

— Бедные дети, — прошептала она.

Девочка прижалась к ней доверчиво, принцесса обняла ее, другой рукой привлекла к себе мальчишку. Женщина всхлипнула.

— Откуда берется эта нечисть, ваша светлость? Отродясь такого не было!

Я оглянулся на тварь, волосы зашевелились и поднялись. Нахлынул запоздалый страх. Руки тряслись, я все вытирал ладони об одежду. Это не мои войны... Я не человек драк и скандалов. Просто... я уживчивый человек. Я пью с людьми, с которыми не люблю пить, пью то, что мне отвратительно, веду себя так, как принято, говорю то, что надо говорить... Но, похоже, это относится не только к московским тусовкам. Здесь я того, гм, «как все»...

Из-за поворота показалась наша повозка. Рудольф хлестнул коня и поскакал вперед, а Асмер настегивал волов. Лансерот проехал вдоль горящих повозок. Бернард оглядел меня с головы до ног, буркнул:

— Асмер, посмотри, что у него с пузом. И в плечо гарпия его успела, успела...

Асмер, не слезая с коня, хозяйски повернул меня, оглядел, хлопнул по здоровому плечу.

— Царапины... А как она издохла?

— А вот этот... этот ее просто задушил в объятиях.

— От нежности? — переспросил Асмер. — У тебя крепкие руки, парень...

Они переглянулись с Бернардом. Подкатила повозка, Асмер сочувствующе развел руками:

— Новые рубахи не везем. Придется заштопать эту.

Бернард окинул меня хмурым взглядом.

— Так рубах не напасемся. Надо его прикрыть кожным доспехом. Или хотя бы латами.

На привале Асмер вытащил и разложил по траве нечто, похожее на украшенную металлическими бляшками конскую упряжь. Я не сразу узнал рубашку с короткими рукавами из толстой кожи

— Против меча или топора не выстоит, — объяснил Бернард как придурку, — но скользящий удар или вон как сейчас тебе пузо когтями... это минует!

— Надевай, — подбодрил Рудольф.

Остальные молча наблюдали, как я неуклюже влез в эту сбрую, где добавочные ремни на поясе, двойные полоски кожи на плечах и спине, мелкие железные пластинки на груди. Наконец я одернул на себе эти кожаные латы или доспехи, повернулся перед Бернардом.

— Все правильно?

Он покачал головой. В глазах было удивление.

— Ну парень... Взглянуть бы на твоих родителей! Это же доспехи самого Гарлака!..

Я не знал никакого Гарлака, но Рудольф пояснил:

— Гарлак был здоровенным дядей. А его доспехи на тебе, как собственная кожа. Даже того... я бы еще добавил пару пальцев на плечи.

После обеда в пути я догнал Бернарда. Каменное лицо гиганта было совсем мрачным.

— Отродясь такого не было, — проворчал он. Я сперва не понял, к чему это, потом вспомнил причитания уцелевшей женщины. — Короток человеческий век, короток... А память еще короче. Было... Еще как было!

Я спросил осторожно:

— Даже на этих землях?

Бернард хмыкнул:

— А то как же!.. Но те, кто пришел первым, были сильны и отважны, а помыслами чисты. С легкостью побивали мразь, теснили нечисть и не успокоились, пока последняя не была посечена мечами и сожжена на чистом огне. С той поры здесь жили мирно и счастливо. Но, как видишь, люди обленились, начали забывать высокие истины, а слово Божье превратилось в пустой звук. Ты заметил, в каком виде у них церковь?

Я вспомнил серое обветшалое здание, мимо которого проехали, как будто это был заброшенный сарай. Крест на крыше обломан и почернел, будто в него ударила молния.

— А что церковь?

Бернард кивнул угрюмо.

— Вот и ты тоже... Ладно, Дик, оставляем тебя в следующей деревне. А то дальше за перевалом уже опасные земли. Совсем недавно там было так же мирно... но теперь всякие твари, которых раньше не было.

— А я при чем? — не понял я.

— А гибнут в первую очередь те, — пояснил Бернард почти зловеще, — кому наплевать на святую церковь! Кто не посещает обедни, кто забывает креститься, кто не знает молитв, кто смеется над святыми таинствами. А если и не гибнет...

Он внезапно умолк, перекрестился. Я некоторое время ехал молча, холодок страха шевелил волосы. Спросил осторожно:

— А что с теми?

— Лучше бы они погибли, — ответил Бернард коротко.

— А что с ними происходит? — допытывался я.

Бернард покачал головой.

— Не хочу об этом говорить. Понял?

— Понял, — ответил я покорно и начал придерживать коня. — Прости, что потревожил.

За спиной послышался конский топот. Асмер догнал, поинтересовался:

— А правда, что ты гарпию задавил голыми руками?

— А что было делать? — спросил я. — Меча не было, топора — тоже.

— Гм... не знаю, помог бы топор.

Я насторожился.

— А почему нет?

— Да знаешь ли... — Голос Асмера стал нерешительным. Он оглядел меня с головы до ног, заколебался, махнул рукой. — Словом, легче троих закованных в железо рыцарей сразить, чем одну такую крылатую гадость.

— Почему?

— Не знаю, но когда нападают, то руки и ноги делаются ватными. И в голове такой грохот, как будто камнедробилка заработала... Еле-еле поднимаешь щит, топор...

Я пожал плечами, камнедробилкой не удивить того, кто слушает хэви-метал.

— Не знаю. Я ничего такого не слышал. А эта тварь... она ж не больше бродячей собаки! Я знал людей, что даже кошек боятся, крыс, мышек, пауков... хотя легко могут растоптать, расплющить...

Асмер помолчал, сказал задумчиво:

— Может быть, ты гораздо больше прав, чем догадываешься.

•

Глава 7

На привале Асмер в ручье полоскал рубашку, Бернард пробурчал, что внизу по течению на милою вся рыба издохнет, а это ж божьи твари, грешно, священник оставил книгу и углубился в чашу. Но ушел недалеко, я увидел над зеленью кустов седые пряди с розовой плешью, потом вроде бы совсем рядом качнулось нечто серо-коричневое.

Два оленя внимательно рассматривали священника. Он что-то говорил, помавая обеими дланями, будто растирал по невидимой стене тесто. Подошел крохотный

оленок, глаза большие, серьезные, с ходу попытался боднуть человека в колено безрогой головой, потом заслушался. Священник присел и, глядя ему в глаза, читал молитву, почесывал белое нежное горло. Взрослые олени смотрели без страха.

Я попятился, не люблю пугать зверей, у нас они и так запуганные, зато Бернард увидел, ахнул, заорал обрадованно:

— Патер, хватай за рога вон того, толстого!..

Совнарол даже не оглянулся, а олени вздрогнули от громкого голоса, отступили на шаг. Бернард ругнулся шепотом и громко сказал:

— Патер, мясо кончилось!.. У нас только хлебные лепешки и малость сыра. Господь не обеднеет...

Священник ответил, не повышая голоса:

— Изыди с такими речами!.. Не поддавайся искушению диавола!

Олени пугливо прядали ушами, но не уходили, доверчиво тыкались бархатными мордами. Красиво вырезанные ноздри трепетали. Священник встал, чесал оленей за ушами, они жмурились, томно выгибали шеи. Бернард взглядом уже освежевал всех троих, разделал мясо и жарил на углях, потом вздохнул, уже смиреннее объяснил:

— Это не я, а мой желудок искушает. Мой собственный...

Асмер подмигнул невесело, взял лук и неслышно двинулся в зеленую чащу. «Священник, конечно, глуп, — мелькнуло в моей гудящей голове, — без мяса быстро теряем звериность, а без нее тут не выжить, так что проще зарезать хотя бы одного из этих оленей, а не гоняться по лесу... но в чем-то есть это странное превосходство, превосходство тупого и необразованного священника над умом и образованием». Только на миг мне показалось именно так, я отвернулся и ушел к костру, но засело чувство, что эта мелкая заноза ухитрилась поцарапать мою толстую кожу.

По словам Бернарда, мы двигаемся через королевство Эстия. И хотя эти земли заселили даже раньше, чем Галлиланд или Алемандрию, но страна, на мой взгляд, оставалась пустынной, безрадостной. Деревушки попадались редко, все крохотные, ни одного села, а городов так и вовсе не попадает, хотя несколько суток двигались по берегу полноводной реки с чистой водой и множеством рыбы.

Несколько раз видели проплывающие вдаль курганы. Один показался свежим, на нем еще сохранились ритуальные камни. С других либо скатились, либо их поглотила земля. Землепашцев почти не встретили, только стада мелких неопрятных овец, обязательно тощих. Их стерегли такие же тощие злые собаки под присмотром тощих пастухов. Пастухи смахивали на разбойников: в лохмотьях, с дубинками на поясах, угрюмо провожали злыми взглядами нашу повозку.

— Ничего, — сказал Бернард. — Ничего... Только бы добраться до наших земель!.. Богатая долина, плодородная земля... В реках тесно от рыбы, в лесах — от зверя, зерно пшеницы — с орех, а виноградную гроздь берешь двумя руками!.. У нас девушки как цветы, а цветы как девушки — голова кружится.

Асмер фыркнул:

— Про нечисть упомяни.

Бернард омрачился, мне стало жалко старого воина, за него ответил Рудольф:

— Погоним нечисть. Погоним. И воссияет солнце.

Ланзерот оглянулся, я уловил взгляд холодных, ничего не выражающих глаз, затем он отвернулся, ехал молча. И уж совсем неожиданно прозвучал его отливающий металлом голос:

— Прогнать мало. Надо вступить на землю Тьмы с мечом в руке и именем Господа на устах!.. И отправить всех обратно в ад.

Рудольф и Асмер молчали, Бернард сказал мечтательно:

— Верно... Ведь за нашим Зорром дальше на север лежит прекрасная и плодородная долина... а за нею и вовсе земля... сейчас никем и ничем не занятая. Если изловчиться и поставить замок в одном хитром месте... там есть такой узкий проход в горном ущелье, то как надежный засов на воротах перекроет этот единственный вход! И ни одна армия не сумеет ни пройти, ни проползти. Представляешь, всего один замок! Можно даже простую деревянную крепость. Хотя там хватает камней, а деревянную и сжечь можно.

Рудольф хмыкнул:

— Да, самое время ставить. Самим бы устоять...

Все помрачнели, умолкли. И уже совсем к вечеру, как будто все время думал о дальних странах, Рудольф, приглушив голос почти до шепота, сказал мне:

— Ланзерот... он ведь из Горланда.

Глаза его уставились на меня с изумлением. Потом вспомнил, что в Срединных Королевствах все тупые и ленивые, ничего не знают, пояснил с досадой:

— Это было самое могучее королевство!

— А где оно? — спросил я так же шепотом.

— На юге, — ответил Рудольф, — сразу за Скарландами.

Я взмолился:

— Рудольф, считай, что говоришь с полным придурком. Но я такой придурок, который учится быстро!

Он вздохнул.

— Скарланды уже захвачены силами Тьмы. Теперь король Карл, властелин Горланда, а теперь еще и Скарландов, осаждает наш Зорр... А вообще-то учись драться топором. У тебя широкие плечи и длинные руки. Родись ты не в Срединных Королевствах, а в моем Зорре, ты мог бы при удаче дослужиться до рыцарского пояса!

Я удивился было такой перемене, но тут мимо промчался Ланзерот, услышал последние слова Рудольфа. Аристократическое лицо передернулось в отвращении, а нос брезгливо приподнялся. Рудольф с сочувствием посмотрел ему вслед, но разговаривать больше не стал.

На другой день с вершины пологого холма открылась не долина, а видение рая. Крохотные домики с красными черепичными крышами, с обеих сторон зеленые поля, густые сады, заливные луга, извилистая неглубокая речка, явно полна рыбой, близок лес с грибами и ягодами, березовым соком, малинником... Справа огромные тучные стада коров, от озера к домам дорога покрыта как снегом, это поземка мерцает и движется к селу. Я не сразу понял, что это возвращается на ночевку исполинская стая гусей.

— Благослови, Господи, — сказал Бернارد, — это мирное село. К счастью, мародеры прошли мимо.

Ланзерот кивнул.

— Хорошее село. В этих краях и оставим Дика-простолюдина.

— В этих, — подтвердил Бернارد.

Деревушки попадались часто, под вечер мы завидели стены очень богатого села, почти города. Да, город, раз уж огорожен стеной. Пусть деревянным частоколом, но это в самом деле забор, ограда. И даже ворота на въезде, правда — створки вросли в землю, ибо телеги постоянно движутся в город и из города, заморишься открывать-закрывать, а о нечисти тут как будто не слыхали.

Ланзерот предупредил, что это последний город, где смогли бы переночевать в гостинице, если бы возжелали. Даже здесь опасно, люди Тьмы могут отыскать и здесь, а в многолюдье проще пропустить лезвие ножа под ребро или получить отравленное вино в харчевне. «Понятно», — подумал я невесело. С приближением к землям, что заняла Тьма, мы вообще начинаем тени своей страшиться. Уже и так ночуем только в глубоком лесу, выставив все дозоры... При такой жизни как отыскать людей, которые могут знать, как я сюда ухнул и как бы желательно обратно?

Ланзерот сразу велел хозяину показать нам комнату, где будем спать, я даже удивился, будет ли принцесса с нами в одной комнате, но для нее отыскалась смежная, где, по иронии, обычно располагается слуга, готовый прийти по первому же окрику благородного господина.

Мы, благородные и не очень, расположились в большой комнате. В ней кроме стола хватало широких лавок. Они же топчаны для спанья.

Асмер сразу предупредил, что ляжет под дверь и, если кто нечаянно наступит, пусть не жалуется, что остался без головы и обречен на веки вечные пугать по ночам старушек и золотушных детей..

Пока мы обедали, от столов на нас посматривали с пугливым любопытством. Люди мне снова показались чересчур мелковатыми, какими, впрочем, они и были. Одеты не бедно, хотя это простой люд, пьют старое крепкое вино, какое у нас подают в самых дорогих ресторанах, и едят такое жаркое, что и президенту на стол вполне бы, вполне...

Под столами пустые кувшины, гуляки расплачиваются с великолепной небрежностью людей, у которых золота и серебра все равно уходит меньше, чем приходит, девать в этом мире некуда, а все необходимые запасы «на черный день» уже сделаны.

После обеда мы поднялись в отведенную для нас просторную комнату. Рудольф и Асмер принялись чинить одежду, Ланзерот подошел к окну, проверил ставни. Бернард сидел на лавке, откинувшись спиной на стол и забросив на него огромные локти.

— Заметили, — сказал он с горькой насмешкой, — как смотрели на всех нас? В Срединных Королевствах народ привычно считает, что все живут только здесь. Всегда жили и теперь живут. Ну а часть народа, которому свербит в месте пониже спины, медленно продвигается в необитаемые земли... Так?

— Так, — подтвердил Рудольф. — Идиоты.

— Эх... — сказал Бернард. Он коротко взглянул в мою сторону, мне показалось, что обращается ко мне. — Если бы все так! На самом деле те земли очень даже обитаемы. Чересчур обитаемы. Да вот только, гм, теперь уже не людьми. Или не совсем людьми. Или очень не такими людьми, если они и люди. Что, Дик, не понял? Я сам не понимаю, но так говорят. Никто не знает даже, есть ли там горы,

леса или реки... Просто всякий, кто уходит туда, с войском или в одиночку, больше не возвращается. Удастся узнать только о землях, что на рубеже с землями Тьмы. Там руины городов и замков, где белеют человеческие кости, а сами замки медленно превращаются в пыль... А дальше — Тьма. Не в смысле, что там темно...

— Понимаю, — ответил я и судорожно вздохнул. — Понимаю.

Бернард скривился, что может понимать срединник.

— Первыми пали сильнейшие, — сказал он горько. — Гиксия, Горланд... Именно они стояли на границе с Тьмой. Потом пали Скарланды. И получилось, что теперь только мы да еще Мордант на пути Тьмы. К счастью, силы Тьмы пока что грабят доставшиеся земли, а к стенам наших городов подошли только мелкие отряды всяких тварей. Вернее бы сказать, даже не отряды, а стаи.

— А почему же королевства не объединились? — спросил я с жаром.

Бернард посмотрел как на помешанного.

— С чего бы? Когда все началось, это были мелкие нападения, как, к примеру, стаи волков на крестьянский скот. Какой рыцарь обратит внимание?... Королевства уже окрепли настолько, что соперничали друг с другом. И когда на Горланд напали, то Гиксия и Скарланды только радовались, что соперник будет ослаблен... ведь в победе могучего Горланда над силами откуда-то взявшейся нечисти никто не сомневался. А когда Горланд пал, то решили, что по дурости: король пьян, полководцы — дураки, воины — трусливые бабы... Когда осадили Скарланды, скарландцы даже не подумали послать за помощью к нам, Морданту или в Ирам, это наш сосед слева. А Ирам, узнав о неприятностях Скарландов, свои войска разослал по их землям, прихватывая то одну деревушку, то другую... Словом, когда нечисть подошла к самому Ираму, там не было даже войска! Все разбрелись по землям Скарландов, грабили. Вот так и получилось, что только мы...

Я сказал тихонько:

— И Мордант?

Лицо Бернарда потемнело.

— В другой раз я расскажу тебе, что такое Мордант. Пока скажу только, что я лучше открою ворота нечисти, чем Морданту!

Я поднялся.

— Пойду посмотрю на город.

Все разом насторожились, Бернард спросил быстро:

— Зачем?

— Просто так, — объяснил я. Подумал, что для них, людей дела, все поступки должны быть простыми и объяснимыми, пояснил: — Спрошу, что слышно о напасти... И слышно ли вообще. Посмотрю, что можно купить на дорогу.

Переглянувшись, я чувствовал напряжение. Лансерот, не оборачиваясь, обронил холодно:

— Пусть идет.

Бернард кивнул.

— Ладно, иди. Только далеко не отходи от постоянного двора. Хоть здесь и мирное село, но случится может всякое.

Асмер опустил на лавку разорванный кафтан, зевнул, сказал сонно:

— Пойду загляну, как устроили коней. Да там, наверное, и засну. Так будет надежнее.

Бернард кивнул, Асмер вышел за мной, но во дворе с крыльца сразу отправился в сторону приземистого длинного здания, откуда пахло конскими каштанами, потом и свежим сеном.

За воротами постоянного двора я заколебался, как пламя свечи на ветру. В дороге чувствовал рядом надежные щиты и топоры Бернарда, Рудольфа, охранительное влияние принцессы. Но если взглянуть с другой стороны, я чувствовал бы себя куда более жалким, попади не в прошлое, а в будущее, пусть самое близкое! Здесь же привычное Средневековье. По замкам и по средневековым го-

родам я ходил еще в раннем детстве с Айвенго и Робин Гудом, а потом во всевозможных компьютерных квестах, RPG, real-time strategy, TBS, экшенах и пазлах — им несть числа — и чувствовал себя почти так же уверенно, как москвич, приехавший в командировку в захолустное село. Конечно, москвичей нигде не любят, морду набьют в охотку, но это другой вопрос, все равно чувство превосходства вот оно, можно пощупать...

Порассматривал огромный массивный собор в самом центре этого города, который ревнивый Бернارد упрямо называет селом, признавая статус города только за своим Зорром. Центр города, его сердце, а может быть, даже и мозг, ибо в Средневековье именно в монастырях сосредотачивались грамотные люди, там начиналась алхимия, генетика, там появились коперники, бруны, галилеи и всякие паскалии и декарты.

Правда, это не монастырь, те всегда отдельно и в стороне от города, а это церковь, костел... словом, храм малопонятной мне религии, именуемой христианством. Она смела все местные религии и веры, заменив их универсальной, общей для всех, имперской, в которой служение и покорность доведены до абсолюта, а достоинство и гордость объявлены смертными грехами. Хотя, с моей точки зрения, наибольшую гордыню проявил как раз Христос. Именно он взялся искупить грехи всего рода людского всего лишь своей кровью и жизнью, оценив ее равной жизни всего человечества. Я бы назвал такую гордыню даже наглостью! Нет, даже не наглостью, а вообще черт знает чем... И слова такого не придумать, чтобы обозвать правильно.

Малорослый и мелкокостный народ обтекал меня на пути к храму, как вода валун. Я смотрел поверх голов, перехватывал любопытные и пугливые взгляды. Так на улицах моих городов привлекает взгляды баскетболист сборной страны. Народ упитанный, краснощекий, хоть и с плохими зубами, злоупотребляют сладостями, а щетки пока созданы лишь для чистки коней...

Взгляд мой невольно зацепился за рослого человека в сером плаще, что показался в дальнем переулке и тут же исчез. По спине прошел холодок, дальше я двигался вроде бы так же расслабленно, но глазами сек во все стороны.

Уже когда подходил к воротам собора, нагнулся и поправил кожаный ремешок на башмаке. Шагах в двадцати сзади человек тут же быстро ступил в сторону и словно растворился в простенке. Сердце мое пугливо стучало, кровь бросилась в голову. За мной явно следят. Кто? Такие рослые люди только в нашем отряде. Асмер, Рудольф? Бернард? Лансерот не пойдет, он слишком благороден для такого низкого занятия. Нет, не потому, что слишком благороден, а потому что есть кого послать... Принцесса отпадает, священник тоже... Впрочем, священник тоже далеко не карлик...

От костела веяло мрачной торжественностью. За воротами тихо, я прислушался, толкнул тяжелую створку. Эта деревянная стена с металлическими полосами крест-накрест ушла в сторону, зал огромный, суровый, с двумя рядами деревянных лавок со спинками. Посреди проход для троих человек, а там далеко, под противоположной стеной, аналой или алтарь, не знаю, как уж там все это зовется.

На той стороне зала отдельно стоящие массивные сооружения, похожие на телефоны-автоматы для миллионеров, — просторные, наглухо закрытые дубовыми стенами, как «мерс» закрывается тонированными стеклами.

Дверь открылась, немолодой мужчина в строгой черной сутане смотрел вопросительно. Тут же выражение лица смягчилось, он сказал негромким голосом:

— Входи, сын мой. Я вижу на челе твоём смятение. Это хорошо...

— Смятение? — переспросил я. — Что же в нем хорошего?

— Твоя душа неспокойна...

— Разве покой не важнее? — спросил я.

Он подошел вплотную, светлые глаза прошлись по

моему лицу. Попы должны быть хорошими физиономистами, как и уличные гадалышки, а этот явно был не последним в их ряду.

— Полный покой только в мертвой душе, — сообщил он. — Смятенная душа всегда ищет пути к Свету... Иной раз эти пути крайне причудливы и извилисты... Что за тревога на твоем челе, сын мой? Почему за твоими плечами я вижу нечто... напоминающее мне тьму?

— Мне тревожно, — сказал я. Странные слова из детства выплыли из памяти, я произнес их вслух: —... и душа моя творимым злом уязвлена стала.

— Уязвлена?... Ты зрел пожары, погубленные посевы, трупы на дорогах?

— Да, — ответил я. — Это... и не только. Это только то, что видим. Я... очень издавека!.. И для меня все это... очень внове.

Он посмотрел сочувствующе, в серых глазах были теплота и участие.

— Да, люди привыкли видеть только следствие, а не причины... Мир настолько был захвачен Злом, настолько им пропитан, Зло настолько укрепилось и укоренилось... что Господу пришлось прислать своего сына, отдать на заклятие... принести в жертву!.. И вот только с того дня началось наступление... но ты должен понимать, что когда Зло властвовало тысячи и тысячи лет, то очистить мир за один день никому не под силу. Даже сыну Божьему! Ты должен понимать и укрепиться сердцем, что Он только указал путь, как жить и бороться в мире, где Зло разрослось, укрепилось, пустило корни, а действовать нам самим... Ведь Зло не просто строило города, оно меняло души людские, оно создавало даже государства именно для Зла!.. Мы теперь знаем, что на землях, где господствовало Зло, тоже велись жестокие войны: одни короли подчиняли других, истребляли целые народы, а могучие колдуны приносили в жертву по сто тысяч человек... Было и такое, что одни колдуны опускали в море цветущие острова с богатыми городами, а другие, напро-

тив, со дна океанов поднимали горные хребты, где на вершинах бились, умирая, дивные морские чудища...

— Ого, — вырвалось у меня невольно, — это же какая мощь...

— Нам, — сказал он устало, — людям Слова Божьего, неслыханно повезло, что Зло, ощутив полную власть над миром, предавалось безделью и лишь изощрялось в еще больших гнусностях, пытках, изуверствах, сталкивало в кровавых битвах могучие королевства, а само наслаждалось видом тысяч и тысяч трупов, которые расклевывают вороны и грызут волки...

Я кивнул, понимал, что, с другой стороны, пока христианство было слабенькое, оно само сопело себе в тряпочку, росло, крепло и ни с кем не задиралось, а когда его стали принимать уже и короли со своими подданными, Тьма еще долгое время пренебрегала жалким противником. Так что воины креста захватывали земли, создавали уже христианские королевства со своим укладом, моралью, религией, устоями.

— Сейчас подошли к их главным землям? — спросил я.

— Нет, — ответил священник. — Это наши предшественники, похоже, приблизились к их главным цитаделям Зла чересчур близко. И вот сейчас перешла в наступление уже сама Тьма. Надо признаться, мы оказались не готовы... Жизнь человеческая коротка, а память не намного длиннее: все почему-то были уверены, что вот так будем теснить и дальше, пока не искореним язычество, пока весь мир не станет христианским. Но там, судя по всему, богатые земли, где Зло укоренилось, укоренилось... И куда еще ни один из наших людей не смог проникнуть.

Он вздохнул, лицо было смертельно усталое. Жестом пригласив меня сесть, опустился на широкую лавку. Я сел, толстая дубовая доска успокаивающе тронула кончики пальцев: мы здесь, сюда никакое зло не войдет.

— Но почему? — спросил я настойчиво. — Ведь началось так здорово, победно, обещающе? А потом...

Священник сказал упавшим голосом:

— Наши богословы, при всех своих склоках, переходящих в драки и обратно, все же сходятся в одной печальной истине... Господь Бог, создав мир, отстранился от дел. Дальше всю работу вел его самый блистательный ангел, лучший ученик, даже имя его было Люцифер — блистающий, Утренняя звезда. Да-да, он же Сатана, Дьявол, Вельзевул и тысячи других имен. Дело в том, что Господь наш — творец, а Люцифер — мастер. Если хочешь, то они — Творец и Мастер. Разницу улавливаешь?

Я буркнул:

— Первый — это вдохновение, озарение, второй... доведенное до совершенства умение. Вы продолжайте, святой отец.

— Так вот, Господь отошел от дел, а Сатана — нет. Это и удручает наших воинов, ибо Зло активно, оно захватывает все новые земли, оно уже призвало всю нечисть, с ним подземные силы, подводные и водные, с ним черная магия, а у нас... Ты должен это понимать, но укрепиться верой в сердце... Верой в нашу правоту.

Он удрученно умолк. Вид у него был настолько подавленный, что я сказал, только бы его утешить:

— А мне это как-то... Наверно, я пришел из такого... гм... села, что мы посчитали бы себя оскорбленными, если бы Господь Бог нам вытирал нос. Впрочем, и Сатане мы бы не позволили. Словом, если Господь Бог не вмешивается, то это значит, что он полностью полагается на своих... свои создания. Ведь создавал мир в момент вдохновения, а это выше любого мастерства! Мне как-то больше нравится, что меня не ведут за ручку.

Я еще не договорил, когда ощутил, что говорю искренне. Ни царь, ни бог и ни герой, как поется в какой-то старой доброй песне, добьемся мы освобожденья своею собственной рукой... И со злом будем бороться сами, не оглядываясь на гувернера за спиной.

Священник смотрел с изумлением.

— Откуда ты? — спросил он тревожно. — От твоих слов веет холодом. Гордыня, страшная гордыня!

— Пусть гордыня, — согласился я, — но и гордыню тоже создал Творец.

— Да, но счел смертным грехом для чад своих...

— Для чад, — согласился я, — но когда чады становятся взрослыми...

— Несчастный! — воскликнул он. Отшатнулся, пугливо перекрестился, перекрестил меня. — Пади на колени и моли Господа за такую ересь!

Я молча повернулся и пошел к выходу. Священник торопливо читал требник. На пороге я обернулся, захотелось оставить за собой последнее слово:

— Так вы, святой отец, совсем не гордитесь, что вы — создание Божье?

Священник смотрел на меня с отчаянием. Я уже открывал дверь, когда он вскочил и, быстро-быстро семеня старческими ногами, устремился ко мне. Лицо его покраснелось от усилий, он задыхался, сказал торопливо:

— Не знаю, поможет ли... Но, прошу тебя...

Меня передернуло, когда он расстегнул ворот. Шея дряблая и худая, как у помирающего от старости гуся, такие же дряблые пальцы с подагрическими суставами ухватились за тонкую серебряную цепочку с крохотным серебряным крестиком на груди.

— Возьми... Это... может пригодиться...

Я интеллигент, отказывать как-то вот так прямо в глаза не могу, я даже могу что-то пообещать, а потом, естественно, найду тысячу убедительных доводов, почему так не надо делать.

«Выброшу, — подумал я. — Выйду за ворота и выброшу».

Но молча наклонил голову. Священник надел мне цепочку, голова и шея у меня оказались еще те, едва налезла, чуть уши не оборвал, священник заморился так, что мне стало жаль старого несчастного человека, погрязшего в суевериях.

— Спасибо, — сказал я. — Э-э... я оценил жест. Спасибо.

Постояв перед собором, но не с моим умением замечать слежку, отмечаться перед витринами не умею, да и где здесь витрины, я двинулся в соседний квартал. Кроме церковного собора где-то в центре обязано быть нечто подобное Ленинке. Ну, пусть не Ленинке или даже Некрасовке, но библиотеки существовали во все времена, а здесь, в европейской части, где даже короли не умели читать и писать, монахи сразу создавали собственные книгохранилища. Сперва из подручного материала, изучая врага изнутри, а потом уже начали записывать свои видения, откровения, поучения, искушения и прочие примеры духовных подвигов с местными дьяволами.

Издали донеслись крики. Я повертел головой, привстал на цыпочках. С моим ростом видно поверх забора, как по параллельной улочке мчится оборванный человек, а за ним толпа разъяренных мужиков. У кого в руках дубины, у кого камни, а у двоих я заметил настоящие боевые палицы.

Беглец свернул, промчался по переулку. Он мчался прямо на меня, я увидел перекошенное страхом потное лицо, раздутые в беге ноздри и раскрытый рот. По фигу все погони на белом свете, я отступил в сторону, улица узкая, пусть бежит свободно. Беглец от неожиданности даже зашпатыкался, я, по его логике, должен вообще перегородить дорогу, а то и шарахнуть по голове рукоятью топора, если не обухом... а то и острием, но я отступил в сторону еще и еще, вообще прижался к стене здания, за топор не хватался, и бегущий пробежал как затравленный заяц, готовый упасть и проскользнуть у меня под ногами.

Спустя мгновение из-за поворота выбежала галдящая толпа, похожая на многоногое и многорукое вопящее чудовище. Над головами мелькают палки, дубины, сжатые кулаки. Я поморщился, шагнул на середину улицы и взял в обе руки топор.

— Стоять! — Голос мой прозвучал уверенно, я старательно подражал Ланзероту. — Что за самосуд?

Толпа готова была, казалось, смять меня на бегу, но я вскинул топор, поиграл лезвием, бросая солнечные зайчики им в глаза, и показал всем видом, что снесу голову всякому, кто осмелится подойти первым. Мужики галдели зло и растерянно, кое-кто попытался протиснуться сзади. Я ударил, не глядя, угодил обухом, руку тряхнуло, донесся треск и болезненный стон.

— Доблестный рыцарь! — крикнул один рассерженно. — Ты не здешний, чего лезешь?

— Нельзя вот так, — возразил я.

— А как можно? — заорали со всех сторон. — Как можно? Как этот Шершень — можно?

— Кто такой Шершень? — осведомился я надменно.

Мужики закричали наперебой:

— Он обокрал лавку Колуна!

— Он зарезал вдову Гамбуса и ее двух малых детей!

— Он страшится сильных, а грабит самых сирых и беззащитных!

— Он обесчестил дочь судьи прямо в его саду, а потом вошел в дом, вынес дорогие вещи и зарезал старую мать судьи!

— Он...

— А еще...

Я поворачивался во все стороны. Краска прилила сперва к щекам, потом запыхали уши. Они галдели, потрясали кулаками. Самые нетерпеливые уже проскользнули мимо, как только уверились, что больше топором махать не стану. За ними последовали и другие. Только один остановился передо мной, укоризненно покачал головой, еще кто-то плюнул мне под ноги.

Я сгорбился, уже не до прогулок, спрятал топор, стараясь сделать его как можно незаметнее, потащился обратно к постоялому двору.

— Эй, друг! — послышался возглас.

Меня догонял невысокий мужчина, черноволосый, с красивым ястребиным носом, черной аккуратной бородкой, что выглядела как небритость двухнедельной давности, глаза живые, острые, с чувством юмора.

— Да, — ответил я убито, — слушаю.

— Не убивайся, — сказал мужчина неожиданно мягко. — Не убивайся, говорю!.. Эй, Гасан, у тебя есть еще хороший эль? Принеси кувшин и две чашки. Чистые!

Я дал увлечь себя под полотняный навес за стол. Не приметного вида хозяин поставил на середину стола кувшин и две чашки, исчез. Чернобородый повторил мягко, настойчиво:

— Не терзайся. Садись, садись поудобнее! Твое побуждение было благородным. Твое сердце велело тебе прийти на помощь обиженному, вот ты и пришел... Это нормально для ребенка. Не обижайся, все мы в этом мире дети. Взрослеем очень медленно... И не все одновременно. Ты видел, как растет щенок?.. То голова, то ноги, то уши... Есть даже две стадии: «скамеечка» и «табуреточка», когда щенок растет либо только в длину и похож на скамеечку с короткими ножками, то тянется вверх в короткую табуреточку с длинными ногами. К тому же еще сердце чаще всего отстаёт в росте, не успевает... А про мозги уж молчу. Десятимесячный щенок ростом уже со взрослую собаку! Но какой дурак, верно? Так и мы, люди. Я не про отдельных людей, это понятно, а про человечество. В одних королевствах живут брюхом, в других — сердцем, в-третьих... хотел бы сказать — умом, но таких пока нет. Есть только королевства, где людей, поступающих по уму, гораздо больше. Не знаю, что тому причиной, но в ряде королевств даже короли руководствуются умом, а не детским тщеславием, обидами, гордостью, жадностью...

Пока он говорил, быстро, живо и очень убедительно, я потягивал этот эль, который показался чересчур крепким. Эль, как я считал, это доморощенное пиво, а этот напиток больше смахивает на дорогое вино. Когда собеседник умолк и сам припал к кружке с вином, я спросил тоскливо:

— Это где же такие королевства?

Он осушил чашку один духом, налил вторую, эту смаковал медленно, осторожными глотками. Отвечать не то-

ропился, но я молчал, смотрел с ожиданием, и он сказал с прежней мягкой улыбкой:

— Ты поступил по велению сердца. Это лучше, чем по велению брюха, но все же лучше бы по уму...

Улыбка его была извиняющаяся, вроде бы предложил мне не то глупость, не то что-то совсем уж непонятное. Я буркнул:

— А как по уму? Задержать и тащить в суд? Так задержи я, тут же прямо растерзали бы. И ничего бы я не смог...

Он наклонил голову.

— Ценю твои нравственные метания. Однако почему не решить, что этим местным жителям виднее, кто у них в городе вор, а кто законопослушен? И что они, при всех своих недостатках, могут все же точнее определить вину своего односельчанина, чем ты, чужак?

Я пробормотал:

— Могут быть отдельные ошибки следствия...

Он возразил, ничуть не удивившись такой терминологии:

— Могут, но это одна на сто тысяч!.. А так ты дал уйти неуловимому вору. Который попался лишь по случайности, а теперь натворит зла намного больше. Он убил, как я слышал, двадцать семь невинных горожан, в том числе их жен и детей, а ты его спас. А сколько убьет еще, мстя обидчикам? Что, останешься и будешь его ловить? Не останешься, у вас, как догадываюсь, долгий путь, а задерживаться не в вашей власти. Дорогой юноша, начинай жить по уму. По сердцу — это детство. Милое, но все же... не умное. Начинай жить по уму.

Он отодвинул кружку, в темных живых глазах блеснули багровые искорки. Мне стало не по себе, но увидел такие же отблески на стене, понял, что хозяин за моей спиной зажег очаг. Чернобородый снисходительно улыбнулся, словно понял мой испуг. Поднялся он довольно неожиданно. Я подниматься не стал, отяжелел от вина, тело в приятной истоме, отдыхает, спросил:

— Погоди, ты говорил, что есть королевства... где поступают по уму?

— Есть, — ответил он с улыбкой. — По крайней мере стараются поступать по уму. И чаще поступают все-таки по уму.

Он отступил еще на шаг. Только сейчас я заметил, что ночь уже наступила, тень скрыла моего собеседника почти целиком, в багровом свете близкого очага оставалось только его лицо, да на уровне груди колыхались во тьме белые кисти рук. Но багровые огоньки в глазах стали ярче.

— Что за королевства?

— Узнаешь, — ответил он. — Скоро.

Мрак поглотил его без всплеска, как болото проглатывает камень.

Какое это все-таки блаженство — рухнуть не на голую землю, не на ложе из еловых веток. Еловые ветки, голая земля — это для героев, а из меня какой рейнджер? Зато вот так завалиться на матрас, настоящий матрас, хоть и набитый сеном! Плюс — настоящая подушка, пусть даже жесткие перья продырявливают ткань и царапают щеку! Одеяло тоже настоящее, тряпчатое, а не дурно пахнущие и жесткие шкуры...

Я помылся в бочке с водой, вызвав молчаливое неодобрение таким странным ритуалом, растерся и скользнул под одеяло. Рудольф лег одетым, Бернард тоже снял только железный панцирь и кольчугу, Асмер вообще устроился где-то в коридоре, дабы перехватить гадов еще на полдороге.

Блаженное тепло начало изливаться из печени и сердца на периферию сразу же, едва я в наслаждении рухнул на матрас. Перед глазами проступили картинки, еще я чувствовал, что лежу на мягком, пахнущем сеном, но другая моя часть отделилась, вознеслась в восторге, ликования, радостном и необъяснимом.

Сердце стучало чаще, дыхание пошло горячее. Я оглядывал мир так, словно впервые увидел это звездное небо, этот зловеще прекрасный диск огромной мертвенной луны,

этот черный иззубренный край леса, что таинственно и страшно впиается остриями деревьев в небосвод.

— Нет, — прошептал я, — такая красота не может принадлежать Силам Тьмы... Это создано... нет, не Тьмой, не Тьмой! Как и вся красота на свете, телесная или духовная... Как прекрасен этот мир...

Я чувствовал, как душа открывается навстречу этому странному небесному свету, что разлит и в ночи, и в этой тьме, что так же угодна Богу, как и свет солнца. С глазами от восторга произошло что-то странное: я чувствовал, что поднимаюсь над землей, хотя в то же самое время ощущал и хрустящее сено матраса под спиной и боком, и даже острый кончик перышка у щеки, однако восторг вздымал выше, я посмотрел вниз и увидел самого себя, с глупо вытаращенными от восторга глазами и распахнутым в глупой улыбке ртом.

Я счастливо засмеялся, взлетел выше, повернулся вокруг оси, счастливо ощутил, что это мне подвластно, что я или моя душа в состоянии летать, парить, взмывать на крыльях веры, преданности принцессе и этим, везущим кости Тертуллиана...

Я смеялся и летел над землей все быстрее и быстрее, наслаждаясь немыслимым полетом. Темный лес с освещенными серебряной луной вершинами казался темным морем, из этого мрака торчали глыбы серебра, на полянах кружились искры. Я запоздало понял, что это и есть те эльфы, о которых как-то у костра рассказывал Бернард... но которых он сам не видел.

Хотел вернуться, посмотреть ближе, но впереди внезапно блеснуло. Я несея быстрее любой птицы, быстрее дракона, о которых так любят рассказывать старики, и уже через пару мгновений различил быстро увеличивающийся в размерах мрачный замок из массивных глыб серого камня. Вблизи он уже не казался блестящим, хотя лунный свет высвечивал до основания: замок на вершине большого каменистого холма. Вокруг замка только камни, ни рва, ни вала...

Замок поворачивался, как игрушечный. Я рассмотрел башенки, мостики, переходы. Темные окна-бойницы смотрели мрачными провалами, только в двух окнах горит свет. Я подлетел ближе, в теле необычная легкость, ни страха, ни удивления, что бывает только во сне, когда ничему не удивляешься, ощущаешь только тихую светлую радость безгрешной души.

Через окно виден только краешек освещенного свечами помещения, ничего ужасного, но бестелесное тело пронизал странный холод. Подсвечники на столе и на стенах массивные, из старой меди, свечи толстые, почему-то черные, на столе два человеческих черепа, в глазницах одного глумливо горят свечи.

За столом мужчина, а второй, стоя спиной к окну, размешивает в широком тигле угли. Я уже почти полюбил запах костра, но сейчас такой же аромат горящих углей казался зловещим, от них исходит смрад, пахнет горячей смолой, серой...

Холод пронизывал все сильнее. «Тело тяжелеет, — мелькнула тревожная мысль, — надо убираться прочь. Если упаду, разобьюсь насмерть... а если даже не разобьюсь, утром Бернард все равно найдет на постоялом дворе бездыханное тело».

Человек за столом как будто ощутил присутствие. Я содрогнулся, когда тот поднял голову и посмотрел мне прямо в глаза.

— Так, — сказал он бесстрастно, — ты уже здесь... Улаф, взгляни на гостя.

Второй обернулся. Я содрогнулся всем невесомым телом. Вместо лица у второго безобразная звериная морда, густо заросшая черной шерстью. Маленькие глаза горят багровым, как угли догорающего костра. Пасть распахнулась, я услышал короткий рев.

Человек за столом кивнул.

— Ты прав, — сказал он со зловещим удовлетворением. — Это и есть тот, кто убил моего верного вассала... а твоего брата. Взгляни на него внимательнее! Ты должен найти его и убить.

Человек со звериной мордой рванулся к окну. Я инстинктивно отпрянул и повис в воздухе в двух шагах от стены. Зверочеловек проревел люто, слюна потекла от бешенства. А громадные зубы лязгали в судороге:

— Ты... я убью... Я убью!

Я с трудом заставил свои помертвевшие губы шевелиться.

— Твой брат был не прав... Он всего лишь понес заслуженную кару.

— Я убью! — проревел Улаф.

— Человек предполагает, — сказал я, — а Господь располагает.

Я сделал усилие осенить себя крестным знамением, здесь это действует как чашка крепкого кофе, освежает и отрезвляет, но рука не слушалась. Человек за столом поднялся, вперил указательный палец и что-то выкрикнул. Я ощутил, как все тело отяжелело, стена перед лицом заскользила вверх все быстрее и быстрее. Ветер ударил снизу, в голове полыхнула паническая мысль, что тело обрело подлинный вес, я теперь разобьюсь о камни внизу.

— Господи! — воззвал я мысленно. — Если в этом мире ты еще есть... Душу свою тебе вверяю!.. А тело... это всего лишь плоть... Не покинь меня в мой последний миг.

Наяву я никогда бы не сказал таких слов, но сейчас они выплеснулись прямо из моего сердца. Подошвы с силой ударились о твердое. Я завалился на бок, перекатился. В замке, который теперь нависал надо мной, как огромная скала, заслоняющая полмира, раздались громкие голоса. Со скрипом начали открываться двери. Блеснули наконечники копий, влажный блеск на металлических шлемах.

В панике я подпрыгнул, страстно желая снова взвиться в воздух... и тело послушно пошло вверх. Сперва медленно, будто воздушный пузырек продавливался сквозь густое молоко, а потом все быстрее и быстрее.

Из окна высунулись две головы, на человеческой и звериной я разглядел сильнейшее разочарование, неисто-

вую злобу. Вдогонку неся злобный вой Улафа, но навстречу летели звезды, простые и хвостатые, внизу замелькал лес, далеко справа на горизонте проплыли горные пики, а потом я усмотрел город, постоянный двор, знакомый колодец во дворе...

Я замедлил полет уже у самой земли, сжался в ком, неприятное ощущение, когда проходишь сквозь стену, пусть даже дощатую, неслышно опустился в комнате, вошел в свое тело из мяса и костей. Бернард заворочался, что-то пробурчал во сне.

Я притворился спящим, хотя сна уже ни в одном глазу. Бернард привстал, со стороны окрашенного рассветом окна на плечи пал слабый луч, потом я ощутил на себе пристальный взгляд старого воина. Я затаил дыхание, потому что Бернард подошел вплотную и навис над моим телом. Из-под опущенных ресниц я видел, как к моему горлу потянулись огромные ладони. Я зажмурился плотнее, затаил дыхание.

Что-то накрыло сверху, а когда я осмелился приоткрыть один глаз, меня до самого подбородка укрывало толстое одеяло. Бернард уже сидел на лавке, смотрел на плотно закрытую и подпертую поленом дверь. Брови сдвинуты на переносице, красная заря страшно и зловеще подсвечивает крупное лицо.

Я продолжал притворяться спящим, пока блаженное тепло не разошлось по всему телу, я снова летал, перепрыгивал с одной плоской крыши дома на другую, избегая запутаться в антеннах и проводах... а потом грубая рука сорвала одеяло.

Я распахнул глаза. Солнце уже приподнялось над краем леса. Бернард выглядел сердитым.

— Вставай! Сколько можно спать? Рудольф, дай парню пару монет на дорогу и обустройство. И малость из новой одежды.

Я выставил перед собой ладони.

— Не нужно! Ничего не нужно. Неужели я со своими руками не найду себе работы?.. Лучше скажите, кто такой Улаф?

Руки Бернарда замерли над головой. Он медленно повернулся, влез все-таки в широкую перевязь с топором, острые глаза впились, как пущенные сильной рукой стрелы.

— Какой Улаф? — потребовал он резко. — О ком ты говоришь?

— Просто Улаф, — пробормотал я, голос Бернарда показался чересчур злым. — Морда у него только не очень-то человеческая. Можно даже сказать, звериная.

Бернард обернулся, взгляд протыкал насквозь, как острия ножей лист чертополоха.

— Откуда знаешь про Улафа?

Я пробормотал:

— Снился...

— Снился? Разве может сниться то, чего не видел?

Асмер прислушался к разговору, вставил со знанием дела:

— Может. Только это зовется видениями.

Бернард не отрывал острого взгляда от моего лица.

— Видения посещают отшельников, — отрезал он. — Да еще всяких аскетов, что сидят без мяса, умерщвляют... А с твоей мордой да видения?

Асмер возразил мирно:

— Ты чего на парня кинулся? Когда меня снежная буря в горах с дороги сбила и я две недели скитался, не жравши, меня еще не такие видения посещали!

— Здесь нет бури, — отрезал Бернард. — А мы в походе.

Асмер посмотрел на Бернарда, на меня, хмыкнул, сказал весело:

— А вдруг он избранный, кто знает? И ему надо было в священники, а ты насильно то в воины, то в землепашцы? Вдруг его оружие — крест, а не плуг или меч?

Оба захохотали, довольные. Я представил себя в монашеской рясе и с Библией в руках. Губы поползли в стороны. Знали бы они, каким «почетом» пользуются попы в моем обществе!

Ланзерот появился, сказал повелительно:

— Быстро всем завтракать, да поживее!

Асмер сказал живо:

— Я уже заказал, чтобы нам собрали и в дорогу.

В таверну спустились вместе, только принцесса отсутствует, ели быстро, впрок, Асмер проследил, чтобы три круга сыра и пять ковриг хлеба увязали в чистые холстины. Пока ели, в мою сторону посматривали с недоумением, почему я все еще здесь, но я опустил голову, жевал мясо быстро и сосредоточенно, как делают все, смотрел в тарелку, слышал фыркание коней во дворе. Они уедут, а я останусь в благополучной деревне? Пусть даже в этом городке? На всю оставшуюся жизнь... которая в Средневековые и так коротка? И потеряю шанс попасть в те странные королевства, где живут умом? Только там у меня есть шанс найти дорогу обратно в свой мир...

Потом все вышли во двор, принцесса разговаривала с женой хозяина, быки уже запряжены, Асмер проследил, чтобы припасы вынесли, а в повозку загрузил уже сам. Алые отблески рассвета, похожие на отсвет адского пламени, играли по лицу принцессы, но ее нежное лицо оставалось таким же чистым и светлым. Жена хозяина шепталась, раскланивалась, указывала в сторону колодца, принцесса слушала внимательно и вместе с тем рассеянно. Священник появился, как обычно, с раскрытой книгой в руках, не отрываясь от чтения. Строгое до фанатизма лицо время от времени вспыхивало неземным светом. Оставались последние минуты перед расставанием, мужчины уже пошли седлать коней.

Я осторожно приблизился к принцессе. Она повернула голову в мою сторону. Я увидел нежное лицо, чистые строгие глаза, тонко очерченные брови, и волна непривычной нежности ударила в грудь, наполнила, поднялась в мозг.

Колени мои подогнулись, глаза оказались на уровне ее глаз, не по возрасту строгих, вопрошающих.

— Госпожа, — сказал я и ощутил, что мой голос звучит страстно, с хриплыми нотками, слово в самом деле идет

из самой глубины сердца, хотя сердце всего лишь мускулистая мышца для перекачивания крови. — Госпожа!.. Я старался послужить тебе... но мне просто не довелось, не выпало случая!.. И никогда не обращался с просьбами. Но вот теперь... теперь умоляю!

Краем сознания отметил, что говорю таким высоким стилем, каким уже не говорят мои современники. Высокие и сильные слова забыты, осмеяны, а все отделяются шуточками, но сейчас я говорил и чувствовал, что говорю именно я, тоже привыкший прятаться за щитом анекдотов и шуточек над всем и вся.

Она произнесла с холодноватым участием:

— Говори, Дик. Ты спас меня, благодарность никогда не уйдет из моего сердца.

Ланзерот и Бернارد, нахмурясь, наблюдали за этой сценой.

— Умоляю, — сказал я и ощутил, что говорю именно я, который никогда не произносил таких слов, чтобы «не уронить себя», — умоляю, позволь оставаться твоим слугой и дальше!.. Позволь ехать в твои края, чтобы служить тебе и там.

Принцесса покачала головой. Глаза ее стали печальными.

— Нет, Дик, — произнесла она тихо. — Ты даже не представляешь, насколько опасен наш мир. А в этих Средних Землях люди счастливы! Они живут, не зная злобы, ненависти, страха... Здесь тот мир, который будет и там, у нас, когда мы... если мы... победим. Если устоим перед натиском Тьмы.

Ланзерот морщился. Похоже, он полагал, что нельзя такие слова говорить мужчине, даже простолудину. Особенно — молодому. Да еще когда такое говорит молодая женщина.

— Ваша светлость, — вмешался он. — Оставьте это решение нам. Мы уж излечим этого... хорошего парня от его дурн. Дик, помоги Асмеру запрячь волов!

Голос рыцаря, как я ощутил сразу, холодноват и недружелюбен, даже враждебен. Бернارد вовсе отвернулся

и седлает своего вороного. Принцесса окинула меня ласковым взглядом, от которого сразу воспламенилось сердце, ушла в повозку.

Когда запрягали волов, Асмер сказал покровительственно:

— Дурень, в этих селах такие девушки... Я разглядел, у меня глаза самые острые.

— Как у орла? — пробормотал я.

— Дурень, орел передо мною — слепой крот. Так что я скажу тебе, оставайся, будешь как сыр в масле. Парней тут совсем маловато, да и те хлипкие... А ты вон какой удался!

Я ответил с неловкостью:

— Просто наш... край не голодал.

— Это заметно.

— Асмер, я не знаю, как объяснить... Я жил в самом деле не зная хлопот! И беспечно. Все так жили, и я жил. У нас все так живут. Все как все. Понимаешь? Да теперь и я не совсем понимаю. Но вы... вы по-другому. Я с вами две недели, но я живу и чувствую себя немножко по-другому. Может быть, сейчас я даже более правильный, чем тот, который жил в... моем благополучном крае.

Он слушал внимательно, в темных глазах я видел понимание, хотя я говорил скомканно даже для самого себя, ибо по-прежнему врал, темнил, не говорил и половины правды, да и нельзя сейчас правду.

— Гм, — сказал он наконец. — Гм... а ты не совсем простолюдин. Скажи, не скрываешься под шкурой простолюдина от опасных врагов? Может быть, ты — рыцарь, который дал какой-то обет? Или сын короля Руперта, который исчез, говорят, сразу после рождения?

Изморозь прошла по моему телу. Я поспешно потряс головой.

— Рыцарь? Да ты что? Разве я похож на рыцаря?

Он скупно усмехнулся.

— Вот-вот. Ты даже не заметил, что отказываешься от рыцарства с таким видом, словно я предложил слишком мало. Ладно, я не знаю твоих обетов. Но и другие замечают,

что в тебе нет почтения к благородным. Мы в опасном походе, не до манер, понимаешь? Но в замке ты бы за прямой взгляд или грубое слово висел уже на городских воротах.

Я сглотнул ком в горле.

— Учту. Спасибо, Асмер.

— Не за что, — ответил он ровным голосом. — Да может Господь тебе в твоём квесте.

Глава 9

Они запрягли волов, я обреченно ждал, что Лансерот даст приказ всем двигаться, а мне остаться, но неожиданно уже на коне подъехал Бернард. Заново внимательно осмотрел меня с ног до головы, смерил взглядом ширину плеч, выпуклую грудь, но с особым, каким-то странным напряжением всматривался в мое лицо,

— Лансерот, — сказал он хмуро. — Тебе что, не нужен лишний носильщик?.. Даже если погибнет в первый же день, зато будет кому смотреть в дороге за животными.

Лансерот бросил в мою сторону быстрый взгляд. Впервые я уловил на его бесстрастном лице признаки несвойственного рыцарю колебания.

— Зачем он нам?

— Лансерот!

В голосе Бернарда я уловил намекающие на что-то нотки. Лансерот возразил:

— Он сгинет на полдороге к перевалу.

— Его смерть будет на моей совести, — заявил Бернард.

— Ну да, — сказал Лансерот, — одной больше, одной меньше... А что ответишь Господу на Страшном суде?

— Отбрешусь, — отмахнулся Бернард. — Зато с паршивой овцы хоть шерсти клок. Если он по доброй воле, его кровь не запятнает наши руки. А предупредить... уже предупредили.

Лансерот поморщился:

— Предупредили? Этот олух хоть представляет, куда мы едем? Хорошо, еще сутки!.. Расскажи ему о нашем королевстве. Но только правду! Он сам сбежит.

Мое сердце колотилось так, что мир шатался, а в седло удалось взобраться только с третьей попытки. Я подумал, с чего это так счастлив, если там обещают жуткую смерть в первый же день, но беспричинное ликование раздувало грудь, как труха распирает перезревший гриб.

Асмер подмигнул:

— А знаешь, почему Ланзерот позволил тебе ехать еще сутки?

— Почему?

— Ты что-то брякнул про Улафа. Ты что о нем знаешь?

Я вспомнил страшный сон, поежился. Все тело опахнул странный холод, словно по голой коже посыпался мелкий злой снежок.

— Да ничего... Просто его видел...

— Какой он?

Я, как мог, описал Улафа. Асмер кивнул.

— Да, это он. Улаф — один из сильнейший рыцарей короля Карла. Говорят, он продал душу дьяволу, тот его сделал сильнейшим на земле, но как свой знак наделил его звериной мордой. Они с Ланзеротом сшибались дважды. Гром и треск окрестный люд слышал за милю! И зарница на полнеба... Теперь оба рыщут в поисках третьей, последней схватки. И Ланзерот, возможно, надеется, что ты можешь подсказать, где этот Улаф.

Я спросил тревожно:

— А что мне надо узнать о вашем королевстве?

Асмер помрачнел, ехал молча. Я хотел повторить вопрос, Асмер внезапно выбросил руку в сторону. Я проследил за указующим перстом. Почти у края земли едва заметные домики, ровные квадраты полей, темная зелень садов.

— В той деревне и не представляют, — сказал Асмер непривычно жестко, его обычно чистый музыкальный голос стал хриплым, — что за жизнь в пограничных коро-

левствах!.. У вас здесь если кто-то кому морду набьет — это разговоров на месяц, свинья опоросилась — неделю судачат..

— А у вас?

— У нас то одна деревня, — сказал Асмер, — то другая... просто исчезает ночью. Из тех, кто выдвинулся дальше других... В лучшем случае находим обглоданные кости.

— Звери?

— Хуже. Люди.

Я ощутил, как по спине снова пробежал липкий холодок страха.

— Люди?

— Люди хуже зверей, — объяснил Асмер так обыденно, что я с прежним холодом понял, что для Асмера это так же понятно и привычно, как то, что вслед за летом приходит осень, а потом — зима.

— Но люди ж не едят людей...

— Еще как, — ответил Асмер мрачно. — И вовсе не из голода, понимаешь?

Я прошептал:

— Нет...

Асмер снова надолго замолчал. Я настолько свыкся с седлом и конем, что иногда казалось, что я стою на месте, а навстречу сами плывут деревья, обходят справа и слева, над головой проплывают зеленые ветви. Подъехал Бернارد, взглянул раздраженно на Асмера.

— Знакомишь с Зорром? Расскажи, расскажи... Нет, я сам скажу этому молодому дурню. Он не понимает, что в наших землях не прожить и дня жителю... ну, их теплых нор. Не говоря уже о землях Тьмы, куда не решаются уходить даже самые отважные... но даже в самой простой и мирной деревне королевства Зорр надо постоянно быть готовым к бою.

Я спросил невольно:

— Почему?

— Эх... — сказал Бернارد, в суровом голосе прозвучала смертельная усталость и насмешка. — Ты можешь себе представить, что дерево может прыгать с места на место?..

Не часто, конечно, неделями готовится, вытягивает корни, но зато разом прыгает шагов на пять, а то и больше. И если ты не был в какой части леса с месяц, то у тебя уже нет ориентиров... Всякий раз по новому лесу! Трава другая, листья то острые, как бритва, то с острыми, как крючки для ловли рыбы, шипами. Постоянно дерутся друг с другом, топчут, захватывают земли, и с каждым годом лес все смертоноснее... Да что там лес! Я ж говорил, даже в родной деревне мужчины круглые сутки несут охрану. У нас заборы не только вокруг городов, но даже деревни мужики ограждают, а сами дежурят на вышках! И все равно каждый крестьянин, даже крестьянский ребенок, знает, что делать, когда по земле скользнет крылатая тень, когда ветер донесет волчий запах...

Асмер коротко хохотнул, перебил:

— А помнишь, к нам как-то приехал один знатный рыцарь с оруженосцами? В первую же ночь сожрали всех его слуг, а когда он все увидел, ужаснулся и хотел уехать, какая-то крылатая тварь подхватила его за воротами вместе с конем...

— Рыцаря? — спросил я.

Бернард сдвинул плечами.

— Наверное, позарилась на блестящие доспехи. Все крылатые любят блестяще. А жаль... Доспехи бы пригодились. У него добротные доспехи... были. Из хорошей закаленной стали. Так что всякий, кто приезжает к нам из ваших избалованных земель, может сразу рыть себе могилу.

Долгое время ехали молча. Я пытался представить себе жизнь этого пограничного королевства, но выходило что-то вроде линии, где Россия соприкоснулась с мусульманским миром. Оттуда надвигается нечто непонятное, злое, истребляющее наш мир, а мы только слабо отбиваемся, ропщем, мечтаем как-то уцелеть, обойтись без драки, сами уваливаем от стычек и детей отмазываем от армии...

Конь под Бернардом тревожно фыркал, прижимал

уши, будто увидел огромного волка, храпел. Я посмотрел на Бернарда и ужаснулся. Лицо старого воина потемнело от внезапного гнева, глаза сверкают, а верхняя губа приподнялась, показывая крупные желтые зубы, уже основательно стертые, но все еще ровные и крепкие.

— Мразь... Мерзавцы!.. Хуже даже чем Тьма, с которой сражаемся. Там все понятно. Но когда удар в спину!..

Он задохнулся, каменное лицо изломала гримаса. Мне почудилось, что трещины пойдут глубже, раздастся треск, посыплется гранитные осколки. Бернард злыми глазами смотрел прямо перед собой, вздрогнул, потер рукой в железной перчатке грудь.

Асмер сказал мне негромко:

— Это он о королевстве Морданте.

— А что это?

— Соседи. В прошлом были знатные рыцари. Хороший рыцарский род... Конечно, мы всегда соперничали, набирая силу. Мы начали одновременно строить замки, крепости, плечо к плечу дрались с нечистью. Ну, не мы сами, а наши прадеды-переселенцы. А потом, когда отеснили нечисть, то, понятно... Понятно?

— Нет, — признался я.

— Начали соперничать друг с другом, — объяснил Асмер. — А как же иначе?... Сперва в торговле, на турнирах, а потом и потихоньку баловались набегами... Но если мы все в рамках рыцарства, даже набеги, то они, надеясь с нами покончить, вступили в союз с Темными Силами!

Я ахнул.

— Да как они... могли?

— Человеческое тщеславие — страшная вещь. Но сейчас у нас мощи святого Тертуллиана, к тому же... не знаю, можно ли тебе это сообщать, но мы возьмем доспехи и оружие, скованные лучшими оружейниками империи!.. Мы разобьем Морданта, разрушим их замки и крепости, а на том месте заставим вспахать землю и засеять рожью!

Асмер задохнулся от ярости, как до этого Бернард. Похоже, везде соседа ненавидят больше, чем дальнего

врага. Я слышал его шумное дыхание, потом Асмер сказал отрывисто:

— Что-то повозка отстает... Подожду.

Бернард кивнул. Дальше мы ехали некоторое время молча стремя в стремя. Дважды Бернард задирает голову, глаза обыскивали небо, но и тогда лицо оставалось злым и суровым, словно смотрел в наполненную гадами пропасть.

Я с сочувствием смотрел в немолодое лицо. Скала скалой, но все же прошлые схватки, битвы, сражения, просто тяжелые походы и ночевки у костра оставили свой след. Как на лице, так, возможно, и на сердце. И сердце — это инфаркты, ишемия, недостаточность, давление...

Тяжелые брови старого богатыря сомкнулись на переносице. Глаза потемнели, смотрят вперед невидяще. Возможно, вспомнил о погибших и тех, кому предстоит погибнуть.

Я сказал негромко:

— Но если жизнь там так ужасна... Бернард, ты, можно сказать, свой долг перед человечеством выполнил. На тебе шрамов больше, чем на молодом щеголе пуговиц.

Он взглянул исподлобья, с подозрением.

— О чем ты? Что за дурная привычка говорить издалека, как будто готовишь удар в спину!

— В моих краях, — сказал я торопливо, — есть обычай, что людей, которые очень много трудились или воевали... а потом уже постарели... но даже если еще в состоянии пахать или держать меч, их все равно отпускают на покой. Покой — это когда они в тепле и достатке, уже не подвергают себя лишениям. Они, понимаешь, уже заслужили отдых!

Послышался топот, на красном коне выметнулся из-за зеленого леса и пошел догонять нас такой же красный, как и конь, шар. Если бы не торчащие из-под шлема длинные красные волосы, не красная всклокоченная борода, я все равно узнал бы Рудольфа, только у него красный щит, красные штаны и даже сапоги красные.

Конь готов был мчаться дальше, но Рудольф остановился подле нас. Рот распахнулся, хотел что-то сказать или сострить, но увидел суровое лицо Бернарда, хлопнул рот с таким стуком, что конь прятнул ушами.

Бернард качал головой.

— Что за подлые у вас края... То-то ты весь странный. Я не подлый наемник, Дик! А наемники, запомни, все подлые. Все. Не подлых не бывает. Я не наемник, который дерется за плату, чтобы потом на отдых... Нет ни покоя ни отдыха тем, кто защищает родину, добро, Имя Господа. Мы отдаем себя целиком, только так можно... и надо...

Рудольф зевнул, сказал с полнейшим равнодушием:

— Бернард, оставь. Он не понимает. Он думает, что жизнь там, в благополучии. А для мужчин это прозябание. Да и вообще для людей. Ну и что, если мало кто из нас доживет до седых волос вообще? И что никто еще не умер в постели от старости? Человек все равно умрет! Даже короли мрут как мухи. Так не лучше ли прожить красиво?

Я опустил глаза. Мое поколение, которое уже выбрало пепси, это «прожить красиво» понимает иначе.

— Там Ланзерот подстрелил оленя, — сообщил Рудольф. — Пока подъедет повозка, мы успеем освежевать!

Еще сутки пути, а вечером Ланзерот едва ли не впервые обратился ко мне, хотя голос звучал все так же холодно и недружелюбно:

— Все. Там за холмами последнее мирное село, куда все еще не дотянулись Черные Силы. Но даже здесь ты не будешь в безопасности. Бернард, везти дальше этого молодого простолюдина — гибель.

Бернард кивнул:

— Да, я ночью об этом уже думал. Оставим... Дик, ты слышал?

Я ответил мертвым голосом:

— Слышал.

Принцесса сказала ласково:

— Дик, я освобождаю тебя от присяги служить мне и повиноваться мне. Ты свободен.

Священник осенил меня крестным знамением. Глаза его так и впились в меня. Ожидал, наверное, что закричу страшным голосом, меня охватит пламя или превращусь в черта с рогами и длиннющим хвостом. Но хотя ничего не случилось, острое лицо осталось таким же злобным и подозрительным. Ты защитился какими-то заклетами, говорил его взгляд, но сила Божья со мной, и я тебя, проклятое исчадь ада, все равно изыду и обращаю в прах!

Солнце опускалось к горизонту, Ланзерот выехал вперед, высматривал место для ночлега. Я вертелся в седле, чувствуя странный зуд. Очень уж узнаваемые холмы и овраги тянутся справа и слева. Мучило странное ощущение, что уже все это видел. Сердце стучало все чаще. Бернард поглядывал с сочувствием, буркнул:

— Ты будешь жить долго и счастливо. А это... это все забудется.

Я ответил невпопад:

— Сэр Бернард, если найду по дороге меч, мне позволят его оставить себе?

Бернард сдвинул тяжелыми плечами.

— Нет, конечно... Все, что найдет простолюдин, принадлежит его владельцу.

Асмер быстро вставил тоном знатока:

— Или хозяину земли, где нашел!

Бернард кивнул, по крайней мере я так истолковал это едва заметное шевеление огромного котла на массивном теле.

— Да, или владельцу...

— Э-э-э! — раздалось сзади могучее. Рудольф ехал за нами следом, а еще дальше тащились волю с красной в лучах заката повозкой. Глаза Рудольфа были хитрые, он захохотал победно. — Законники!.. А у Дика случай-то особый!

Бернард бухнул, как ударил обухом в толстое дерево с огромным дуплом:

— Какой?

— Догадитесь с трех раз.

Бернард задумался, Асмер же, более быстрый, вскричал обрадованно:

— Ну, еще бы! Как я сразу не подумал? Рудольф, ты не такой дубина, как выглядишь. Дик уже свободен от клятвы служить принцессе, но еще не принес клятвы другому господину! Так что все, что найдет на ничейной земле, в самом деле станет его собственным.

Я привстал в стременах, глаза жадно шарили по долине. Сверкающие горы все так же далеко, слева темный лес, вон там глубокий овраг, два одиноких дуба, огромная береза со сросшимися стволами...

— А что ты надеешься найти? — спросил Бернард с легкой насмешкой.

— Меч, — ответил я. — Длинный меч с извилистым лезвием... Черная рукоять...

— Ого, — сказал Бернард уважительно. — Я слышал о таких мечах... Но ты откуда знаешь?

— Можно мне чуть отлучиться? — крикнул я.

Не дожидаясь ответа, дернул повод, конь повернулся нехотя, уже слышал, хитрюга, о скором привале. Я ударил каблуками в бока, конь пошел ленивой рысью. Я жадно осматривал с высоты седла все ямки, а когда взгляд зацепился за темную гряду, сперва не поверил глазам.

Конь остановился сам. Я соскочил на землю, ноги сами понесли к находке. Металлический шлем лежит отдельно, обглоданный череп выкатился, из пустых глазниц уже торчат зеленые стебли. Панцирь почти цел, только смялся, словно выпавшее из гнезда на высоком дереве яйцо. В дыры и трещины проникли жуки, черви, муравьи, источили плоть. Я с омерзением видел только гладко обглоданные кости.

Меч тускло блестит в трех шагах. Трава поднялась, почти скрыла, но меня внезапно потрянуло так, что я скрючился, присел. В животе появилась холодная резь. Перед глазами мелькнула жуткая картина, что не успеи тогда с кинжалом, то здесь лежал бы я, а не этот... этот скелет.

На подгибающихся ногах доковылял, присел. Пальцы

потянулись к рукояти и застыли в воздухе. Пурпурные ножны, похожие на застывший луч вечернего солнца, золото по ободку, золотая полоска до самого суживающегося кончика, похожая на генеральский лампас, выпуклые накладки, тоже из золота. Середину ножен занимают сцены битвы людей с драконами, но я уже не мог оторвать взгляда от прекрасной и зловещей рукояти, крестообразной, с ребрышками для пальцев и округлой на конце.

Осторожно коснулся, но пальцы сомкнулись с такой жадностью, словно я догнал уходящий поезд и успел ухватиться за ручку двери. Меч начал выдвигаться, блестящий, как зеркало, обоюдоострый, с острейшими даже с виду краями и суживающимся лезвием. Меч огромен, лезвие блестит, как ледяная сосулька, слегка извилистое и в то же время прямое, длинное, узкое... а рукоять широкая, рассчитанная на широкую мужскую ладонь.

По всему телу прошла волна. Я разогнулся уже с мечом в руке. Рифленая рукоять лежит в ладони как влитая. Я вскинул меч к небу. По всему телу пробежала дрожь.

За спиной послышался стук копыт. Я медленно повернулся, узнав по шумному храпу коня Бернарда. Старый воин остановился в трех шагах. Я увидел застывшее лицо, в глазах безмерное удивление.

— Святые небеса! — выговорил наконец Бернард. — Меч!.. Извилистое лезвие... черная рукоять!..

Я указал за спину.

— Там еще доспехи. Правда, они... не в порядке.

Бернард покачал головой. Огромное мясистое лицо даже побелело от волнения. Он обернулся, крикнул таким зычным голосом, что конь недовольно прятнул ушами, а я и вовсе присел к земле, как от внезапного раската грома над головой:

— Ланзерот!.. Ланзерот!..

Привал сделали неподалеку, раньше намеченного срока, безумно обрадовав измученных волов. Собрались все, даже священник вышел и смотрел на меня подозри-

тельно, исподлобья. Принцесса сияла, а когда ее взгляд падал на меня, в ее чистых глазах вспыхивали веселые искорки.

Бернард велел:

— Покажи им!

Меч пошел из ножен неожиданно легко. Даже легче, чем в прошлый раз. Я ощутил недобрую тяжесть в руке. Пальцы стиснули рукоять с радостным ожиданием чуда. Я поднял меч острием кверху, как тогда. На отточенном кончике нестерпимо ярко засверкало багровое солнце. Крестообразная рукоять как будто выросла в ладонь. Я опустил меч горизонтально, меч казался продолжением руки.

Рудольф хмыкнул. Я вздрогнул, нервы на пределе, только глаза Ланзерота ничего не выражали. Я неуклюже взмахнул мечом, сделал выпад, как должен делать воин в моем представлении, развернулся и несколько раз взмахнул мечом направо и налево.

Бернард и Асмер переглянулись. Ланзерот снова смолчал, а Рудольф сказал ревниво:

— Как оглоблей... Таким мечом!

— Дурень, — согласился Бернард гордо, — но зато какой здоровый! Все-таки это ж двуручный меч.

Я опустил взгляд на рукоять. Там еще немного места, но не на вторую ладонь, а так это на два-три пальца.

— Ладно, — сказал Бернард. — Я знаю, что вы все думаете. Простолюдин с мечом! Но мы сами ему обещали. Он имеет право на любую находку. А что нарушение, так что-нибудь придумаем.

Ланзерот вскинул бровь, она красиво изогнулась. Он сказал только одно слово, но значило оно очень много.

— Мы?

Бернард подбросил в костер веток, развел руками.

— Ланзерот, ты знаешь, я сам хотел парня оставить в ближайшем селе. Но сейчас...

Ланзерот брезгливо поморщился.

— Что? Пророческий сон?.. Не по-мужски верить в

сны. Иной раз совпадает, но чаще ведет в трясину. Мужчина должен смотреть правде в глаза.

Бернард покачал головой.

— Ты как хочешь, тогда я попрошу принцессу рассудить. Я бы Дика взял с собой. Правда, погибнет через недельку-другую, но грех не попользоваться его возможностями. Я ж говорю, с паршивой овцы хоть шерсти клок!

Принцесса смотрела внимательно. В ее чистых глазах была такая душевная доброта, что у меня снова защемило сердце, страстно восхотелось опуститься на колени... нет, упасть с размаха и преданно смотреть в ее лицо снизу вверх, смотреть с рабским обожанием.

— Как ты узнал, что там меч?

— Мне просто снилось, — ответил я торопливо. — Просто снилось!.. А когда сегодня я увидел вот те сосны... я подумал... только подумал, хоть это и смешно, что я там... ну там то, что я видел, когда летал...

Асмер сказал саркастически:

— Ах, он летал!

— И все совпало? — спросила она серьезно.

— Нет, — признался я.

— А что не так?

— Неподалеку было дерево, — ответил я. — Я рассмотрел хорошо! Огромное, с черными растопыренными ветвями.

— Мертвое? — спросила принцесса. — Могло рассыпаться в труху.

Ее глаза блестели, ей явно очень хотелось верить в мой сон. Я покосился на высокомерного Ланзерота, хмурого Бернарда, вздохнул, развел руками:

— Мертвое, без листьев, но крепкое, хоть и с отвалившейся корой. Ствол блестящий, без единого дупла. Такое не скоро станет трухой.

Ланзерот смотрел все так же холодно, Бернард чуть наклонил голову. Принцесса сказала порывисто:

— Да, это сон... А что не все в нем совпало... так это же вещий сон! Господь наш насылает дивные сны своим со-

зданиям, дабы мы постигали Его... Его дивные деяния и замыслы...

Она запнулась. Бернард крикнул, сглаживая неловкость, прорычал:

— А значит, Дик волен ехать с нами. Он предупрежден, что в нашем мире опасность ждет его на каждом шагу.

Мне было неловко за свой меч перед Ланзеротом, перед Бернардом и Рудольфом, даже перед Асмером, хотя Асмер предпочитал любому оружию лук, из которого он метал стрелы с ужасающей скоростью и точностью.

Я отошел за кусты, кони поблизости щиплют траву. На меня посмотрели с удивлением, с какой стати, мол, человек тащит из ножен меч, да еще с такой осторожностью, когда его надо выхватывать быстро, в ярости, с бешеным криком...

Мои пальцы вспотели от волнения. Меч выходил из ножен дивный, неземной, словно бы скованный из неведомого металла. Конечно, это железо, но я-то знаю, как всякие присадки меняют свойства железа до неузнаваемости, ведь чугун — тоже железо, как и высокоуглеродистая сталь, что рассекает обычное железо, словно траву...

За спиной треснула ветка. Я в испуге оглянулся. В двух шагах стоял Бернард, в ладони сломанная веточка. Краска стыда залила мое лицо. Огромный Бернард подошел совершенно бесшумно, а веточку явно сломал намеренно.

— Прекрасный меч, — прогремел он низким голосом. — Ты... не трусь, Дик. Не лезь на рожон, но и не стелись... Это твой меч по праву. Даже король не отнимет у тебя этот меч. Тем более никто из нас.

Я прошептал:

— Спасибо, Бернард... Ты все понял.

— Конечно. Но ты не стелись.

— Да, спасибо...

— Но и не задирай нос, — сказал он строго. — А то ты странный какой-то... Нет, даже не тем, что во сне... Я слы-

хал, колдуны так умеют... Ты странный, что иногда ведешь себя, как будто ты переодетый король... а потом ты простолюднее самого что ни есть простолюдина...

Я сказал упавшим голосом:

— Ну, ты ж знаешь... В каждой деревне свои обычаи. Но мне в самом деле неловко, что такой меч у меня, а не у тебя или Рудольфа. Даже у Ланзерота, мне кажется, не такой...

Бернард протянул руку, я вложил в нее меч. Заходящее солнце играло на лезвии, иногда по нему пробегали волнистые оранжевые молнии, на кратчайшие мгновения возникал странный узор, даже чудились письмена, знаки, и снова лезвие вспыхивает от рукояти до кончика, как огненный факел...

— Это дивный меч, — произнес Бернард тихо. — Только у Галахарда такой же...

— Кто такой Галахард?

Бернард перекрестился, голос его стал еще ниже:

— Земля еще не рождала рыцаря такой мощи и отваги, как сэр Галахард. Он был сильнейшим рыцарем как в Срединных Королевствах, так и на Пограничных Землях. Его отвагу и превосходство признавали даже черные силы, что вовсе дивно, ибо они никогда не признают наших ценностей...

— Значит, он в самом деле стоил того, — сказал я. — А где он?

— Сгинул лет пять тому, — ответил Бернард сурово. — Но никто даже не скажет где. Такова мужская доля, Дик! Мы можем сложить головы не только в славной битве... хотя этого очень бы хотелось.

— Он воевал один?

— Да, Дик, а как иначе? Не было таких, кто мог быть рядом. Эх, был бы Галахард жив, то вся эта война с Тьмой могла бы выглядеть иначе... Ладно, потрудись здесь, но далеко не отлучайся! Даже с такими мечами гибнут, как видишь.

Глава 10

Утром, когда запрягали волов, Бернард уже в кольчуге и доспехах подошел ко мне и сказал негромко:

— Слушай, тебе не больно верят, но я... человек, которому надо довести... то, что везем. А для этого я ухвачусь за любую соломинку. Ты тоже эта... соломинка.

Я сказал с готовностью:

— Приказывай! Ты всегда заступался за меня.

— Ты того... смотри эти сны, — сказал Бернард сердито. — Смотри внимательно. Мне что нужно? Мне нужно, чтобы мощи в замок, понял? А ты полетай во сне, как ты вот летал, когда этот труп нашел!.. Полетай, посмотри вокруг. Сам видишь, за нами охотятся. А чем ближе будем к своему королевству, тем проще нас отыскать. Сейчас натываются по случаю, еще можем затеряться, дорог много... тем более что прем вообще без дорог, но когда, я ж говорю, окажемся ближе... нас только слепой не перехватит!

Я поежился, сказал, отчаянно страшась, что примут за труса, коим на самом деле я и являюсь, как всякий человек с нормальной психикой:

— Я бы конечно... Но в последнее время что-то не получалось! Либо спал как убитый, либо что-то страшное лезло... Честное слово!

— Гм, — ответил Бернард. Подумал, уронил снова: — гм... Но ты пробуй, ладно?

— Да, конечно, — пообещал я. Краска прилила к ушам, Бернард все же может понять, что мне страшно, как зайцу в логове льва. — Я обязательно, обязательно!

— А может быть, — сказал Бернард задумчиво, — тебе что-то надо?

— Что?

— Ну там благовоний понюхать, требник почитать на ночь, о святых думать...

Я сказал несчастливо:

— Не знаю. Я и раньше летал... Ну, у себя... гм, в своей

деревне! Большой такой деревне. Но я не знал, что можно вот так...

Бернард сказал неожиданно:

— А там вряд ли. Это здесь, понимаешь?

— Нет, — ответил я растерянно.

— Эх, деревенщина... Мы вступили на земли, куда проникает Тьма. Здесь еще земли, где благодать Господня, но люди уже местами поддаются искушениям дьявола, разумеешь?.. Не разумеешь... Словом, здесь уже возможны всякие чудеса. Ну, по малости, по малости. Ты же знаешь, что Господь не позволяет твориться чудесам! Когда где-то сообщают, что какая-то икона излечивает больных или плачет кровавыми слезами, это всего лишь происки Дьявола. Господь есть Дух, он не вмешивается в дела житейские.

Лицо его было суровое, челюсти твердо сжаты, он смотрел на далекую линию горизонта сурово и вызывающе, а я, напротив, трусливо уронил взгляд. Кажется, даже начал горбиться.

— Так почему же... Или это от Дьявола?

Бернард поразмыслил, пожал плечами.

— Может быть, — ответил он. — А может быть, и нет. Я ж говорю, мы вступили на земли, куда проникает Тьма с ее волшбой, чарами и прочей мерзостью, противной душе христианина. Так что все чудеса — от Дьявола. Но Господь мог бы дать такие же силы... нет, возможности! — и верным слугам своим. Я видел, что когда раны нашим воинам нанесены нечистым оружием, то наши священники залечивают такие раны одним Божьим словом, одной молитвой!.. А если без волшбы, то тогда священники читают молитвы впустую. Тогда там трудятся лекари, а священники могут только дать отпущение грехов умирающему... Ну, в общем, это все тебе расскажет священник. Если доживешь, конечно. А для меня важнее, чтобы ты предупредил, когда в нашу сторону кто-нибудь едет. Или на кого мы сами можем наткнуться. Чтоб обойти, конечно. Только дурень полезет в драку ради драки! А уж от Бога

или дьявола твои видения — пусть разбирается священник. Мое дело — довести святые мощи!

Рудольф на передке телеги, который я упорно называл козлами, закричал, засвистел, щелкнул кнутом. Волы нехотя сдвинулись с места. Ланзерот снова впереди, священник и принцесса в повозке, Асмер оттянулся в арьергард, а я, как обычно, болтался как дерьмо в проруби, не зная, где мое место. Бернард заезжал то справа, то слева, осматривал впереди мелкие овражки, где могла затаиться засада, неожиданно хлопнул себя по лбу, повернул коня ко мне.

Я насторожился, ничего хорошего пока не жду, тем более что Бернард буквально прошивал меня насквозь взглядом.

— Ты говорил еще о дереве...

Я не понял, переспросил:

— Каком?

— Тебе ж снилось!

— А, — вспомнил я, — но его нет поблизости... Так что не все совпадает.

Он кивнул. Глаза его буравили меня, а каменное лицо чуть дрогнуло, изменилось, словно пробежала струя прозрачной воды. Бернард то ли хотел что-то выразить, то ли старался удержаться от выражения.

— Не знаю, — рыкнул он недовольно, — говорить тебе или нет...

— Что?

— Словом, я съездил туда еще разок. И осмотрелся внимательнее.

Сердце мое заколотилось чаще.

— И что?

— Да так... Там земля серая от золы. Ветер унес пепел, но крупные угли дождь вбил в землю. Да и трава хоть там высокая, но толстые корни дуба кое-где выпирают. Я бы сказал, что недели две тому здесь была хорошая гроза!.. Молния сожгла крепкое сухое дерево, а на хорошей золе трава успела вымахать сочная и спелая...

В эту ночь, когда я впервые ехал уже как член команды... нет, такого слова еще не знают, член отряда, я страстно жаждал увидеть пророческий сон. Может быть, когда я летал над ночной Москвой, те сны тоже были пророческими, только я, жалкий ламер и лузер, этого не знал. Но даже здесь не дошло бы дураку, если бы случайно не наткнулся на это место призрачной схватки...

Тепло проникло вовнутрь моего тела, я чувствовал, как мышцы расслабляются, разбухают от прилива крови, что вымоют за ночь молочную кислоту или проще — усталость, наполнят живительным кислородом. Перед глазами начали проступать призрачные картины, хотя я все еще чувствовал тяжелое, как бревно, тело, бок колот сучок, однако это размывалось, а видения становились четче.

«Это сон, — напомнил я себе настойчиво. — Во сне можно летать. И я полечу, полечу...»

Сперва снилось, что под звон боевых труб я красиво и ловко вскочил на сильного горячего коня, навстречу рванулась земля, понеслись, разбегаясь в стороны, стены, набежали и сами собой распахнулись городские ворота, а я несясь, как огненный демон, меч в руке удлинился, с него ветром срывает искры, и где падают на землю, там вспыхивают пожары. Я слышал испуганные крики, сотни людей... а потом уже тысячи со страхом называли мое имя...

А я все мчался, с легкостью опрокидывал бросающихся на меня противников, рассеивал целые армии, рушил крепости, и вот уже меня называют королем...

Очнулся весь в поту, сердце колотится часто-часто. Я уже видел согнутую фигуру сидящего Бернарда, и когда он только спит, багровое пламя костра, но сон покидает неохотно, в ушах все еще звучат крики умирающих, а в душе сладостное чувство победителя...

Поджал колени, укрывшись с головой, сердце замедлило бег, я снова бежал, летел, справа и слева темные скалы. Я с трудом заставил свое бурлящее сознание умерить пыл,

завис в темноте, старательно вычислил во тьме внизу искорку огонька, наш костер, снизился, удостоверился, лишь потом понесся над темной землей. По-моему, меня несет сейчас не на юг, куда мы едем, но я никогда не был ни бойскаутом, ни зарничником, по прямой туда и обратно — для меня уже подвиг, да и то могу потеряться...

Звезды блистали так близко, что едва не рвали плащ. Кстати, откуда у меня плащ, сроду плаща не было... Далеко впереди внизу почудился слабый свет, я снизился, меня по-прежнему несет, как в бурном потоке, точка света начала расплываться, превратилась в слабое свечение.

Я снизился, сердце сжало предчувствие беды. Странное свечение выхватывало из ночной тьмы крохотные строения, а когда я снизился еще, рассмотрел внизу целый город. Целый город, где ни в одном окне не горит свет.

Во сне, как известно, человек не в состоянии чувствовать удивления, что-то в мозгах отрублено на фиг, но страх я ощутил вдвойне, не страх даже, а жуткий ужас, что охватывает каждую клеточку тела. Земля приблизилась, я согнул ноги, твердая почва ударила в подошвы. Я едва не упал, как парашютист, сделал несколько быстрых шагов по движению полета, а дальше пошел тихонько, осторожно.

Меня трясло, я с ужасом смотрел на стены города, где не видно стражей, на распахнутые ворота... даже не выбитые, а распахнутые настежь, но еще на дороге под подошвами хрустят кости и черепа, а когда миновал ворота, стало дурно от множества скелетов, среди которых много детских.

Я шел неслышно, но почему-то меня сопровождал звонкий цокот, словно за спиной шел по булыжной мостовой подкованный конь. Булыжная мостовая отзывалась звонким цокотом. Я ежился, поглядывал по сторонам, пугливо втягивал голову в плечи. Дома по обе стороны тянутся мертвые, с выбитыми окнами, с сорванными ставнями. С высоты своего роста я заглядывал в комнаты,

езде черная пустота, изломанная мебель, кое-где скелеты, дважды видел россыпь костей в креслах.

Между домами земля, разрыхленная дождями, дала приют жесткой траве. Та расшатывает и выворачивает могучими корнями булыжники, взламывает стены сараев, амбаров, складов, конюшен. В кузницах не горят горны, из опустевших булочных не доносится запах свежеепеченного хлеба.

В середине города — мрачный замок. Я подивился огромным глыбам, что за великаны складывали такое чудище, но и здесь подъемный мост опущен, ворота распахнуты, а узкие окна-бойницы оплетены сверкающими на солнце серебряными нитями паутины.

Я уже собирался войти в замок, хотя сердце еще сильнее сжало предчувствием беды, как вдруг справа блеснул свет. Да, в сотне шагов небольшая приземистая церковь. Под массивной дверью полоска света, но не оранжевого или багрового, как от свечей или масляных светильников, а странно белого, трепещущего, как далекий свет электро-сварки.

Я сделал по направлению церкви пару шагов, цокот копыт за спиной стал громче. Невольно оглянулся, на миг словно бы проступило видение бледного коня. Я услышал грозный храп... и вдруг двери церкви распахнулись. Оттуда как прожектор ударил сверкающий белый свет, настолько яркий, что даже черные косяки ворот за-сверкали и заискрились, тоже блистающие, как сосульки, искрящиеся.

Я невольно выставил впереди себя обе ладони, с усилием сделал шаг. Свет слепил и через пальцы, я упорно продвигался ему навстречу, пытался что-то рассмотреть, вокруг страшная слепящая тишина, даже грохот подкованных копыт истончился до бубенца и пропал.

Свет не померк, просто стал дружелюбным, едва я поставил ногу на порог. Внутри вся церковь не больше, чем зал средних размеров, несколько простых лавок, даже без спинок. На стенах в старинных медных подсвечниках

горят свечи, но не видно, чтобы оплывал воск, а у противоположной стены с книгой сидит очень старый священник с выбритой тонзурой. Простая ряса из грубой материи подпоясана веревкой, я решил, что это не священник, непохоже, а кто-то из монахов.

— Добро пожаловать; сын мой, — произнес он, не отрываясь от книги. — Что привело тебя?

Я сделал еще пару шагов, остановился.

— Что-то привело, отче.

Он отложил книгу, поднял голову. Глаза воспаленные, с полопавшимися капиллярами, а под глазами многоярусные мешки, похожие на старые рыболовные сети, вывешенные для просушки.

— Кто ты? — спросил он тревожно.

— Заблудшая душа, — ответил я горько. — Но только я еще не знаю, хочу ли выйти из своего сумрака.

В выцветших глазах священника неожиданно появился ужас. Почему-то мне почудилось, что он не так бы испугался, появившись перед ним сам в огне и грохоте дьявол.

— Кто ты? — повторил он осипшим голосом. — Почему твоя душа мертва, как придорожный камень? В ней ни огня, ни тьмы... Почему я не вижу ангела-хранителя за твоими плечами...

— Отче, — сказал я и впервые ощутил, что без усилий могу произнести это слово. Священник стар, годится не только в отцы, а в деды-прадеды, это совсем не те православные толстомордые сверстники с выпирающими животиками и перстнями на всех пальцах, что пробовали совать мне волосатые руки для поцелуев. — Отче... что я могу сказать? Вот я есть... или даже есмь...

— В тебе нет Бога... — прошептал священник. Он всматривался в меня с ужасом, худые плечи зябко вздрогнули. — В твоём сердце пустота, страшная пустота... Ты — страшен.

Я взмолился:

— Я знаю!.. Если бы я не знал! У меня стогерцовый ящик с дивиди приводом; антенна берет двести каналов,

выделенка на сто пятьдесят килобайт в секунду, двести гигабайт музыки... но церковной там нет... почему-то.

Священник с трудом опустил на колени, долго молился. Когда поднял голову, взгляд его шел снизу вверх, в глазах оставался тот же страх, к которому добавилась глубокая печаль.

— Да, в тебе нет Бога. Но ты отрицаешь и Зло. Как ты живешь, несчастный?

— Просто живу.

Я с горечью видел, что в самом деле удивил и потряс этого человека, выдавшего много на своем веку, а еще больше узнающего на исповеди.

— Но как? — спросил он почти шепотом. В глазах стоял ужас. — Как можно жить без Бога в душе... или без Дьявола?

Я развел руками. Не объяснять же, что в моем мире целая страна, а то и все человечество живет в такой же страшной пустоте. Оттягиваемся, балдеем, прикалываемся, расслабляемся изо всех сил, только бы не знать, не думать, не задумываться, не заглядывать в будущее дальше, чем день полочки.

— Я не знаю, — ответил я упавшим голосом. — Вообще не знаю, живем ли... Скажи, отче, как здесь так все получилось?

Он помолчал, сказал надломленным голосом:

— Мы расплачиваемся за свою беспечность. Пока шли с верой в Бога, побеждали... и побеждали легко. Даже, может быть, слишком легко. И возгордились, вознеслись... О Боге начали забывать. И вот силы Тьмы, оправившись, обрушились с невиданной мощью. Ты зришь, что осталось от города. Людей либо убили, либо... Словом, живые завидуют мертвым.

— А как уцелел ты?

Он ответил с некоторым удивлением:

— Это же церковь!

— Ах да, — пробормотал я. — Ну конечно же... Люди бросились грабить дома, а нечисть в церковь не войдет...

Церковь — место, где всяк и все находит спасение. Отец, я много слышал о Великой Битве, мне показывали по дороге ее следы... но есть ли что о ней в церковной библиотеке?

Он посмотрел на меня с осуждением:

— Церковной?

— Ну да. Не в церковной литературе, а в церковной библиотеке. Я слышал, монахи, как хомяки, стаскивали в монастыри и церкви все найденные рукописи, книги...

Священник сказал строго:

— Сын мой, ты говоришь о языческих библиотеках!

— Ну и что? — спросил я. — Знания... они и есть знания. Они не могут быть плохими и хорошими. Плохими или хорошими бывают только люди, применяющие эти знания.

Я говорил уверенно, с апломбом, так как много раз слышал подобные слова, которые применялись и к ядерному распаду, и к открытию динамита, и к автомобилю. Священник с сомнением покачал головой, вздохнул:

— Это не совсем так. Я мог бы объяснить, что даже знания могут быть очень... нехорошими, нежелательными, но это долгий и сложный разговор, а человек с мертвой душой, как мне кажется, примет только легкий и быстрый результат. Верно?

— Верно. Так что в рукописях? Их должно было быть немало. Письменность знали задолго до рождения Иисуса Христа!

— Увы, — вздохнул священник. — Я, конечно, признаю необходимость сожжения всех библиотек, ведь это не менее опасное и грозное оружие, чем мечи... чем целые армии!.. но, с другой стороны, мы не сохранили даже карты стран, в которые несли слово Божье. Все составляем заново. Однако стань на место первых героев... Ведь им противостояли могучие маги, колдуны, чародеи!.. В тех библиотеках была их сила, их власть, их умение... Когда король Георг вторгся с горсткой палатинов, он дрался, как потом в старости сообщил прибывшим монахам, с целым войском дьяволов и дьяволят. И сила врага умень-

шалась по мере того, как он жег эти библиотеки, разрушал языческие капища и строил на их месте храмы!

Я кивнул, что такое информационные войны, знаю. Мы обвиняем первых христиан по дури и легкомыслию, к тому же с позиции двадцатого века, мол, гады, сожгли Александрийскую библиотеку! На самом же деле языческий мир был силен и грозен, а христиан — горстка, нужно было победить и повергнуть прежде всего чужую идеологию, веру, культуру, низвергнуть чужих богов. Это сейчас сами христиане, спохватившись, начинают спасать остатки культуры всяких там инков, ацтеков, майя и прочих каннибалов.

— Но что-то же осталось?

— Очень немного, — ответил он. — В городах все библиотеки были сожжены, что понятно. И капища нечестивых колдунов разрушены. Все чародеи, тоже понятно, перебиты... Либо сожжены. Уцелели жалкие крохи, что прятались либо высоко в горах, где не представляли опасности, либо в таких глубоких пещерах, куда ни одна христианская душа не спустится добровольно из страха, что окажется в самом аду... Там же есть и старые фолианты. Но, скажу тебе, если жаждешь знаний, то будешь глубоко разочарован!

— Почему?

— Не все, что они считали важными знаниями, важно и для нас.

Я подумал, кивнул.

— Да, понимаю. Простите, святой отец, что потревожил.

— Иди с миром, — ответил он. — Не могу дать тебе благословение... ибо ты без Бога в душе. Но то, что и Тьмы крошечной в тебе нет, дивно. Возможно... только возможно...

— Что? — спросил я нетерпеливо.

— Ты отвергаешь Зло... — сказал он нерешительно, — а это...

Он умолк. Я переспросил торопливо:

— Что?

— Это может быть первым робким шагом, — ответил он едва слышно, голос потрескивал, как тоненькие сухие веточки в огне, — к Богу. Даже не шагом, а мыслию, движением, желанием...

Я вышел, оттолкнулся от земли и взмыл в воздух. Почти час потерял на пустую болтовню, а ночи летом короткие.

Огромная бледная луна заливала мир мертвенным светом, более мертвющим, чем свет люминесцентных ламп. Я видел в полете ночных животных, что днем спят, а сейчас вышли на охоту, но кроме животных изумленному взору предстали и крохотные горные рудокопы, что ненадолго откупорили входы в тайные пещеры, легкие светящиеся человечки, похожие на светлячков, странные существа, похожие на морские валуны, что небольшим стадом передвигались из одного темного леса в другой.

Потом я летел над залитыми лунным светом холмами, и вдруг по натянутым нервам ударило, как электрическим током. Холмы расступились, далеко впереди высится замок. Снежно-белый, искрящийся, сейчас он, залитый лунным светом, казался серебряным. Множество башен поднимаются на немыслимую высоту, но и там между ними угадывались ажурные мостики, переходы. Крыши зданий мертвенно блестят, словно покрытые искрящимся снегом, на шпилях трепещут флажки.

Я раскинул руки, меня поднесло ближе, как аэростат. Разглядел на башнях зубчики, а в самом замке видны карнизы, парапеты. Вблизи замок-дворец показался высеченным целиком из глыбы льда, пронизанной ярким светом полной луны. Высокие празднично стройные башни гордо вздымаются к звездам. Флажки, кстати, красиво трепещут по ветру, хотя... на самом деле ночь тиха, стоит полное безветрие...

Из ворот как раз выезжали рыцари в блестящих доспехах. Молча выстроились по обе стороны дороги. Я чувствовал их холодное напряженное молчание. Вспомнив, что меня могут увидеть только колдуны, я опустил ниже, услышал, как один рыцарь проворчал:

— Не знаю, насколько это разумно... Конечно, многое можно отдать за оружие, которое куют гномы... Их доспехи не пробить нашими топорами, а скованные горным народцем мечи никогда не тупятся. Как они это делают? Вдруг это черная магия?

Второй возразил:

— Если Господь допускает существование гномов, то, значит, так в Великом Замысле! Нам ли противиться воле Всевышнего?

— Я не противлюсь, — огрызнулся первый нервно. — Но одно дело — научить своих оружейников, другое — получать готовое. А я не знаю, как они это делают!

— А тебе не все равно?

— Нет, — отрезал рыцарь.

Второй покачал головой:

— Тристерн, ты чересчур... Какая тебе разница? Не дело благородных рыцарей знать, как кузнецы куют железо, а оружейники делают нам доспехи. Ты еще начни пытаться, как роют в горах железную руду!

Рыцарь, которого называли Тристерном, сказал упрямо:

— А если они эти доспехи омывают кровью христианских младенцев? А если мечи закаляют в телах христианских мучеников? Могу ли я брать такой меч в руки?

Второй поморщился, прорычал:

— Тристерн!.. Никуда не деться, мы торгуем с гномами. Мы им везем все, что они заказывают, а от них получаем... тоже все.

— Я знаю. Но мне это очень не нравится.

— Мне тоже, — ответил рыцарь. — Но что делать?

— А не делать, — ответил Тристерн. — Просто не делать! Мы слишком близко подходим к оборотникам. Да, они обрели огромную мощь... Но цена, дорогой сэр Ульрих, цена?

Рыцарь ответил с неудовольствием:

— Мы не знаем цену. Говорят, продали души... Но это только разговоры. Никто не видел, продали или нет. Но я сам видел, как один превратил вот такой кусок свинца...

не поверите, благородный друг, с два моих кулака!.. в кусок золота! А золото, знаете ли... Это просто золото. На него, кстати, наш король нанял две тысячи горцев охранять нашу границу от сил Тьмы. Вот так золото, полученное нечестивым путем, сослужило добрую службу. Угодную, кстати, святой церкви.

Тристерн молчал, поколебленный. Наконец пробурчал нехотя:

— Все равно мне это не нравится. Умом я понимаю, что там правильно... но почему-то мне гадко.

— Мне тоже, — ответил рыцарь раздраженно. — Мой род идет от самого Адальберта Гневного! Двенадцать поколений рыцарей, что верно служили королю и династии. Но другого пути пока нет. Иногда силу приходится черпать не только у оружейников и святой церкви, но и у оборотников, дьявол бы их побрал всех... Что делать, иногда приходится и так... Скажем, поступаться некоторыми своими принципами. Но, Тристерн, это всего лишь оружие и доспехи! А доблести у нас хватает своей.

Однако лицо Тристерна оставалось хмурым. Их отряд перешел на легкую рысь, темный, как подземелье, лес поглотил всех без звука.

«Гномы, — подумал я. — Гномы куют лучшее оружие». Понятно, что гномы куют не только оружие лучше, но людей интересует в первую очередь то, чем можно соседа по голове... Мол, лишь бы оружие лучше, чем у него, а с его помощью остальное я сам возьму: жену соседа, его сарай, корову, сад и свиней... Но еще важнее эти странные оборотники! Что за мощь им приписывают?

Ночной холод пробирал до костей. Я вздрогнул, пожегся, посмотрел на небо. Призрачное тело, повинаясь мысли, метнулось над черной землей, как мне показалось, в обратную сторону. Я не знал, куда меня занесло, а если ночь кончится, то ничего не принесу, а принести хоть байт информации очень хочу... А лучше бы хотя бы килобайтик или мегабайт... Но кому принести? Что принести? Я ничего не помню...

Я стиснул челюсти, настойчиво повелел себе вернуться. Вернуться, вернуться...

Ветер свистел в ушах, рвал волосы. Подо мной медленно поплыли заснеженные горы. Однажды я летел самолетом на Дальний Восток и хорошо помню, как, выглянув в окно, увидел почти застывшие горы. И сдвигались они медленно-медленно. И хотя лайнер шел на огромной скорости, но с высоты в пятнадцать тысяч метров мир внизу проплывал, как черепаха по морю. Так вот сейчас горы двигаются втрое быстрее.

Потом горы ушли назад, быстро-быстро пронесся темный ковер леса, мелькнули светлые пятна прогалин и открытых участков степи. Я увидел быстро разрастающийся огонек... все вспомнил и, так как небо на востоке начинало светлеть, развернулся и снова понесся в сторону гор.

Я несся над темной землей строго по прямой, всматривался до рези в глазах. И вдруг внизу блеснул, как глыба льда, красивый сказочный замок. Только что его не было, и я это чувствовал, что, пролети я еще хоть метр, снова не увижу: что-то с углом зрения, потому завис, как грузовой вертолет, всмотрелся и медленно пошел вниз.

Замок светился внутренним светом. На миг показался новогодней елкой, чересчур красиво и блестяще, но нет пестроты, только странное нечеловеческое изящество, чужие пропорции, линии сходятся не под тем углом...

— Приветствую тебя, странник, — раздался совсем рядом чистый ясный голос.

Я вздрогнул, от неожиданности пошел вниз, больно ударился пятками и завалился на спину. Вскочил, передо мной опустился на землю полупрозрачный человек ростом мне до середины груди, изящный, аристократический, с тонкими чертами лица.

Эльф, я такими представлял именно эльфов, рассмеялся тихим мелодичным смехом:

— Тебя не видят смертные, но ты не видел меня... Это говорит, что твоя магия слабее моей. Меня зовут Гоерлин. Сегодня я здесь на страже.

— Я просто странник, — пробормотал я. — Приветствую, доблестный эльф. Если это и магия, то я не знал, что это магия. Просто я всегда летал во сне...

— Магия, — ответил он серьезно. — Но только она не действует по ту сторону перевала...

Я насторожился.

— Почему?

— Там своя магия, — ответил он беспечно. — Ее называют черной, хотя нам, эльфам, все цвета кажутся необходимыми и прекрасными.

— Мне тоже, — поспешно сказал я. — Мне тоже.

Лунный свет падал на весь мир и на его точеную фигуру. Я смотрел во все глаза, ибо в сравнении с могучими воинами, с которыми еду, в сравнении с их грубыми фигурами и покрытыми шрамами лицами — это просто создание самого света. Нежная чистая кожа, длинные белокурые волосы, что падают на плечи, тонкий нос с красиво вырезанными ноздрями, изумительно очерченные брови... но я неотрывно смотрел в глаза: огромные, сильно зауженные к краям, обрамленные длинными густыми ресницами, пушистыми и загнутыми, эти глаза больше, чем красивые или прекрасные, они просто необыкновенные...

И только длинные остроконечные уши, выдававшие в нем звериную породу, напомнили, что это не человек. А если и человек, то уже давно утративший родство с людьми и живущий по законам своего народа.

И все-таки я любовался. В этом эльфе своя красота, в нем ничего от красоты придворных шаркунов, это красота воина. Пусть не грубого, который с огромным топором или боевым молотом, но все же это воин, видно по гордому вызывающему взгляду, крепко сжатым челюстям, явно не таким уж и хрупким, как выглядят.

— Ты на страже, — напомнил я. — И ты видишь, что я не враг. К тому же ты намного сильнее меня. Тебе нечего меня страшиться. И еще признаюсь... я такой новичок в этих краях! Если честно уж совсем, в моих краях вообще не знали, что существуют гномы, эльфы, горгоны, что какая-то война сил Света и Тьмы...

Он указал на пень, которого только что не было, я послушно сел. Он в самом деле на страже, это я не зря напоминал, а быть на страже — это быть на дежурстве, изнывать от скуки и считать минуты, когда же придет смена. Все это мне знакомо, и эльф, высшее это существо или низшее, но запрограммированно раскрыл рот и заговорил о медвежьих углах, мимо которых проходит жизнь, о непроходимом невежестве лесных жителей и, конечно же, рассказывал историю этих земель, так сказать, с эльфячьей точки зрения.

Картина начала вырисовываться совсем иная, чем я нарисовал со слов Бернарда. Была прекрасная чистая страна, в которой все жили в мире и согласии: эльфы, гномы, великаны, тролли, гоблины и даже драконы. Конечно, сказал эльф, предупреждая мое недоверие, когда-то между ними шли войны, очень кровавые. Но все это отгремело очень давно, установился какой-то порядок, с тех пор прошли тысячелетия. Даже тупые тролли или кровожадные огры больше не пытались выйти из границ своих земель и захватить другие, ибо против них выступают все остальные народы. Да и порядок показался приемлемым: всяк хозяин на своих землях, но волен ездить и к соседям — торговать, меняться, только обязан соблюдать обычаи тех земель.

Все рухнуло, когда пришли люди. Сперва они просто гибли, слабые и беспомощные, но в их Странном Мире, похоже, их рождалось неимоверное количество, они приходили волнами, закреплялись, снова гибли, но приходили еще и еще, вцеплялись в захваченные земли, как клещи в молодое тело олененка, вкапывались, прятались в нагромождениях камня, именуемых крепостями и замками, начинали плодиться уже здесь, а границы своих владений отодвигали все дальше.

Самые смелые ухитрялись основать замки на новых границах, и теперь уже на них обрушивалась ненависть лесных народов. Однако из замков, оставшихся в глубине, на подмогу приходили все новые и новые силы...

Он бросил на меня быстрый взгляд. Понятно, считает тоже таким же искателем драк, воинской славы и сокровищ. Но на востоке начинает светлеть, а я еще не знаю, сколько лететь обратно.

— Что-то я не врубился, — сказал я. — Так это вы и есть черные силы, против которых воюем? Судя по нашему священнику, вы самые что ни есть гады и тьма.

Эльф ответил с ледяным презрением:

— Наверное. Я не знаю, как вы нас называете. Да и не хочу знать. Но ты, наверное, знаешь, что ваши заклинания, ваша магия жрецов, которых вы именуете священниками, на нас не действуют?

Я встревожился.

— На вас не действует животворная сила креста?

Эльф надменно промолчал. Я машинально пощупал серебряный крестик на груди, нацепленный мне тогда на шею старым священником. Крестик пригнулся на груди, я про него вообще забыл, крохотный и невесомый. Раньше точно так же на этом месте долгое время болтался подаренный одной красоткой амулетик. Она сказала, что это некий символ солнца у гиксосов, я доверчиво носил, подружка очень нравилась, но потом узнал, что это все-таки изображение креста, только очень стилизованное. Понятно, выбросил, тем более что с подружкой расстался неделей раньше.

По губам эльфа скользнула презрительная усмешка. Он уже видел всякие бесполезные для них кусочки металла в форме крестика.

— Ничего не понимаю, — пробормотал я, потом добавил со странным облегчением: — Но я так рад, что на тебя это не действует...

Эльф покосился, в больших глазах я рассмотрел удивление. Эльф сказал мелодично:

— Боишься сражений?

— Боюсь, — признался я. И добавил: — Но не только... Ты такой красивый!

Эльф посмотрел еще удивленнее, фыркнул:

— Как же собираетесь захватить мир? Впрочем, ты не похож на других... Вообще-то ваши войны нас не касаются. Если перебьете друг друга, жалеть не станем. Ваши трупы, еще теплые, быстро пожрут волки, а каменное убожество, в которых живете, разрушит ветер...

— Долго придется ждать.

— А мы живем долго, — ответил эльф. — К тому же не торопимся.

Я заинтересовался:

— А нет мысли помочь какой-либо из сторон? Или дожидаетесь, когда обе будут едва держаться на ногах, а потом добьетесь их?

Эльф подумал, ответил после паузы:

— А ты знаешь, это идея... Хитроумные вы люди. Мы до такой подлости никогда б сами не додумались...

Я прикусил язык. А эльф кивнул.

— Ты не страдай. Здесь не только мы у вас чему-то учимся. Еще больше вы, люди, здесь научились...

В высоком, звонком голосе прозвучала странная нотка. Я насторожился, но эльф замолчал, взглянул на светлеющее небо.

— Прощай, — сказал я торопливо. — Многое хотел бы спросить...

Эльф отступил в сторону, я тоже из деликатности шагнул, чтобы быть лицом к лицу, и в тот же миг свет со стороны дворца исчез. На месте самого дворца поднимались хмурые вековые сосны, верхушки уже стали серыми. Эльф смотрел с хитрой усмешкой. Я понял, стоит ему качнуться в сторону еще на миллиметр, он тоже исчезнет, уйдет в некую щель то ли пространства, то ли времени, то ли еще чего вполне объяснимого с точки зрения человека моего века, который объяснит все и вся.

Он задрал голову, я унесся со скоростью Майти Мауса, который живет на луне, успел подумать злорадно, что последнее слово оставил за собой. Небо светлеет, горизонт на востоке начал розоветь, только земля оставалась залитой чернотой, я несся как баллистическая ракета, высматривая цель.

Глава II

Утро было ясное, но холодное. За ночь я продрог, даже Бернард не догадался, что меня стоило бы укрыть двумя одеялами. Он полагает, что я всего лишь деревенский увалень, но я гораздо хуже — размагниченный после перестроечный интеллигент, во всем разочарованный, ничего не умеющий, привыкший регулярно получать похлебку в жестяной мисочке, изнеженный, который даже летом спит под теплым одеялом...

Я открыл глаза, на далеком горизонте жутко и угрожающе маячат заснеженные вершины Спящего Дракона. Диких мест хватает и в моем мире, вовсе не обязательно забираться на Гималаи, достаточно пройти в подмосковный лес поглубже, но я родился, жил и ничего не видел помимо городских кварталов, куда ни повернись — взгляд успокаивающе натывается на торчащие в небо бетонные стены новостроек. И когда видишь вот такое, по спине бежит холодная дрожь. Видеть такой лес, такие горы, все равно что встретить бегущего навстречу бультерьера с волочащимся по асфальту оборванным поводком. Может, конечно, и не укусит, но все равно не по себе...

Бернард поднялся, кряхтя и постанывая. Его немолодое тело застыло, он сопел, с трудом поворачивался, нагибался, пока к лицу не прилила тяжелая кровь, а движения не стали снова быстрыми и четкими. Перехватил мой взгляд, буркнул:

— Как спалось? Что-нибудь видел? Хорошо бы...

Я ощутил по тону что-то недоброе, спросил:

— Впереди какие-то неприятности?

Бернард хмыкнул:

— Какие-то? Парень, о приятностях забудь. Впереди только неприятности!.. Еще пару дней будем ехать по лесу... Ну, не совсем по лесу, но здесь рощи на каждом шагу. А потом еще почти неделю по голой, как ладонь, степи. Там уже ни укрыться, ни спрятаться. Огонь вообще разводить нельзя.

Я в испуге посмотрел на заснеженные вершины.

— А как же горы?

— Это только кажется, что они рядом, — ответил Бернارد с невеселым смешком. — Я бы тоже хотел, чтобы уже завтра мы начали тащить телегу... наверх! Так что-нибудь снилось?

Пока я рассказывал, подтянулись и остальные. Даже священник, не выпуская книги, подошел и сел поближе к костру. Я чувствовал, как ловит каждое слово, хотя взгляд устремлен в раскрытую книгу, однако глаза застыли, словно примерзли.

Бернارد слушал внимательно, Асмер пару раз хмыкнул, только принцесса слушала с восторженно раскрытым ртом. Глаза ее блестели, на бледных щеках проступил слабый румянец. Ланзерот за нашими спинами прохаживался взад-вперед, взор бдительно выискивает врагов, нижняя челюсть выдвинута, одна рука на арбалете, другая — на рукояти меча. Он единственный, кто не вслушивался, хотя я уверен, самое важное уловил.

— На этот раз эльфы, — проговорил Бернارد, когда я закончил. — Здорово... Как жаль, что в Зорре так не сможешь...

— Эльф тоже намекнул, — сказал я. — Но почему?

— Не знаю, — ответил Бернارد. — Ты не один такой летун. Мы слышали о таких, что даже в дальних землях побывали. Но это в Срединные Королевства можешь вот так... А вот в сторону Скарландов, гм... Тем более никто не мог заглянуть к Гиксию или Горланд. Говорят, сразу зависаешь, как будто муха в смоле. Счастливчик, если живым выберешься... Черная стена! Даже не стена, а крыша. Пробовали и сверху, и снизу, даже подкапывались. Известно только, что эта чернота распухает, как шар. Уже в города Лютенц и Бритгию нельзя проникнуть, а еще в прошлом году...

Он замолчал, из могучей груди вырвался вздох, похожий на львиный рык.

Я спросил осторожно:

— Так что же с этими эльфами и гномами? Они вроде бы «моя хата с краю». С ними да гномами, как я понял, даже торговать можно.

Бернард опустил голову, Асмер же, напротив, демонстративно вперил взор поверх наших голов. Румянец на щеках принцессы вспыхнул ярче. Я не понимал их реакции, пока не взглянул на священника. Тот побледнел, книгу захлопнул со звуком пистолетного выстрела. В глазах быстро разгорался огонь фанатика.

— Нет, — сказал он резко. — Нет!.. Господь не допускает середины. Все в мире либо «да», либо «нет». Все остальное — от нечистого.

Все молчали, только Ланзерот за спиной священника остановился и размашисто осенил себя крестным знаменем. Бернард вполголоса сказал пару слов какой-то молитвы.

— Как это? — спросил я. — Разве не бывает нейтралитета?

— Нет! — отрезал священник яростно. Голос его поднялся до визга. — Мы люди — создания Божьи! Каждое слово, каждое дыхание, каждое деяние свершается либо во имя Господа, либо во имя Сатаны.

Остальные молчали, но я чувствовал, что со священником заодно. Однако возмущение во мне бурлило, и, чтобы не прорвалось, я сказал как можно более нейтральным голосом, призывая к консенсусу:

— Но я не боец. Мирные люди предпочитают жить посередине.

— Посередине живет скот, — сказал священник еще яростнее. Его затрясло, я уstraшилcя, что сейчас забьется в священном экстазе, забрызгает слюной, а то и порвет на мне рубашку, отодвинулся, но священник лишь поднялся, выпрямился. — Ты думаешь, жил?.. Ты влачил!.. И по жизни влачился!.. Ты не человек...

Я спросил тихо:

— А кто?

— Оболочка!.. — взвизгнул он. — Личина для человека!..

Бернард вздохнул, сказал тяжелым громыхающим голосом:

— Я думаю, Дик и там не влачился, а жил... либо во имя Господа, либо во благо Сатаны... но в Срединных Королевствах это не так заметно. А здесь все на виду, все на виду. Здесь каждый поступок засчитывается сразу. И цена его выше.

Затрещали кусты, Ланзерот появился с оседланным конем. Мы поспешно вскакивали, Асмер и Рудольф бросились запрягать волов, я кинулся к своему коню.

Повозка ташилась под охраной Рудольфа и Бернарда, Ланзерот снова унесся смотреть впереди засады и прочие опасности, Асмер на передке, а я потихоньку пристроился ехать стремя в стремя с Бернардом. Дорога позволяет, к тому же, глядя на Бернарда, можно увидеть в щель край платья, а то и ослепительно белую лодыжку принцессы.

Бернард не то чтобы чувствовал ко мне доверие, но я выказал себя полезным для их отряда, и он принялся рассказывать, как мог, историю если не всего мира, то хотя бы той части, где теперь расположены Пограничные Королевства.

Никто не знает, объяснял он мерно в такт конскому шагу, когда в этот мир пришли люди. В уцелевших хрониках говорится, что они были столь слабы и жалки, что ими брезговали даже звери. И жили большей частью на болотах, на островках среди трясины, куда крупные звери добраться не могли, а от мелких можно отбиться.

Но народец плодился, на островках стало тесно, приходилось выходить на берег, селиться в лесу. Многие гибли, а те, что выжили, построили «города»: несколько домов, огражденных забором из высоких кольев. Так постепенно размножались, продвигались в лес глубже, а когда тот кончился, рискнули выйти на равнины.

Кто-то сумел подняться в горы, кто-то обосновался на берегу рек, озер, океанов. Среди людских племен появились горные народы, морские, степные, речные. Долгое

время все держались друг с другом мирно, ибо вокруг Тьма, так называли окружающий мир, с ним приходилось воевать жестоко, многие гибли. Но постепенно монстров и самых злобных и сильных чудовищ теснили все дальше и дальше.

А сами люди жили теперь в больших каменных городах, окруженных толстыми стенами. На высоких башнях всегда сторожили лучники, готовые стрелами отогнать чересчур любопытного дракона или птицу Рух.

И вот тогда среди людских племен и народов начались свары за теплое место у моря, за медные или золотые копи, за сокровища, за богатые железной рудой болота... А еще позже появились короли, что просто жаждали власти и нападали на соседей только лишь затем, чтобы расширить свои владения.

И вот именно тогда в хрониках отмечены первые контакты посланцев людского племени с силами Тьмы. Первым называют хитрого и отважного Карамаа. Он получил от Тьмы власть над зверями в пределах своего зычного крика, но его ума хватило только на то, чтобы удивлять своих приближенных на охоте. Он был убит собственным сыном, тот договор с Тьмой продлил, расширил, введя в своих землях человеческие жертвоприношения. За это сын Карамаа, хроники не сохранили его имя, обрел власть не только над зверями, но и над тучами, ветром, снегопадом. Что это за страшная сила, узнали воины соседнего короля, что вел войско через горный перевал и был застигнут жестокой вьюгой. Это случилось в разгар лета. Немногие вернулись, а следом вторглись войска Карамаа и захватили его земли...

Еще теснее в сговор с Тьмой вошли короли горных племен. Они получили власть над молниями и на перевалах построили сторожевые башни. Оттуда стражи били огненными стрелами всех чужих... Страшные слухи доходили из племен, которые обосновались еще дальше, за землями горных племен...

— Но, — закончил Бернارد, — еще хуже, говорят, за

Большим горным хребтом. Там земли, полностью окутанные Тьмой.

— А там кто?

Бернард буркнул:

— Самые страшные звери на свете.

— Какие они?

Я ожидал услышать нечто ужасное, но Бернард прорычал:

— На двух ногах. Одеваются. Носят оружие. Но не все, не все...

Я спросил оторопело:

— Люди?.. А как же это... Зло?

— Зло отдельно от людей? — переспросил Бернард. — Ты откуда такой дикий? У Зла и Тьмы не было той силы... а то и вовсе не было, пока не явились люди. А вот теперь в землях, где Зло у власти, где разум и воля служат Тьме, это... Понимаешь, только теперь у людей появились настоящие враги!.. Да такие, что уже вопрос: выживут ли вообще.

— Почему?

— Тьма наступает, — ответил Бернард торжественно, в этот момент он показался мне похожим на священника. — Все эти годы, столетия она только отступала, понимаешь? Люди были чисты, отважны, благородны. Но теперь то ли устали, то ли что случилось... но многие допустили Тьму в свои души. И вот только теперь настоящая война! Мы, люди, уже потеряли ряд пограничных с Тьмой стран. Тьма поглощает не только отдельных людей, малые племена, но и целые народы! Государства. Понял?

— Малость врубаюсь, — пробормотал я.

Конь мой шел ровным шагом, он не замечал, что в разгар солнечного дня свет внезапно померк, а в небе заблистали звезды. Воздух быстро и как-то резко, словно с моих ноздрей убрали фильтр, наполнился пряными запахами цветов, пахучих трав. Ноздри затрепетали, я чувствовал аромат жареного мяса и внезапно увидел перед собой накрытые столы, что ломились под тяжестью пол-

ных блюд с жареными поросятами, гусями, лебедями, я видел горы жареных куропаток и перепелок.

Невероятно толстые молодые женщины, совершенно голые, медленно танцевали на лугу при свете звезд. Одна повернулась ко мне, ее крупные, как поспевшие дыни, груди вызывающе нацелились в меня крупными красными сосками, живот покрыт мягкими валиками жира, бедра широки, женщина смотрит с призывающей улыбкой, полные губы полуоткрылись. Она провела влажным языком по губам, я засмотрелся на ее чувственный рот. Она мерно двигала мощными бедрами в призывном танце, вздыхала и даже постанывала, ее руки простерлись в мою сторону...

Уже и другие женщины, ритмично двигая бедрами, манили, умоляли, просили взять их, схватить, мять, терзать, насыщать свою мужскую плоть, можно прямо на этих расстеленных скатертях, на блюдах, между рассыпанными жареными тушками печеных гусей и кабанов...

Кровь моя пылала, я чувствовал сильнейшее желание. Так, наверное, ощущал себя святой Антоний, оставивший знаменитые описания своих искушений в пещере, когда ему вот так же являлись изо дня в день видения накрытых столов, кувшинов с вином, обнаженных женщин...

Я засмотрелся на женщину с крупной грудью. Очень походит на Алину, та же чувственная фигура, такая же развитая грудь, только Алина не только читала всякие камасутры, но и проработала разные учебники по сексу, а эта вряд ли знает что-то сложнее собачьего варианта, да и все эти жареные мясы — огромный соблазн разве что для умирающего от голода или же для средневекового дяди, а вот как насчет перчика, аджички, чили? У нас туристы на рыбалке жрут вкуснее, чем здешние короли. Ни бананов, ни йогурта... Нет, для меня это не соблазн!

Я чувствовал, что видение тускнеет, ободрился и подбавил сарказма, вспомнил, какая вкуснятина получается в микроволновке, а потом чашечку крепкого черного кофе... можно с шоколадкой. Знают ли здешние нагоняльщики видений, что такое шоколад бабаевской фабрики?

Видение потускнело, и хотя все еще теплая звездная ночь, но я обнаружил себя по-прежнему в седле, конь неспешно трусит слева от повозки, сердце колотится бешено, на лбу выступил холодный пот. На мир как бы наброшена тающая кисея с изображением звездной ночи, голых баб и примитивной жратвы, но все это быстро исчезает, как сырой туман под лучами жаркого солнца.

— Что, — прошептал я со злостью, — не удалось?.. Не на того напал...

Бернард покосился в мою сторону, на лице проступило изумление, потом озабоченность.

— Ты что бормочешь?

— Да это я так...

Он медленно кивнул, глаза не отрывались от моего измученного лица. Взгляд стал острее.

— Побелел весь... И пот вытри, прямо ручьями катит. Держись, Дик, держись...

— Да это я так, — пробормотал я. — Солнце напекло.

— Да, — согласился он, — солнце. Вон Совнаролу напекает даже в повозке...

Я судорожно вытерся, пальцы трясутся, челюсть прыгает, а в груди острое ощущение пустоты и потери.

— А что, он тоже...

Брякнул и устыдился. Таким атакам обычно подвергались разные христианские аскеты, что давали обеты не есть мяса, не знать женщин, не стричь волосы или ногти. В своих видениях они описывали это как искушения Дьявола, ниспосланные, чтобы совратить, столкнуть с пути, отринуть от Господа, усомниться в вере. Так что нашему священнику явно достается на полную катушку. Возможно, падает в обмороки, и тогда принцесса возвращает его к жизни.

Дорожка шла по краю болота, огибала иногда чересчур близко, тогда колеса увязали во влажной земле. Над самым болотом прыгал огонек. Я вспомнил о лидерце, странном явлении, которое я предпочел бы объяснять чем-то вроде шаровой молнии или сгустка болотного газа, но я уже знал от Бернарда, что это существо способ-

но приходиться к спящим вблизи болот, насылают кошмары, но если с ним договориться, то служит вернее самого умелого слуги, находит клады и вообще... верно и преданно. Даже чересчур. Чтобы избавиться от такого слуги, надо велеть ему что-то уж совсем невыполнимое, вроде носить воду в решете или свет мешком, а самому потихоньку драть из этих мест.

Понятно, если мне попадется лидерец, я уж из него выжму все, что сможет дать, а потом велю решить теорему Ферма. Или хотя бы ответить, верна она или нет.

В стороне от дороги из плотно потрескавшейся земли торчала каменная статуя. Я не сразу узнал в этой глыбе именно статую: толстую женщину с выпуклым животом и крупными сильно отвисшими грудями. Ветер и дожди сгладили неровности так, что на месте лица остался только гладкий, как куриное яйцо, камень. Впечатление жутковатое: я проехал мимо, но чувствовал, что статуя следит незримо и угрожающе и что мощь этого языческого божества еще не иссякла вся, не иссякла.

Потом не раз проезжали мимо этих каменных баб, одинаково грузных, толстых, с сильно отвисшими грудями. На некоторых еще сохранились черты лица, но у меня все равно осталось впечатление гладкой поверхности, изпод которой наблюдают злобно и пристально.

Бернард, не поворачивая головы, поведал, что здесь были королевства темных гномов, но потом пришли люди, гномов постепенно истребили, а уцелевшие ушли глубоко в горы. Люди быстро создали свои королевства, а так как люди все делают очень быстро, то вскоре все земли оказались заняты, поделены, и люди от избытка сил начали воевать друг с другом. Вот тут и появились первые признаки появления сил Тьмы. Но эти посланцы были так смехотворно слабы, а люди сильны, что нечисть просто истребляли, совершенно о ней не думая, как истребляли черных тараканов или изредка нападавших на крестьянский скот волков.

Но нечисть становилась все сильнее, а люди ослабляли друг друга борьбой за земли, власть, сокровища в недрах гор. И вот уже так получилось, что нечисть свободно... или почти свободно передвигается по этим землям, а рыцарские войска все еще осаждают замки друг друга. Правда, три года тому удалось договориться о совместном походе против сил Тьмы, успели даже наметить маршрут... но в последний момент заспорили, кто будет возглавлять поход. В результате вспыхнувшей драки прямо за столом совета было убито семьдесят знатнейших рыцарей, в том числе все претенденты на руководство.

После этого совета, получившего название «Кровавого», наследники спешно принимали земли, замки, меняли слуг, заново формировали охрану, войско, а о совместных действиях никто даже не заговаривал.

— Так что, — заключил Бернارد, — сейчас мы едем по Сакранту, это тоже земли короля Алексиса. Они еще не принадлежат нечисти полностью, в замках по-прежнему церкви, их охраняют верные Господу и его заветам рыцари, но церковные приходы в селах уже уничтожены и разграблены. Что значит, светочи погашены, тьма торжествует...

— Чем ночь темней, — проговорил я негромко, — тем ярче звезды...

— Звезды? — переспросил Бернارد. — Звезды нам ни к чему. Солнце...

Я не стал объяснять, что Солнце — тоже звезда, эту истину, открытую Птолемеем, успели подзабыть и в моем мире, просто сказал, что пойду сменю Рудольфа, и потихоньку отстал.

Конь равнодушно протопал мимо старинного камня в два человеческих роста. Глыба от самой макушки и до низу испещрена старинными письменами, да и на глубине, я уверен, эти письмена тянутся до края. Пройдут века, камень уйдет в землю целиком. До сих пор не пойму, почему все уходит под землю, будто тонет, почему древние города всегда раскапывают на большой глубине. То ли постройки такие уж тяжелые, то ли на Землю в самом деле

каждый день выпадают миллиарды миллиардов тонн космической пыли, и та незаметно покрывает землю, из-за чего сама Земля сейчас втрое больше, чем была при Александре Македонском, и в десять раз — со времен динозавров.

По ту сторону дороги такой же столб, да еще и массивная плита, почти ушедшая в землю целиком. Письмена не видны, плиту укрыл толстый слой неприятно шевелящегося мха.

Рудольф на своем красном коне, таком же толстом, как он сам, всегда, даже ранним утром, напоминает мне вечернее солнце, что движется к закату. Красные волосы выбиваются из-под шлема так буйно, даже задираются кверху, так что шлем просто тонет в них, а красная борода закрывает половину панциря. Красные штаны, красные сапоги, даже щит — красный, мне он как-то на привале объяснил гордо, что это для того, чтобы враг не увидел его крови и не возрадовался, а свои чтоб не бросились на помощь, умаляя его непомерную доблесть.

Может, и так, но, по-моему, он просто тащится от красного цвета. Рудольф кивнул мне, но глаза обшаривают горизонт, повод в левой руке, ладонь правой покоится на рукояти меча.

— Там, — сказал он коротко и кивнул на ясно видимые горы..

— Ваше королевство? — догадался я.

— Тебе лучше вернуться, — отрезал Рудольф. — Там смерть.

Я зябко передернул плечами. Рудольф, который и раньше не блистал радушием, сейчас вот-вот превратится в свирепого берсерка, что уже изготовился к сшибке с набегающей лавой противника. Или завидел богатый Рим, где можно убивать и грабить и сочных римлянок насиловать и вязать в рабство. Глаза горят, ноздри трепещут, как у зверей, что зачуяли добычу. Даже пригнулся, как для прыжка с коня, руки раздвинуты, вздутые мышцы мешают прижаться к бокам. Я со страхом видел, что зашевели-

лись красные лохмы по бокам головы, явно пытаются пробиться наружу бедные уши.

— Но вы же едете!

Рудольф усмехнулся одной половинкой рта.

— Сравнил...

Мой конь прынул ушами, я чувствовал, как напряглись тугие конские мышцы. Рука сама дернула повод, конь остановился и даже чуть присел. Мимо уха вжикнуло, я тупо оглянулся, успел увидеть на той стороне вспыхнувшую искорку, когда железный наконечник с силой ударился о каменного идола. Донесся резкий стук металла.

Качнуло, храбрый до дури конь сам понесся за убегающим. Я выхватил меч, глаза смутно улавливали среди зелени и качающихся ветвей кустов силуэт человека. Но яркое солнце краешком ушло за облако, а когда выглянуло снова, уже засияв так, что можно разглядеть самых мелких жучков на листьях, то везде было пусто.

Я на всякий случай проехал вперед, удаляясь от дороги, вломился в кусты. На месте этого человека обязательно повторил бы попытку, здесь можно спрятаться где угодно: каменные надолбы, руины, кусты, непонятного происхождения ямы, пни от великанских деревьев. Я напряженно прислушивался, надеясь уловить скрип тети-вы, запах потного тела или дешевого вина, но от дороги нетерпеливо крикнул Рудольф:

— Поехали, поехали!.. Не отставай.

Но, вернувшись на дорогу, я видел, как все сгрудились вокруг повозки, готовые закрывать ее собственными телами. Так и ехали, пока сбоку проплывали руины. Рудольф и Асмер начали потихоньку переговариваться, Асмер острил, я прислушивался к их болтовне, за развалинами следил краем глаза. Ни запаха, ни шума, и вдруг там поднялось сразу пятеро, в руках луки с уже натянутыми тетивами.

Сбоку ахнул Рудольф. Свистнули стрелы. Я успел выдернуть из-за спины меч, стрела звонко ударилась о лезвие, исчезла. Асмер тоже принял стрелу на широкий ме-

талл, используя топор как щит, Бернард просто пригнулся к конской гриве, и стрела лишь дернула за волосы.

Еще пятеро с оружием в руках выпрыгнули из-за камней и набросились, дико крича, на Ланзерота. Я молча махал своим мечом, теперь уже своим, в плече заныли суставы, но никто не рухнул от моих богатырских замахов, зато Рудольф и Асмер устелили дорогу трупами.

С другой стороны руин с грозным грохотом копыт вынесся конь Ланзерота. Солнце било в лицо, он вздымал над головой залитый кровью по самую рукоять меч. В ярком свете пурпурные капли срывались веером и сверкали в воздухе, как драгоценные рубины.

Оставшиеся без защиты стрелки бросили луки, ухватились за мечи, кинжалы. Бернард с руганью рубил, крушил, рассекал, наши кони столкнулись над телом последнего убитого.

Здесь развалины заканчивались, дальше ровная чистая степь. Хороший расчет: любой на нашем месте, завидя чистое пространство, вздохнет с облегчением и вложит меч в ножны. А то и вовсе снимет доспехи, чтоб не таскать тяжесть. Так однажды небольшой татарский отряд побил немалое русское войско, что в жару ехало на телегах, а их тяжелые доспехи и мечи везли на повозках далеко сзади.

Я прислушался, но в уплывающих за спину кустах лишь зачирикали птицы.

— Что с Ланзеротом? — спросил я.

— Добивал последних, — прорычал Бернард. — Он бывает очень зол... Ты чего кинулся?

— Чтоб не успели выстрелить второй раз. А ты чего?

— Вернемся, — предложил Бернард. — Это просто сброд, хотя надо бы хоть одного захватить, поспрашивать...

Он стиснул кулак, кожа заскрипела. В глазах появилось мечтательное выражение. У него бы рассказали все...

Повозка стояла на дороге, священник ходил над телами в пыли, переворачивал, смотрел в лица и совершал крест-

ное знамение, что-то спрашивал, бормотал молитвы. Одному даже дал поцеловать крест, а следом за священником ходил Асмер и деловито втыкал каждому разбойнику в горло лезвие длинного ножа. Услышав топот, поднял голову.

— Беднота, — пожаловался он. — И взять с них нечего.

Бернард брезгливо отмахнулся.

— Нашел с кого брать!

Я тоже заметил, что оружие нападавших из плохой бронзы, сами разбойники мелки в кости, одеты в тряпки явно не из хитрости, это их обычная одежда.

— Что-то слишком просто мы их завалили, — сказал Рудольф, мне почудилось, что ветеран встревожен. — Даже не завалили, а скосили, как сорную траву.

— Да это мы такие орлы, — предположил Асмер хвастливо.

— Орел, — поморщился Рудольф. — Ты слишком сильно бьешь, из-за этого проваливаешься вперед. Тебя в этот момент голыми руками бери! Нет, это не мы орлы, а они — куры.

— Ладно, — сказал Асмер примирительно, — давай так, мы — орлы, а они — куры... Эгей, а это кто?

Мы все увидели на дальнем холме всадника. Тот очень внимательно наблюдал за схваткой. Мой конь сразу же сделал шаг в том направлении, но сильная рука Бернарда ухватила коня за повод.

— Не сейчас, — проговорил он с сожалением. — Эти разбойники только приманка... Он хотел посмотреть, насколько мы умеем драться. И — посмотрел!.. А там, возможно в кустах или за камнями, воины покрепче. Да и числом поболе.

Асмер возмутился:

— И что? Да мы всех их!

— Конечно-конечно. Но мы никогда не доведем... если ввязываться во все драки.

Глава 12

В полдень вершины горного хребта, что тянулся далеко справа, грозно заблестали. Солнце зависло прямо над ними, я видел множество блестящих глаз, словно нас освещали мощными прожекторами.

Бернард молча указал богатырской дланью на эти блистающие грозно пики. Каменное лицо стало еще суровее, жестче, надбровные дуги уплотнились и выдвинулись так же решительно, как нижняя челюсть. Взор достигал снежных вершин дальнего горного хребта, едва-едва высунувшего белые рожки из-за горизонта.

— Пекланд, — обронил он коротко.

Я наострил уши.

— Красивое имя. Энергичное. А что это?

Он не повел и бровью на такое невежество.

— Когда-то богатая и щедрая страна... а теперь обитель мрака и зла. Она пала под натиском демонов всего сто лет тому, да и потом там еще долго оставались места, где жители сумели наладить оборону. Ну, монастыри, большие церкви или даже города, где народ остался верен Богу, а церковные служители были сильны и деятельны. Но связь с ними оборвалась, а потом... потом и они погибли. Во всяком случае все герои, которые туда отправлялись, их не отыскиали.

Рудольф буркнул

— Бернард, ты уж говори всю правду. Ни один и не вернулся!

— Тем более, — ответил Бернард. — Тем более...

Я предположил:

— А если они просто присоединились к тем, кто держит оборону?

Бернард отмахнулся.

— Человек, который дал присягу, обязан вернуться, даже если там умирает его родная мать, а в реке тонут его дети. Нет, там только нечисть празднует победу... Нечисть, демоны, нежить, гоблины, тролли, кобольды... Черные маги, ожившие мертвецы... да ладно, всего не перечтешь. Тем более что всего никто не знает.

На привал остановились задолго до захода солнца: волю смертельно устали. Место, как я наконец заметил, выбрано не только по раскидистому дубу и ручейку, как я полагал раньше, но прежде всего по стратегической неуязвимости места. Сюда не подобраться незамеченным даже ночью, небо чистое, луна светит ярко.

Асмер еще по дороге подстрелил молодого олененка, а Рудольф ухитрился точным броском дротика пригвоздить к земле средних размеров кабанчика.

Мы ужинали у костра, я наслаждался покоем, скоро наступит ночь, все уйдут в темь, затаятся, а я, не умеющий охранять... видно, это что-то особое, останусь со священником, который тоже скоро уйдет в повозку читать требник. Только не вслух, там же принцесса...

Ланцерот ел быстрее всех, успел отлучиться к своему коню, заботливый, а когда вернулся, сообщил ровным голосом, словно вскользь упоминал о прошлогоднем снеге:

— Земли сонных королевств кончились! Вы все знаете, что это значит. А ты, Бернارد, можешь объяснить своему слуге.

Он взял арбалет и ушел, побрезговав объяснять простолюдину лично. Я подумал, что хотя я принадлежу... ну ладно, приносил присягу принцессе, но пока что рылом не вышел, чтобы принцесса отдавала распоряжения лично. Для этого существует целая лесенка слуг повыше и чиновников разного ранга, а здесь в походе между нами стоит пока один только Бернارد. Ну и Рудольф с Асмером, конечно.

Бернارد мирно ворошил прутиком пурпурную россыпь углей, ловко поддевал и выбрасывал дымящиеся сучки.

— Что объяснять, — буркнул он. — Мы вступили в настоящий мир! Теперь будешь спать вполуха и вполглаза. И с оружием в руке.

Я пробормотал:

— А как мы раньше спали?

Бернارد изумился.

— О той рыбьей жизни забудь!

Он поднялся во весь громадный рост, не просто здоровяк, а, как мне вчера шепнул Асмер, потомок древних великанов, зевнул, посмотрел на небо. Солнце только-только опустилось за темнеющий край. Вся западная половина неба в красной коросте облаков, а восточная уже начинает медленно наливаться густой синевой. Там проступил бледный диск луны, сейчас похожий не на саму луну, а на привидение луны, но скоро этот зловещий блеск заставит сердце колотиться чаще, а во рту пересохнет.

Бернард на краю ручья сбросил потную рубашку. Могучая фигура не напоминала красавца культуриста, но и на борца сумо не похож: лишнего жира не заметно, везде тугое мясо, толстые жилы, на спине несколько косых шрамов и пара белых пятен, окруженных валиками синюшного цвета, словно когда-то оттуда выдрали наконецники копий вместе с мясом.

— Посмотри пока за рубашкой! — крикнул он. — Чтоб не сперли...

Я с удовольствием вытащил из ножен красавец меч и сел вблизи, не сводя глаз с Бернарда. А он вошел в ручей, прорычал что-то гулкое, отчего по земле прошла едва заметная волна трясения. Холодные струи приняли его с охотой, но вода достигала только до колен. Он наклонился, зачерпнул обеими пригоршнями воду. Похоже, мышцы все-таки ноют, ибо, когда начал смывать грязь и пот, его перекосило от боли. Вдоль левого бока кровавая ссадина, а на груди лиловый кровоподтек размером с кулак.

Сколько же ему лет, ведь дерется не только умело, что понятно, но и быстро, дай бог так молодым драться. Однако в молодости ребра ломаются и срastaются с легкостью, кровоподтеки исчезают уже к вечеру, а ссадины вообще замечать неприлично. Даже раны заживают за неделю-другую, а теперь одна такая рана способна уложить на месяц... а то и вовсе заставит отказаться от оружия.

Он плескал воду все замедленнее, в зыбкой поверхности воды мелькали осколки его лица, сильно постаревшего, угрюмого, с недобрыми глазами. Я услышал, как над моей головой прошумели крылья, пахло смрадом.

На миг почудилось прикосновение чужого, враждебного, будто злой колдун пытался заглянуть под доспехи души и запустить туда нечистые руки.

И тут же я услышал, как Бернард вздрогнул, перестал плескаться, сказал негромко, но очень настойчиво:

— Господь наш! Тебе вверяю свои помыслы, свою душу!.. Не дай ввести в искушение.

Ощущение недоброй силы исчезло, но осталась тревога, предчувствие недоброй силы, что следит. Бернард торопливо выбрался из ручья, пальцы вздрагивали, когда насухо растирался, но у костра к этому времени остался только я, а я, естественно, ничего не замечу, ибо веселостью, с моей точки зрения, Бернард не блистал и раньше.

Нам еще далеко до перевала, но я в самом деле чувствовал, что сон у меня стал тягостный, неуправляемый. За мной гонялись огромные черные собаки, я убегал в диком страхе, небо рушилось, я прятался от падающих обломков, тонул в болоте, а ветки кустарника, за который хватался, ломались, как сосульки...

Трижды просыпался, всякий раз видел внимательное лицо Бернарда. Всякий раз он укрывал меня особо заботливо, а когда в кустах спросонья чирикнула какая-то птица, запустил туда палкой. Я поспешно закрыл глаза, умолял себя сосредоточиться, хоть разок еще, хоть немного, хотя бы успеть осмотреть сверху окрестности вокруг нашей стоянки, чтобы никто не подобрался незамеченным.

А потом все-таки пришла стадия сна, которую я ждал. Я взлетел, прекрасно сознавая, что это сон, оглядел сверху стоянку, белеющую в лунном свете повозку и белые валуны воловьих спин, прошел по расширяющейся спирали, а потом ощутил неудержимое желание промчаться по маршруту, где нам предстоит двигаться уже с утра.

Горы в самом деле близко, очень близко. Но я не успел перемахнуть, взгляд зацепился за багровое зарево слева у края земли, и тут же меня понесло в ту сторону, понесло

стремительно, я только закрывал руками лицо, чтобы ветер не повыламывал зубы. Зарево разрослось, я увидел огромный богатый город, где даже в ночи горят огни, костры, а вокруг города стада коров, овец, телеги с тушами лесных зверей. Ворота распахнуты настежь, но там куча народа спорят, размахивают руками, со стороны города подбежали стражники, выставили щиты и попробовали оттеснить прибывших скотоводов.

Я пронесся над городом, дивясь его размерам и богатству, в самом центре — богатый королевский замок, из всех окон яркий свет, аромат расплавленного воска. Окна поплыли быстрые и одинаковые, как цветные витражи, я заглядывал, летел дальше, пока не увидел настоящий королевский зал с настоящим тронном, ступеньками к трону, неподвижными рыцарями под стенами, все в полных доспехах, забрала опущены, у каждого на сгибе левой руки треугольный щит, украшенный гербом, а в руке меч, упертый острием к пол. Все стояли настолько неподвижно, что я сперва принял их за статуи.

По роскошному ковру цвета пурпурного вина быстро расхаживал, почти бегал, толстый грузный человек. Он был в красном тяжелом плаще, полы тащились за ним, подметая мраморные плиты. На голове блестела драгоценными камнями золотая корона. Когда он резко поворачивался, плащ красиво взметывался, там блестело и переливалось, я понял, что это не просто плащ, а мантия.

При его грузности он двигался чересчур быстро. Я не сразу понял, что эта грузность от обилия мускулов, а не жира. К тому же этот толстяк ведет себя так, словно выпил три чашки крепчайшего кофе.

За столом неподвижно сидит высокий и очень худой человек. И хотя ко мне спиной, но я сразу представил его с бледным печальным лицом и уныло вытянутым носом.

— Ваше Величество, — проговорил он просительно. — Мне неловко сидеть в вашем присутствии... Вы уж позвольте...

Он начал подниматься, но толстяк раздраженно отмахнулся:

— Сиди! Я, Конрад Железная Рука, уже многим даровал право сидеть в моем присутствии, не снимать шляпу и даже чавкать за столом. Пусть мои военачальники ведут себя так, как удобно, лишь бы не мешали работать... Итак, гонцы сообщили, что безумный Арнольд сократил свои войска еще на треть. Теперь их не хватит даже на охрану границ! А уж чтобы сопротивляться вторжению наших войск...

Человек за столом сказал просительно:

— Ваше Величество, когда я подавал вам плохие советы?..

— Да ладно тебе, — оборвал король, как я понял, голос у него был густой, сильный, как сказали бы — мужественный, но раздраженный и нетерпеливый. — Ты же знаешь, он не сможет сопротивляться!

Я неслышно переместился вдоль стены. Они меня не видят, понял я. Значит, оба не связаны с черной магией.

Король Конрад чем-то напомнил Черчилля: то же бульдожье лицо, массивная нижняя челюсть, злобно выдвинутая вперед, как у Ланзерота, маленькие глазки, красное от выпитого вина лицо. Этот человек не просто двигается быстро, у него и лицо мгновенно меняется, выдавая то сильнейший гнев, то почти детское патетическое изумление: как это горный хребет торчит на границах его земли вопреки его монаршей воле?

— Да, — ответил советник печально. — Однако Арнольд, судя по всему, и не собирается... Он попал под влияние этих... которые подставляют левую щеку, если их бьют по правой...

Конрад презрительно фыркнул:

— Господу Богу нужны сильные и храбрые христианские воины, а не... слюнтяи. Я думаю, это все наущения дьявола. Тем более мы обязаны перед Господом Богом вторгнуться в его пределы и привести народы к... ну, правильному пониманию Святого Писания.

Советник развел руками:

— Да, но...

— Что «но»? Что «но»?

— Опасность...

— Никакой опасности быть не может! — проревел Конрад. Он круто повернулся, мантия сделала красивый полукруг, а я вдруг понял, что это у короля одно из привычных движений, оставшихся со времен битв: левая рука чуть согнута, словно на ней висит щит, прикрывая левую сторону груди, правая чуть впереди, а нога делает быстрый и в то же время осторожный шаг. — Мои люди сообщают о каждом его вздохе!.. У него нет дополнительных войск!..

— Его страна, да простит мне Ваше Величество, богаче нашей вдвое...

Советник осекся, но король небрежным жестом напомнил, что это не дерзость, что он желает только правду, что он настолько силен, что ему правда не страшна.

— Никакая богатая страна, — сказал он наставительно, — не в состоянии быстро собрать и обучить войско. Даже если там много свободных молодых мужчин, много денег, много оружия. А кони моего войска роют землю копытами на границе! Что еще? Ты смотрел в магическое зеркало?

Советник замялся.

— Это нечестивое деяние, — напомнил он осторожно. — Святая церковь не одобряет... даже запрещает подобное. Это все от дьявола, с чем я согласен.

Конрад отмахнулся.

— Я тоже согласен. Покаюсь, принесу жертвы... тьфу, воскурю ладан. Могу в монастырь или на церковную утварь сбросить часть добычи. С этим решим, ты знаешь. Так ты смотрел?

Советник замялся еще больше. Я осторожно облетел с другой стороны, рассмотрел лицо, в самом деле бледное, жалкое, с уныло повисшим длинным носом.

— Смотрел, Ваше Величество.

— И что?

— Многое непонятно, Ваше Величество... Вы же знаете, мало видеть, надо еще правильно истолковать...

— Говори! — потребовал Конрад.

— То, что я увидел, можно истолковать, как вашу славную победу, Ваше Величество...

Конрад захохотал:

— Ну вот! А я что говорил?

— Но, Ваше Величество, я увидел не меньшую славу... даже, осмеливаюсь сказать, еще большую славу обретет Арнольд.

Конрад оборвал смех, глаза полезли на лоб. Потом вдруг лицо озарилось широкой улыбкой:

— Ну конечно!.. Так и должно быть. Когда мои войска неудержимо ворвутся в его страну, убивая и пожигая, когда рухнут ворота его замка, то Арнольд вспомнит, что он был великим воином... возможно, даже величайшим!.. и выйдет ко мне с мечом в руке. Он побьет сотни моих лучших воинов, а потом падет с мечом в руке. Это красивая смерть. Достойная героя! Я велю похоронить его с почестями, пусть его слава будет с ним. А мне достается его королевство... Ведь достанется же?

Голос был злым, требовательным. Советник вздрогнул, сказал торопливо:

— Достанется, достанется!.. Только вот...

Конрад взревел люто:

— Что еще?

Советник поклонился, его уже трясло от страха.

— Я хотел бы, чтобы Ваше Величество получило от своей затеи все то, что задумали.

Бертран поверил моему рассказу сразу, но Лансерот потребовал, чтобы я описал все помещение. Я добросовестно перечислил столы и стулья, гобелены на стенах. Лансерот внезапно спросил, где стоит статуя воина в голубых доспехах. Я ответил, что никакой статуи в голубом не видел. И вообще ни одной статуи в помещении нет. Лансерот нахмурился. Я не понял, то ли такая статуя в

самом деле была, а теперь убрали, то ли рыцарь просто ловит меня на лжи.

С другой стороны, понятно, что Ланзерот не просто бывал у этого Конрада, но и прекрасно знает, где там и что. А с одного раза не запомнить так, чтобы и через годы помнить обивку стульев и узоры всех гобеленов.

Принцесса слушала, бледная и со сжатыми кулачками. Видно было, что она разрывается от желания помочь благородному королю, на которого готовятся совершить нападение, но нас от тех мест отделяют не только степи и горные хребты.

Когда я закончил рассказ, Бертран заговорил первым:

— Конрад чересчур самонадеян. Он уже не раз получал по голове от соседей. В том числе и от Арнольда. Арнольд дважды его разбивал наголову, а уцелевал Конрад лишь потому, что Арнольд не преследовал его и не добивал в его же собственном королевстве. А сейчас, как бы ни ослабил Арнольд свою армию, он сумеет на какое-то время остановить вторжение... Там только одно место, где Конрад может провести войска, это узкая Долина Черных Мхов.

Ланзерот сказал зло:

— А потом? Численный перевес есть численный перевес.

— Арнольд выиграет время, — пояснил Бертран. — За это время он начнет спешно набирать новое войско.

— Не успеет, — бросил Ланзерот. — Сам знаешь, что не успеет.

— Не успеет, — согласился Бертран. — Но две недели продержится?

— Даже три, — согласился Ланзерот. — Люди Арнольду преданы и будут сражаться даже в самом безнадежном положении. Пока все не полягут, Конрад через долину не пройдет. Но потом войска Конрада хлынут по стране, как саранча.

Бернард сказал победно:

— А вот и ошибаешься!.. Ты забыл, что нам до замка всего дней десять.

— Рассчитываешь на баронов? — быстро спросил Ланзерот.

— Да. Они ждут эти мощи больше, чем наши защитники. Как только мощи окажутся в замке, окрестные бароны пришлют войска нам на помощь. Мы можем сразу же отослать их в Долину Черных Мхов. Даже если совместными усилиями не отбросим Конрада обратно, то задержим. За это время Арнольд соберет и приведет огромное свежее войско!

Ланзерот подумал, двинул плечами.

— Это может сработать, — объявил он. — Но... слишком много всяких ям на дороге. К тому же нам самим придется еще как несладко.

Принцесса сказала твердо:

— Королю Арнольду надо помочь. Он ревностный защитник христианства. С его падением оголится правый фланг огромного фронта, где мы совместными усилиями сдерживаем натиск сил Тьмы.

Ланзерот поморщился, ответил с заметным холодком:

— Ваша Светлость, я готов помочь королю Арнольду уже просто потому, что это благородный и честный человек. И очень хороший король, смею заметить.

Принцесса вздрогнула и чуть отвела взгляд. Мне показалось, что легкий румянец коснулся ее щек. Я ощутил, что уже ненавижу этого рыцаря.

Пока готовились к дороге, Бернارد подозвал меня кивком, быстро провел палкой на земле черту.

— Вот, смотри!.. Волон без тебя запрягут, а ты пока уясни... По ту сторону — Тьма, туда пока не смотри. Это наш Зорр. Слева королевство Ирам, уже захвачено Тьмой, еще дальше — Пекланд, там тоже Тьма. Справа от нас Мордант, о нем уже говорил... Что впереди — ясно, там захваченные Тьмой земли Скарландов, Горланда, Гиксии. Нам сейчас даже важнее, что у нас в тылу!.. А в тылу сразу за Зорром и расположено королевство Галли, которым правит благородный король Арнольд. Мы идем чуть левее, на стыке земель королевства Сакранта и Галли, а с

той стороны Галли и расположено королевство Алемандрия с королем Конрадом во главе!

Я всмотрелся, кивнул:

— Если Конрад захватит территорию Галли, то Зорр окажется окруженным со всех сторон, верно?

— Почти так, — прорычал Бернارد с такой ненавистью, словно это я захватил и приватизировал эти земли. — Король Алексис ничего не делает, чтобы изгнать проникающие сюда отряды нечисти. Его можно считать с Тьмой заодно. Король Конрад хоть на словах и противник Тьмы, но торгует с черными королями, его люди ездят в их земли... за черный кордон, а сам он, говорят, принимает у себя во дворце черных магов. Нам надежнее было бы ехать через земли короля Арнольда, но мы спешим отчаянно, потому у нас путь прямой, как птица летит... Так что мы должны гнать и гнать, но успеть привезти святые мощи! Только так успеем собрать войско на помощь королю Арнольду.

Он говорил и постукивал огромным кулаком по колену. Мне показалось, что нога с каждым ударом погружается в землю, как вбиваемая паровым молотом свая.

Я спросил осторожно:

— А что насчет сокращения контингента? Я имею в виду, войск? Дело вообще-то правильное... но вовремя ли?

Лицо Бертрана омрачилось.

— Король Арнольд... слишком хороший король. Когда-то великий воин и полководец, он сумел не только завоевать себе королевство, но и сделал его самым богатым, процветающим. Разбойники были истреблены, с распрями покончено, а претендентов на престол он развесил на деревьях вокруг замка. С тех пор никто не смел нарушать законы. Дороги стали свободными и безопасными, а налоги он велел собирать самые малые. Быстро строились города, плодился народ, стада ходили тучные, а неурожай обходили его края из года в год. Да что там говорить! Простолюдины в его деревнях одевались лучше, чем благородные люди в соседних королевствах! Слуги пили и ели

на золоте, а в соседних королевствах не всякий барон мог позволить себе медное блюдо, а чаще ел с деревянного. Но...

— Что-то случилось? — спросил я с сочувствием.

Бернард с досадой стукнул кулаком с такой силой, что я услышал хруст. Но кулак оставался цел, как и коленная чашечка. Похоже, треснула земная кора.

— Отважному королю заморочили голову проклятые богословы!.. Понимаешь, наши священники говорят: Христос сказал, не мир я вам принес, но меч! Этих я понимаю, дело говорят. Христос нам принес меч, которым мы должны бороться со Злом. Но есть и другие, что мямлят что-то про возлюбление врага своего, даже про то, что врагу надо сдаться, подставить другую щеку... Это, по моему, даже не священники, а переодетые слуги Сатаны. Словом, короля охмурили как раз эти, проклятые. Арнольд уменьшил свою армию впятеро, а потом еще вдвое. Для народа, конечно, это лучше — не кормить и не содержать сорок тысяч здоровенных молодых мужчин... но нельзя же забывать, что мы на свете не одни!

Я кивнул:

— Понятно. Соседние короли тут же зашевелились.

— Еще бы! Страна богатейшая, а охрана с каждым годом все хуже. Первым сообразил король Хенгучот, он послал Арнольду посла со словами: «Моя армия сильная, а твоя нет. Ты должен признать мою власть, отдать трон. Если ответишь отказом, я вторгнусь в твои земли, сожгу города и села, истреблю народ, а тебя самого посажу в клетку и буду держать в своем зверинце».

— И что же?

— Ну тогда Арнольд еще не успел сократить армию так... как сейчас. А его полководец Гунт, царство ему небесное, едва это услышал, то, не дожидаясь приказа короля, тут же вторгся в земли Хенгучота. Его войска стояли на границе, им оставалось только вскочить на коней и вытащить мечи из ножен... Словом, королевство Хенгучота перестало существовать всего за неделю войны. Правда, потом Арнольд велел разыскать потомков Хенгучота и с

почетом вернул им трон, но соседние короли урок запомнили...

— Увы, — сказал я, — не навечно.

Глава 13

После моего сообщения Асмер настегивал волов не-престанно, я забеспокоился, не падут ли через пару суток такого бега, это же не «КамАЗы», что могут сто тысяч без капремонта. А если не успеем сменить, то потащим моши и, как теперь знаю, связки оружия на себе?

Ехал поближе к Бернарду, и хотя странная пропасть между мной и отрядом не уменьшалась, а, напротив, ширилась, однако Бернард, верный своей идее «с черта хоть шерсти клок», терпеливо отвечал на мои вопросы, рассказывал, сообщал, объяснял.

Первопоселенцы, как я уже видел, не вели записей, не до того, но, когда пришли первые монахи, на этих землях уже были два молодых свирепых королевства, что соприкоснулись краями, а потом начали борьбу за влияние.

Кто первым пролил кровь, неизвестно, однако благосостояние Зеленых Земель и Долины Коней зависело от противостояния королевского рода Конрадов и Арнольдов. Трижды Конрад Третий вторгался в Долину Коней и обкладывал жителей данью, но восемь раз Арнольд Четвертый переходил перевал с огромным войском и осаждал стольный град Зеленых Земель — Конрабург. Всякий раз он отступал, получив огромный выкуп. Знаток говорили, что Арнольд отступал зря, у него были все преимущества, но другие возражали, что захватить столицу чужой страны легче, чем удержаться в той стране. Арнольд не хотел, чтобы его победоносное войско шипали из лесов, он уходил так же красиво, как и вторгался, на плечах отступающей армии Конрада, а увозил богатейшую добычу и уводил три телеги с золотом.

Потом несколько десятков лет, если не веков, борьба продолжалась с попеременным успехом. Обычно новую

войну начинали Конрады, им досталась горячая кровь предков, что не могла мириться не только с поражением, но вообще со стоянием на месте. Когда в Зеленых Долинах кузнецы открыли секрет стали, а оружейники научились ковать доспехи из металла, о который ломались или гнулись мечи из простого сыродутного железа, Конрад Седьмой воспрянул духом, все силы бросил на увеличение армии, а сотни оружейников сутками напролет готовили новые доспехи, ковали мечи, топоры, копья с этими удивительными стальными остриями.

События последних десятиков лет и без летописей были свежими в памяти стариков, передавались из уст в уста. Пятьдесят лет тому Конрад Двенадцатый собрал самое могучее войско, какое только создавалось в Зеленой Долине, и двинул его на окончательное завоевание Долины Коней. Армия Арнольда была распущена на постой, время было как никогда удобное для разгрома...

Но случилось так, что на перевале конь Конрада испугался выскочившей из-под копыт косули, шарахнулся в сторону, и Конрад вылетел из седла. К несчастью, это было в таком месте, что он ударился головой, не сумел удержаться за обледенелые камни и соскользнул в пропасть. Трое суток пытались его вытащить, но началась снежная буря, что длилась неделю. Время было потеряно, войско устало, да и без предводителя какой поход, надо срочно возвращаться, пока юного сына погибшего короля не сместили заговорщики.

Пока подрастал юный король, он и не думал о завоеваниях, слишком хорошо наставники расписали ему прошлые сражения, в которых перевес обычно был не на стороне Конрадов. И только через четырнадцать лет он ощутил себя достаточно сильным, знающим и умеющим, чтобы повторить попытку своего отца.

Увы, на тот раз войско было пожиже, а охрана перевала надежнее. Войско было остановлено сперва на перевале, а потом ему пришлось столкнуться с конницей, где Арнольд использовал новую тактику стрельбы на скаку тяжелыми стрелами. Войско Конрада понесло такие поте-

ри, что он отказался от попыток идти дальше, вернулся и больше о войне не думал.

Однако его наследник, Конрад Блистательный, это нынешний король, сев на престол, начал готовиться к войне сразу, ибо престол получил уже в сорок лет, засиделся без мужского дела.

Я прервал:

— Это что же, Арнольды такие голуби? Ни разу не пытались напасть сами?

— Почти, — ответил Бернард с презрительной усмешкой. — Разумеешь, земля Арнольда изначально была богаче. И зверя больше, и рыбы в реках, и земля обильнее. Так что от Конрада все равно туда бежал народ. Арнольду было легче торговать, ловко обирая соседа, чем воевать... Правда, был случай, когда после устойчивого мира в течение десяти лет попытку захватить земли соседа попытался король Долины Коней Арнольд Девятый. В Зеленой Долине была сумятица: король умер, не оставив наследника, бароны взялись за оружие и претендовали на трон. Арнольд спешно набрал войска из соседних областей и быстро двинул их на захват столицы. Увы, мятежные бароны разом обратили оружие на пришельцев. Разгром был почти полный, Арнольду пришлось уносить ноги.

— Ну, наконец-то! А почему сами не воспользовались плодами победы?

— Да теперь уже и не разобраться. Историки вроде бы сошлись во мнении, что можно было бы на плечах отступающих ворваться в Долину Коней и захватить ее всю целиком, а помешала только раздробленность самих баронов. Свою землю защитили, сражаясь беззаветно и храбро, а вот в чужую надо выбрать предводителя, идти под его знаменем, выкрикивать его боевой клич, а ведь всякий знал, что самый древний и благородный род именно у него самого и вести объединенное войско должен только он и никто другой... Ладно, Дик, ты мне зубы не заговаривай! А то спрашиваешь Бог знает о чем. Ты о деле спрашивай, о деле! Ты вон порхаешь, как божий мотылек... что хорошо, конечно. Мотыльки Господу угодны. Но

если бы ты пробовал, скажем, слетать к Арнольду и шепнуть на ухо, что Конрад уже собрал войска? Подсказать, что надо бы побыстрее послать войска на перехват...

Я удивился, что к нашему разговору прислушиваются, ибо почти сразу же издали Рудольф рыкнул:

— И что помощь придет!.. Ему можно даже рассказать, что везем мощи Тертуллиана.

Асмер же только одобрительно кивнул, гикнул и понесся к Ланзероту.

Теперь ехали компактной группой, даже Ланзерот перестал уезжать далеко вперед. Я приписал это своим ночным полетам, большие отряды я не видел вблизи, а мелкие разбойничьи шайки нас не пугали. А если я замечал отряд всадников, которые могли повредить нам, утром быстро меняли маршрут, избегали опасности, а потом снова ложились на прежний курс.

Но если Ланзерот теперь чаще всего ехал вблизи, иногда вполголоса разговаривал со священником или принцессой, я в непонятном раздражении, которое страшился назвать истинным именем, уезжал либо далеко в сторону, лишь бы не терять повозку из виду, либо вперед, разведывая дорогу. Ланзерот не возражал: то ли не прочь, чтобы я свернул шею, то ли предпочитал разговаривать с принцессой вне досягаемости моих ушей.

Однажды вот так я ехал, на ходу выхватывал меч, делал взмахи, привставал на стременах и обрушивал страшный удар на голову воображаемого противника, причем шатался от собственных богатырских взмахов все меньше и меньше. Но все-таки, чтобы хохоту было меньше, я старался держаться в такие минуты вне видимости подлинных героев.

Сегодня перед обедом увлекся настолько, что как-то потерял не то счет времени, не то ориентировку. Во всяком случае, из-за деревьев показался бредущий навстречу громадный конь, Бернард сидел массивный, привычно широкий, он ничуть не удивился, увидев меня с мечом в

длани, а я устыдился, начал оглядываться, как же получилось так глупо...

Бернард подъехал, суровое лицо было мрачным. Глаза покраснели от напряженного взглядывания в границу между землей и небом.

— Бернард!

Он пустил коня прямо ко мне.

— А, ты здесь...

— Как ты здесь очутился? — спросил я удивленно. — Вы ж с Ланзеротом остались охранять повозку...

Он отмахнулся.

— Ланзерот справится. Я подумал, что ты сейчас в опасности больше, чем Ланзерот или я.

— А где опасность? — ответил я.

— Везде, — ответил он. Губы слабо дернулись, будто пытался изобразить улыбку, но не получилось. — Везде.

Я сказал осторожно:

— Я слышал, что мы все равно не отступим?

— Ни за что, — ответил он. — Но надо еще и довести до места... Что у тебя есть еще, помимо этого?

Я пожал плечами.

— Да все вроде бы... Вот еще топор, нож.

Он нетерпеливо отмахнулся:

— Ерунда. У них такие же топоры, а то и получше. И ножи из лучшей стали. Я говорю о талисманах, амулетах... Ну, что тебя защищает? Что-то же да защищает?

Я подумал, снова пожал плечами. Это мои родители, пережив период советского атеизма, самозабвенно собирали гороскопы, называли себя козлами и водолеями, плевали через левое плечо, соблюдали счастливые и несчастливые дни, слушали по ящику шарлатанов-астрологов, но я как раз уже из следующего поколения, мы насмотрелись на дурь родителей и теперь верим только в Интернет и атомарное строение вселенной.

— Я сам себя защищаю, — ответил я.

Он покачал головой.

— Ты не понимаешь. В этом мире существует магия, Дик. Хорошая и плохая. А у людей есть амулеты, что за-

щищают их души... а иной раз и тела. Что у тебя за амулет?

Я насторожился, медленно расстегнул рубашку. Вобравший тепло тела крестик не ощущался на груди. Кончики пальцев коснулись металлической поверхности, мне почудилось едва слышное покалывание, словно от слабо заряженной батарейки.

— Это мне подарил один священник, — сказал я. — Когда мы останавливались в городе с ночевкой. Но я не думаю, что в нем есть какая-то мощь.

Я не добавил, что тогда забыл выбросить, а потом просто перестал замечать такую крохотульку. Он протянул руку.

— Покажи.

Я с трудом снял через голову цепочку, глаза Бернарда застыли, а лицо напряглось. Я протянул ему крестик, Бернард отшатнулся, сказал сквозь зубы:

— Нет, так нельзя... Иначе... иначе его мощь перейдет ко мне, и амулет станет защищать меня! Нельзя, чтобы ты остался совсем без защиты. Оберни его во что-нибудь...

Я вытащил из сумки тряпицу, обернул очень старательно, даже очень, протянул сверток Бернарду.

— Держи.

Лицо его затвердело, в глазах было странное выражение. Когда он почти коснулся свертка, я двумя пальцами сдвинул тряпицу и быстро коснулся его ладони серебряным краешком креста.

— Во имя Господа!

Бернард с криком отшатнулся. В том месте, где крест коснулся его ладони, вздулся пузырь, лопнул. Во все стороны побежала зловонная язва. Края вспыхнули оранжевыми язычками огня, почти прозрачными в солнечном свете, а внутри возникла багровая дыра. Другой рукой Бернард попытался повернуть коня. Я вытряхнул крестик ему на седло, а сам ухватился за рукоять меча.

Мне показалось, что крестик был той раскаленной добела наковальней, что обрушилась на коня из глыбы льда. Потом почудилось, что крест поджег политое бензином

седло. Вспыхнул огонь, в то же время чавкнуло, брызнули струи зеленоватой жижи, конь начал оседать, копыта укорачивались, становились толще, мохнатее.

Бернард кричал тонким нечеловеческим голосом. Из-за леса выметнулись на конях две фигуры. Я вскинул меч и нанес неумелый удар. Лезвие со звоном ударило по шлему. Мои ладони занемели, однако шлем раскололся. Череп Бернарда раскололся тоже, глаза разошлись в стороны, но оба продолжали смотреть на меня с лютой злобой.

Я орал и рубил все, что стояло перед глазами: Бернарда, коня, а там все ярче вспыхивал огонь. Бернард одной рукой ухитрился достать топор, замахнулся, но я подставил щит, руку тряхнуло так, что плечо превратилось в дерево. Широкое лезвие скользнуло мимо, я с силой двинул мечом, словно копьем. Острие со скрежетом вошло в живот. Бернард все еще смотрел на меня сильно раздвинутыми в стороны глазами, затем на месте лица вспыхнул багровый огонь.

Я отступил. За спиной конский топот, крики, шум. Огонь охватил Бернарда и коня, взвился столб черного дыма. На миг в огненном вихре мелькнуло огромное злое лицо, сменилась тысяча ужасных гримас. Огонь исчез, почерневшая земля дымилась, на ней грудой лежали полурасплавленные доспехи.

Кто-то соскочил с коня, я уже слышал по топоту, что это Бернард, настоящий, который не побоится коснуться серебряного крестика. А рядом с ним слышится злой сильный голос Ланзерота...

Я соскочил на землю, подобрал крестик и незаметно сунул в карман. Бернард ухватил меня за плечи, развернул. Огромное мясистое лицо было красным от гнева.

— Ты с кем задрался, дурень? Оно ж могло тебя...

Рудольф дернул его за локоть.

— Бернард, этот парень просто родился счастливым. Мы этих гадов и то различаем с великим трудом, а этот с ходу... Как ты догадался?

Я открыл рот и не смог ответить, ибо лже-Бернард

сказал, что в этом мире существует магия, но настоящий Бернард не подозревает даже, что существуют этот и не этот миры. Для него есть только один мир, а для кого-то не секрет, что я из другого...

— Он не решился проехать мимо повозки, — нашелся я.

Наступила непонятная пауза. Бернард и Лансерот переглянулись. Лансерот нахмурился, его пальцы подвинулись ближе к рукояти меча. Бернард перехватил его руку, оглянулся на повозку. Сказал, пристально глядя мне в глаза:

— Да, ты прав. Оборотни не выносят присутствия свя-
тых вещей. А мощи Тертуллиана вообще могут опроки-
нуть и рассеять любую магию.

Но Рудольф и Асмер тоже переглядывались, смотрели на меня с вновь вспыхнувшим подозрением. Я оглянулся на повозку, оттуда вышла принцесса с арбалетом в руках. Она тоже смотрела на меня очень странно.

Если не сказать, враждебно. Почему-то мой убийст-
венный довод насчет мощей Тертуллиана им не показал-
ся убийственным.

А даже очень наоборот.

Дорога пошла широкая, накатанная. Никто не напа-
дал, даже в небе совсем редко показывались орлы. Все
ободрились, только волы тащили повозку все так же нето-
ропливо и невозмутимо, несмотря на хлыст Асмера. Я ук-
радкой старался заглянуть в повозку, но через узкую щель
мелькали то округлые бока мешков, то дважды показа-
лась узкая лодыжка принцессы. Я, который спокойно
смотрел на голых красоток на ночной Тверской, предла-
гавших все-все услуги, застеснялся и придержал коня.

Колеса бодро постукивали по твердой как камень
земле. Мне показалось, что повозка катит несколько легче,
чем вчера, но решил, что я не такой уж спец, чтобы заме-
чать такие детали. Впереди простучала конная дробь, Асмер
пустил коня в галоп.

Деревья сдвинулись, далеко впереди выдвинулись из-за леса добротные дома. Дорожка огибала лесок, и дома выползали, как старые неторопливые черепахи: массивные, серые, плотно прижатые один к другому. На въезде виднелся даже сторожевой пост в виде деревянной вышки с пристройкой внизу.

Я видел, как Асмер остановился перед вышкой. Сверху неторопливо спустился человек. Поговорили, Асмер показывал в нашу сторону, часовой качал головой. Асмер что-то сунул ему в карман, часовой махнул рукой и скрылся за дверью.

Проехали без досмотра, по обе стороны узкой улочки потянулись угрюмые каменные дома. Здесь камень не жалуют, строили на века. Даже середина городка замощена крупным булыжником. Асмер снова метнулся по сторонам, расспрашивал, узнавал цены, а мы все хранили гордое молчание. Ланзерот — рыцарь, не снизойдет до бесед с простолюдинами, принцессу лучше не показывать вовсе, а Бернард попросту вобьет голову в плечи тому, кто не так ответит. Про себя молчу, у меня такой комплекс, что скорее заблужусь, чем стану спрашивать дорогу.

Постоялый двор располагался, как водится, на перекрестке дорог. Судя по тому, что раскинулся в середине города, я решил, что здесь сперва был постоялый двор, а потом оброс со всех сторон городом. Асмер и Рудольф отвели волов на задний двор, я помогал им распрячь, ибо хоть я и герой, но простолюдин, а в мире, где есть навоз, не рыцарям же да принцессам убирать?

Когда, закончив с делами, вошли в таверну, Ланзерот, Бернард и принцесса уже трудились за богато накрытым столом. Бернард широким взмахом пригласил нас сесть напротив, места есть, Рудольф благочестиво пробормотал молитву, я тоже склонил голову и сделал вид, что произношу про себя. Потом с четверть часа за столом слышно было только стук ножей, хруст молодых костей под крепкими зубами и довольное чавканье.

Из-за спины появлялись руки с кувшинами, глиняными чашками, а для принцессы, угадав ее высокое поло-

жение, принесли даже медный кубок. Я, как и все, жевал, глотал, отхлебывал, живительное тепло распространялось по телу, усталость сперва нахлынула с такой силой, что я решил тут же свалиться и заснуть, но потом мышцы стали оживать, спина ощутила потребность выпрямиться. От изнеможения не осталось даже тени, а вино со специями горячило кровь и освежало надежнее, чем чашка крепчайшего кофе.

Пока насыщались, в помещение потемнело чересчур быстро. На лица посетителей упал красноватый отсвет. Над головой прокатился едва слышный грохот. Я сперва взглянул на потолок, потом на окно.

Разом наступила ночь. Остальные посетители быстро заканчивали пировать, устремлялись к двери. Кто-то, убегая от настигающей грозы, с такой силой распахнул дверь, что она с грохотом ударилась о стену. К нашему столу докатилась струя холодного воздуха, странная в таком перегретом вечере, ударила по ногам.

Гроза налетела слишком быстро, я видел по лицам своих спутников, что им это очень не нравится. В молчании закончили обед, поднялись в свою комнату. Лансерот распахнул ставни, мы все посматривали в окно с беспокойством.

Страшная туча накрыла город, люди в ужасе бегут с улиц, прячутся в дальних углах комнат, словно можно укрыться от гнева богов. Воздух стал тяжелый, как грех, и прилипал к телу, как профессионалка липнет к парню с иностранным паспортом.

Во тьме страшно блистали сполохи. Похоже, они долго прятались в тучах, изредка просвечивая, потом начали высовываться словно бы светящиеся корни дерева, доносилось легкое гроыхание. Затем уже не корни, а блистающие деревья огня возникали между тучей и землей. Гром докатывался мощный, тяжелый.

Когда молнии подошли к самому городу, подул страшный ветер. Еще ни капли не ударило о сухую землю, а

ветер пронесся могучий и злой. Перед постоянным двором с жутким треском переломило столетнее дерево. Белый расщеп в ночи казался страшнее и болезненнее, чем распластаный человек, которого накрыло верхушкой. Он стонал и пробовал выползти из-под дерева, молнии сверкали рядом с его перекошенным лицом, над городом лопалось и рушилось небо...

...и наконец-то хлынул ливень. Даже не ливень, а все хляби небесные разверзлись, вода не лилась струями, а падала водопадом, ревушими потоками. Улицы сразу заполнились водой, со скрипом потащило забытую телегу. Молнии полыхали непрерывно, здания дрожали от грохота, земля вздрагивала, снизу тоже раздался гул, словно гроза бушевала и там, в подземном мире.

Я отодвинулся от порывов злого ветра. Над головой широкий надежный потолок, стены крепкие, можно закрыть ставни и отсидеться, переждать грозу, выйти сухими...

Я не успел протянуть руку, Бернард раньше меня ухватил створку, сильный ветер успел забросить в щель нам под ноги водяную пыль, мелкие веточки, сучки и что-то мокрое, словно комок глины, но слабо шевелящееся. Я нагнулся, ладони подхватили птенчика, голошеего, с культияпками крыльев, желторотого. После любой грозы под деревьями находят множество выброшенных ветром птенцов, а эта непогода так и вовсе опустошит певчий мир всего села и его окрестностей...

— Как думаешь, — сказал Бернард вполголоса, — это погодка сама разгулялась?.. Или кто-то ей помог?

Я не успел ответить, за спиной со злобой выкрикнул священник:

— Чую дьявольские силы!.. Его чую!

Священников этих, мелькнуло в голове, я вообще-то встречал на каждом шагу: в моем мире если в кране нет воды, то виноваты только юсовцы, и больше никто. Если сосед нажрался и заблевал коридор, то опять же юсовцы, подростки разрисовали стены в подъезде — юсовских

фильмов насмотрелись, юсовской культурки хлебнули, юсовские книжки читали...

Крыша над нами прогибается, так мне казалось, под ударами небесного молота. Ливень стал вроде бы слабее, но тут со стуком застучали по стене и наличникам белые мелкие шарики, не крупнее зерен овса, быстро выросли до размеров ореха, а еще чуть — и перед нашими изумленными и уstraшенными взглядами разбивались градины величиной с куриное яйцо!

Я никогда такого града не видел, смотрел жадно, впитывал в себя зрелище чуда, когда с неба падает вот такое... В своей Москве всего трижды видел град, и всякий раз тот был не крупнее арахиса. Молнии сверкали так часто, что на ступенях трепетал постоянный свет, мертвенный и жуткий. Чудовищные удары грома пытались вбить домик в землю. Над лужами вспыхивало облако пара, я слышал шипение, а когда облако гасло под ударами водяных струй, я видел темное обугленное пятно среди булыжников.

Ночью, я слышал сквозь сон, Бернард поднимался и уходил, лавка трещала под тяжестью Рудольфа. Дважды появлялся Лансерот, Асмер же не показывался вовсе: заночевал в конюшне вместе с нашими конями. За повозкой, как он сказал, нужен глаз да глаз, а из конюшни наблюдать проще.

Как я ни старался, сон был скомканный, хаотичный, я его тут же забывал, а когда наступило утро, я со злостью признал, что чем ближе к королевству Зорр, тем труднее мне ловить это зыбкое состояние сна, когда вдруг понимаешь, что это сон, что можешь летать, как птица, и... намного быстрее!

Для полетов во сне нужна особая легкость, а воздух потрескивает от напряжения, словно гроза собирается снова. И чем ближе к силам Тьмы, тем тревожнее.

Бернард смотрел с надеждой, я покачал головой. Он постарался не подать виду, что разочарован, даже ободряюще хлопнул по плечу, но я видел даже по его удаляющейся спине, что он здорово рассчитывал на мой очередной сон ночного лазутчика.

Ланзерот быстро натянул вязаную рубашку, надел кольчугу. Доспехи ему помогал прилаживать и затягивать ремнями Бернард. Рудольф сонно сопел, чесался, угрюмо смотрел в окно на покрасневшее небо. Солнце только высунуло наверх огненного меча, от края земли сыпались искры.

Мне одеваться проще всех, я отошел к другому окну, выглянул во двор. Тревожное чувство нахлынуло на меня с мощью волны цунами. Челюсти стиснулись, подавляя крик. Ланзерот, похоже, прочел что-то в моем изменившемся лице, в два широких шага оказался рядом, выглянул.

Во дворе все на месте, повозка в глухом углу. Из ворот конюшни вышел Асмер, в полном вооружении, меч у пояса слева и два ножа с другой стороны, шлем на сгибе левой руки, лицо бодрое, словно прекрасно выспался, только даже отсюда я рассмотрел темные круги под глазами.

Ланзерот сердито отпихнулся от подоконника. В глазах метнулась ярость.

— И что... — начал он грозно. И осекся...

Глава 14

Прямо посреди комнаты возникло лиловое свечение. Столб нечистого света возник из пола и уперся в потолок, словно полупрозрачная колонна, поддерживающая свод. Запахло озоном, будто после сильнейшего электрического разряда. В столбе света появился низкорослый человек в халате до пола и остроконечном колпаке. Мертвенно-бледный, но, когда сделал шаг и вышел из светящегося столба, лицо обрело нормальный цвет, разве что губы оставались мертвенно-лиловыми, даже синими.

Ланзерот первым метнул руку к мечу, колдун презрительно усмехнулся. Рука рыцаря успела выдернуть меч, но тут колдун обронил одно-единственное слово. Мне даже почудилось, что я уловил смысл, что-то довольно

обыденное, вспомнить бы, но перед глазами коротко блеснуло, в ушах послышался шум водопада и тут же умолк.

Застыли все, кто в комнате. За спиной колдуна замер Рудольф, он приподнимался с лавки и в такой позе остался. Бернард успел замахнуться огромным топором, лицо замерло в гримасе ярости, зубы оскалены, как у зверя.

Колдун повернулся, посмотрел на старого богатыря, сказал с некоторой долей уважения:

— Быстр... Мне бы в твои годы... Ладно, так что везете?

Все молчали, словно превратившиеся в камень. Мне чудилось, что колдун сумел как-то замедлить для них время, сейчас наша секунда длится час, а то и сутки... или же все видят и слышат, раз он их спрашивает, но как ответят?

Колдун шелкнул пальцами. Бернард, на которого он смотрел, с трудом пошевелил губами:

— Что изволит мой госпо... Да пошел ты... Слушаюсь и пови... Уми, тварь... Ничего не скажу...

— Хорошо, — сказал колдун нетерпеливо. — Выбирайте! Я могу дать вам легкую смерть, а могу и обречь на страшные муки, от которых ничто не спасет. Я согласился прервать свои занятия и прибыть сюда... чтобы взять то, что везете издалека. Предлагаю отдать добровольно... А сейчас, чтобы убедились, что я не шучу, буду убивать по одному. А потом найду и сам...

Меня трясло, я просто не верил, что это наяву. Страшную гарпию я объяснил как неизвестное мне животное. Не всех же я знаю, вон анаконду ни разу не видел, как и медведя гризли. Да и остальные дивные звери, нападавшие по дороге, были вполне реальными, от них дурно пахло, летели клочья шерсти, капала слюна, от лап оставались следы, ничего сверхъестественного, но сейчас спиной ко мне стоит человек, который вышел из светящегося столба... проще всего бы объяснить это телепортацией, телекинезом или сотней других премудрых слов, я их знаю массу, но в голове предостерегающе стучат острые молоточки: это колдун!.. Злой колдун. Он убьет твоих

спутников, а потом и тебя, знаешь ты эти умные термины или нет...

Руки мои сильно, заметно тряслись. Я неловко снял с пояса Ланзерота арбалет. Колдун вперил злой взгляд в Бернарда, снова поднял руку и направил указательный палец с острым накрашенным ногтем в его широкую грудь. Мне почудилось, что глаза Бернарда чуть сузились, а ноздри, напротив, раздулись в ярости.

— Последний раз спрашиваю, — сказал колдун. — Что везете? Где оно лежит?... Или ты сейчас рассыплешься кучей песка...

Я поднял арбалет, стальная тетива натянута, а короткая толстая стрела покоится в узкой канавке. Привычное ружье, привычная спусковая скоба. Еще в детстве не раз стрелял в тире, потом в армии. Пусть не из арбалета, но тот же приклад, тот же спуск...

Колдун, уловив движение за спиной, нехотя обернулся. Обернулся без спешки, уверенный, что просто почудилось. Я нажал на металлический крючок. Звонко щелкнуло. Стрела исчезла с темного ложа, а колдун вздрогнул. В горле вырос короткий металлический штырь.

Глаза колдуна расширились, он распахнул рот, широкий, тонкогубый, я сжался в предчувствии жуткого крика, страшного заклятия, после которого у меня под ногами разверзнется земля, но из простреленного горла вырвался только хрип, и изо рта потекла алая струйка.

Руки колдуна рывками поднялись к горлу, пальцы коснулись железного штыря. Глаза впились в меня с интенсивностью боевого лазера. Я видел, как он рванул стрелу из горла. Кровь выплеснулась тонкой стружкой, ее раздувало, словно вентилятором. Грудь колдуна поднималась и схлопывалась, я со страхом понял, что он все еще пытается выговорить страшное заклинание.

За спиной звякнуло железо. Ланзерот начал шевелиться, рука медленно пошла к рукояти меча. Колдун качнулся, грохнулся навзничь, не сгибая колен. Стрела осталась зажатой в обеих руках, из темной дыры в горле толчками

выплескивалась кровь и вырывался подкрашенный алым воздух.

Задвигались и Бернард, Рудольф. Рудольф первым очутился у колдуна, приставил к его груди лезвие меча. Когда он поднял голову, в его глазах, устремленных на меня, было изумление, смешанное с уважением:

— Какой выстрел!.. Хорошо, что не в сердце...

— Да, — сказал Бернард, он судорожно вздохнул. — Если бы в сердце, он бы успел что-то сказать...

— Интересно, что, — произнес Рудольф задумчиво.

— Пошел ты, — выругался Бернард. — Не хочу даже и думать.

А Рудольф покачал головой.

— Молодец, — сказал он тепло. — Ты знал, что надо стрелять в горло?.. Молодец.

Вообще-то, я целился в середину груди колдуна, не сразу сообразив, с какой стороны находится сердце, но, видимо, отдача увела стрелу слишком высоко. Однако сейчас об этом упоминать наверняка не стоит.

Бернард остановился над колдуном с другой стороны. Кровь быстро покидала холодеющее тело. Бурунчик крови иссяк, стала видна широкая дыра, словно стрела была толщиной с древко лопаты. Видимо, колдун еще и расширил рану зазубренным наконечником.

— Да, — произнес Бернард мрачно, — он успел бы сказать что-то еще.

Плечи богатыря зябко передернулись. Лицо казалось старым и смертельно усталым. А Лансерот молча отобрал у меня арбалет, вложил новую стрелу в ложе и, не натягивая тетиву, повесил к поясу.

— Меня другое интересует, — произнес он медленно и таким нехорошим голосом, что у меня ноги пристыли к земле. — Почему... почему заклятие колдуна не подействовало на этого человека?

Со двора донесся крик. Возле повозки уже стояли Асмер, принцесса и священник. Асмер в нетерпении махал руками.

— Пойдемте, — предложил Бернад. — Все решим по дороге.

Двор залит ярким утренним солнцем, мы все шурились, чуть ли не на ощупь прошли в конюшню. Седлали коней в угрюмом молчании, Рудольф вдруг коротко хохотнул.

— Мне бабушка, — сказал он громко, — рассказывала, что черная магия на самих черных не действует.

Бернард фыркнул, но я видел, как его сильные руки двигаются все медленнее и медленнее, лицо потемнело, а на лбу углубились морщинки. Лансерот, напротив, задвигался быстрее, через пару минут вывел коня на залитый солнцем двор, слышно было, как вскочил в седло.

Когда я вывел коня, Лансерот беседовал с принцессой и священником. Принцесса посмотрела на меня с испугом. Священник выставил перед собой крест и скороговоркой забормотал молитву. От усердия он трясся, брызгал слюной, двигал руками с крестом, видимо, рисуя в воздухе крест, и еще оглядывался на повозку с его мудрыми книгами.

Рудольф за моей спиной споткнулся. Я нервно оглянулся, Рудольф поспешно отвел в сторону испуганный взгляд. Бернад двигался за ним тяжело, как робот в тонну весом, глаза его как поймали меня, так и держали на прицеле.

Асмер присвистнул, принцесса сказала звонким голосом:

— Это еще ничего не значит!

Лансерот сказал до жути ледяным голосом:

— Ваше Высочество! То, что он бросился к вам на помощь, могло быть... могло быть частью некоего плана. Могло быть простой несогласованностью в действиях. Ведь за нами охотятся разные группы. Одни лично за вами, другие... другие за нашим грузом.

Бернард возразил:

— Лансерот, ты умеешь заглядывать вперед, чего я со своим неповоротливым умом не умею. Но сейчас он, ска-

жем честно, всех нас спас!.. Ишь, гад, в кучу песка... Он меня от этого песка спас, а мне большего и не надо. Да, колдун его не смог... но, может быть, у Дика просто кожа толстая... А ты, Дик, что молчишь?

Я развел руками.

— Не знаю, — ответил я искренне. — Просто ничего не знаю.

Бернард вдруг потребовал:

— А ну перекрестись!

Я перекрестился. Довольно неумело, но перекрестился, и на лицах Рудольфа и самого Бернарда увидел облегчение. Даже лица Асмера и принцессы просветлели, только Ланзерот смотрел с прежним подозрением.

— Пусть лучше прочтет молитву, — предложил он Бернарду. Меня он игнорировал. — Лаудетор Езус Кристос!

— Я почти не знаю молитв, — сказал я и поспешно добавил: — Но кто их знает целиком? В моем медвежьем краю даже священники знают только пару первых слов... да и то все по книжечке... да под фанеру. Вы можете сказать любую молитву, а я повторю ее за вами! Не знаю, почему на меня не подействовало заклятие колдуна. Не знаю. Но я точно не на стороне Тьмы...

Про себя добавил, что уж точно и не на стороне Бога, меня тошнит от этого Средневековья в век компьютеров и Интернета, и все эти священники в их шаманских одеждах вызывают только брезгливость.

Бернард звучно хлопнул ладонью по рукояти топора.

— Ладно, — заявил он громко. — Мы в походе!.. Здесь нет судей. Зато есть топор и веревки... Пока что все исходящее от Дика было нам в пользу. Я знаю, что лучше утонуть, чем ухватиться за руку, протянутую дьяволом... но пока никто не доказал, что Дик служит дьяволу, я принимаю его руку.

— И я принимаю, — сказала принцесса пылко.

Рудольф колебался, взглянул на Ланзерота, на Бернарда, сказал уклончиво:

— Я пока не тону, так что от хватания воздержусь. Но все-таки, если бы не стрела Дика... простите, ваша милость, то был ваш арбалет... меня сейчас клевала бы какая-нибудь паршивая ворона. Вас, без сомнения, долбили бы благородные вороны, баронских кровей, а меня так... простолюдная, с выдраным хвостом. Так что я не прочь, чтобы Дик и дальше ехал с нами. Лучше ко мне поближе. Это я на случай, ежели вы им брезгуете.

Теперь я понимал, почему Бернард внезапно бледнеет, начинает шептать молитву, а его невидящие глаза устремляются поверх конских ушей к незримым градам. Рудольф иногда дергался и хватался за топор, Асмер ни с того ни с сего вздрагивает, глаза становятся дикими, а взгляд провожает в чистом поле нечто незримое для меня. Все они тут же творили молитвы, кто шепотом, кто во весь голос, хватались за кресты, крестились сами и перечеркивали крестообразными движениями пространство. Если бы эти кресты становились видимыми, мир выглядел бы как окна во время ленинградской блокады, когда для защиты от взрывной волны их обклеивали полосами крест-накрест.

Я сам два-три раза чувствовал странное чувство, словно на меня дует прохладный ветерок. Это было именно чувство, а не сам ветерок, ибо охватывал меня и при полном безветрии, и при жарком ветерке в спину, и даже ночью у костра под одеялом.

Похоже, что нас стараются выловить и всякими колдовскими сетями. Или неводами. Тонкими, тоньше любых нитей паутины, которую рвут даже мухи, но колдуну это неважно, ему главное, что сеть дрогнет в каком-то месте, подаст сигнал, и туда можно тут же направить своих убийц, нанятых разбойников, степные банды, натравить местных разбойничающих феодалов...

«Они это чувствуют, — мелькнуло в голове. — Они все, даже скалообразный и толстокожий Бернард, чувствуют эти колдовские сети гораздо сильнее, чем я!»

Я ехал, раздумывал о странностях этого мира, снова и снова возвращался к разговору с незнакомцем, угостившим меня вином. Он сказал, что есть королевства, где живут умом. Где живут намного справедливее... Не там ли разгадка, как я сюда попал? И как вернуться?

Однако он сказал, что те страны на юге. Но ведь там земли захвачены войсками Тьмы...

Внезапно в глазах стало темно. Темно, хотя я чувствовал на коже жаркое прикосновение солнца. Распахнулось звездное небо, усыпанное сверкающими бриллиантами, огромными и яркими. Их было столько, что роились, как пчелы. Я не успел ахнуть, среди звезд возник исполинский храм, надвинулся, я оказался внутри, душа скукожилась и ушла в пятки, в точку, в атом, страхась нечеловеческой мощи и великолепия...

Свет ударил по глазам, я невольно сощурился, хотя видение посетило меня на кратчайшую долю секунды. Я за свою жизнь дважды видел молнию сравнительно близко, так вот в ее свете почему-то все застывало: прохождение с поднятыми ногами, деревья — согнувшиеся от ветра, останавливался даже стремительно проносящийся мимо автомобиль, а грязно-серые брызги повисали в воздухе разорванными кружевами старой половой тряпки...

Потом я узнал, что вспышка молнии как бы фотографирует на сетчатке глаза изображение, и я в течение секунд видел картину, что длилась на самом деле стотысячную долю секунды, а вообще-то простым глазом такое узреть невозможно...

И вот сейчас все вернулось, мир залит ярким солнечным светом, солнце обжигает плечи и затылок, на ветках поют птицы, но мое сердце бешено стучит, захлебывается от ужаса, а душа скукожилась, подавленная астрономическим великолепием узретоого...

На развилке дороги Лансерот молча свернул на ту, что вела в лес. Я так же молча показал Бернаруду на другую. Он кивнул.

— Да, эта в город. Мирный городок, я там дважды

бывал. И постоянный двор хорош, и кормят хорошо, и служанки податливые.

Я со злостью посмотрел в прямую спину рыцаря.

— Так чего же он?

— Ценный груз везем, — сказал Бернард так, будто я только сейчас увидел повозку, а не тащил ее последние полдня наравне с волами. — В городе и не заметишь, кто тебя окружит в таверне. А в лесу издали видишь хоть конного, хоть пешего.

— Но раньше...

— Пора начинать избегать городов и больших сел.

— Почему?

— Они все опаснее.

Я пожал плечами.

— В городе есть стража, а в лесу... Ладно, я все понял. От брошенного в спину ножа или арбалетной стрелы никакая стража не спасет.

Бернард кивнул, дальше ехали молча. Деревья надвигались вроде бы сплошной стеной, но потом рассредоточивались по сторонам и неслышно скользили мимо по обе стороны узкой тропинки. Ехать пришлось по одному, волы едва тащат повозку, колеса подпрыгивают на выпирающих корнях, переваливаются с трудом. Повозка натужно скрипит, раскачивается, внутри явственно постукивает, будто каменные валуны трутся друг о друга.

Потемнело. В небе прогремело, будто повозка раз в сто покрупнее нашей катила по булыжной мостовой там наверху. С западной части неба двигалась плотная темная масса с разлохмаченным краем. Солнце пыталось просвечивать желтым пятном, но от края горизонта на смену двигались настоящие горы, и на землю пали сумерки.

Ливень хлынул неожиданно резкий, холодный. По голове и плечам застучали мелкие осколки льда. Конь нервно дергался, прятал ушами и все порывался пойти вскачь, словно на скачущего попадет капля меньше, чем на бредущего шагом.

Но волы тащили повозку тем же ровным шагом, их дубленые шкуры ливня с градом почти не замечали. Я стис-

нул челюсти, терпел, преодолевал инстинкт каждого горожанина при первых же упавших каплях в смертельной панике броситься в любой подъезд, под любое укрытие, будто это не простой дождь, а огненный ливень Содома и Гоморры.

Ливень оборвался так же внезапно, как и начался. Впереди, обгоняя нас, пошла по дороге стена падающей с неба воды. Земля кипела, пыль взметывалась на высоту человеческого роста. Я посмотрел на своего коня, на себя: не только конские ноги и брюхо в грязи, но и мои ноги до колен покрыты серыми полосами жидкой грязи.

В воздухе послышался низкий басовитый звук. Звук раздался не то под землей, не то в небесах, но отозвался весь воздух, завибрировал, а потом медленно истаял, словно уходящая в песок волна.

Я насторожился, еще не поняв, в чем дело. Сверкающая на солнце глыба серебра исчезла вместе с конем, что ее нес на спине. Бернард тоже помрачнел, конь под ним рванулся вперед. Я слышал, как сзади заскрипели седла под Рудольфом и Асером, я уже знаю по характерному скрипу, что снимают с крючьев топоры, достают из-за спин щиты.

Конь меня еще не понимал с полуслова, но со второго пинка затрусил вперед по тропке. Деревья расступились, я почти на галопе выметнулся на широкую поляну. Могучие деревья стоят ровным кругом, как гвардейцы, отступающие толпу простолудинов, мечтающих прорваться на военный парад перед Мавзолеем. Посреди идеально круглой, словно обведенной циркулем, поляны довольно высокий домик с остроконечной черепичной крышей. Из трубы поднимается дым, рядом с трубой огромное гнездо из прутьев, длинная сутулая птица стоит в гнезде на одной ноге и с неодобрением рассматривает нас, непрошенных гостей.

Лансерот уже соскочил на землю, но стоит с мечом в руке, голова в шлеме с опущенным забралом поворачивается из стороны в сторону, словно башня с радаром. Бернард настороженно осматривается с высоты седла. Я сам

чувствовал себя не в своей тарелке. Домик в густом лесу, но даже не огорожен забором, звери могут влезть ночью в окна, странно широкие... Да и дверь не выглядит прочной. Хуже того, вокруг дома до странности высокая сочная трава, ни один стебелек не примят, откуда же хозяин берет хотя бы дрова, не говоря уже о пропитании...

Повозка остановилась на краю поляны. Асмер взял в руки лук, из повозки выглянула принцесса, арбалет в руках, на лице испуг и решительность.

Я подъехал к самому крыльцу, слез, по ногам пробежали мурашки. Не оглядываясь, толкнул дверь. Ни сеней, ни холла, ни прихожей с ковриком, о который надо обязательно пошаркать ногами. Я сразу очутился в просторной жарко натопленной комнате.

У очага, протянув руки к огню, сидит высокий сутулый человек в дорожном плаще и с капюшоном на голове. Отсветы багрового пламени играют на лице, делая его еще острее, чем оно на самом деле. Я увидел запавшие внимательные глаза, выступающие скулы, сухой волевой рот. Нижняя челюсть выступает вперед, но не так вызывающе, как у Ланзерота. Упрямо, с достоинством, но не вызывает желания двинуть кулаком.

— Доброго здоровья, — сказал я вежливо. — Принимаете путников?

Он коротко усмехнулся.

— Я не хозяин. Тоже... как и вы. Зашел, тут пусто. Пришел погреться, а тут вы... Честно говоря, я не очень люблю вооруженных людей. Не то что боюсь мечей или топоров... просто полагаю, что оружием ничего не докажешь. Садись вон на лавку, если хочешь. Или возьми стул.

Я ощутил к нему симпатию. У него было некрасивое лицо, но, как бы сказали, честное, искреннее, исполненное открытости. Такой же прямой взгляд выдает человека, который умеет отстаивать свои убеждения.

— Трудно прожить без оружия, — заметил я.

Он кивнул.

— Но я... всего лишь проповедник. Я просто не хочу

брать в руки оружие. Ибо тогда победу одерживает не правый, а тот, кто лучше владеет мечом или топором.

Я подсел ближе, от огня вкусно пахнет березовыми дровами, древесной смолой. На миг почудилось, что от незнакомца пахнет смолой и серой, но, когда скосил глаза и увидел суровое сосредоточенное лицо, стало неловко.

— Увы, это верно, — сказал я. — Но как хочется решить иную проблему одним ударом... Еще и распишут как гениальное решение! Один меднолобый, когда не смог развязать сложный узел, попросту разрубил его мечом. И это, как бы сказали в моем... моей деревне, силовое решение прославили в веках!

Он повернул голову, некоторое время всматривался в меня с непонятным интересом. Глаза блеснули, как осколки слюды. На миг мне стало неприятно, словно я смотрел в лицо высокотехнологичного киборга.

— Ты очень странный человек, — сказал незнакомец. — Даже очень. Как ты оказался с этими меднолобыми? Ты послушай их!

Со двора, как мерный шум неумолкающего прибоя, доносились сильные грубые голоса. Бернард покрикивал, похожий на сержанта-контрактника, ему отвечали так же грубо, с солеными шуточками, Ланзерот уже расседлывал коня, Асмер и священник распрягали волов. Один вол наступил Асмеру на ногу, и Асмер, не стесняясь в выражениях, рассказывал волу всю его родословную.

Принцесса тщательно вытирала сухой тряпкой бока своей лошадки. Ее вели среди запасных лошадей, но принцесса ухаживала за ней сама. Она слышала их всех... и не слышала, как не слышим постоянный шум прибоя и уже отвыкаем слышать неумолчный рев и грохот со стороны забитого автомобилями шоссе.

— Слышу, — ответил я. — Что делать... Это их мир.

Хотя я понимал, что этот человек не может быть из моего мира, но я чувствовал себя с ним свободно, раскованно. Незнакомец наклонил голову. Мне почудилось, что его фигура и особенно лицо на кратчайшее мгновение

изменились, словно переплавились в другую форму, на долю пикосекунды на меня взглянуло совсем другое лицо, но тут же все вернулось, человек усталыми глазами смотрел в огонь, узкие ладони слегка подрагивали, жадно ловя тепло.

— Не люблю меднолобых, — сказал он зло. — Не люблю! Человек должен жить умом, понимаешь? В этом и есть его предназначение. Или, скажем иначе, Высшая Цель. Только животные бросаются бездумно на помощь своему собрату, но человек выше животного, на него возложено намного больше, и он просто обязан сперва подумать: а так ли уж прав мой собрат?.. Скажи, Дик, только ответь честно, разве это справедливо, что, когда твой соотечественник незаслуженно оскорбит и унизит человека другого племени, ты все равно на стороне «своего»?

Я подумал, сказал неуверенно:

— Ну, это не совсем так... Я стараюсь быть объективным.

— Но это ты, — воскликнул незнакомец. — Да и то — только стараешься! А вот абсолютное большинство твоих соотечественников даже не задумываются. Для них главное: свой или чужой. А кто прав — неважно.

Я поморщился, каждое слово бьет в цель.

— Мы всего лишь грешные люди, — ответил я угрюмо. — Но мы стараемся стать лучше.

Незнакомец воскликнул:

— Так я это ж проповедую! Если люди начнут жить умом, то прекратится эта нелепость, когда человек поступает якобы по зову сердца или по долгу души, а на самом деле громоздит одну глупость на другую. Подумай над этим!

За окном раздались сильные грубые голоса. Я обернулся, к двери подходили Бернард и Ланзерот, за ними движется с двумя седлами на плечах Рудольф.

— Не люблю, — повторил спиной голос, он напомнил мне моего любимого преподавателя, тот военных просто ненавидел, не выносил. — Уж извини, Дик...

Все трое ввалились, блестящие, как тюлени. Бернард горстями стряхнул воду с волос, сказал одобрительно:

— Огонь? Молодец, Дик! Быстро ты его разжег. Это как раз то, что нам надо.

— Это не я, — ответил я и начал поворачиваться, — это...

По ту сторону очага было пусто. Я один, от незнакомца не осталось и следа, только в воздухе витает едва осязаемый запах серы и горящей смолы. Но уже не древесной, а асфальтовой.

— Не ты? — удивился Бернард.

Ланзерот остановился и смотрел на меня, как верховный инквизитор на пьяного монаха. Я пролепетал:

— Честно... Когда я пришел, огонь уже горел...

Все верно, огонь в самом деле уже горел, так что я не соврал, но краешком сознания я отметил, что для меня теперь почему-то важно, что не соврал... просто не сказал всю правду. А ведь раньше бы и соврал не моргнув глазом.

— Горел? — удивился Бернард. — А где же хозяин?

Ланзерот притопнул ногой, шпоры зазвенели. Я вздрогнул, быстро взглянул в его беспощадное лицо, уронил взор.

— Это может быть ловушкой, — сказал он ясным голосом. — Всем выйти!

Сам он остался с обнаженным мечом. Бернард и Рудольф попятились, а в дверь выскочили, едва не задавив друг друга. Я стиснул челюсти, но вышел за ними во двор. Рудольф жалобно спросил:

— Но хоть в сарае-то можно?

Воздух пропитан сыростью, промозглый, гадкий. Удивительно, как быстро меняется погода в середине лета.

Ланзерот остановил меня повелительным жестом. Все смотрели на меня настороженно, принцесса взглянула с испугом и надеждой.

— Кто там был? — спросил Ланзерот беспощадно.

«Он в самом деле мог бы стать великим инквизито-

ром, — мелькнуло у меня в голове. — Или великим чекистом».

— Огонь там был, — ответил я. — Разожженный очаг. И можно бы...

— Что можно, у тебя не спрашивают, — оборвал Ланзерот. — Знай свое место!..

Бернард чуть опустил веки. Я понял, мне сочувствуют, но Ланзерот прав. Я должен выложить все факты. А с советами и предположениями меня, может быть, и допустят. После того, как благородные обсудят эти факты.

— Я зашел, — ответил я послушно, — увидел горящий очаг... сел посушиться.

Бернард сказал хмуро:

— Ланзерот, чего ты хочешь? Парень из глухой деревни. У него голова такая. Круглая. Увидел огонь — сел греться. Увидел бы кусок сыра на столе — тут же его в пасть. Он что, должен окропить все углы святой водой? Да он и молитв не знает!.. Они там просто живут и радуются жизни.

Ланзерот окинул меня подозрительным взглядом, но сказать ничего не успел, из повозки вылез священник. Я увидел бледное разъяренное лицо, что надвинулось, как ураган, в ушах зазвенели колокола, поспешно сбежал с крыльца. На бегу увидел, как оттуда как ветром сдуло Бернарда и Рудольфа, даже Ланзерот вернулся к повозке, морщась и недовольно покачивая головой.

Удерживая коней, что-то уж слишком трясутся и пытаются удрать, мы смотрели, как священник на крыльце расплескивает освященную воду из чаши. Капли воды гускло сверкают, как брызги расплавленного олова. Сильный визгливый голос доносился сквозь фыркание коней, ржание и громыхающие голоса мужчин. Я уловил знакомые слова «Езус Крестос», «Домини», но догадался, что «Аминь» услышу не скоро.

Простолюдин в этом мире безголос как при выборах короля, так и в выборе стоянки. Священник заклинал долго, громко, страстно. По его настоянию от загадочного домика отошли как можно дальше, чтобы и не видеть

вовсе, остановились на привал среди деревьев на полянке без ручья, дали короткий отдых животным, обсохли, пообедали, и снова деревья потекли в обе стороны, исчезая за спиной, как компьютерные спецэффекты.

Глава 15

В этот день произошел еще один неприятный инцидент, когда я едва не получил в зубы от Ланзерота. Оказывается, чересчур приблизился к повозке. Собственно, я и собирался приподнять краешек полога и посмотреть хоть одним глазом, но изнутри меня заметили раньше: из щели выдвинулось рыло арбалета. Толстая металлическая стрела смотрела прямо в грудь, а я прекрасно знал, что такая пробивает даже рыцарские доспехи.

Мне почудилось, что арбалет держат нежные руки принцессы, но удостовериться не успел: сзади за плечо грубо рванули. Я не удержался на ногах, небо и земля поменялись местами. Лежа на спине, увидел разъяренное лицо Рудольфа. За его спиной Ланзерот сунул меч обратно в ножны, отвернулся и ушел. С холодком я понял, что Рудольф, по сути, спас мне жизнь.

— Еще раз сунешься, — прорычал Рудольф, — зарублю сам. Без предупреждений.

— Да ладно, — ответил я смиренно, — это я так... грешен ведь...

Он взглянул на меня пронзительно.

— Да? А то уж я начал сомневаться, не ангел ли с нами.

Голос был язвительным, я вспомнил, что они при каждом поводе и без повода вставляли крылатые фразочки насчет собственной грешности, как все командировочные в Москве напоминают себе, что приехали по делу, а не по бабам. Упустил я эту особенность, упустил, не видел прикола.

— Да это я так, — ответил я еще смиреннее. — Я настолько грешен, что даже и не упоминаю. Это должно быть видно.

Он посмотрел на меня, побледнел и заметно напрягся.
— Вообще-то, да, — процедил сквозь зубы.

Я сам отодвинулся, чтобы не заставлять отступать гордого воина, а они все гордые, пошел таскать ветки для костра. Правда, зря. Когда принес целую вязанку, гордясь собой, коней уже седлали в дорогу, а волы стояли запряженные.

Ланзерот и Бернард вылезли из повозки, Бернард отряхивал ладони. Принцесса ступила на подножку, Ланзерот галантно подал ей руку. Она едва коснулась его ладони кончиками пальцев, но все же коснулась, и мое сердце кольнуло. Рыцарь, как же. Говорят, их даже учат стихи складывать, не только мечом махать. А вот про валентность водорода не знает.

Тут же устыдился, ведь и сам не знаю, только в ушах застрял этот таинственный термин. Не то из физики, не то из химии. Но не политика, точно. Вообще я временами свинья редкостная... Однако все равно даже у Ланзерота, не говоря уже о Бернарде, видок самый обычный, обыденный, никакой просветленности, словно в повозке ворожали камни, а не прикладывались к святому ковчегу. Или священной раке.

Я выбрал время, когда Бернард хмурился чуть меньше, подъехал и льстиво заикнулся, что раз уж посчастливилось быть так близко к святым мощам, то, может быть, будет дозволено коснуться святого ларца или сундука. Может быть, и ко мне сойдет частица божественной благодати? Лучше буду драться...

Бернард не выругал, не погнал, как я страшился, лишь наморщил лоб, буркнул:

— Да-да, сможешь...

Я не поверил, переспросил:

— А... когда?

Бернард окинул с головы до ног внимательным взглядом.

— Раз уж ты с нами... Обещаю, увидишь раньше, чем въедем в ворота нашего замка!

Сказал и тут же пустил коня вперед, будто пожалел, что такое брякнул. Ведь слово не воробей, вылетит — таких поймашь... От того же Лансерота, не говоря о священнике.

Бернард скрылся из вида за деревьями, я заорал, погнав коня вперед, обогнал Бернарда, вихрем пронесся по широкой лесной дороге. Деревья стоят редко, под ветвями плотная тень, а все вокруг уже залито золотым солнцем, от недавнего дождя ни следа, все подсохло, птицы поют и весело порхают между деревьями, а вон там широкая поляна, а за ней целая роща дубов, там могут пастись свиньи, желуди покрыли землю плотным слоем, блестящие бока блестят, как свежая циновка...

Дорога раздвоилась. Широкая и протоптанная, повела вправо, однако блистающая фигура на блистающем коне избрала, конечно же, путь мужчин: узкую колею, местами уже заросшую травой. Из-под ног пошло прыскать мелкое зверье, успевшее выкопать здесь норки.

Еще часа через два я увидел, как справа из-за леса выдвинулся немалый город, обнесенный стеной. Бернард кивнул, обронил хмуро:

— Крепость Оленсбург. Подлые тусы... Мы просили прислать нам помощь, отказали. А теперь смотри...

Оленсбург только назывался крепостью, теперь это довольно большой город, а сама крепость торчит в самой середине. Даже издали видно, что народ кишит, как муравьи, на окраине. За последние годы город явно разрастался быстро, крепостной стены вокруг него уже не возводили, но сейчас город огораживают даже рвом и валом. На наших глазах люди спешно строили баррикады между окраинными домами, а в самих домах закладывали кирпичами окна и двери.

Я постарался взглянуть на укрепления глазами Бернарда. Да, ров глубокий, в дно натыканы колья, это остановит конницу. На крышах домов камни, бревна. Будут сбрасывать на атакующих, а также из-за них лучники смогут осыпать стрелами врага. Однако это все же не высокая

крепостная стена, сюда можно подвести осадную башню и обстреливать защитников сверху. Или баллистами издали разрушить пару домов, пробив брешь, куда и ворвутся нападающие...

«И все-таки они будут защищаться», — подумал я хмуро. И чем больше поработают над укреплениями, тем у них будет больше уверенности, что врага отобьют от родных стен. А вера, как говорил священник, двигает горами и народами.

В голове на миг мелькнула слабая мысль, тут же исчезла. Я не успел ухватить ее за хвостик, только осталось чувство, что она как-то связана со святыми мощами в повозке.

Фигура Ланзерота четко вырисовывалась на фоне затянутого серыми тучами небе. Рыцарь ждал, мне он показался вместе с конем памятником, высеченным из такого же серого камня, как и окружающие скалы.

Повозка вползала на вершину тяжело, с надсадным скрипом. Измученные волы едва тянули. Я уже вторые сутки почти не садился на коня, шел рядом с повозкой, то и дело хватался за колеса, помогая им провернуться, а то и вовсе подпирал повозку сзади. От усталости дрожат ноги, пот заливает глаза, но я знал, что стоит несколько минут отдохнуть, перевести дух, и силы снова переполняют мое тело, которое я вообще не считал так уж здоровым, пока не попал сюда..

Даже Бернارد это заметил, сказал Рудольфу завистливо:

— Что значит молодость... Только что язык висел на плече, а сейчас снова свеж, как корнишон...

— Язык? — спросил Рудольф.

— Эх, ты сам уже заговариваешься... Не упали с коня. А лучше перебирайся в телегу. Тебе в прошлый раз хорошо по голове стукнули...

Он прервал себя на полуслове. Волы, зачуйав, что повозка внезапно стала легче, все же тупо тянули с той же

силой. Повозка пошла быстрее, но спуск показался Бернарду куда опаснее подъема, он соскочил с коня, ухватился за колесо. Ланзерот тоже прыгнул, его сильные руки ухватились за другое колесо, а принцесса вскрикнула:

— Дик! Там в повозке веревка!

Повозка покачивалась, сползала по сухой и твердой дороге довольно быстро, но шагов за пятьсот дорога становилась еще круче, волы упорно и бездумно тащили ее прямо... ну, не к пропасти, но почти к пропасти.

Я прыгнул на ступеньку, дверь широко распахнулась. Краем глаза я увидел в сторонке сердитое лицо Бернарда, искривленные в гримасе раздражения губы Ланзерота, но глаза уже жадно обшаривали повозку изнутри. Мешки, мешки, множество мешков, раздутые так, будто перевозят арбузы, тыквы и дыньки разного калибра. А снизу выглядывает краешек обитого железом сундука. На мешках мотки толстых веревок...

Снаружи раздался разъяренный голос Бернарда. Я ухватил веревку, отпрыгнул от повозки, будто получил копытом в зубы. Когда я прикрепил ее к задней оси повозки, за веревку ухватились Рудольф и Асмер, а потом уже Бернард. Я тоже взялся обеими руками, и так, опираясь ногами, понемногу отпускали повозку, не давая ей смять исхудавших волов.

Улучшив мгновение, я сказал Бернарду тихонько:

— Клянусь, я ничего не трогал! И никуда не заглядывал!

Бернард прорычал зло:

— Твое счастье.

— Спасибо, — ответил я. — Но все равно непонятно. Я думал, мы везем только мощи святого человека. Но что в мешках? Ты ж говорил, что оружие!

Бернард поморщился:

— Не твое дело.

Я обиделся:

— Разве я чужой? Разве вы не доверяете мне свои жизни, когда отправляете в ночной дозор?

— Доверяем, — буркнул Бернард. Я раскрыл рот для продолжения атаки, но Бернард добавил безжалостно: — Но мы с середины лагеря чуем больше, чем ты на посту.

Я спросил оскорбленно:

— Так зачем же отправляете, если я такой бесполезный?

— А надо же тебя приучать к воинской службе, — ответил Бернард хладнокровно. Я обиделся, спускал повозку молча. Плечи уже ныли, словно в одиночку удерживал эту тяжесть. Бернард взглянул раз, взглянул другой, сказал внезапно с непривычной теплотой в голосе: — Ты хороший, Дик... Клянусь, ты все узнаешь раньше, чем мы прибудем в Зорр.

Я встрепенулся:

— Правда?

— Я же поклялся, — напомнил Бернард.

Я с сомнением смотрел на повозку. Показалось или же в самом деле движается еще легче, чем вчера? Нет, вчера по такой же земле колеса погружались в землю на ладонь, а теперь только на два пальца. На два пальца — значит, везут нечто очень тяжелое, но все же не на ладонь, земля такая же, не слишком сухая, но и не грязь...

Чертовщина какая-то. Я уже уверен, что везут не только мощи святого Тертуллиана, не великаном же был этот отец церкви, две трети повозки заняты связками мечей да топоров под кучей мешков, а сами мощи в какой-нибудь крохотной урне в уголке... Даже окованный железом сундук для них великоват. Но все-таки, почему повозка явно стала легче?

— Зорр, Мордант, Ирам, — сказал я Бернарду, — это королевства, где проходит линия схватки... А те, которые захвачены? Что там?

Про себя добавил, что в королевствах, которые захватили «живущие умом», как рассказывали, жизнь может оказаться не такой уж и ужасной.

Бернард подумал, двинул огромными плечами.

— Это в Скарландах, Гиксии, Горланде?.. Примерно то же, что и в любой другой, когда на родные земли вторгается чужая армия. Пожары, грабежи, трупы по дорогам... Народ разбегается, прячется в лесах, сбивается в шайки, нападает на мелкие отряды. Постепенно у них появляются хорошие вожаки. Чаще всего из числа уцелевших баронов, рыцарей — у них есть опыт сражений. Постепенно выясняется, что не все потеряно, и хоть вся страна уже наводнена чужими силами, но ряд городов успел закрыть ворота, а самые надежные места — это монастыри и церкви, куда нечисть подойти страшится, а люди без нечисти просто люди, драться с ними легче... Но понятно, что в осаде всю жизнь не просидишь, ведь войска нечисти разлились, как половодье, по всей стране. Рано или поздно... Боюсь, что все рухнет раньше, чем могло бы.

— Почему?

— Людям нужна надежда, — объяснил Бернارد. — Либо слухи, что император уже ведет армию на помощь... или хотя бы собирает, или же рассказы о некоем рожденном в огне герое... либо вообще какой-то радостный слух, известие!

Я кивнул.

— Прости, Бернارد.

— За что?

— Я не понимал, зачем тащите мощи. Думал, куда надежнее бы пару повозок добротного оружия. И доспехов.

Он смолчал, но мне почудилось во взгляде старого богатыря нечто похожее на признательность.

Ланзероту явно не нравится, что у меня меч, потому я старался выхватывать эту стальную полосу из ножен и упражняться, когда был вне зоны его видимости. Рубил кусты, делал затесы на деревьях, просто размахивал, стараясь привыкнуть к тяжести в руке. Можно бы с топором, тогда от Ланзерота прятаться не надо, но топором, как это ни звучит странно, надо еще уметь, а для махания мечом ума не надо, как и особого умения, широкой полосой стали

проще блокировать удары, да и самому бить проще, не промахнешься.

Бернард понаблюдал, как я обращаюсь с мечом, сказал задумчиво:

— Ты дерешься не по-рыцарски. Обычно любой воин наносит рубящие удары. Мечом, топором, секирой — неважно. Целят в голову, лишь редкие умельцы знают обманные удары, замахиваются в голову, а бьют по ногам... Но ты и вовсе хитер!

— Я?

— Ну да. Сам придумал этот удар?

— Какой?

— Ну, этот... Когда вот так острием в брюхо! Верно, как я сам не подумал... Любой замах требует времени. А самый быстрый удар — колющий. Правда, мечом это не просто, но у тебя крепкие плечи, длинные руки и хорошие мышцы. Ты в самом деле можешь очень быстро ткнуть мечом, пока противник раскрывается в богатырском замахе.

Я пробормотал:

— Бью, как удобнее.

Объяснять, что после эпохи мечей была эпоха сабель, а затем и вовсе шашек, а вершина владения холодным оружием была в эпоху шпаг, показалось лишним. Теперь даже дураку ясно, что самый быстрый удар — ткнуть направленным в сторону противника острием шпаги. А пока он будет замахиваться на тебя красивым рыцарским мечом, успеешь нанести пять колющих ран, из них все пять — убивающие наповал. Но это видно нам, пережившим эпоху мушкетеров, видевших на Олимпийских играх лучших фехтовальщиков мира.

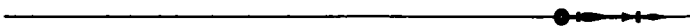
— Молодец, — одобрил Бернард. — В тебе жилка прирожденного бойца.

Я пробормотал:

— Я не воин. Мне не нравится быть воином.

Бернард сдвинул плечами.

— В мире давно все перемешалось. В воины идут те,

кто и ложку не умеет держать, а в священники — прирожденные поединщики.

Рудольф прислушался, бросил с едва заметной улыбкой:

— Полагаешь, для священников душу бойца иметь не обязательно?

Бернард хохотнул:

— Смотря где. У нас, на Границе, не только душу, надо иметь и крепкую руку! Хорошо бы еще и доспехи понадежнее.

Рудольф скользнул по мне заинтересованным взглядом.

— Думаю, ему можно позволить снимать с убитых. Что-нибудь подойдет.

Волы тянули и тянули повозку, мне уже казалось, что целую вечность вот так, когда то и дело с коня, хватаешься за колеса, волы ж не трактора, это мы, люди, и трактора и все-все на свете...

Далеко впереди Ланзерот вскинул руку. Бернард тут же остановил коня, в его правой руке появился топор, а на локте левой как будто сам по себе возник щит. В сотне шагов, словно из-под земли, показались головы скачущих коней. За трепещущими гривами я рассмотрел пригнувшихся людей.

С грохотом они неслись прямо в сторону повозки. Я быстро оглянулся. Волы остановились, Асмер ухватился за лук, из щели в повозке высунилось рыло арбалета. Ланзерот остался на коне, только опустил забрало, а в руке холодно блеснул длинный меч.

Я стиснул челюсти от невольной зависти, когда Ланзерот, красиво освещенный заходящим солнцем, медленно поехал навстречу скачущим на него всадникам. А из заросшего сорной травой оврага выскакивали еще и еще конные, вооруженные короткими мечами, копьями, топорами.

Принцесса выпустила стрелу первой, тут же начал стрелять Асмер. Я ахнул, руки Асмера слились в сплош-

ную серую полосу, а стрелы летели с такой скоростью, что почти догоняли одна другую. Степняки все без доспехов, только их старший в подобии кожаной рубашки с нашитыми металлическими бляшками, а на голове блестела настоящая металлическая шапка. Он успел закрыться щитом от стрел, зато другие падали с коней, их серые рубашки из грубого полотна не могли защитить от тяжелых стрел.

Всадники неслись прямо на Ланзерота, но в трех шагах от него круто развернулись и понеслись обратно. Их вожак вскинул руку, прокричал:

— Остановитесь! Почему вы на нас напали?

Ланзерот медленно ехал прямо. Длинный меч в его руке начал зловеще приподниматься. Вожак прокричал торопливо:

— Мои всадники только хотели рассмотреть вас поближе!.. Зачем вы убили моих воинов?

Я с трепетом рассматривал всадников. Бернард по дороге уже рассказывал о бескрайних степях, где обитают удивительные и страшные народы, но Рудольф перебивал и плел, по словам возмущенного Бернарда, вообще всякую чушь про ходячие горы, про дивные страны, где полгода — день, полгода — ночь, и вообще врал безбожно, за что в аду будет лизать раскаленную сковородку.

Но сейчас я с замиранием сердца видел, что все рассказы Бернарда — правда. Все всадники выглядят злобными убийцами, что не скрывают этого, каждым жестом подчеркивают готовность и способность убивать безжалостно, убивать подло. Это было в их жестоких лицах, нечистых ухмылках, вороватых взглядах, что бросали на меня, оценивая ширину моих плеч и длину моего меча.

У каждого из дорожных мешков и выюков выглядывают драгоценные ткани. Золото и драгоценности, снятые с жертв, степняки щедро нацепили на себя и даже на своих приземистых коней. Почти все с непокрытыми головами, но если кто и подвязал длинные волосы, то лишь у немногих это простой кожаный ремешок, а у остальных

волосы прижимают к черепу серебряные, а то и золотые обручи.

Ланзерот красиво держал меч в правой руке острием вверх. На кончике сверкающей полосы горел на солнце солнечный зайчик, настолько яркий, словно там сверкала дуга электросварки. Я залюбовался и не сразу увидел, что пальцы другой руки, что должны бы сжимать повод, сжимают арбалет гномов. И вожак, судя по его напрягшемуся лицу, видит отчетливо, куда направлена стрела.

— Они забыли поздороваться, — ответил Ланзерот отчетливо. — За это любой должен быть наказан. Ты так не считаешь?

Я видел, как желтый цвет быстро переходит в белый. Похоже, вожак уже знал, что с фанатиками разговаривать трудно. Они не идут на компромиссы, и этот вот нажмет на спуск, ибо у него принципы, а мир пусть хоть рухнет, только бы принципы остались непоколебимыми.

— Я походный вождь Гуланг, — сказал он поспешно. — Да, мои воины были не правы... и были наказаны.

— Справедливо? — уточнил Ланзерот.

Вожак поколебался, облизнул пересохшие губы.

— Справедливо, — согласился он наконец. — А теперь позволь нам удалиться.

Ланзерот кивнул, не удостоив вербального ответа. Вожак подал коня назад, шагов десять пятился, не сводя с арбалета глаз, потом повернулся, а за ним ускакали и оставшиеся в живых.

Бернард посмотрел на трупы, буркнул:

— Не вернутся?

— Раз уж признали, что были... не правы, — ответил Ланзерот. — Не отвлекайся, Бернард! Не отвлекайся.

Бернард кивнул, конь понес его неспешно к повозке. Я оглянулся на трупы, подумал, что, с точки зрения моих спутников, здесь уже поселилось зло. Да, зло, ибо степняки поступили вполне разумно, раз уж не бросились дуром и не легли все... или почти все, перебив нас всех.

В ночной тиши звуки разносятся далеко, я слышал со стороны дороги мычание коров, скрип тяжело нагруженных телег. Иногда долетали человеческие голоса, но слов я не разбирал. В воздухе чувствовалась тревога, отчаяние, страх. Люди бегут из королевств, куда наступает Тьма. Часть переселенцев, не выдержав тягот пути, гибнет по дороге от болезней, лишений. Часть гибнет под ножами и дубинками разбойников, тех в тяжелые времена всегда плодится видимо-невидимо.

Вечером у костра я сказал пару привычных сентенций, банальных фраз, даже не вдумываясь в их смысл, затертый от частого употребления, Бернард проворчал, задетый:

— Тебе не кажется, что ты очень много знаешь?.. Откуда? Какие учителя тебя учили?

Мне показалось, что он намекает на каких-то особых мудрецов, которых сызмальства приставляют к детям королей или герцогов, ответил уклончиво:

— Младенец, родившись, способен овладеть речью и без великого учителя. Просто он живет вместе с говорящими.

Тяжелые складки на лбу Бернарда сдвинулись, стали еще глубже.

— Тогда еще непонятнее, — сказал он после паузы. — Это что еще за говорящие?

— Родители, — ответил я тихо, — наставники, двор, школа, друзья...

— Ты жил среди языческих волхвов?

— Нет, — ответил я. Поправился: — Не знаю, Бернард. Знаю только наверняка, что они знали больше... намного больше, чем знают здесь самые мудрые из священников. Только это не делало их ни счастливее, ни... лучше вас.

Я лег у костра, как не ложился ни один из героев-зорян, безуспешно старался заснуть покрепче, чтобы увидеть пророческий сон, но снилось что-то тяжелое, кошмарное. Я просыпался, утихомиривал сильно бьющееся сердце, переворачивался на другой бок.

В очередной раз проснулся как от толчка. Несколько мгновений лежал на спине, не понимая, что вдруг разбудило так внезапно, ведь все тихо, даже сердце не участило бег и лоб не взмок от пота. Звезды на черном небе блистают точно так же, как и когда ложился, разве что мерцают чаще, иногда исчезают вовсе, по темному небу медленно двигаются мелкие облачка...

Из темноты что-то метнулось. Я инстинктивно качнулся в сторону. Руку больно дернуло, я запоздало сообщил, что неизвестный напоролся на лезвие меча в моей руке.

— Враги! — прокричал я. Упал, не выпуская из руки меч, откатился в сторону, поднялся на колени и отразил один бешеный удар, сам ударил вслепую, руки снова трянуло, в темноте раздался короткий стон, что сменился хрипом.

Я заорал, вскочил, меч в моих руках замелькал, как хворостина. За спиной раздался крик, там Лансерот и Бернард, а я оказался впереди, загородив врагам дорогу, и теперь бьюсь один!

Я закричал еще страшнее, врага надо ошеломлять, нагонять страх, шагнул вперед, меч все время на что-то наткался в темноте, ибо врагам еще надо присматриваться, чтобы не поразить своих, а я могу мочить все, что шевелится.

Мимо проскочили сразу двое. Я одному ухитрился дать подножку, второго достал в прыжке концом меча в спину. Сам упал, не удержавшись, над головой просвистело лезвие ножа. Наугад перехватил не то руку, не то плечо, рванул на себя, стиснул, слыша частый хруст костей. Неизвестный перестал дергаться, а я услышал нарастающий лязг железа.

Приблизились Лансерот и Бернард. Кровь капала с топора Бернарда, Лансерот брезгливо отирал темные брызги со светлого камзола.

Бернард буркнул:

— Лежишь? Вставай... разлежался! Не слышал, кто-то нападал на лагерь.

Ланзерот вступился:

— Что кричишь на парня? Это он нас разбудил.

Я тяжело дышал, поднялся молча. Набросали на тлеющие угли веток, Бернард обошел недавнее поле боя, я слышал, как он присвистнул. Когда вернулся, на меня посмотрел очень внимательно. Ланзерот уже почистил колет, лег у костра. Бернард сказал приподнятым голосом:

— Одного ты зарубил... второго я, надеюсь... А если и убежал, гад, то сдохнет все равно, я ему кишки пропорол! Но откуда еще трое? Их порубили, как моя жена крошила в суп петрушку...

Ланзерот быстро посмотрел в мою сторону, на Бернарда, заметил снисходительно:

— Это они от страха. Чтоб не дать тебе в руки, взяли и покончили с собой. Ты ведь зверь в бою, знаешь?

— Знаю, — подтвердил Бернард гордо. Оглянувшись на меня. — А ты что скажешь?

Я пожал плечами:

— Да ничего. Поспим еще, а то рассвет уже близко.

Бернард фыркнул, а Ланзерот сказал вполголоса:

— Он знает, что, похваставшись, умалит победу.

Я услышал, на душе разлилось нежное тепло. «Видела бы меня принцесса», — мелькнуло в голове. Хоть и застали врасплох, но я показал себя неплохо. Надеюсь, Бернард ей расскажет, что это я троих...

Глава 16

Утром пробудился под птичий щебет. Воздух был сухим, вчерашний дождь остался где-то в другом мире, а здесь земля все такая же сухая и твердая. За деревьями открылся ручей, даже не ручей, как вскоре я обнаружил, а почти речка, кое-где перегороженная бобровыми плотинами, из-за чего в запрудах воды скопилось, как в Цимлянском море.

Коней напоили, сами рыцари не больно спешили ис-

купаться. На меня смотрели с удивлением и подозрением, будто я с потом смывал и божью благодать. Я поспешил поскорее вытереться, пошел седлать коня себе и Бернарду.

Рудольф за моей спиной восхищенно цокнул языком. Я обернулся, священник пошел по воде в самом широком месте. Я протер глаза, вытарашил их, чувствуя, что они у меня выдвигаются, как у хамелеона на стебельках. Вода прогибается под подошвами растоптанных башмаков священника, как молодой ледок... нет, как пленка поверхностного натяжения под лапами жука-плавунца, как под бегущей водомеркой!

Но водомерка на шести или восьми широко расставленных лапах, а священник движется на задних конечностях, его шатало, я успел подумать, что, если упадет: прорвется ли пленка под его растопыренными пальцами или сухим и острым задом...

Ланзерот, Бернард, принцесса и Рудольф с Асмером смотрели с благоговением. Все шевелили губами, Ланзерот перекрестился, а губы Бернарда шлепали, словно что-то жевал. Судя по его просветленному виду, он шептал явно не площадную брань.

— Великий Билл, — сказал я вполголоса, — и его Майкрософт... Как он это делает? Водоотталкивающие подошвы?

Рудольф ответил шепотом, глаза не отрывались от священника:

— Верь, и ты пойдешь по воде.

Я вздрогнул.

— Благодарю. Не стану даже и пробовать.

— А ты призови своих демонов, — посоветовал он злорадно.

— Каких?

— Ты только что называл их имена... Но что они против Бога?

— С нами Бог, — согласился я. — Так кто же против нас?

Рудольф на миг перевел взгляд на меня.

— Прекрасные слова! Кто это сказал?

— Не помню, — пробормотал я. — Помню только: Дойчлянд, Дойчлянд, юбер аллес, юбер аллес, Гот мит унс...

Но Рудольф не слушал, глаза не отрывались от священника, что дошел уже до середины реки. Балахон колыхался, в прозрачной воде видно было, как снуют рыбешки, шарахаются от темной тени, что скользит по оранжевому песчаному дну, как жуткое чудовище.

Священник наклонился, я уж подумал, что высматривает тайные знаки, но худые руки метнулись к воде. Шлепок, брызги, священник разогнулся, в руках билась крупная толстая рыба.

— Отец небесный, — прошептал Рудольф, — вот это охотник!.. У меня собака была, поверишь, как медведь! Так она тоже вот так часами сидела и била по воде лапами...

— И что? Ловила?

— Еще как!.. У нее ж когти...

Священник выбросил на берег рыбу. Рудольф безуспешно пытался поймать, она выгибалась дугой и с силой отталкивалась от земли, прыгала, скакала. Прибежал Асмер и ловко стукнул рукоятью топора по голове.

Священник поймал еще три, одна другой крупнее. Лицо его сияло торжеством.

Я тихонько спросил Бернарда:

— А как же не убий, не проливай крови?.. Он же не дал тебе оленя пырнуть ножом...

Бернард удивился:

— Так олень же почти человек!.. А это рыба!

— А рыба не...

— У рыбы ж нет крови, — заявил Бернард твердо.

Я посмотрел в его честные глаза, на сияющее лицо священника. Да, здесь «зеленые» появятся не скоро. Как сказал Рудольф, верь — и ты пойдешь по воде. Верь, что убить рыбу — это не убийство, и это не будет убийством. И не зачтется как грех.

Интересная логика. Надо запомнить и как-то воспользоваться.

Пока запрягали волов и выкатывали из зарослей повозку, Бернард и Ланзерот привычно уехали далеко вперед. Мы с повозкой выдвинулись из леса медленно, осторожно. Солнце тут же соскользнуло с зеленых веток на голову и плечи, одинаково дружелюбное к добру и злу на земле.

Впереди долина, кое-где редкие группки деревьев, небольшие холмы. Небо снова чистое, синее, облака белые и взбитые, как свежие сливки. Когда мы провели волов мимо ближайшего холма, я видел, как оттуда с вершины торопливо сполз Бернард, только в ложбинке поднялся и, пригнувшись, бегом вернулся к коню.

Его крупные, как бревна, руки привычно сняли мешок, там разобранный арбалет, могучий охотничий нож, что более хлипкому послужил бы мечом, а настоящие метательные ножи Бернард засунул за голенища сапог. Его исполинский топор, гордость его рода — справа от седла. Еще я заметил, что Бернард возит с собой исполинский лук, но только дважды попользовался, да и то когда потерял в схватке топор и, схватив лук, крушил им, как оглоблей, вражеские черепа. Не то чтобы не умел стрелять, я уверен, что немногим уступает Асмеру, но такому медведю надо ощущение схватки, но ее нет, когда натягиваешь и отпускаешь тетиву, а далекая фигура вдруг дернется и рухнет, схватившись за живот. Да и кроме того, он однажды громогласно заявил, что стрелок из него неважный. Чтобы вот так попасть в человека с сотни шагов, как Асмер, жертву надо привязать к дереву, а в колчане чтоб было с полсотни стрел... Но я чувствовал, каким-то образом чувствовал — эти люди бесхитростные, — что Бернард зачем-то сознательно умаляет свое умение.

Далекий дым поднимался к небу черный, зловещий, вовсе не похожий на синий дым лагерных костров. Бернард мрачнел все больше, Рудольф и Асмер угрюмо переглядывались, только Ланзерот ехал все такой же спокойный, невозмутимый. Синие глаза холодно осматривали горизонт. Я уже уверен, что Ланзерот не пропустит ни

одну подозрительную лошину, ни одну балку, ни один куст, за которым может спрятаться враг.

Волы затащили повозку на холм. Я выпустил колесо, рука поднялась смахнуть пот со лба и застыла. Внизу в долине догорали повозки. Похоже на торговый караван, хотя многовато для каравана трупов...

Бернард взглянул раздраженно, хлестнул волов, рыкнул:

— Трогай!.. Нельзя останавливаться.

Ланзерот оглянулся, бросил с холодным безразличием:

— Тем более на виду.

Волы уже стащили тележку с холма, я шел рядом, шея сама выворачивалась в сторону. Ланзерот подал знак не останавливаться, но дорога проходит совсем близко, я видел обезображенные тела, вороны раздалбливают острыми клювами окровавленные глазницы. Шмыгнул в кусты зверек, волоча кишку сизого цвета.

Не все пали в бою, иных явно захватили живыми. Я содрогнулся, видя изувеченные лица, распоротые животы, красные от содранной кожи тела. Трех посадили на колья, двоих разорвали надвое... возможно, конями, детей приколачивали к деревьям, но особенно жестоко истязали женщин. Все со вспоротыми животами, многим в разрезы запихнули камни, у некоторых руки и ноги обуглились, а по застывшим в смертной агонии лицам я видел, что жгли живыми.

Переселенцы. Потому так много женщин и детей. Бегут от ужасов войны, бегут от наступления сил Тьмы, но она настигла.

Бернард ехал рядом на своем огромном коне, как скала на скале, похожий надвигающийся через века и тысячелетия ледник.

— Эльфы и гномы не пользуются магией, — слышал я громяхющий голос. — Уяснил? У них вообще нет никакой магии. А то, что нам кажется магией, для них просто... ну, не колдовство вовсе! Как для тебя вон ездить верхом, ловить рыбу или строить трехэтажные дома. Вот высокие

дома подземным гномам покажутся вообще чародейством...

Рудольф сзади крикнул нам в спины:

— Эй-эй! Не настраивай парня на легкий лад. Потому как раз с эльфами или гномами труднее справиться.

Я обернулся, кивком поблагодарил.

— Почему? — спросил у Бернарда.

Бернард сплюнул через плечо в кусты.

— Нечисть боится серебра, железа, осины, чеснока... Словом, всякой защитной магии. Даже креста страшится, как не знаю чего!.. А эльфы не боятся. И гномы не боятся. Они не предавали род людской, как оборотни или вампиры, что предали души дьяволу и стали нечистью. Потому с гномами и эльфами можно воевать только честным оружием.

Волы тянули повозку достаточно бодро, колеса уже не увязали в земле. Правда, чем ближе к югу, тем земля суше, тверже, а солнце жгло плечи сильнее. Я со злорадством поглядывал в спину закованного в железо Ланзерота. Бернард ехал раскрасневшийся, от него шли волны жара, как от растопленного камина.

Мой конь шел крупной рысью. Я не забывал следить теперь и за небом, в синеве часто появлялись темные точки, а когда с востока набежали низкие тучи, то ехать приходилось чуть ли не все время с задранной головой. Но все оказывалось безобидными коршунами, орлами, а то и просто воронами, высматривающими падаль.

Шея заныла, а конь как почуял, перешел на шаг, начал срывать вдоль дороги верхушки трав.

Этой ночью удалось увидеть настоящий сон. Я летал, едва не рвал об острые края звезд плащ, из космоса тянуло нестерпимым холодом, а когда метнулся к земле, оттуда навстречу очень быстро вырос странный приземистый замок, очень широкий, но приплюснутый, всего в один этаж. Мне почудилось, весь замок под землей, а над

поверхностью только один этаж, как купол противотанкового дота.

Я долго искал щель, летал поверху и едва не пытался подрываться, как прячущая кость собака, пока наконец не заметил ставни, подогнанные настолько, что сливались с каменной стеной.

Подземный зал оказался огромен, как станция метро. В самом центре круглый стол, сверху я его принял было за орнамент в мозаичном полу, там что-то светится, вроде горит свеча, но вокруг стола ни единого стула, кресла или хотя б колченогой табуретки.

Женщина с черными распущенными волосами, вдоль стен три фигуры в черных плащах, капюшоны надвинуты низко, лиц не рассмотреть, хотя я уже опустил почти до уровня пола.

Перед женщиной в смиренной позе тучный мужчина в железе. Рогатый шлем, панцирь с выступающими во все стороны шипами, самому бы не наколоть руки, ноги и руки в железе. Какая-то страсть к шипам, даже на руках и ногах, башмаки с острыми металлическими остриями, как спереди, так и сзади.

Женщина выглядит молодо, но эту молодость я уже видел, молодость подтяжек, золотых нитей, коррекций, пластических операций. Настоящая молодость рыхловата или угловата, а фигура этой отточена мастерами-скульпторами, а потом еще и мастерами аэробики и шейпинга.

— Властелин гневается, — процедила она с ненавистью. — Гневается!.. Вы не сумели задержать на моих землях всего-навсего жалкую повозку с горсткой людей!

— Там зорьяне, — возразил смиренно тучный. — Каждый из них стоит десятерых моих воинов.

— Так почему же у тебя такая дрянь, а не воины?

Он поклонился ниже.

— Ваша мощь, у меня лучшие в этих краях люди! Сильнейшие и отважнейшие. Но я набираю из того, что здесь. А зорьяне набирали... там.

Она разразилась проклятиями. Тучный и монахи под

стенной вздрагивали и втягивали головы в плечи, как черепахи в панцири. Я слушал спокойно, в моем мире словечки, которые у Даля в нецензурных, уже в речи депутатов, членов правительств, интеллигенции. Все чаще и чаще какая-нибудь милашка, открывая хорошенький накрашенный ротик, выпускает такое, что бедные тургеневские девушки пачками падали бы в обмороки.

Я облетел стол с другой стороны. На середине столешницы хрустальный шар, размером с чашку для компота, прозрачный настолько, что я сперва видел только горящий внутри огонек, чистый, оранжевый, словно на кончике спички.

Женщина резко протянула руки к шару, но ее так трясло от злости, что снова выругалась грязно, сцепила зубы, застыла, как статуя, но, когда шевельнулась, полагая, что обрела над собой власть, ее снова скрутила судорога бешенства.

— Вина! — крикнула она яростно.

Один из черных монахов выбежал, остальные еще ниже наклонили головы. Никто не смел взглянуть другому в глаза, как и королеве. Толстяка трясло, как тонкое деревце в грозу, он истекал потом.

Вбежал монах с кувшином и золотым кубком. Налил на бегу, женщина выхватила, осушила, он тут же наполнил снова, и она уже взяла себя в руки.

— Агандал, — сказала она резко, — давай людей!

На этот раз к двери метнулся толстяк. Я слышал грохот сапог, крики. Двери распахнулись снова. В зал вошел отряд особо рослых воинов. Остановились, застыли, преданно глядя на повелительницу.

— Прекрасно, — произнесла она мрачно, — они выглядят неплохо. Вот этот... этот... этот...

Воины, на которых она указывала, делали шаг вперед и снова застывали. Пятеро, как отметил я, самые крупные, самые рослые. Остальные по знаку толстяка попятись и как можно тише выскользнули за дверь.

Черные монахи тихонько переговаривались. Я видел, как во тьме под капюшонами стеклянно поблескивают их

глаза, словно от пола их лица подсвечивают незримые лампы.

Колдунья прошла перед избранными воинами, у одного пощупала плечи, другого легонько толкнула к грудь. Все пятеро смотрели с преданностью. Сила в каждом движении, а глаза горят отвагой и решимостью.

— Раздевайтесь, — велела она. — Час настал.

Вскоре вся одежда лежала у их ног. Она внимательно оглядела их нагие тела. В блеске факелов их мускулы казались еще выпуклее, толще, а руки выглядели длинными и неимоверно сильными. Все смотрели на нее с немym ожиданием.

— Друзья, — произнесла она яростно, — настал час вашей охоты!.. Вы уйдете в ночь и убьете наших врагов. Они пока что слабы, а уцелели до этого времени лишь по воле случая... Идите и убейте! Разорвите в клочья! Рвите сладкое мясо, пейте кровь. Пусть их сила перейдет в ваши мышцы. Любой из вас сильнее их впятеро, а облик вы поменяете лишь затем, чтобы их найти быстро!..

Она коснулась груди ближайшего воина колдовским жезлом. Он вздрогнул, глаза расширились в радостном удивлении. Тело его начало быстро покрываться густой шерстью.

Королева поочередно ткнула в каждого. Через минуту перед ней стояло пятеро могучих исполинов со звериными мордами. Их спины постепенно выгибались, вот один опустился на четвереньки, другой... Вскоре пятеро громадных волков уставились друг на друга, потом повернулись в ожидании к королеве.

— Вы впервые в этом обличье, — произнесла она. — Вы ощутите сладость и великую свободу быть зверем!.. А когда отыщете врагов и разорвете, возвращайтесь. Мы закатим пир в честь вашего возвращения. Каждый получит по золотому кубку, доверху насыпанному драгоценными камнями, и по десять новых рабынь для улады, утех и пыток. Идите же!

Волки один за другим выметнулись из подземного

зала. Толстяк поклонился и, пятясь задом, вышел тоже. Один из черных монахов отделился от стены, подошел, я увидел старое сморщенное лицо, очень бледное, словно пораженное гадкой болезнью.

— Ты хорошо усвоила наши уроки, — произнес он скрипуче. — Ты права, прибегая к таким крайним мерам. Ибо еще сутки... и они покинут земли Алексиса. А честь поимки этих людей достанется другим сторонникам нашего Князя.

— Стараюсь, — ответила она. — Надеюсь, я достигла многого?

— Очень, — похвалил монах. — Но ты в самом деле собираешься дать им такую великую награду?

Она усмехнулась.

— Сын Тьмы, что ты говоришь?.. Я дала им заклятие, что увеличивает их силу, но в человеческий облик им никогда уже не вернуться!.. Они полуоборотни, а это значит, что им не годна пища как людей, так и волков. Рано или поздно умрут от голода и жажды. Но раньше... о, для этого все и делалось!.. они убьют всех зоррян, разметаю кости жалкого человека, с помощью которых надеются сдерживать натиск моего Повелителя!

Колдун подумал, кивнул.

— Ты совершенствуешься быстро, дочь моя. Ложь — неперемнная составляющая нашей жизни.

— Я знаю.

— Там, где живут умом, не может быть верности слову.

Утром я коротко рассказал про обряд, но практичных воинов заинтересовали только волки. Бернард начал расспрашивать, где этот странный замок, я жалко мямлил что-то про темный лес, про звезды, Асмеру надоело слушать, пошел готовить стрелы, а Ланзерот, морщась, распорядился доспехи не снимать даже на привалах.

Так и ехали, обливаясь потом. Дорога чаще всего тянулась по ровной степи, островки леса попадали совсем редко, да и то дорога шла по опушке совсем не с той сто-

роны, где на нее падает тень. Все выглядели свежесваренными раками, красные, даже багровые, с лоснящимися лицами.

В полдень встретили ручей. Вокруг — десяток могучих деревьев, что от солнца укрыли бы сто таких отрядов, но все равно доспехов снимать не велено, бдим. Я тоже мучался, хотя на мне всего лишь кожаный колет с нашитыми железками, со стыдом смотрел на раскаленные панцири Бернарда, Рудольфа, Асмера... Ланзерота не жаль, хоть у него и цельные доспехи, каждый палец укрыт железом, но белое, как я слышал, отражает тепловые лучи. Наверное, отражает, но я не хотел бы проверять в такую жару.

На измученных волов жалко смотреть, мы им почти не даем отдыха. Я чаще других слезал с коня и без особой нужды помогал им тащить повозку. За время путешествия привык к езде верхом, человек ко всему привыкает, усталость уже не ломает тело. Во всяком случае, не так, как в первые дни.

Ланзерот подождал нас на одном из пригорков, сообщил, что впереди река, перейдем вброд, а на том берегу и заночуем, время позднее.

Небо на западе медленно багровело. Солнце тоже распухло, стало похожим на огромное сердце, что замучилось за долгий день обеспечивать кровью тела идиотов, которые в такую жару тащат на себе по паре пудов железа.

Бернард начал уверять, что доберемся благополучно, как вдруг со стороны дальней рощи раздался протяжный вой. Ланзерот выпрямился в седле, свет заходящего солнца недобро кровавил его металлические плечи. Бернард крикнул:

— Надо прорываться!

Ланзерот обернулся, я увидел белое пятно вместо лица.

— Нет, — сказал он резко. — К реке!.. К реке, они не пройдут...

— Не успеем!

— Здесь не отобьемся... Спешите!

Он развернул коня и остановился. Меч в руке, блис-

тающий и красивый герой, что дает возможность всем спастись, пока он будет задерживать погоню.

Рудольф мгновенно остановил коня, оставаясь с Ланзеротом. Принцесса нахлестывала длинным кнутом волос, Асмер держался в дверях с луком в руках. Его немилосердно трясло, но он сосредоточенно высматривал цель. Ланзерот мчался впереди, Бернард же, напротив, ехал за повозкой. Мне он крикнул бешено:

— Что застыл, как пень? Вперед!

Я послал коня вскачь. И тут увидел, как далеко впереди прямо из земли начал подниматься странный оранжевый туман. Сперва он показался безобидным, я насмотрелся на эти подсвеченные цветными прожекторами клубы у ног певцов, потом заблестали синеватые искорки. Туман выглядел густым, как удушливый дым от сгорающих автопокрышек, и тяжелым, как расплавленное золото, однако по земле не стлался, а поднимался ровной стеной, словно тек по стеклянной стене.

Волы неслись, как мустанги. Принцесса нещадно хлестала по широким спинам. Сзади мчался Рудольф, прикрывая повозку огромным щитом и всем телом, а в дверях растопырился Асмер. Его руки мелькали с такой скоростью, что я едва сообразил, что он выхватывает из колчана стрелу, натягивает и отпускает. А зная Асмера, уверен, что стреляет прицельно.

Блещающая оранжевая стена приближалась чересчур быстро. Наконец я сообразил, что не только мы несемся ей навстречу, но и она, подгоняемая ветром или другой силой, о которой я старался не думать, надвигается прямо на нас.

Я на скаку оглянулся. Дальний хребет исчез, с той стороны мир перегородила оранжевая сверкающая стена тумана, больше похожего на дым. Я уже видел, что она догоняет нас со скоростью скачущего табуна. Ланзерота первым накрыла эта сверкающая стена, я задержал дыхание, почудилось, что расшибет в лепешку, но он беззвучно исчез в ней... и почти сразу оттуда послышался грохот, будто столкнулись два металлических подъемных крана.

Прежде чем стена надвинулась на меня, я услышал лязг, звон металла, звериный крик и конское ржание. Мой конь влетел в туман, я успел на секунду раньше задержать дыхание, в руке меч... К моему удивлению, в этом радостно-оранжевом тумане можно видеть лишь на расстоянии руки.

Я несся один, потом вдруг успел увидеть мохнатое и оскаленное, замахиваться поздно, но держал я меч настолько неумело, что зверь напоролся на острое лезвие сам, а я, ничего не видя впереди, начал судорожно размахивать во все стороны и раскачиваться, вдруг да в меня кто вздумает целить из лука или метать ножи.

Дважды меч дергало, я едва не вываливался из седла, рукоять стала мокрой, с трудом удерживал в слабеющих пальцах, меч потяжелее гантелей, к которым я тоже никогда не притрагивался. Справа и слева удаляющиеся крики, лязг, жуткий звериный вой. Однажды донесся звенящий голос Ланзерота. Я попытался направить коня к нему, кричал над ухом, отмахивался от жутких харь...

Наконец обдало брызгами. Конь несся по воде, та хлопала и взлетала широкими брызгами. Я не успел подумать, что река может оказаться глубокой, а волны несутся, как обезумевшие... и тут только заметил, что впереди покрытая красными сумерками степь, еще дальше — плотный березняк, мир виден до темнеющего неба.

Оглянулся, стена оранжевого тумана обрывается прямо на реке, у самой кромки воды. Теперь видно, как оранжевые струи вырываются прямо из мокрой земли и стремительно уносятся вверх, словно пламя. Возможно, это и есть пламя, колдовское пламя.

Раздался шум, зашлепала вода. Из оранжевой стены выбежали взмыленные волны. Я едва дождался, пока показалась вся шестерка. Принцесса по-прежнему на козлах, мне почудилось, что глаза ее плотно зажмурены. Рудольфа нет, но в дверях Асмер. Уже без лука, в руке короткий меч, кровь на лице, кровь на разорванной кольчуге, кровь на другой руке. Его качнуло, едва не выпал, я сообразил

наконец, что Асмер держится за проем только плечом и ногами, а вторая рука висит как плеть.

Принцесса остановила волов, едва те выбрались на другой берег. Ее лицо было такое же белое, как у Ланзерота в тот миг, когда он услышал вой и, наверное, сразу понял, что ему делать и что его ожидает. Страдальческие глаза пробежали по нашим лицам.

— Ланзерот... Бернارد?... Даже верного Рудольфа нет?

Я тупо молчал, перед глазами мелькали те жуткие морды. Плечи осыпало морозом, я ощутил запоздалый ужас. Если бы та оскаленная морда цапнула меня за лицо, как и намеревалась... Зубы — как ножи, когти, словно крюки альпенштока, которым Троцкому голову...

— Они еще могут отыскаться, ваша милость, — сказал Асмер. Он соскочил на землю, скривился, зубами оторвал клоч рубахи и начал перевязывать другую руку. — Мы просто потерялись в тумане.

Принцесса бросилась к нему, я так же тупо смотрел, как ее ловкие быстрые пальцы перевязывают ему рану, крови натекло и ей на пальцы. Земля дрогнула и поплыла, я не сразу даже сообразил, что конь оказался умнее или стыдливее меня и понес от позора вдоль реки.

Вдогонку донесся голос Асмера:

— Ты куда?

— Поищу их! — крикнул я, не оборачиваясь, чтобы они не видели, как к лицу прилила кровь. — Нечисть реку не перейдет?

— Нет, — донесся слабый голос. — Если, конечно, не отыщут мостик...

Конь бодро трусил вдоль берега. Видимо, нечисть страшится воды, как страшатся ее взбесившиеся собаки. У них это так и называется водобоязнью. Но бешеная псина в состоянии перейти на другой берег ручья, к примеру, по стволу упавшего дерева.

Оранжевый туман на глазах таял, в нем просвечивают дыры. В других местах, напротив, чувствуются утолщения, словно туман там собирался в тугие тяжелые комья.

Ручей в ширину метра три-четыре. Деревце средних габаритов легко бы послужило мостиком, но, к счастью, справа берег зарос короткой жесткой травой, ни единого кустика, а справа, куда мы выскочили, и вовсе тусклый, как рыба чешуя, песок. Ближайший лесок километрах в пяти. Конечно, где-то деревья, как стадо лосей, подступят прямо к воде, а то и сам ручеек пойдет внаглую через чащу, а там бобры, подгрызающие деревья для обустройства своей малой родины, там вообще деревья норовят упасть именно с берега на берег, словно слабенькая водичка ну прям как циркулярная пила подрезает им могучие корни.

Оранжевая стена тумана медленно редела. Пустоты выглядели расширяющимися дырами в голландском сыре, а в других местах, где тугие плотные комья, менялся с радостно оранжевого на угрожающе багровый, под цвет заката, но мне он казался больше цветом пролитой крови. Теперь я видел, как из земли стремительно выплескиваются оранжевые дымки, стремительно уносятся к небу. Там, очень высоко, расплылось странное плоское пятно оранжевого цвета. Похоже, поднимающийся дым наткнулся на незримую преграду и стелется, как под крышей, выискивая щели.

Небо темнело быстро, над лесом поднялась чересчур огромная луна. Я не знаток астрономии, но луна показалась чересчур огромной. Даже солнце выглядит утром мельче, чем при заходе, тогда оно словно распухает, луна тоже меняет цвет, размеры, но чтоб вот такой... да и пятна, то бишь лунные моря, вроде бы раньше я видел в других местах диска... Хотя, конечно, кто из нас луну видел не мельком?

Конь пошел по воде, я видел мелких рыбешек, потом странное чувство тревоги погнало прочь от воды. Поехал по берегу и лишь случайно увидел, как в том месте, где должен был только что проехать, песок вдруг начал утекать вниз, вода завихрилась вместе с песком. В провал ухнул бы слон с магараджей, не только всадник на усталом коне.

Глаба 17

Жуткий вой еще долго доносился через ночь, но, когда я решился въехать в темную рощу, уже слышал только шелест листвы да стук копыт по утоптанной тропе. Уже почти успокоился, но, едва выехал на открытое место, вой раздался гораздо ближе.

Лунный свет делал привычный мир ненастоящим, пугающим. Я огляделся, внезапно сообразил, что заблудился сразу же, едва удалился от повозки. Дурацкий интеллигентский стыд погнал прочь, заставил хотя бы сделать вид, что ищу остальных, кто-то может быть ранен, не в состоянии добраться без посторонней помощи... Но они даже раненые — живучее меня, мертвым же помочь не смогу, и вот теперь дурак, идиот, тупица, один в ночи, верхом на коне, который не намного умнее меня... Хотя, наверное, умнее.

Над головой все чаще проносились отвратительные тени, огромные и пугающие. Однажды пахло нечистым теплом и смрадом. Я пригнулся, но крылатый зверь уже пролетел, оставив исчезающую струю воню.

Справа в небе мелькнуло. Я вскинул голову и рассмотрел огромного крылатого зверя, размером с овцу, и крыльями в размахе с крышу сарая. Зверь распахнул пасть, я содрогнулся от жуткого визга. Пасть уже захлопнулась, зверь пролетел и теперь далеко в небе разворачивался, но меня все еще трясло, запомнил эту распахнутую пасть с тремя рядами блестящих в лунном свете длинных зубов!

Еще один крылатый зверь снижался с востока. Я проследил взглядом по линии, куда он нацелился длинным острым клювом, вздрогнул. Между камней, пригибаясь, бежит обнаженный до пояса человек. Крылатая тварь бросилась, человек вовремя нырнул в тень, и острые как бритвы когти пропороли воздух над голой спиной.

Я перевел дыхание, но в небе появилось еще одно крылатое чудовище. Они кружили над одним и тем же местом, потом передвинулись, все время наполняя воздух отвратительным визгом. Я насторожился, рука потащила

из ножен меч, ибо погоня, похоже, движается в мою сторону.

Беглец выскочил из тени скал. Гарпии завизжали, воздух наполнился тугими хлопками крыльев, я ощутил ветер на лице. Беглецу оставалось пересечь небольшое пространство, а там снова острые скалы...

Я вскрикнул:

— Держитесь, любезный друг!

С мечом в руке прищпорил коня, ринулся к месту схватки. Беглец опустил на колено, в руках мелькала короткая дубинка, но отбивался с необыкновенной ловкостью. Гарпии на лету били клювами, царапали когтями, старались сбить с ног и вонзить когти в незащищенный живот.

Я увидел темные полосы на бледной коже. Никто не заметил меня, налетающего вихрем всадника на крупном коне, и мой меч рассек одну гарпию пополам, вторая бросилась с бешеной яростью, я подставил щит, когти впились в железо с такой легкостью, словно щит был из сырой глины. Я поспешно махнул мечом, лезвие скрипнуло по жестким перьям, но дальше звериная шерсть, и голова со страшным клювом отделилась от тела.

Беглец катался по земле, обхватив гарпию обеими руками. Она била клювом, крыльями, царапала когтями. Я послал коня вокруг, меч поднят для удара, но вскоре послышался уже знакомый мне гадкий хруст. Гарпия взвизгнула, как кошка, крылья ее бессильно распластались. Она не двигалась больше, но не двигался и беглец, чьи руки были плотно сомкнуты на шее отвратительной твари.

Я забросил щит на спину, наклонился с коня. Огромные кожистые крылья закрывали беглеца почти целиком. Я, держа меч в одной руке, другой ухватил гарпию за крыло и подал коня назад. Руки беглеца расцепились. Я стащил с него крылатое чудовище, конь пятился дрожа, когда я выронил гарпию ему под ноги, конь задрожал, отпрыгнул и все норовил пуститься вскачь.

— Погоди, — сказал я ему внушительно, — надо посмотреть, он же ранен...

Но конь трясся, храпел, пятился. Я соскочил на землю, поводья забросил на седло. Конь тут же попятился дальше, а я пошел к спасенному.

Луна выскользнула из-за облачка, мертвенный свет упал на землю. Я как раз подошел к беглецу, мои ноги примерзли к земле. Человек... если это человек, был страшен. Теперь, когда я сам на земле, начал понимать, что человек... если это человек, и есть наверняка то, что называют великанами. Голова, как пивной котел, звериная морда, огромная бочкообразная грудь, длинные волосатые руки, но все это я заметил лишь краем глаза, а глаза мои прикипели к морде спасенного... нет, человеку, к которому я пришел на помощь. Теперь я чувствовал, что он справился бы со всеми крылатыми тварями и сам.

Весь он казался высеченным из камня. Возможно, он и есть из камня, ибо ни ран, ни царапин на коже, только клочья сорванного мха. Из-под сильно выступающих надбровных уступов блеснули красные огоньки. Ни зрачков, ни радужной оболочки — только багровый огонь, что полыхает, казалось, внутри каменного черепа.

— Ну... — сказал я и закашлялся, — ты... надеюсь... в порядке?..

Человек приподнялся, сел. Длинные руки упирались позади него в землю. Пальцы без усилий вошли в твердую как камень землю, словно в сырое тесто. Красные глаза следили за мной с интенсивностью радара, запеленговавшего самолет без опознавательных знаков.

Я сделал осторожный шаг назад. Если оно кинется, от меня останется мокрое место. Уже сейчас видно, что это... этот человек, хотя это явно не человек, даже сидя, почти одного роста со мной, а по весу вдвое больше, чем мы с конем вместе...

— Отдыхай, — проговорил я неуклюже. — Если что, свистни! Буду близко, приду на помощь.

Пятился, пока спиной не уперся в конский бок. Конь,

к моему удивлению, на чудовище среагировал без страха, гарпия его пугала больше. Даже мертвая. От чудовища не пахло волчьим или каким-то звериным духом, а скал мой конь не страшился, будь они даже трижды живыми-преживыми.

Когда я кое-как взобрался в седло, кое-как, потому что хоть конь и не дрожал, но мои руки и ноги все-таки тряслись. Конь послушно развернулся, я пустил его шагом. И вдруг сзади раздался пронзительный свист. Я непроизвольно натянул повод.

Конь разом остановился, дрожа, присел. Я развернулся в седле. Человек уже поднялся на ноги. Дубина отливала синевой. Теперь свет падает по-другому, все предметы обрели настоящую перспективу, я наконец-то понял, что беглец не кажется великаном, а и есть настоящий великан. Возможно, горный великан, а дубина его из металла. Он смотрел мне вслед, дубина в правой, а левая поднялась в воздух. Я не верил глазам, он покачал в воздухе широкой ладонью в жесте прощания.

Я помахал в ответ, отпустил повод, и конь с великой охотой и старательностью понес меня дальше по залитой лунным светом долине. Взгляд сразу ухватил большую грудку камней, а в середине остов не то основания башни, не то гигантской печи...

Увы, руины оказались крохотной часовней. Я слез на землю, перешагнул через каменные завалы, Бернард мог, если оказался раненым, заползти и сюда. Под ногами каменный пол, в большом камне можно угадать алтарь, но весь изгажен нечистотами, с отколотыми краями, сбитыми надписями. Я сумел разобрать только три буквы латинского алфавита, а потом еще две. По гранитной плите явно били молотами, топорами, мечами. Есть даже крохотные оспинки от стрел, а вот эти полосы...

Я зябко повел плечами. Страшные борозды, будто огромный зверь царапал камень с такой же легкостью, словно стену из глины. Я, дитя века, абсолютно нерелигиозен, мне смешны отцы города или члены правительства, что кланяются иконам и целуют микробную руку пьяного

попа, но любая религия в своей основе подразумевает нечто чистое, возвышенное, вытягивающее человека из дарвиновской твари в нечто наивно божественное, так что равнодушие равнодушием, а осквернение коробит мою интеллигентную душу... можно сказать, возмущает даже.

В моем мире я прошел бы мимо, не поведя бровью, сказал бы разве что нечто умное, нельзя, мол, так поступать даже с нелепым старьем. Воевать и отвергать — да, но не глумиться, не гадить... но сейчас я, перенесенный из мира благих порывов в мир духовного экшена, почти неосознанно сорвал пучки трав и тщательно вытер алтарь. Я человек своего мира, где каждый инстинктивно сражается со страшным давлением со стороны властей, налоговой полиции, СМИ, начальства, коллег, родителей, инстинктивно следует принципу: если дают линованную бумагу, то надо писать поперек — вот я и сделал поперек: вытер алтарь, чем немало удивил бы всех знакомых. Мне этот алтарь не нужен, я абсолютно не религиозен, я не нуждаюсь ни в каком боге, уже сто раз это говорил и повторяю это снова, но раз в мире есть богомольные старушки, так пусть этот отесанный булыжник послужит, принесет утешение им, а также всем слабым и трусливым.

Обыскав камни, я уже собрался выбираться к коню, как вдруг взгляд зацепился за основание алтаря. Там, где я стер нечистоты, на камне проступила четкая бороздка. Заинтересованный, я присел, нажал ладонью. Каменная стенка подалась, я сунул руку в нишу, пошарил. Пальцы наткнулись на нечто знакомое, но непривычное в этом мире.

В лунном свете находка показалась еще более странной, чем если бы достал в жаркий полдень. Лунный свет — это вампиры, оборотни, эльфы и гномы, а здесь обыкновенная книга, толстая, пухлая, читаная и перечитанная, с «ослиными ушами», шелковой ленточкой для закладки, золотым обрезаом, дорогим капиталом... Впрочем, книга не совсем обычная, чересчур старинная, за такие коллекционеры отваливают сотни баксов. А то и тысячи...

Книгу я сунул в седельный мешок, вскочил на коня и послал легкой рысью дальше.

— Бернард!.. Бернард!

И снова вспомнил, что не знаю, в какую сторону мне возвращаться. И не удаляюсь ли я от места схватки в ту сторону, куда Бернард мог бы добраться разве что на крыльях. Несколько раз привстал на стременах, покричал, но голос мой жутко и одиноко разносился всего на десяток шагов, а там странно глож, словно упирался в невидимые стены.

— Ну, — сказал я коню дрожащим голосом, — тогда надо как-то перекоротать ночь...

Одно место показалось выше других, я пустил туда копытное, соскочил на землю, оказавшись на вершине. Это выглядело как бывший холм, что от старости расползся в коровью лепешку. Дурость с моей стороны, надо бы, напротив, выбрать место пониже да забиться в норку, ложбинку, затаиться в ямке, но я дитя чересчур благополучного и безопасного века, зато отсюда все хорошо видно.

Вблизи отыскалось бревно, достаточно сухое, но такое огромное, что я засомневался, что сумею поджечь. Однако костер вспыхнул таким ярким пламенем, что стало ясно: если я и не найду никого больше, то уж меня найти проще простого. Этот светящийся цилиндр света вытянулся до самого неба, там уперся в небосвод, а звезды погасли. За освещенным кругом абсолютная чернота, настоящий холодный и мертвый космос. Да ладно, пусть видят, где я, друзья и враги, все равно хуже уже не будет.

Вытянулся возле костра, ноги гудят, как разогнанный проц без кулера. Из мешка выдвинулась толстенная пухлая книга. Я раскрыл из любопытства, раз уж такие в букинистике стоят бешеные деньги, надо хотя бы посмотреть, что в них такое...

Полистал, убедился, что ценится разве что старая бумага, смануфактуренная без всяких добавок, по старым рецептам, очень дорогим и непродуктивным, да еще сам шрифт, нестандартный, каждая заглавная буква в кино-

вари, а начальная буква главы и вовсе изображает сценки из жизни святых. Или угодников, не знаю.

Ага, после всех описаний житий идут практические советы. Типа справочника молодой хозяйки: что варить в постные дни, что в разгрузочные, что надевать, как украшать дома в праздники, какие молитвы творить в дороге супротив Темных Сил... а вот — какими средствами ограждаться, когда ночуешь в темном чужом лесу...

Это я прочел с жадным интересом. Я не в лесу, но в мире достаточно темном, к тому же в дороге, к тому же дитя урбанизации, вся жизнь в помещениях, над головой всегда крыша, будь это потолок квартиры, офиса, метрополитена или автобуса.

Запинаясь, я прочел молитву вслух, все равно никто из знакомых меня не видит и не расхохочется в лицо, повернулся и поклонился на все четыре стороны света. Помоему, последнее уже лишнее, явно языческое проникло в чисто христианское логово, как вот православие почти целиком вобрало языческие обряды и праздники.

Веки отяжелели, я отчаянно зевал, выворачивая челюсть. Спать на открытом месте страшновато, но если просижу у костра всю ночь, то все равно засну утром, что намного хуже. Похоже, я заснул, как бревно, крепкое мореное, пролежавшее в песке лет сто, потому что, когда сквозь сон услышал голоса, ощутил одновременно, что поспать успел, не совсем, но все-таки...

Костер наполовину прогорел, бревно уже рассыпалось на крупные багровые уголья. Те, что ближе к краям, покрылись толстым слоем серой золы. Багровеет только россыпь посредине, похожая на крупные рубины. Освещенный круг сузился, я опасливо подтянул ноги, а то подошвы тонут во тьме. Вдруг что-то страшное цапнет и потянет в темноту... А там в самом деле слышатся веселые голоса, смех, хихиканье.

Я сунул конец толстой палки в уголи, дождался, пока вспыхнет ярким пламенем, поднял над головой, сам встал и сделал шагок в сторону голосов.

На фоне звездного неба три молодые девушки. Все три смотрят с живейшим интересом. Одна толкнула подругу локтем.

— Смотри-смотри, — услышал я быстрый шепот, — молодой какой!

— И красивый, — добавила вторая игриво.

Третья посмотрела мне в глаза, отблески пламени играли на ее удлиннном лице. Глаз рассмотреть не удавалось, но свет красиво выхватывал из полутьмы аристократические скулы, полные губы, высокие брови, тонкую шею. Из одежды на девушках настолько свободные одеяния, что я принял их за выброшенные прямо на голые тела легкие одеяла.

— Незнакомец, — сказала третья, голос ее был чист и нежен, — нам, странствующему народу, не часто приходится встречать в путешествии героев...

Я кашлянул, спросил осторожно:

— Это я герой?

Она раздвинула губы в улыбке.

— А кто еще осмелится ночевать в Заклятой Степи? Даже храбрейшие рыцари проезжают только днем, да и то в сопровождении больших отрядов воинов!.. А ты — один... Приди к нам, в наши шатры... Мы разделим с тобой нашу скромную трапезу. Ты расскажешь о своих подвигах, а мы предостережем тебя о ловушках, что лежат на твоём пути...

Я поднял факел выше. В полутьме угадывались очертания не то шатров, не то кибиток, доносилось фырканье коней. Я сделал пару шагов вперед, теперь свет выхватил край ближайшего шатра. Там как раз двое мужчин разжигают костер, пожилая женщина свалила со спины вязанку хвороста и со стоном разогнула натруженную поясницу.

— Пусть там пока готовят скромную трапезу, — предложил я, — а вы давайте к моему костру. У меня есть сыр и хлеб, даже немного сладостей.

Одна захлопала в ладоши.

— Сладости!.. Как я их люблю!

— Иди сюда, — предложил я.

Она поколебалась, оглянулась на мужчин у шатра. Плечи ее поникли.

— Не могу, — донесся ее тихий жалобный голос. — Наша вера запрещает принимать пищу у чужих костров. Иначе мы исчезнем как народ.

— Ага, — сказал я понимающе, — цыгане... А вы обманите своих... мужей?

Девушки расхохотались. Третья, видимо старшая, объяснила:

— Мы не замужем. У нас девушки выходят замуж только тогда, когда родят хотя бы одного ребенка. Желательно от чужака, чтобы влить свежую кровь в наше древнее племя, самое древнее на земле. Так что сейчас каждая из нас будет очень стараться, чтобы ребенок родился именно у нее...

Вторая хихикнула:

— Но ты можешь постараться, чтобы родился у каждой из нас!.. Мы же сестры. И друг друга любим.

В голове пронеслись красочные образы, как и что я с ними проделываю, все такие свеженькие и сочные, даже без привычной смуглости, ведь я сам слышал, что в ряде племен гостям подкладывали девственниц, чтобы разнообразить племя. А уж к ложу героев так и вовсе выстраивается очередь...

Я нагнулся, взял с земли седельную сумку, сделал шаг. Девушки смотрели на меня во все глаза с жадным ожиданием. Одна в нетерпении шевельнула плечами, одеяло сползло на землю. Я все еще держал в одной руке факел, пламя осветило ее обнаженную фигуру, стройную и в то же время необыкновенно чувственную.

Вторая вскрикнула ревниво:

— Кенга, это нечестно! Мы должны все вместе...

Она тоже сбросила одеяло, я ахнул, такой фигуры еще не видел, и тут одеяло сбросила третья. Я прикусил губу, тяжелая кровь со всех периферий сразу пошла густым тяжелым потоком по назначению, я еще никогда не видел

такой сексуальности, даже на порносайтах Интернета, где можно выставить все, что угодно, подрисовав в нужных местах...

«Чересчур красива и эротична, — мелькнула в голове острая мысль. — Такие из королевских спален руководят странами, затевают перевороты, объявляют войны, сменяют самих королей и возводят в короли любовников...»

— Да сгинут перед Лицом Твоим ненавидящие Его, — прошептал я, почти не двигая губами. — Да исчезнут яко дым...

Торжественные старинные слова прозвучали в ночной тишине достаточно отчетливо. Яркий трепещущий свет ударил по глазам. Я отшатнулся, тут же над головой сухо и страшно треснуло, расколосось, лопнуло, и лишь потом в стороны прокатились тяжелые раскаты грома.

Вместо женщин на кратчайший миг возникли серые чешуйчатые звери. Пасти распахнуты, каплют слюни, зубы блестят — затем тьма, я слышал только шипение, легкий треск, пошелкивание. Ослепленные глаза медленно привыкали к прежнему лунному свету.

Я вздрогнул, ноги ослабели. Слева всего в сотне шагов чернеет высокая страшная башня. Как я ее не увидел, ума не приложу. Или мне кто-то умело отвел глаза, так это называется. Я видел все, что угодно, только не эту башню, от которой так и веет злом, ужасами, предательством. Правда, вместо чудищ я тоже увидел не совсем то, что было, но тут, видимо, они побаивались, что я пробуду в круте света всю ночь, а их сила, видимо, срабатывает только в ночи...

Я добрался до коня, успокоил, тот дрожит, почти как и я, но я человек, а не тварь дрожащая, взял себя в руки, хоть и противно, поставил ногу в стремя, готовясь взлететь в седло с первой попытки... заставил себя опомниться.

Зловещая башня смотрит черными провалами окон. Яркий лунный свет увязает в той тьме, я почти физически ощутил этот плотный, как протекторная шина, мрак. Сердце сжала холодная ладонь страха. Конь дрожал, храпел и пятился.

Очень хотелось выругаться, сказать что-нибудь злое, и сказал громко, инстинктивно выбрав самые убийственные слова:

— Во славу Единого!.. Сгинь, яко дым!..

Отвернулся, похлопал коня по шее, поцеловал в умную морду. За спиной страшно грохнуло. Земля вздрогнула, словно еще один испуганный конь, только побольше.

Стены валились, исчезали в клубах черной пыли. Башня оседала, как кусок сахара в кипятке, волны пыли и дыма расходились в стороны. На нас с конем надвинулась целая стена. Я ухватился покрепче за повод, глаза и рот захлопнуть не успел, закашлялся, стал тереть глаза, а из пыльного облака выкатился камень и больно ударил по ноге. Я поспешно отступил, но тяжелая пыль оседала быстро, это не туман. Пока я успокаивал дрожащего, как тургеневская барышня, коня, от башни не осталось даже руин, как при пожаре или землетрясении, — груда камней сперва превратилась в песок, а его развеяло незримым ветром.

Я посмотрел под ноги. На месте булыжника, шарахнувшего меня по голени, таяла, почему-то пуская пузырьки, горстка песка.

— Велика сила Господня, — сказал я коню, повторяя часто звучавшие в походе слова священника, Ланзерота, даже Бернард их употреблял частенько, иногда вместо мата. — Бог долго терпит, но больно бьет...

Конь фыркнул, не понимая, почему ж тогда Бог ждал, когда попрошу разрушить эту колдовскую башню. Даже ему, коню, понятно, что надо бы ее сразу, как только заметил, он же всевидящий...

Костер разгорелся, яркий оранжевый свет накрыл нас, как золотой полусферой, и за ее пределами на месте привычного обжитого мира снова сплошная чернота, словно гигантский осьминог пустил защитное облако чернил. Между лопатками проползла сосулька. Свет костра подобно Богу разделил мир на свет и тьму, а я, уstraшенный, без нужды побросал в огонь крупных сучьев, прита-

шил пару сухих стволов. Да еще массивный обломок ствола, на котором сижу, чуть отсырел, но в таком жаре тоже даст хорошее пламя.

Снова лег, накрылся плащом, чувствуя себя маленьким и потерянным в огромном страшном мире. Зато в мечтах уже держал турку за длинное ушко, коричневая шапка кофе поднимается к поверхности... и тут далеко в темноте послышался неясный стон. Я насторожился, одной рукой лапнул меч, завертел головой, но что можно увидеть ослепленными глазами в темноте?

Стон повторился, потом низкий гортанный голос произнес из тьмы всего в десятке шагов:

— Дик... Оруженосец Дик...

Я собрался с храбростью, ответил громко:

— Ну?

Голос повторил снова:

— Оруженосец Дик...

— Это я, — крикнул я. — Иди к костру, не трону.

В темноте послышался смех, почти тут же голос раздался с другой стороны костра:

— Дик... Оруженосец Дик!

Мороз пробежал по моей шкуре. Чтобы с такой скоростью обогнуть костер, даже не костер, а освещенное светом пятно по диагонали метров десять... надо иметь очень быстрые ноги. Настолько быстрые, что я даже не представляю. Может быть, там еще один?

— Не бойсь, — повторил я. — Выходи, подлый трус.

Мне почудился топот убегающих ног. Выждав, я позвал еще дважды, не дождался ответа, лег у самого костра, снова накрылся плащом. Конечно, здесь я слеп, но и чужак, судя по всему, огня побаивается. Но даже если и выйдет, то я увижу, увижу...

Но перепуганное сердце колотилось, как у Мазаева зайца. Я закрывал глаза, считал выходящих из домика леммингов, мысленно вел их через препятствия, загонял в норку, но сон трусливо держался в сторонке, опасаясь голоса в ночи. А еще больше того, в ком этот голос поселился.

В ноги приятно греет, искры сперва поднимались к небу красивым столбом, потом поредели, а сейчас я слышу только редкое пощелкивание в толстых поленьях. Происходит какой-то процесс, связанный то ли с горением, то ли с охлаждением, поленья рассыпались на горсти багровых углей, уже без огня, но жару там больше, чем в самом большом пламени...

Веки отяжелели, я едва расслышал почти мурлыкающий голос:

— Дик?... Оруженосец Дик?

Я вздрогнул, рука нащупала меч.

— Я здесь, — ответил я из-под плаща. — Подходи, не бойся!

Голос ответил громче, я уловил в нем некоторые изменения, добавилась жесткость, уверенность, даже насмешка:

— Я не боюсь, оруженосец Дик... Оруженосец Дик?

— Трус, — выговорил я сердито, хотя губы мои сводило судорогой страха. Даже днем страшновато встречать неведомое, а вот так ночью... — Если ты хочешь подраться, то иди сюда. Померяемся силой!

Я сбросил плащ, сел, меч в руке. Багровый свет освещал на три шага от костра, а дальше черный космос, тьма, даже, может быть, Тьма.

В тишине снова послышался топот убегающих ног. Вслушивался я так, что уши вытянулись на полметра, но шаги странно человеческие: ни топота копыт, ни шлепання перепончатых лап, ни царапанья птичьих когтей... Вот только шаги слишком уж грузноваты. Словно убегал Карелин, набравший в глуши пару сот килограммов мускулистого мяса.

— Свинья, — сказал я громко. — Хулиган! Бомж... Дурило.

Лег, укрылся, но сон не шел. Через некоторое время в ночи послышался тот же голос:

— Дик?... Оруженосец Дик?

— Вылезай, подлый трус! — заорал я. Трусость неви-

димого собеседника придала отваги. — Вылезай, я разорву тебя голыми руками!

«Но сперва разрублю на части», — добавил мысленно. Топот босых ног, мозоли там плотненькие. Еще не совсем копыта, но близко, близко...

Я торопливо подтащил к костру обломок бревна, накрыл плащом, а сам откатился в темноту. Ноги попали в ямку, ту самую, в которой собирался зажечь костер, поспешно уместился там весь, затих.

Ждать пришлось долго, потом в тиши, опасно близко, раздался голос:

— Дик?.. Оруженосец Дик?

Жажда повернуть голову и постараться увидеть в темноте была так велика, что занемела шея. Пальцы правой руки вцепились в кинжал, левой — в меч. Для дальнего боя и для ближнего.

— Дик?.. Оруженосец Дик?

Ноздри уловили запах огромного немытого тела. Я задержал дыхание. К счастью, ветер ко мне, неизвестный меня не должен учуять, я ж после скачки на коне пахну не слабее.

— Дик?.. Оруженосец Дик?

Голос отдалился. Когда он позвал снова, я рискнул поднять голову. И едва не опоздал: массивный зверь уже был в освещенном круге и наклонился над фигурой, укрытой плащом. Я успел увидеть, как в мохнатой лапе блеснул металл. Послышался глухой удар по дереву. Зверь торжествующе взревел, дубина в его руке замелькала, как веер мадам Баттерфляй, удары слились в частую дробь.

Я выскочил на цыпочках. С мечом в обеих руках пробежал в темноте, страхась споткнуться, замахнулся изо всех сил. Зверь в последний миг уловил неладное, начал распрямляться. Я метил в голову, но лезвие ударило по шее. Руки болезненно трянуло, будто я пытался перерубить бревно. Зверь рыкнул страшно, горловой звук оглушил, тут же перешел в клокотанье, затем я услышал свист, будто под давлением вырывалась струя воздуха.

Голова отделилась от туловища, кончик меча коснулся земли. Обезглавленное туловище качнулось и рухнуло навзничь. Из шеи хлестали темные струи, легкие схлапывались, воздушная струя подхватывала капли и разбрызгивала в мелкую пыль.

Затем тишина. Первое, что бросилось в глаза, от великолепного плаща — лохмотья. В дубине неизвестного то ли гвозди, то ли сама дубина из дерева потверже, но мое бревно рассыпалось на обломки, как в костре рассыпаются на угли поленья. Сам обезглавленный зверь в двух шагах за бревном, огромный и толстый, как горилла, такими становятся бывшие тяжелоатлеты: огромные длинные руки, могучая грудь, но еще более могучий вислый живот, серая шерсть по всему телу.

Голова подкатилась к моим ногам, глаза смотрят с нечеловеческой злобой и немым изумлением. Страшная пасть приоткрылась, то ли укусить, то ли проклясть, но говорящие головы пусть показывают в цирке лохам, для говорения нужны легкие... На морду смотреть страшно, низкий лобик даже жутче, чем тяжелая нижняя челюсть и выступающие клыки, а расплющенный, как у боксера, нос напомнил мне, что хоть этот зверочеловек и двигается как молния, но кто-то все же успевал давать в эту морду сильно и точно. Может быть, тот самый легендарный Галахард, о котором с таким почтением говорил Бернард.

Лезвие срубило голову чисто, повезло, ведь шеи почти нет, голова прямо на плечах, вон торчат жилы и вены. Темные в свете костра струи текут широко из головы и туловища, соревнуясь, откуда выхлещет больше, под зверочеловеком уже широкая и темная, как свежеуложенный асфальт, лужа. Голова смотрит с бессильной яростью, крошечный мозг еще жив, но кровь не поступает, что значит-ца нет притока кислорода...

Я постоял над умирающей головой, не зная, что делать, исповедовать и отпускать грехи не обучен, а закрыть глаза такому вот страшновато, в последнем движении

может отхватить пальцы, как взбесившийся газонокосильщик.

Толстые губы дрогнули. Мне почудилось, что услышал шепот:

— Ты... победил...

— Ага, — ответил я угрюмо. — Это аксиома... А ты давай слова мудрости.

— Провались ты... — донеслось неслышимое.

— Мудро, — согласился я. — Я бы послал туда же, а я ж не дурак точно.

Туловище подергалo правой задней лапой, вытянулось и затихло. А голова даже веки сумела опустить в последнем усилии, как великий Берлиоз, который умирал в такой нищете и одиночестве, что ему некому было закрыть глаза, и он эту неприятную процедуру проделал сам.

Я взял плащ и вернулся к костру. Сон не шел, а под таким плащом что под рыболовной сетью, но тепло костра подкрадывается незаметнее инфляции, я увидел синее небо, дальние оранжевые облака, а потом уже сам на коне, превышал скорость, пер на красный свет, опасно проходил перекрестки...

Глава 18

Проснулся внезапно, сразу напрягся, пальцы инстинктивно стиснули что-то твердое. Серая глыба из металла оказалась перед глазами раньше, чем я сообразил, что это ножны моего меча. Как быстро из разнеженного интеллигента компьютерного века перетекаю в настороженного бойца! Еще шаг, и сперва буду стрелять, то бишь мечом в лоб, а потом «Хто там?». Поскреби интеля — отроешь такого зверюгу, какого под шкурой слесаря не вырастить...

Восточный край неба посветлел, запад нехотя уступает, звезды теряют блеск. Темный край неба на востоке начал алеть, но мир все еще остается серым, даже облака в небе застыли серые, как намокшая вата.

Я поднялся, обошел вокруг остатков потухшего ко-

стра. В самом деле, с меня ссыпается некая шелуха. Странно и тревожно, ибо хоть так душа и открыта всему новому, но прежняя чешуя защищала, берегла, хранила, пропуская добро и зло крохотными порциями, чтобы мог переварить, а потом даже чешуя уплотняется до крепости роговых пластин, как у черепахи, совсем хорошо, могут даже вырасти шипы, как у динозавра, тогда уж точно никто даже не попытается насесть, можно жить в своем собственном мирке, уютном и защищенном от бед и горестей этого неустроенного мира... а они все устраиваются медленнее, чем я, такой замечательный, так что и пошел он...

Туловище зверчеловека красиво раскинулось на спине, длинные руки разбросаны в стороны. Руки, не лапы. Солнце уже на горизонте, в утреннем свете видно, что вообще-то тело в мелких роговых пластинках. Еще не сомкнулись, шерсть торчит густо, но пластинки явно побеждают, вытесняют. Ясно, сперва шерсть, потом — чешуя, пластинки — и вот уже весь нечувствителен к превратностям жизни, мечта интеллигента. Но полностью в зверя обратиться я не дал, совершил христуугодное дело. Спас, так сказать.

— Прощай, интеллигент, — сказал я со вздохом. — Это еще что... Ты еще не знаешь, как у нас спасали заблудшие ведьмачьи души.

Оглянулся, по всему телу прошла холодная волна. Конь не автомобиль, что с выключенным зажиганием с места не сойдет. Забыл стреножить, а моя коняга себе на уме, то ли испугалась ночного чудища, то ли просто решила сбросить рабство человека и зажить свободной жизнью...

Я посмотрел на огромное седло, сразу ощутил его непомерную потную тяжесть. Конечно, это деньги, но я сам по себе тоже сокровище, самая высшая ценность, я ж тоже принимаю лстящие мне общечеловеческие ценности, так что хрен с ним, седлом, о своей шкуре надо думать...

Из травы, как лстывая собачонка, выбежала мелкая непородистая тропинка, побежала впереди, вихляя и отпрыгивая в траву. Я топал уже пешком к близкому лесу,

на опушке в мою непородистую влилась другая тропка, пошире, и вот я уже на укатанной или утопанной дороге. Деревья по обе стороны массивные, высокие, но со сбитыми или срубленными над тропкой ветками. Кто-то здесь ездит... или ездил часто, а потом невзлюбил, что ветки бьют по голове, а по пьяни и вовсе вышвыривают из седла. По его пьяни, конечно.

Я прикинул рост всадника на коне, плечи зябко передернулись. Здесь, похоже, ездит баскетболист сборной на баскетбольном коне.

Деревья расступились, я увидел, как выдвигается небольшой компактный замок из камней и бревен. Еще несколько шагов, и замок выдвинулся во всей моши. Даже не замок, ибо для меня замок — это обязательно и внутренний дворик, а это просто высокий дом без окон на высоту в два человеческих роста, да и там не окна, а бойницы. Еще выше камня не хватило, там бревна, но темные и толстые. Все завершает высокая остроконечная крыша. Черепица деревянная, пластинки внахлест, что значит — и дождь не пробьется, и когти любой летающей твари: от вороны до дракона, заскользят.

Шаги мои замедлились, я осмотрел дом-крепость опасливо, пошел по широкой дуге. Вообще-то, умнее бы вообще обойти, не показываясь на поляну, это у меня от интеллигента двадцатого века, презирающего тупую и грубую милицию, но уверенного, что милиция все же защитит.

В окне мелькнуло лицо. Я торопливо шагал мимо. Донесся женский голос, я сделал вид, что не услышал. Заскрипела дверь, кто-то окликнул громче.

Я обернулся нехотя. Меня догоняла босоногая молодая женщина, однако в красивом и явно дорогом платье из синего шелка. За ней развеваются длинные русые волосы, на голове блестит маленькая корона. Еще в глаза сразу бросились крупные бриллианты в серьгах, перстнях и в ожерелье.

— Сэр!.. Остановитесь, благородный сэр!

Я остановился, самозванец проклятый, хотя, если честно, это ж не я назвал себя благородным сэром, просто я смолчал, пусть, не в титулах дело.

Женщина подбежала, я учтиво поклонился. Ее лицо было бледным, глаза встревоженными.

— Доблестный сэр, — сказала она дрожащим голосом, — меня зовут леди Мирагунда. Вы не окажете нам честь отдохнуть в нашем скромном замке?.. А то нам страшно...

Я оглянулся.

— Леди Мирагунда, мое почтение. Меня зовут Ричард. Я властитель... гм, властитель Киряндии, но это очень далеко отсюда. Здесь такой мирный лес... Неужели опасно?

— О, да! — ответила она с жаром. — То и дело проезжают всякие... ну, нечисть!.. Наш доблестный муж почти каждую ночь выходил с ними сражаться, но вот уже утро, а он все не возвращается. Нам страшно и одиноко, ибо никогда еще такого не случалось...

Я снова посмотрел по сторонам:

— Такой мирный лес... Впрочем, не найдется ли у вас запасного коня? А то мой пал...

Она сказала с жаром:

— Не иначе как в битве с драконом?

— Нет, у меня конь был не настолько драчливый. Хотя, кто знает...

— Сэр Ричард, доблестный рыцарь, умоляю...

— Я к вашим услугам, — ответил я, — но ваш муж не рассердится, когда по возвращении застанет меня в стенах замка?

— Что вы! — воскликнула она счастливо. — Он всегда так рад, так рад!.. В нашей глуши так редко встретить живого человека...

Она щебетала, пока мы шли к замку, подпрыгивала на одной ноге, срывала головки цветов, порывисто подносила к сияющему лицу и так же красиво отбрасывала, срывала другие.

Широкая дверь распахнулась, а в высоту она как раз такая, чтобы выпускать очень рослого всадника на рослом коне. Я снова подумал, что не хотелось бы встретиться с таким дядей. С мечом я все еще не очень, а если хозяин вызовет на поединок по всем правилам, то мне хана. В турнирной же схватке меня сшибет и Буратино своим длинным носом, не то что рыцарь копьем.

Створку двери держали двое угрюмых и страшно лохматых слуг. Едва мы вошли, слуги отпустили дверь, и та захлопнулась сама, словно ее притянуло магнитом. Впрочем, могут быть хитроумные противовесы, изобретенные еще Архимедом.

Зал блистал. Все свечи зажжены, под потолком огромная люстра, под стенами с десяток статуй в полном рыцарском одеянии, кто с мечом, кто с топором, двое с копьями, но все со щитами. В глазах зарябило от множества гербов. По обе стороны двери, ведущей из этого зала дальше, огромные статуи из темного камня, что-то вроде вставших на задние лапы фараонов. Сама дверь обита широкими желтыми полосами, должно быть медными, хотя сознание мне почему-то нашептывает, что это может быть и золото. В беспорядке блестят крупные драгоценные камни. Ну, драгоценные, полудрагоценные или четвертьдрагоценные — мне все едино, я в них не копенгаген, для меня они разнятся только по цвету, все-таки не дальтоник, да еще по размеру.

Две молодые женщины бросились навстречу, и снова мне бросилось в глаза чрезмерное обилие блестящих камешков, словно здесь живут в постоянной готовности к разводу по закону шариата.

— Доблестный сэръ...

— Сэр Ричард, — подсказала леди Мирагунда. — Владетель Киряндии. Он отдохнет у нас и побудет нашей защитой, пока вернется наш супруг и повелитель...

Обе женщины расцвели улыбками, кланялись, смотрели заискивающе, стараясь понравиться. Я тупо кланялся тоже, слова «наш супруг» говорят, что здесь мужик живет крутой, прямо фундаменталист, а эти женщины совсем

не против многоженства. Хотя, похоже, многоженством и не пахнет, жены всего три, а ведь даже строгий ислам допускает четырех. Это князь Владимир да Соломон были многоженцами... с нашей и исламовой точек зрения, но не точки зрения Гиксоса Первого.

Меня раздели, правда, не жены, а две молоденькие и хорошенькие служанки. Посадили в бочку с теплой водой, мыли, терли, чесали, поливали сверху, а когда я выбрался, то в самом деле ощутил себя освеженным и даже отдохнувшим.

Леди Мирагунда и вторая женщина, тоже жена, ждали в небольшой уютной комнате, такой же богатой, с массивным столом и стопкой толстых фолиантов, массивными креслами. Еще вдоль стены располагался массивный шкаф. Из-за толстого венецианского стекла смотрели кожаные корешки книг.

Я остановился посредине, моя голова учтиво склонилась в поклоне. Леди Мирагунда указала на кресло напротив. Вторая женщина улыбнулась, стрельнула игриво глазками.

— Располагайтесь, доблестный рыцарь. Сейчас принесут еду и напитки.

Я застыл, ибо прямо передо мной на стене поясной портрет крупного мужчины с густыми бровями, могучими надбровными дугами и выступающей нижней челюстью, похожей на сползающий в океан гренландский ледник. Глазки маленькие, колючие, вид надменный, суровый, но где я видел этот расплоснутый нос...

Мороз прошел по коже. Да, это именно он звал меня по имени, он изрубил мой плащ и не дал выспаться. На портрете он в дорожных одеждах, скован обычаями и приличиями, ведь он барон и владетель замка, но по ночам позволял себе расслабиться и побалдеть вволю, оттянуться по полной, сбросить с себя всю шелуху обрядов, культуры, обычаев, поповщины, быть самим собой...

— Это наш супруг, — сообщила леди Мирагунда с гордостью. — Он непобедим в сражениях! Быстр, как лео-

пард, как лев, а силен, как слон!.. Он всегда возвращается с богатой добычей!

— А где он ее берет? — спросил я осторожно.

Она удивилась:

— Как где? Оживленный тракт, мимо то и дело едут всякие... Он берет со всех плату за топтание!.. Да-да, за топтание его земли, как принято.

— А если кто-то отказывается платить?

Она довольно заулыбалась:

— Тогда вправе взять все.

— Полагаю, — пробормотал я, — что он часто так и делал.

Леди Мирагунда кивнула с победоносным видом:

— Ведь он герой!

— Спасибо, — ответил я, — но мне надо... дальше. Была схватка. В которой я потерял друзей. Кто-то, возможно, лежит, истекая кровью. Я мог бы помочь, будь у меня конь. Не могли бы вы одолжить мне хотя бы лошадь? Возможно, мои скромные усилия кому-то помогут, кого-то спасут...

Женщины смотрели обиженно. Леди Мирагунда сказала пылко:

— Вы просто обязаны остаться, доблестный сэръ Ричард! Наш муж, вернувшись, поблагодарит вас... И он одарит вас достойным вас конем! А вы к тому же как можете оставить нас одних? Дождитесь его!

Я покачал головой. Как сказать красивше, не знал, брякнул в духе сержанта ВДВ:

— Как же, дожدهшься его из ада!

Женщины ахнули в один красивый музыкальный голос. Леди Мирагунда ахнула тоже, отшатнулась, из-за чего на блузке отлетел крючок, но я не опустил взор, а она спросила непонимающе:

— Из ада? Вы хотите сказать, что он погиб?

— Как жук под лягушкой, — подтвердил я. — Больше ему не сражаться с нечистью, не таскать ее добычу.

Женщины ахнули снова. Мирагунда спросила:

— Откуда вы знаете?.. Ах, вы сражались с ним?

Я слишком поздно понял, что «сражаться с ним» можно понять как плечом к плечу супротив нечисти, что смеет проезжать мимо на торговых повозках и даже носить на шее кресты, и брякнул сразу, что характерно для нынешнего честного мира, но не для моего:

— Вот этим мечом и отправил его в... на встречу с его родней.

Женщины ахнули, леди Мирагунда после паузы заговорила медленно, но с каждым словом лицо ее озарялось:

— Значит... наш муж и господин... доблестно погиб... Он мог погибнуть только доблестно, ибо рыцарь он был необыкновенный... дивной силы и мужественности... Но мы не можем остаться без защиты, доблестный сэр! По праву тетравленда, лишив крепости ее защитника, вы обязаны вступить во владение ею, со всеми вытекающими из этого привилегиями и... обязанностями! А для нас это значит, что теперь мы принадлежим вам, доблестный и благородный сэр, чьи достоинства явно превосходят нашего супруга, ибо вы сумели одолеть его в суровом поединке.

Обе женщины кивали, их лица снова чистые, без попыток собрать морщинки на лбу. Все по праву, все выяснилось, а женщины всегда должны принадлежать мужчине. Красивые — те вообще переходят из рук в руки победителей, как кубки футбольных клубов.

— Э, — сказал я ошалело. Подумал, снова сказал: — Э... э... э-э... Это не совсем... да. Законы есть законы, их надо выполнять, а если недоволен, то добиваться отмены, но не нарушать... Однако я сейчас в суровом квесте... Я должен ехать немедленно. Но да будет известно, что этот замок отныне находится под защитой Ричарда... Ричарда Длинные Руки.

Леди Мирагунда быстро добавила:

— И принадлежит ему!

— И принадлежит, — согласился я кисло.

Ее глаза радостно заблестели, она с явным облегчением перевела дыхание. Я сообразил запоздало, что навер-

няка был способ отказаться, не принимать на себя эти обязанности. Меня провели, как проводят в обычной манере общения женщин с мужчинами, а я ведь еще больше, чем мужчины этого мира, боюсь брать на себя какие-либо обязательства.

Все трое выбежали во двор, провожая меня. Леди Мирагунда привстала на цыпочки, повесила мне на шею камушек, размером с пряник. В середине кровавым глазом горит крупный рубин, а вокруг идут руны. Раз непонятное, значит — руны. С серебряным крестиком на цепочке, а теперь такой же цепью из темного металла и этим камешком, я показался себе похожим на байкера, еще бы серьгу в ухо, а вторую — в ноздрю...

— Это ваш знак, — объяснила она. — Родовой знак баронства Ганслегеров! Это ветвь древних королей, едва не прервалась. Только наш доблестный муж начал возрождать славу угасающего рода... а теперь, мы уверены, вы сможете сделать это еще достойнее, сэра Ричард!

— Сэр Ричард Длинные Руки, — повторила вторая с нажимом. — Достойное имя!

А третья метнулась в конюшню, слышно было, как гоняет там слуг, конюхов. Вскоре вышла, одной рукой поддерживая повыше подол платья, якобы чтобы не испачкать, а на самом деле открывая прелестную ножку, не знавшую жгучих лучей солнца, а другой вела в поводу коня.

Я на этого чудовищного зверя смотрел с изумлением и опаской. Несмотря на размеры, он странно выглядит изящным и хищным. Весь из толстых жил, под гладкой белой кожей перекачиваются тугие мускулы, ноги толстые, а копыта размером с тарелки.

Я сделал осторожный шаг вперед. Конь повернул голову, умные красивые глаза уставились с подозрением. По уздечке пробежали солнечные зайчики от множества металлических бляшек. Поводья простые, слишком простые для такого роскошного коня, но я вспомнил о суровой жизни на краю Тьмы, смолчал.

— Какой красавец, — проговорил я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Да, это настоящий рыцарский конь!

— До свидания! — закричали женщины. — Возвращайтесь с победой!

Стремя широкое, удобное, нога не запутается, если вышибут из седла. Я вставил ногу, ухватился за луку, оттолкнулся, но сумел с первой попытки подняться в седло, хотя показалось, что я пытаюсь взлететь на крышу двухэтажного дома.

Конь переступил с ноги на ногу. Я подобрал поводья, изобразил улыбку и помахал рукой. Женщины улыбались, но, когда я поехал к воротам, благоразумно убралась в дом, чтобы платочками махать в полной безопасности.

Первое обязательство, которое мне навязали, думал я угрюмо, выезжая за ворота дома-крепости. Мы, мужчины, трусливейший народ, обязательств перед женщинами страшимся панически, для того и ввели эмансипацию, еще мы наловчились отказывать в служении народу, мол, национализм и того хуже — патриотизм, отказываем в служении Родине: а что это за понятие, избегаем службы в армии, а всю оставшуюся жизнь прячемся от работы, нагрузок, думания, зато всячески балдеем, расслабляемся, оттягиваемся, кайфуем, но только бы не думать, не мыслить, не трудиться...

Замок темнел на фоне зелени, удалялся. В узких окнах дважды мелькнуло белое, женщины все еще машут платочками. Я оглянулся. Мой замок... А ведь не впал в панику, как должно. Подсознательно уже готов принимать на себя какое-то бремя! Ведь что такое, как не принятие на себя обязательств без всякого давления, когда почему-то решил встать на дороге погони за принцессой? А это, вынужденное, вроде бы принял без свинячьего визга и воплей, что все люди свободны и даже женщины имеют право решать свою судьбу. Тех самых вроде бы очень благородных воплей, за которыми скрывается обыкновенная мужская трусость и страх взять на себя ответственность за других людей.

Глава 19

Солнце еще только карабкается наверх, огромный конь несет с легкостью, как новенький внедорожник. Что-то в нем не от коня, слишком уж умно поглядывает, как бы не оказался еще одним бароном, что умеет расслабляться на полную катушку.

Я пробовал подавать ему команды взять правее или левее, конь беспрекословно сдвигался, не оспаривая и не переспрашивая, зачем мне эта дурь, если степь ровная, как коверик для мышки.

Галопом так галопом, по первому движению моего сапога он понесся так, что ветер засвистел в ушах и в носу. Меня сразу продуло, грива трепещет по ветру, как государственный флаг. Если еще чуть разогнаться, взлетим, как дельтаплан. Или как крылатая ракета в поисках русских танков в Югославии.

Устремленный к небу замок выдвинулся из-за леса давно, но я слишком был занят бешеной скачкой, опомнился, лишь когда стены выросли угрожающе близко.

— Тихо, тихо, — сказал я коню. — Нам лучше мимо...

Конь сердито ржанул, грохнул в землю копытом. Я скосил глаза, не появился ли родничок после такого местного землетрясения.

— Нет, — сказал я как можно тверже. — давай так, старший — я. Не в таком мы квесте, чтобы кто-то из наших стал колотиться в ворота, требуя ночлега. А мы ищем своих...

Конь начал поворачиваться, но с такой неохотой, что на стене нас заметили, там протрубил рог. С башенки над воротами раздался зычный окрик:

— Рыцарь!.. Твой герб не видно. Назови себя!

Я подумал, что лучше бы от греха проехать мимо, смерил взглядом расстояние, арбалетная стрела может достать сдуру, выпрямился и ответил громко и четко, подражая Ланзероту:

— Ричард, владетель Киряндии!.. А также владетель замка Ганслегеров!

— Добро пожаловать в замок, сэр Ричард, — прокричал невидимый страж таким могучим и непререкаемым голосом, что мой конь сам развернулся и пошел в сторону ворот.

Массивные ворота поднялись быстро, без скрипа. В широком каменном проходе рослые воины с пиками и арбалетами в руках. Когда я приблизился, расступились, прижались к каменным стенам. Только крупный немолодой воин остался на месте. Глаза его из-под круглого шлема всматривались пытливо.

— Я знавал барона Ганслегера, — заявил он. — Что-то вы, ваша милость, на него не больно похожи.

— Если хочешь посмотреть на старого владельца, — сказал я, — посмотри на мой седельный мешок. Там вполне бы поместилась голова прежнего барона.

Его глаза стали круглыми, сразу отступил, смотрел с уважением, потом опомнился, прокричал:

— Дорогу новому барону Ганслегеру!.. Шнарк, бегом в покои госпожи! Оповести!

Один воин унесся бегом, другой подбежал и взял коня под уздцы. Взял с опаской, смотрел то на его морду с оскаленными зубами, то на меня. Я понял, что надо спешить-ся, соскочил на землю, бросил поводья немолодому.

Тот помрачнел, но смолчал, ухватил, потом передал одному из воинов...

— Прошу в главные покои, — сказал он.

«А есть еще и неглавные, — подумал я хмуро. — Неплохо живут в этой глуши».

Я вышагивал вслед за этим, явно смотрителем замка, кастеляном, или как их тут, перед каждой дверью он оставался, пропуская меня вперед, стражи распахивали дверь по его знаку, я в самом деле переходил из зала в зал, пока не вошел в помещение, которое и сам бы назвал главным. Яркий свет: светильники на стенах, на маленьких столиках вдоль стен горят в массивных подсвечниках толстые свечи, а над головой всеми огнями полыхает люстра в сорок свечей.

В центре зала под люстрой расположился длинный стол из благородного красного дерева. За столом красивый рыцарь, чьи движения и осанка просто кричат о врожденном благородстве, а в трех шагах на роскошном ложе, укрытом леопардовыми шкурами, лежит полуобнаженная женщина, самая красивая из всех, каких мне приходилось видеть.

Я стоял несколько обалдело. Рыцарь хоть и с непокрытой головой, но в полном рыцарском железе, даже меч справа на поясе, а слева длинный узкий кинжал. Шлем с высоким плюмажем прямо на столе, чуть в стороне, но в пределах протянутой руки. Перед ним блюдо с ломтиками жареного мяса, в пальцах рыцарь рассеянно вертит золотой кубок дивной работы.

Другая странность: женщина на ложе. Вообще-то даже в тесных хрущобах столовая и спальня удалены одна от другой. А если квартира вообще однокомнатная, то едят на кухне. Здесь же залов хватает...

Женщина улыбнулась мне зовуще и обворожительно. Я вздохнул и сделал вид, что мир померк, и отодвинулся к такой матери, я вижу только роскошное ложе, и все мое тело при виде ее прекрасности сразу заныло, мышцы застонали, я вот прямо щас ощутил сбитые ступни, разболелся бок, смертельно захотелось стряхнуть с себя скорлупу доспехов и упасть к ней на постель...

У изголовья ее ложа столик, ваза с фруктами, а еще один столик, чуть побольше, на расстоянии вытянутой руки от ложа, там слабо поблескивают в оранжевом свете свечей медные бока кувшинов, благородное золото кубков и чаш.

Я тряхнул головой, вроде бы стряхивая наваждение, хотя какое там наваждение, улыбается слишком профессионально, а я в свои двадцать с хвостиком уже стреляный воробей...

— Меня звали Галахардом, — произнес рыцарь. Голос его был сильный, мужественный, но хрипловатый, а печаль в нем звучала чересчур открыто. Он не поднялся из-за стола, лишь вялым движением пригласил меня занять

место напротив. — А это... это леди Озерная фея. Она хозяйка этого замка.

Его огромные руки бессильно лежали на столе, пальцы все еще трогали красивый золотой кубок изумительнейшей работы. Внизу по ободку идут вмонтированные один к одному вплотную яркие рубины. Сам кубок победно горит в солнечном луче, что падает через высокое узкое окно.

Посредине стола большой кувшин, тоже из чистого золота, на блюдах роскошные кушанья. Я уловил аромат изысканных специй.

— Приветствую, сэр Галахард, — сказал я тихо. — О тебе рассказывают как о лучшем рыцаре всех времен и народов. Дети с тебя берут пример...

Женщина наблюдала, как я осторожно опустился за стол. В ее зеленых глазах я видел странное выражение. Галахард коротко взглянул мне в лицо. По тому, как уронил взгляд, я ощутил неладное.

Женщина сказала с обворожительной улыбкой:

— Доблестный рыцарь, позволь моим слугам снять с тебя доспехи!.. У меня вдоволь теплой воды, чтобы омыть твои раны, пот и пыль странствий...

Я молча позволил снять с себя железо, но, когда слуги прикоснулись к одежде, отстранил.

— Спасибо, не нужно. К сожалению, мне надо отыскивать друзей.

— Что-то случилось? — спросила женщина.

Галахард молчал, пальцы его бесцельно вертели кубок.

— Был бой, — ответил я. — Мы прорвались... но потяряли друг друга в колдовском тумане. Я должен отыскать друзей.

Женщина засмеялась, протестуяще выставила обе ладони:

— Нет-нет! Дела потом. Вы красивые сильные мужчины, а я слабая, но... красивая женщина. Разве это галантно с вашей стороны о делах в моем присутствии?

Я всматривался в Галахарда. О нем слава как о сильнейшем из рыцарей, но сейчас этот герой выглядит, несмотря на свой рост и широкие плечи, поникшим, а у рта залегли глубокие складки страданий. Мне даже показалось, что в смоляных кудрях рыцаря, красиво ниспадающих на плечи, поблескивает седина.

— Сэр, — сказал он учтиво, — вам пора бы показать свой герб и назвать себя.

— Меня зовут Ричард, — ответил я. — Я не рыцарь, хотя мне случалось сшибать рога рыцарям... последнего отправил в ад сегодня ночью и взял его замок Ганслегер под защиту своего меча. У меня нет своего герба. Но у меня уже есть друзья, которых я не предавал и, надеюсь, не предаю. Есть нечто в этом мире, что у меня в сердце и чью волю я стараюсь угадывать и выполнять.

Я чувствовал, что сказал достаточно твердо и уверенно. Женщина побледнела. Мне почудилось, что она даже сделала движение, чтобы запахнуть слишком глубокий вырез на платье. Галахард молчал, а когда он поднял голову, мне почудилась в его взгляде странная зависть.

— Хорошо сказано, — произнес он надтреснутым голосом. — Достойно... Не рыцарь, говоришь?

— Нет, — ответил я с вызовом.

— Будешь, — сказал Галахард неожиданно.

Он перевел взгляд на Озерную фею. В его синих глазах мне почудился стыд. Слуги быстро накрывали на стол, старое унесли, передо мной поставили блюдо исполинских размеров, я рассмотрел молочного поросенка, зажаренного медленно и тщательно, кучу птичьих тушек, всего много, но разнообразия маловато, в средневековой Европе не знали ни помидоров, ни картошки, ни кукурузы, не говоря уж про всякие ананасы, не знали перчиков, так что я довольно спокойно смотрел на гору еды, приготовленной хуже, чем у нас готовят наспех на рыбалке.

— Угощайтесь, сэр рыцарь, — произнесла фея певучим голосом. — Вам должно понравиться...

— Да, конечно, — похвалил я, — приготовлено хорошо, хорошо...

Видимо, тон моего голоса расходился со словами, Галахард снова взглянул на меня украдкой, тут же уронил взгляд в кубок. Слуга попытался наполнить ему, Галахард отрицательно покачал головой. Его крупные пальцы по одной принялись отщипывать крупные виноградины, рассеянно бросали в рот. Крупные челюсти, которым бы перемалывать берцовые кости слонов, двигались медленно, осторожно.

Я быстро и неумело разделявал поросенка охотничьим ножом, женщина наблюдала с непонятым выражением. Не люблю, когда за мной наблюдают, я схватил обеими руками, оторвал ляжку, сок потек с ладони до локтя, но я не обращал внимания, без церемоний вонзил зубы в плохо приготовленное мясо. На рыбалке так на рыбалке.

— Что сейчас происходит в мире? — спросил Галахард вяло.

— Силы Тьмы наступают, — ответил я. — По крайней мере так говорят. Я здесь недавно... Мы везем мощи святого Тертуллиана в Зорр, который сейчас осаждают...

Брови Галахарда поднялись.

— Зорр? — переспросил он. — Когда я... словом, я помню, что войска короля Карла подошли к Горланду.

— Горланд давно взят, — сообщил я. — Потому Ланзерот, лучший воин Горланда, с нами. После Горланда пали еще с десятков королевств. Последним пали Скарланды, что были щитом перед Зорром... И что же вы, доблестный сэр Галахард?.. Я часто слышал о вас. На вас многие надеются...

Женщина фыркнула, Галахард вздрогнул, сказал вяло:

— Король, которому я присягал, мертв... Я давно свободен от клятвы.

Я поперхнулся, впервые встретил человека, который, как и я, не связан клятвой, обетом, присягой, послушанием. В мире, где все связаны накрепко, где каждый точно знает того, кому служит, а также знает, что этот могучий

властелин спасет и защитит... это просто страшно. Это словно бы оказаться вне закона.

— Так вот почему вы, сэр, здесь...

Женщина сказала язвительно:

— Ты только эту причину усмотрел, рыцарь?

Я поперхнулся снова, сказал торопливо:

— Прошу простить меня, госпожа. Дело в том, что я не рыцарь. Я не обучен рыцарским манерам и потому никак не могу уронить рыцарскую честь. Я сказал глупость, признаю...

Она милостиво кивнула:

— Если ты не рыцарь, тогда все понятно...

Взгляд ее сразу стал холоднее, безразличнее. Обольстительные губы, полураскрытые и приглашающие, словно бы стали меньше, потеряли яркость. И в то же время, когда она поворачивала лицо к Галахарду, в ее глазах вспыхивала неподдельная страсть. Щеки покрывало румянцем, губы становились алыми, как перезревшие вишни, а грудь часто и высоко вздымалась под очень тонкой тканью.

Галахард взглянул на женщину. Она вздохнула нарочито глубоко, ее полные белые груди едва-едва не выпрыгнули из низкого декольте. Его взгляд задержался, я видел, как все лицо напряглось, на шее вздулись жилы, а дыхание стало трудным, как под обвалом. В глазах рыцаря была боль пополам с отчаянием.

Он верен своим обетам, понял я внезапно. Пусть не говорит, но у него есть обеты. Он все еще не насытился этой женщиной... а она себя держит так, как будто все еще не смогла его совратить, увлечь... что нормально для меня, но для Галахарда это — пасть в бездну порока, сбиться с пути праведного...

А женщина, чувствуя близкую победу, вздохнула томно, ее длинные пушистые ресницы метнули рыцарю нежный и одновременно умоляющий взгляд. Губы вспухли, стали пунцовыми, яркими, влажными.

— Сэр Галахард, — сказал я с внезапно вспыхнувшей

надеждой, — только вы смогли бы отыскать потерянных друзей... или нет — довести мощи святого Тертуллиана до Зорра!

Галахард вздернул брови. На красивом мужественном лице проступила некоторая задумчивость. Он внимательно изучал меня, в синих глазах росло удивление.

Женщина произнесла величественно:

— В этом замке я полная хозяйка.

— Никто не сомневается, — сказал я поспешно.

— Я хочу сказать, — пояснила она с легкой гримаской, — что в моем замке мои заклятия сильнее любых на свете. Когда я выезжаю из моих владений — да, моя сила слабеет, и чем дальше я от замка... я слабее... как волшебница.

Она не договорила, только посмотрела мне прямо в глаза. Холодный ветер прошелся по моей коже, словно разом исчезли доспехи, вязаная рубашка, а я оказался голым на морозе. Сила колдуньи слабеет за воротами замка. Но сейчас она в самом сердце замка. И все вокруг пропитано недоброй магией. И вообще магия не может быть доброй.

Галахард шевельнулся, взгляд его на миг скользнул по мне, мимолетный, в нем странно сочетались вражда и то странное выражение, которое я все не мог понять. А он уже смотрел с обожанием на хозяйку, голос его был полон нежности:

— Да, ты полная хозяйка... И все же есть силы, которые властвуют даже здесь.

Я не понимал, смотрел то на Галахарда, то на хозяйку. Нахмурилась, засмеялась принужденным смехом:

— Но, может быть, я еще не пустила в бой самые сильные чары?

Галахард улыбнулся, смолчал. Их глаза сомкнулись. В его серых глазах была глубокая печаль и нежность, а в ее огромных глазищах метался гнев, раздражение, жажда поставить всех на колени и что-то еще, настолько странное, чего я никогда не ожидал от колдуньи.

— Что это за власть? — потребовала она.

Галахард с трудом расцепил губы. Голос его был хриплым, то ли от сдерживаемой страсти, то ли от скорби.

— Ты ее уже ощутила.

— И все-таки?

— Элия, — сказал он, — ты знаешь, эта сила есть. Она не проявляет себя так явно, как твое волшебство, но она... существует.

Он прямо взглянул ей в глаза. Его взгляд был честным и прямым. Фея даже вздрогнула и на миг увяла, но пересилила себя, улыбнулась печально, теперь в ее огромных глазах возникла боль. Мне почудилось, что она вот-вот расплчется.

Я смотрел на Галахарда во все глаза. Рыцарь горит в невидимом огне, но и хозяйка, похоже, не может перетасщить его из огня на свое роскошное ложе. Но сам ли сэра Галахард не может покинуть этот замок или... не хочет?

— Благородная госпожа, — сказал я со всей местной учтивостью, — есть сила, которая проникает через все магические стены. По воле Господа нашего двигаются светила, что уж говорить о нас, его верных воинах?

Я заставил себя перекреститься. Рука Галахарда дернулась, но бессильно упала. Я стиснул челюсти, рыцарь под властью чар, он сам ничего не сделает, чтобы спастись от злой волшебницы.

Она выкрикнула:

— Следи за словами, наглец! И без всяких чар нет на свете мужчины, который бы устоял... Да, сейчас я держу этого доблестного рыцаря только властью волшебства. Но что остается? На него не действуют моя внешность, мой голос...

Галахард с грохотом опустил кулак на дубовый стол. Тот подпрыгнул, словно это был легкий походный столик. Лицо рыцаря исказилось болью.

— Не действует? Ох, если бы не действовали!

Она обратила к нему лицо, глаза вспыхнули надеждой:

— Сэр Галахард?

— Всякий раз, — сказал он с неимоверной мукой в го-

лосе, — когда я вижу тебя, когда я слышу тебя... я теряю рассудок! Твой голос крушит мою волю, как ураган молодые деревья, земля выскальзывает у меня из-под ног! Я хочу видеть только тебя, слышать только тебя...

Ее щеки расцвели, как маки, в глазах заблестели слезы. Она протянула к нему руки:

— О, Галахард!.. Наконец-то!

— ...и лишь с неимоверным трудом удерживаюсь, — прошептал он горько. — Не знаю, зачем... но удерживаюсь. Я — Галахард. Я не могу поступать, как поступил бы простолудин. Я не знаю, что это, но нечто в моей бессмертной душе не дает мне утонуть в похоти. Господь наш сотворил меня по своему образу и подобию... меня, а не рогатый скот, что бегает в лесу и пасется в поле! Значит, я не должен поступать как скот, который бы уже напрыгнул с налитыми страстью очами... Отец мой Всевышний следит за мной. Я не опозорю своего родителя...

Я съезжился, слова с губ Галахарда срываются горячечные, торопливые, словно он уже и не рыцарь, а монах или даже отшельник-проповедник, входящий в экстаз. Лицо побледнело, но сам Галахард выпрямился, откинулся на спинку кресла, глаза сверкают яростно.

С губ волшебницы сорвался стон. Я не поверил глазам, Галахард только что нанес ей сильнейший удар, а она смотрит на него с нежностью и непонятым обожанием. В огромных глазах блеснули слезы.

— О, Галахард, — воскликнула она, — Галахард... Все эти ночи я вижу тебя в своих горячечных снах! Ты являешься мне, там я в твоей полной власти, и там ты делаешь со мной все, что хочешь... а я счастлива быть твоей возлюбленной, твоей служанкой, твоей рабой... всем, что ты хочешь, но только бы находиться при тебе, видеть тебя!.. Почему там я в твоей власти?

Я кашлянул, привлекая к себе внимание, сказал просительно:

— Благородная хозяйка, но можно ведь все решить? Отпусти доблестного рыцаря. Он создан для подвигов.

Его ждут сражения, битвы, он слышит зов боевых труб. А здесь уже отдохнул... достаточно.

Они оба посмотрели на меня так, что я залился горячей краской по самые кончики ушей и спросил себя в отчаянии, какую же глупость брякнул на этот раз?

Их взгляды встретились. Что-то общее промелькнуло в их глазах, а на лицах появилось одинаковое выражение. Галахард раздвинул плечи, во всем облике проступала решимость. Волшебница медленно качнула головой.

— Нет, наивный юноша. Я не отпущу его...

— Почему? — спросил я. — Ты ведь мучишь его.

— А он мучит меня, — ответила она.

— Так отпусти, — повторил я. — Не понимаю...

Она покачала головой.

— Нет. Уехав, он увезет и мое сердце. И тогда я умру.

«А возможно, умрет и он», — подумал я с внезапным прозрением. Этот мир еще очень юн. Это я... уже старик.

Глава 20

Ворота поднялись так же бесшумно. Огромный конь понес меня в жаркий полдень. Я повертелся в седле, чувство полной беспомощности снова стиснуло сердце. Там, где восходит солнце, — восток, на противоположной стороне, понятно, запад. Но в какой стороне юг, север? И где река, через которую мы сумели уйти от чудовищ?

Конь, не чувствуя указующей длани, немедленно свернул в сторону роскошных кустарников. Солнце в зените, серые на рассвете ветви сейчас темно-зеленые, а то и вовсе изумрудные настолько, что в глазах прыгают зеленые зайчики. Блестят крупные капли клея, в свежем воздухе весело носятся то ли мухи с длинными сверкающими крылышками, то ли эльфы...

Ветка хрустнула в мощной пасти. Конь тут же застыл, уши приподнялись, как у волка. Из очень дальнего далека донесся стук копыт, а затем и сильный мужской голос.

Кто-то галопом неся в нашу сторону, во все горло распевая что-то походное, боевое, с выкриками и улюлюканьем.

Я заставил коня попятиться. Стук копыт стал громче, из-за деревьев выметнулся на крепкой лошади, укрытой попоной в крупную шахматную клетку, рослый по здешним меркам молодой рыцарь. Доспехи, как жар, сверкают все металлические бляхи, пряжки и застежки как на самом рыцаре, так и на его коне. Длинные белокурые волосы шевелит ветер, лицо чистое, бесхитростное.

В руке рыцарь держал копьё острием вверх. Я только успел подумать, как он ехал, не задевая этой оглоблей ветвей, как рыцарь увидел меня, обрадовался:

— О, есть с кем скрестить копьё!..

Я помахал рукой.

— Сожалею, сэр рыцарь. Как-нибудь на досуге, но не сейчас.

Он удивился еще больше.

— Почему?

— Дела, — сообщил я. — Я разыскиваю друга, который может быть еще жив... после страшной битвы с чудовищами.

Он вскинул брови.

— И что же?.. Разве это мешает скрестить копьё? Если вы одержите верх, то мы вдвоем пойдем искать вашего друга. Если я, то... гм... все равно мы сперва отыщем вашего друга, лишь потом я заберу по праву вашего коня и все оружие.

Он воодушевился, глаза блестели предвкушением схватки, к щекам прилила кровь. Я видел, как он перехватил копьё поудобнее, а взгляд уже прицельно выбирал место, куда всадит наконечник копьё, довольно-таки длинный и с виду острый, как десантный штык.

— Сэр, — сказал я торопливо, — во-первых, у меня нет копьё, как вы уже заметили с вашей рыцарской проницательностью... Во-вторых, я не рыцарь, это тоже немало важно.

Он нахмурился, на чистом юном лбу попытались проступить морщинки, лоб покраснел от тщетных усилий.

— Как же так? — спросил он обиженно. — Но все равно мы должны сразиться... Может быть, вы хотя бы сын барона?.. Или сквайра?..

— Нет, — ответил я честно. — Меня зовут Дик, я просто... простолюдин. Выехал на поиски моего господина. Неблагодарно с вашей стороны будет задерживать меня.

Он подумал немного, решительно отбросил копье, со звоном выхватил меч и вскинул над головой.

— Мне кажется, сэ, — крикнул он высокомерно, — что вы нагло лжете. Видимо, из трусости! Защищайтесь!

Конь под ним встал на дыбы, поиграл в воздухе копытами, рыцарь со стуком падающих ворот опустил забрало. Теперь на меня сквозь прорези в шлеме смотрели синие яростные глаза. Конь громко заржал и ринулся в галоп.

Все это время я пребывал в растерянности, но, когда они понеслись на меня вихрем, мой дурак конь гневно заржал и пошел навстречу, даже чуть развернулся боком, давая мне возможность нанести сокрушающий удар. Вместо этого я едва успел закрыться щитом. Удар потряс меня вместе с конем, едва не вогнал в землю.

Рыцарь быстро развернул коня, меч высоко взвился снова. На этот раз рыцарь не собирался ограничиться одним ударом на скаку в стиле буденновца. Я снова выставил щит. Застучали страшные удары, звон разнесся по всему лесу и его окрестностям. Рука онемела до плеча, а деревянная рукоять выскальзывала из ослабевших пальцев.

Я тщетно пытался выбрать момент, чтобы нанести хотя бы один удар, содрогался, гнулся, хрипел, пот заливал глаза, так, наверное, чувствует себя черепаха, по которой стая бабуинов колотит камнями. Наконец я судорожно двинул мечом горизонтально, там во что-то уперлось, послышался вскрик, и град ударов тут же прекратился.

Я осторожно выглянул из-под щита. Над седлом мелькнул сапог с золоченой шпорой, что есть признак рыцаря, послышался глухой удар, словно на землю рухнул небольшой железнодорожный контейнер с сантехникой.

Конь с пустым седлом пугливо отступил. Рыцарь лежал

на спине, раскинув руки. Нескоро он дернулся, пальцы правой руки попытались поднять забрало, но там что-то защемило. С пятой попытки он открыл лицо, теперь бледное и растерянное, в глазах недоумение и стыд.

— Простите, сэр, — прошептал он плачущим голосом. — Теперь я понимаю, что вы просто щадили меня... а сразили с первого же удара!

Я прохрипел сквозь спазмы в горле:

— Ничего... вы дрались неплохо..

— Вы щадите мою гордость, — проговорил он с отчаянием. — Нет, это прошлые победы вскружили мне голову!

Он медленно сел, тряхнул головой. Глаза его начали обретать ясность. Я ощутил отчаяние, ибо сейчас не выдержу и дуновение ветерка.

— Но победили вы, — сказал рыцарь. — А случайность это или нет...

Он тяжело привстал, теперь он стоял на одном колене. Пальцы скрестил и опер о другое колено. Поза была покорной и одновременно гордой.

— Вы победитель! Как побежденный, я, конт Сигизмунд, приношу вам присягу на верность. Клянусь по вашему приказу являться на любой зов, оставив дом и семью... клянусь сражаться с вашими врагами, как с собственными!

Я ошалело смотрел на рыцаря. Он в свою очередь смотрел вопросительно, в глазах разгоралось недоумение, даже блеснули первые искорки гнева. Я наконец вспомнил, что надо делать, слышал от Бернарда, сделал шаг вперед, ударил кончиком лезвия по железному плечу этого Сигизмунда, сказал громко:

— Я, Ричард Длинные Руки, барон и властелин Ганслегера, клятву вассала принимаю! В свою очередь клянусь быть верным и защищать вас, как себя самого.

Лицо рыцаря озарилось улыбкой. Сейчас он показался даже моложе, а шрамы на миг показались просто глубокими морщинками. Все еще улыбаясь, он сказал с облегчением:

— Я всю жизнь мечтал найти могучего воителя, кото-

рому мог бы служить верно и преданно! Ведь что такое жизнь, как не вечное служение?

— Гм, — сказал я, — гм... да-да, конечно.

— Хорошо священникам, — продолжил рыцарь искренне. — Они могут служить высокой и чистой идее. А мы, мужчины, можем служить, не роняя гордости и достоинства, только тем, кто сильнее нас. Не так ли?

— Так, — ответил я. — Но, как я уже сказал, я сейчас в глубокой... глубоком квесте. Вам же, как своему вассалу, велю ехать в королевство Зорр. Там явитесь к королю и скажете, что поступаете на службу.

Он кивнул покорно, спросил:

— Где это королевство?

Я хотел было указать в сторону юга, но вспомнил, что в «Зарницу» не играл, а знание, в какой стороне солнце всходит, а в какой заходит, не поможет. Сказал напыщенно:

— Королевство Зорр сейчас выдерживает бой с силами Тьмы в одиночку. Каждый рыцарь может повернуть ход битвы! Езжайте, сэр. Это прямо на юге! Прямо на юг, на юг!.. А там вам укажут пальцем.

Он еще отряхивался и тяжело взбирался на коня, подвезя его к поваленному толстому дереву, а я повернулся и послал коня в галоп.

Впереди небольшой лесок, и едва я вломился туда, как конь зафыркал, тревожно запрядал ушами. Впереди с тревожным карканьем взлетели вороны, на поляне осталось мордой вниз лохматое чудовище, похожее на гориллу. Под ним земля потемнела от крови, но та уже впиталась, только рой мух обсел влажную землю, да множество насекомых копошится, жадно хватая темные комочки земли.

Вороны уселись на нижних ветках, толстые, сытые. На меня смотрели с угрюмой и бессильной ненавистью. Я проехал мимо, за спиной слышались хлопки крыльев. Еще один монстр мордой кверху, страшная рана почти переполовинила грудь, а вторая разрубила морду. Такие удары наносит только топор с широким лезвием...

Я привстал в стременах, огляделся. Ага, вон там помя-

ты кусты, ветви обломаны, а карканье ворон оттуда слышнее.

— Быстрее, — шепнул я коню. — Мало того, что и сами потерялись...

За деревьями все вырублено, истоптано, а кустарник смолот в мелкие щепы, вбит в землю. Не меньше десятка трупов в доспехах, явно люди, еще три чудовищных монстра, двое волков, что воровато, совсем по-собачьи копаются во внутренностях трупа.

Я увидел сперва чудовищного коня, а потом и человека в тени орешника. Бернارد все еще сжимал топор одной рукой, вторая выглядела чудовищным кровавым месивом. Под ним натекло крови не меньше, чем под разрубленными им монстрами. По всей поляне белеют мелкие обломки щита. Похоже, после его потери он еще долго принимал удары на левую руку, там стальная пластина разбита на десятки осколков, да и те погнуты, впились в израненную, порубленную руку.

Кровь застыла на лбу, затекла в глазную впадину, запеклась темной коркой на щеке и на губах. Я соскочил на землю, опустился перед Бернардом на колени.

Тяжелые веки дрогнули, поднялись, словно подъемные мосты. Глазные яблоки были залиты кровью. С губ сорвалось:

— Кто... Это ты, Дик?

— Я! — вскрикнул я ликующе. — Бернارد!.. Ох, Бернارد...

— Я почему-то думал, — донесся слабый шепот, — что найдешь меня именно ты...

Голова его откинулась, а пальцы на рукояти топора разжались.

Я едва не проехал мимо, Бернارد снова потерял сознание и уже не указывал дорогу. К счастью, уши уловили быстрые удары железа по железу. Священник и принцесса уже закончили врачевать Рудольфа и Асмера. Принцесса, как простая крестьянка, быстро и умело чинила по-

рванные кафтаны. Отыскался и Ланзерот, он уже, не гнушаясь работой деревенского кузнеца, разложил походную кузницу и торопливо выравнивал погнутые доспехи. Сильные удары молота разносились далеко в чистом воздухе и при полном безветрии, а если услышал я, с моим притупившимся слухом от мощного долби-саунд, то услышат и монстры.

Принцесса ахнула, ринулась нам навстречу. Я торопливо слез, но еще раньше возле Бернардова коня оказались Ланзерот и Рудольф. Раненого богатыря бережно сняли, священник тут же забормотал молитвы, Ланзерот срезал остатки камзола, перехватил лезвием ремешки, освободив от доспехов. Принцесса быстро покрыла могучий торс зеленой дурно пахнущей мазью. Раны показались ужасными даже мне, который хоть и насмотрелся хроники дорожных событий, но свято верит в девять-один-один и чудо-хирургов с компьютерной технологией.

Завтракал я в седле, ибо Бернарда немедля погрузили в повозку. Асмер вскочил на передок, щелкнул кнут, волы разом двинулись с места и зашагали, спокойные и равнодушные ко всему, как наступающее всеобщее потепление планеты.

Меня хвалили, что я отыскал Бернарда, я кивал, разводил руками, едва ли не шаркал ножкой и тупил глазки, но инстинктивно спрятал родовой знак Ганслегеров поглубже под рубашку, а про свое баронство смолчал вовсе. Ланзерот придет в ярость, ведь по кодексу простолюдин вообще не смеет вступать в поединок с лицом благородного происхождения, за это оскорбление виселица обеспечена даже победителю. Вряд ли меня поддержали бы даже Бернард и Рудольф с Асмером, разве что священник бы осенил крестным знамением: ведь все люди равны перед Богом, но как раз от священника мне меньше всего хотелось одобрения. Тем более что от виселицы не спас бы и священник. Да и не стал бы: то дела мирские, пустяки, главное — спасти душу. Даже принцесса тоже не похвалит... Нет, за убийство одичавшего барона явно похва-

лит, ведь я только защищался, а в этих случаях и простолюдин может... наверное, может, однако в присвоении себе целого замка есть что-то нехорошее. Как будто украл. Или хуже того — выиграл в телелотерею. Другие годами строят, камень на камень громоздят, семь потов проливают, а я пришел и хапнул. Как в казино.

Насчет коня пришлось соврать, мол, бегал там по полю с опустевшим седлом, а я своего к тому времени потерял... Что потерял, никого не удивило, но вот найденному коню все дивились, говорили обязательные слова завистников, что дуракам везет, Асмер сказал авторитетно, что в Зорре вровень такому отыщется разве что в конюшне Беольдра, это двоюродный брат короля, великий воин, герой и знатный лошажник, а Рудольф, согласившись, добавил, что даже в конюшне Беольдра мало таких, кто встал бы вровень с таким красивым зверем.

Конь под Рудольфом дрожал, уши прижаты, как у перепуганного пса. Я обратил внимание, что Рудольф сидит напряженно, коленями стискивает конские бока с такой силой, что трещат ребра. Костяшки пальцев побелели, он с такой силой натягивал повод, что едва не раздираал обезумевшему животному рот.

Я крикнул встревоженно:

— Что случилось?

Рудольф огрызнулся:

— Езжай!

В голосе звучала ярость. Я послушно проехал мимо, а когда догнал Асмера, спросил тихонько:

— Что с ним?

— Волки, — ответил Асмер хмуро.

— Напугали?

— И покусали. Обоих. Ты бы видел, в каком виде отыскали Рудольфа! Они ж его едва не на клочья... Бернард в сравнении с ним так совсем живчик и вовсе даже не поцарапанный... Правда, Рудольфа только искусили, но зато так, что живого места не осталось...

Я зябко передернул плечами. То-то принцесса и свя-

шенник бледные, как тени, а сейчас из повозки даже не показываются. Но Рудольфа все-таки сумели, что за медицина в этом мире... Правда, вера творит чудеса, как говорят наши теологи. Да и всякие там целебные травы. Надо спросить, не из крестьянок ли наша принцесса, что такие секреты народной медицины знает...

Рудольф, как я заметил, почему-то старался держаться в сторонке от остальных. Конь под ним уже смирился, тащился, едва передвигая ноги, слишком усталый, чтобы чего-то страшиться. Рудольф поднял голову, когда я проезжал мимо, и меня словно окатило ледяной водой. Но все же я, человек своего века, века сплошного притворства, именуемого политкорректностью, не подал вида, что меня что-то испугало.

У Рудольфа всегда были светло-голубые глаза, цвета утреннего неба, без привычной голубизны полудня. Но сейчас я как будто взглянул в два ковша кипящего золота.

На ближайшем привале мне пришлось рассказать о своих ночных и дневных скитаниях. Снова умолчал, что стал владетельным бароном. Это для меня фигня, что мне эти замки, если в них нет телевизора и холодильника, что толку с баб, простых, как коровы, что толку со звания баронства, если это не дает анлимитэд в Интернете или хотя бы права на бесплатную выделенку, но эти люди могут серьезно обидеться, что я, простолюдин, вот так разом нагло захватил то, о чем некоторые из них могут только мечтать. Пусть не Ланзерот или принцесса, но Рудольф и Асмер уж не отказались бы от баронства Ганслегеров. Да и Бернард...

Спохватившись, я вытащил из седельного мешка книгу, протянул священнику:

— Отче, я отыскал в разрушенной часовне.

Он смотрел подозрительно на книгу, будто я протянул ему бомбу с тикающим таймером, потом поднял взгляд на меня.

— Что это?

— Книга, — объяснил я терпеливо. — Книга. Вот обложка, а там страницы. Даже миниатюры киноварью, очень красивые...

— Дьявольская книга! — заявил он.

— Да нет, — ответил я ошарашенно. — Там жития, молитвы даже... Одной я оградился от исчадий... да, исчадий. Красивые, правда, но я оградился. Не хотел быть пауком, которого потом самки съедают...

Священник брезгливо отодвинулся. Бернард взял в руки, полистал, брови приподнялись.

— Да вроде бы Святое Писание...

— Собранное еретиками! — заявил священник. — Они искажают истинный дух церкви. Впрочем, давай. Посмотрю на досуге.

Бернард книгу отдал, вытер пот, сейчас и книга для него тяжелее наковальни, перевел взгляд на меня, внимательный и несколько удивленный.

— Галахард, — повторил он слабо. — Ты видел Галахарда... И даже говорил с ним. Ланзерот, ты слышишь?

— Дуракам везет, — ответил Ланзерот брезгливо. — Говорят, замок Озерной феи не всякий может увидеть... Очень не всякий!

Рудольф заметил настороженно:

— Я уже заметил, что о Дика чары разбиваются, как струи о крепкое дерево. Помните, он гарпий душил, как хорь душит кур?... А я перед ними цепенею, будто жаба перед ужом.

— А как колдуна стрелой в глотку на постоялом дворе? — поддержал Асмер. — Нет, нам бы тот волшебный замок не увидеть. Разве что с разгона мордой...

Рудольф засмеялся:

— Если кто так и обнаруживал, то уже не вернется, не расскажет! Дик, тебя не пытались там оставить?

Ланзерот поморщился, мол, кому он нужен, деревенский увалень, там слуг хватает, а я подумал, пытался вспомнить, сказал неуверенно:

— Ощутить не ощутил, но хозяйка посматривала как-

то странно. Словно я должен был делать что-то совсем другое. А когда я уезжал, то уж совсем побледнела...

— Вот видишь!

— Но почему не велела задержать своим слугам? Там такие мордовороты!

Рудольф повторил:

— Мордовороты?.. Хорошее слово, надо запомнить. Дик, ты ж выставил себя героем, а она больше волшебством, чарами... К тому же надо думать, что и слуги не такие, какими видятся.

— Как это?

— Может быть, это прыщавые хлюпики, их можно завалить одним пальцем? Или веники ходят, а нам кажется, что здоровенные воины с мечами размером с весло... Словом, она побаивалась тебя тронуть, вот что! Отпустила потому... что не могла задержать. Или не рискнула.

Принцесса посматривала на меня с опаской. Я вспомнил, что я ж теперь свободен от всех обетов и клятв, можно бы принести снова... но что-то удержало. Я смогу оказаться полезнее, сказал я себе в оправдание, сохранив независимость. Несвободного могут послать навоз возить, привычное дело в мире, где еще нет автомобилей, зато все утопает в навозе, дает корм воробьям...

По ту сторону костра насыщались Ланзерот и священник. На миг показались одинаковыми, только они двое едят без жадности, соблюдают какие-то непонятные мне манеры, посматривают с одинаковой настороженностью.

Священник сказал сухо:

— Подвиги, чары... но как вырваться из-под власти этой проклятой омерзительной колдуньи доблестному Галахарду?

Я ответил почти так же сухо:

— Та власть... выглядит странно. Там сошлись две равные силы. Она не может сломить его волю... он просто святой!.. а у него недостает силы, чтобы вырваться из оков ее воли.

Бернард спросил угрюмо:

— А ты в самом деле ничего не мог? Ведь ты въехал

и выехал свободно. Или пришлось прорываться обратно с боем? Ты говори, не скрывай.

— Нет, — ответил я честно. — Никакого приворотного зелья, никаких ядов, никто не подстерегал за дверью с отравленным кинжалом в руке или в зубах. Похоже, все силы волшебницы брошены на битву с Галахардом.

Рудольф и Асмер переглянулись, Рудольф проворчал:

— Неплохая там битва. Я бы не отказался побыть и побежденным.

— Ну-ну, — оборвал Бернارد сурово. — Даже шутить нельзя с такими делами! Падать легко, выкарабкиваться из геенны огненной трудно. Потому Галахард и держится изво всех сил, не делает и шага.

Священник побледнел от гнева. Ланзерот положил широкую ладонь на его тонкую птичью лапку, предостерегающе сжал. Священник открыл и закрыл рот, но Ланзерот настойчиво потряхивал его ладонь, и священник только выговорил зло:

— Несчастные слепцы!.. Поздно будет раскаиваться, когда в котле... А эта волшебница — просто старая мерзкая тварь, гада подземная! Ей лет сто, если не тысяча.

Я возразил:

— Она молода. Я ж увидел ее закрытый колдовством замок? Значит, и она такая, какая есть. Да и Галахарда не обманывает...

— Не обманывает?

— Не обманывает, — ответил я упрямо. — Она добивается, чтобы он ее полюбил. Жаждет, чтобы полюбил... честно. Без магии!

Нечаянно увидел, как огромные глаза принцессы заблестели, наполнились влагой. Она смотрела на меня с ожиданием, но я не знал, что сказать такое, чтобы ее глаза заблестели радостью, а не слезами.

Холмы, которые я принял издали за курганы, оказались в самом деле курганами. Волы мерно тащили повозку мимо этих странных могильников, которые по сути

есть не что иное, как те же памятники, от слова «память», попытка оставить о себе память, как сейчас в прошлом веке ставили надгробья из мрамора, в позапрошлом возводили целые склепы, а сейчас больше упирают на цифровое видео. Но какие склепы, мрамор или цифровое видео в бескрайней степи? Только и удавалось, что насыпать побольше земли над могилой.

Иные из курганов еще торчат вызывающе навстречу небу, крутые, как грудь молоденькой девушки, другие под грузом времени и собственной тяжести осели, расплзлись, стали похожими на выпуклые щиты. Еще пару столетий, и вовсе сравняются с землей, а ведь хоронящие были уверены, что их курган вечен!

Лансерот указал на один повелительно, голос его показался мне еще неприятнее:

— Заночуем!

Бернард кивнул, западная часть неба уже багровая, солнце медленно двигается вниз, прикрывшись темным, как преступление, облаком. Пока доберемся, расседлаем, выпряжем...

Лансерот снова пустил коня вскачь. Когда мы только доползли до подножия кургана, он уже взобрался на самую вершину. На зловеще красном небе, где темные облака очень уж походили на темные сгустки крови, его блистающая серебром фигура выглядела как серебряная песня. Мне даже почудились торжественные звуки фанфар.

Волы не потянули повозку напрямую, пришлось накручивать спираль по суживающейся дуге. Я вспомнил поговорку про сапоги и косогор, наконец понял, в чем там соль. Вершина кургана, совершенно лысая, утопанная, с множеством расклеванных разгрызенных костей. Словно все окрестные вороны и прочие орлы-стервятники тащили сюда добычу, чтобы даже по мере неспешной трапезы обозревать с высоты хозяйским оком уголья.

Потом распрягали, расседлывали, кормили скот и коней. Рудольф развел огонь, принцесса вяло поужинала и ушла в повозку. Мне очень не понравилось, что Лансерот тоже влез в повозку и находился там довольно долго.

Я украдкой поглядывал на остальных, однако никто не ухмылялся, не отпускал двусмысленных шуточек.

Луна перешла на другую сторону неба, явно собираясь скрыться еще до восхода солнца. Но звезды сияют так же ярко и настойчиво, их свет дополнял лунный призрачным сиянием, однако тени абсолютно черные, словно нас зашвырнуло на Луну.

Бернард лежал, весь перевязанный чистыми тряпицами. Священник и принцесса слишком истощили себя, когда затягивали раны Рудольфа и Асмера. Да и Ланзерот, как я понял, пострадал крепко, потому на Бернарда сил уже не хватило, но принцесса твердо пообещала, что завтра, отоспавшись и набравшись сил, они затянут ему раны так, что не останется даже рубцов.

Рудольф подбрасывал в костер веточки, вяло переговариваясь с Асмером про устройство мира, про гномов и громадных драконов, что живут на юге, а сюда не залетают лишь потому, что — ящерицы, а те зимы боятся.

— Но ящерицы ж вон бегают, — возражал Асмер.

— Дурень, — сообщил ему Рудольф. — Ящерица может выкопать нору поглубже и там в тепле переждать зиму! А дракон? Ему нору по себе не вырыть... Это будет уже не нора, а... прости меня Господи, что-то вовсе непотребное. К тому ж они живут только на самых высоких горах!

— Как и горные великаны, — добавил Асмер невинно. — Но великаны попадают и на севере...

— Дурень, — сообщил Рудольф снова. — Что ты понимаешь в великанах? Они ж и появились у нас на севере!.. Давно, правда. Дик, что-нибудь про великанов слышал?

— Слышал, — ответил я осторожно, — но это такие пустяки... А что известно у вас?

Асмер перебил:

— Ты его больше слушай! Ничего не известно. Никто вообще не знает, откуда они появились. То ли сама земля извергла, горы ли потрескались, как стручки, и выпустили этих тварей, из ада ли... но первые великаны просто похватали первых встреченных людей и скот, пожрали. Понравилось, не ушли, остались в долине, а на другой год

и вовсе перешли перевал и вторглись в Гиксию. Король успел собрать войска, но... сам понимаешь.

— Понимаю, — ответил я.

— Великаны пошли дальше. К счастью, в те давние времена еще были сильные маги, могучие драконы, а иные люди рождались в огне... Словом, грянула решающая битва.

Я пытался представить себе эту битву, но перед глазами тряслась в конвульсиях земная кора, огнедышащие вулканы выстреливали в небо миллионы тонн раскаленных камней, везде черный дым и пепел, по склонам бегут потоки огненной лавы, а динозавры с ревом мечутся по островкам, как Мазаевы зайцы. Океан тоже, понятно, из берегов, а километровые волны захлестывают даже огнедышащие вулканы...

— Самых ярких великанов побили, — продолжал Асмер, — остальные отступили в Долину. Оттуда выбить уже не сумели, там теперь и живут. Маги и герои уже повывелись, страшно и подумать, если великаны вздумают выйти снова...

Из повозки задом выбрался Ланзерот, подал руку священнику. Тот едва не упал, Ланзерот повел его к нам, ноги священника заплетались, Ланзерот вел его осторожно, издали кивнул Рудольфу. Тот освободил место на бревне, вместе усадили священника. Асмер поддерживал с другой стороны, священника трясло, он тянул к огню тонкие иссохшие руки. Они дрожали так, что я почти слышал, как стучат косточки.

Лицо его было восковое, глаза запали, я видел только темные пещеры. Кожа на скулах натянулась, щеки ввалились, а подбородок заострился и торчал, как шило.

— Бернارد, — сказал Ланзерот, — ты уж терпи до утра. Я заставил отца Совнарола дать принцессе сон-траву.

Бернارد прорычал слабо:

— Я и так выкарабкаюсь. Я здоровый... А принцесса всю себя отдала этому рыжему чучелу! Хотя ей и уготовано Царство Небесное, а не адский огонь, как этому толстяку, но пусть это случится позже, как можно позже... Как, отец Совнарол?

Священник вздрагивал, дергался, зубы стучали. Не сразу совладал с собой, ответил тоскливо:

— Геенна огненная... Адский огонь... сын мой, это все для простого люда... Заботы о пропитании не дают вместить более сложные понятия... Но ты, человек с оружием, избавленный от необходимости пахать землю и собирать урожай, мог бы понять и более высокую истину... нет божественного огня и нет адского...

Мы все молчали, ошарашенные. Бернارد буркнул озадаченно:

— А что... есть?

— Есть один огонь! — отрезал священник. — Он весь — от Бога. В одном и том же огне чистые души находят радость и ликование душевное, а другие... я говорю о нечестивых, испытывают страшные муки.

Что для русского здорово, вспомнил я старую премудрость, то для немца смерть. А вообще-то интересный взгляд на проблему единства ада и рая.

Глава 21

Небо на редкость чистое, ясное, а звезд высыпало столько, как будто вчера за день по далекому небосводу расставили добавочные сотни тысяч ламп. Цивилизованному смотреть некогда, это у пещерных людей хватало времени на классификацию, группировку в созвездия, даже придумывание всем красивых легенд, а я теперь почти что пещерник или полупещерник. Да и небо чересчур яркое, нельзя не заглядеться. И дело не только в том, что здесь нет смога, загрязнений, озоновых дыр и всяких там благ цивилизации и всяческих ее достижений. Здесь как будто к галактическому ядру куда ближе, чем я привык, не секрет же, что наша планета в самом дальнем рукаве спиральной галактики, на самом заднем дворе за курятником в свите самой зауряднейшей звезды, каких пруд пруди, а в галактике их больше, чем во всех прудах мира головастиков.

Я видел суровые, измученные лица, никто не ложился спать. И когда в ночи раздался далекий вой, Асмер, самый быстрый, сразу сказал:

— Вот они.

— Долго же гнались, — проворчал Рудольф.

— Это мы быстрые, — возразил Асмер.

Шлем Ланзерота стоял рядом на земле. Руки подняли привычно, бездумно, лицо рыцаря было отрешенным, он думал явно о другом, возможно, о своем Горланде, захваченном королем Карлом. Звякнул металл, теперь я видел только железо с узкой прорезью для глаз, но при скудном лунном свете на меня из шлема взглянула, казалось, сама тьма.

Все быстро разбирали оружие, щиты, встали вокруг повозки. Даже Бернард, лежа, прикрылся щитом, а в руку велел дать ему хотя бы нож. Странно, в это страшное время, в ночи, когда нечисть всеильна, а человек слаб, я ощутил странный восторг, который никогда бы раньше не посетил мою рациональную душу. Я делал глупость, явную глупость, ибо надо все бросать и бежать отсюда, скрыться, выбрать дерево повыше и залезть на самую вершину, пока все не утрясется и все не разойдутся, в бегстве нет стыда, вон американская морская пехота в панике бежит, увидев одного-единственного вражеского солдата, и спешно вызывает по радио артиллерию, самолеты и крылатые ракеты, чтобы потом без потерь, это и есть рациональная война, а вот я, такой же рациональный...

Все эти мысли хаотично проносились в моем черепе, что быстро разогревался, мысли становились все горячее, злее, путаннее, кровь с шумом била в уши, мышцы раздувались, а пальцы стискивали рукоять меча, как чужое горло.

Далеко внизу, у самого подножия кургана, холодно и мертво заблестало железо. Лунный свет дробился на железных шлемах, мечах, наконечниках копий, на панцирях. Я видел смутные фигуры, поднимаются цепью, а когда оглянулся, с той стороны кургана тоже к нам поднимается такая же изломанная шеренга.

— Стоять! — велел Лансерот грозно. — Мы защищаем груз, поняли?.. Никаких погонь, никакого бахвальства...

Сам он встал с другой стороны повозки. Принцесса рядом с ним, в руках арбалет, Асмер в трех шагах, а мы с Рудольфом здесь. Похоже, Лансерот при всей неприязни ко мне — еще бы, не уступаю ему в росте! — все же полагает, что мы с Рудольфом такая же или почти такая же мощь, как и он, герой и самый сильный рыцарь всего Горланда.

Враги поднимались, я наконец рассмотрел их лица. По коже прокатилась холодная волна. Мертвый свет луны ни при чем, лица у них бледные и... желтые, как воск. Шлемы — небольшие круглые шапки, у многих даже не шапки, а полоски металла крест-накрест, так что пугающие лица видны отчетливо...

За спиной я слышал сухие щелчки тетивы. Еще раньше металлически стукнул арбалет Лансерота. Дважды выстрелила принцесса, но оглядываться некогда, рядом Рудольф сделал шаг вперед, освобождая себе место для замаха.

— Ну, — прорычал он, — с нами Бог!

— Так кто же против нас? — добавил я. — Посмотрим...

Он сделал еще короткий шаг, замахнулся и одновременно прикрылся щитом. Я тоже шагнул вперед. Странно, страха нет, то ли потому что все нападающие на голову ниже меня, мельче да еще поднимаются снизу, а сверху так удобно по головам, то ли я слишком уж конформист: даже без особой внутренней борьбы принимаю те законы, по которым живут все...

Полоса острой стали в моей руке прорезала воздух. Да, руки у меня в самом деле длинные. Не длиннее, чем у среднестатистического жителя моего времени, но здесь это огромное преимущество. Я рубил, колол, сшибал, железо звенело о железо, стучало о доспехи и совсем глухо — о кости, но всякий раз фигура валилась под ноги или в сторону, иногда на землю шлепались головы, руки, а то и половинки туловища.

Мой удивительный меч рассекал доспехи с такой же легкостью, как если бы они были из бумаги. А тела — словно пустые картонки, хотя на землю рушились настоящие окровавленные туши, под ногами хлюпала темная кровь, текла вниз.

Мы вырубали, как рубят молодой кустарник, первые три-четыре ряда. Рудольф радостно проревел:

— А вот и хозяева!..

Следом за простыми ратниками поднимались по склону рыцари в полных доспехах. Рудольф взревел громче, гигантский топор взметнулся, как крылья ветряной мельницы, по склону вниз легче, через мгновение там раздался грохот железа, треск, крики, проклятия. Я прыгнул следом, если рыцари явились завершить победу, то просчитались, просчитались...

Мой меч рассекал доспехи почти с той же легкостью, ну как если бы рыцари были в фанерных доспехах, но удары по моим плечам, рукам, по голове становились все мощнее. Я рубился, уже почти окруженный, начал пятиться, споткнулся, голова взорвалась от удара обухом топора, я присел, укрывшись щитом, его разбили в щепы, но я выскользнул и поспешно вскарабкался по склону к самой повозке.

Лансерот и Асмер дрались, уже прижатые к ней почти вплотную. Когда черные рыцари начали заходить за спину, разом отступили к повозке, умело и хладнокровно отражая удары. Даже отступая, оба ухитрялись наносить быстрые удары, после которых то один из черных, то другой заваливались на соратников, но те двигались по их телам, затаптывали.

Пару минут я отбивался за спиной Рудольфа. В голове уже стоял рев и грохот, но в глазах перестало двоиться, я выдвинулся и встал рядом. Сквозь жуткий вой, крики, лязг железа и стук зубов я слышал неумолчный свист стрел, иногда мои волосы вроде бы дергало, а в ряду нападающих появлялись бреши.

Одна жуткая харя надвинулась чересчур близко, я не успевал, совсем не успевал, ибо вторая тварь прокралась

со спины к Рудольфу и занесла над головой огромный зазубренный меч. Я прыгнул и достал ее концом меча, как шпагой, в середину груди, а сам сжался в предчувствии удара той, что прорвалась ко мне...

Из-под земли прямо под ногами зверя на короткий миг выдвинулось синее лезвие. Раздался визг, лезвие тут же исчезло, я даже не понял, был ли это клинок меча или же узкий язык огня, но зверь распластался в луже своей же крови. Еще двое бросились на меня, ибо я остановился, тяжело дыша, совершенно обалдевший, опустил меч, а удобным моментом не пользуется разве что только наше правительство...

Снова на кратчайший миг блеснули уже два клинка. Звери рухнули, распоротые почти пополам. Кровь хлестала, как из породистых свиней. Я еще не понял, что и почему, но мы, люди третьего тысячелетия, ориентируемся быстро, прикрыл грудь избитым щитом и шагнул вперед, привлекая внимание на себя.

Воздух задрожал от рева, визга, карканья. На меня бросились, словно это я создал финансовую пирамиду, словно это я устроил черный август, тут уж я струсил, руки мои замелькали со скоростью кулера, защищаясь, нанося удары, парируя, снова рассекая, повергая... Иногда я повергал того, кто как раз дернулся и устоялся на меня быстро стекленеющими глазами, значит — острый клинок вспорол ему брюхо и развалил пополам печень, но мне не видно, я орал и продвигался вперед, шагая через трупы, как вдруг прямо в черепе раздался едва слышный шепот:

— Дальше... не ходи...

Я застыл от ужаса, никто не любит таких голосов, это с них начинается принудительное лечение, а сперва искомлют на предмет выяснения, чего накурился или накололся, а то и нанюхался. Тут же бросились еще, я отступил и заметил, что из земли выдвинулись синеватые лезвия всего на ширину ладони, если не меньше. Звери завизжали, лезвия перерубили им сухожилия, а я поспешно попятился.

Пятиться куда труднее, чем спускаться, наконец уперся спиной в повозку. Рядом тяжело дышали, забрызганные кровью и грязью, Ланзерот и Рудольф. Асмер и принцесса склонились над Бернардом, тот лежал на спине, пальцы что-то ловили в воздухе. Даже я по характерному движению понял, что старый богатырь пытается ухватить рукоять своего топора.

Рядом с Бернардом лежал на спине, раскинув руки, священник. На лбу темнел огромный кровоподтек. Но грудь его медленно вздымалась.

— Неужто отбились? — прохрипел Рудольф.

— Мы побили рыцарей, — сказал Асмер гордо. — Скоты, мечтали довершить победу!.. Священник жив?

Ланзерот сказал строго:

— Скоро очнется. А враги перегруппируются и повторят все сначала. Только умнее!

Его доспехи уже не блистали, как зеркало, и походили на поверхность наковальни, где лет пять рубили железо на подковы.

Я напрягся, спросил мысленно:

— Ты кто?

Голос прозвучал громче, бестелесный, однако я почему-то представил себе сильного мужчину с широкой грудью, длинными черными волосами и орлиным носом.

— Угаларн... Великий и Победоносный...

Я не успел ахнуть, как голос продолжил:

— Великий Угаларн, создавший союз племен на севере!.. Еще когда сюда пришли первые конники отважного Сегезера... Я не стал с ним воевать, ибо он был мудр и добр... Я стал его правой рукой и грозой иноверных... Мы пронесли имя грозного бога Тартиса по всем землям, и не было королей, что не пали бы ниц... С того времени имя угаларнов повергало врагов в прах, перед нами дрожали империи... С высоты этого кургана я сотни лет с гордостью видел величие и процветание угаларнов!.. Но прошли еще сотни или тысячи лет... пришли другие народы, выкорчевывали даже память о наших славных победах, о наших деяниях, повергли ниц и разбили каменные статуи

наших богов, а нашу веру объявили нечестивой... Но ты — другой. Я узнал тебя по амулету на шее... ты — моей крови... И еще я видел, как ты славно дрался...

— Ага, — сказал я торопливо. — Ага... Спасибо за помощь!.. Ты прав, я всегда за единство поколений. Кто не знает прошлого, тот лишен будущего. Прошное надо ценить, оно дает нам вдохновение... вдохновляет... ага, на свершения!

Рудольф насторожился, Ланзерот нахмурился, рука медленно двинулась к рукояти меча. Даже принцесса уставилась на меня круглыми, как у совенка, глазами. Я сделал им успокаивающий жест, мол, не контуженый и травки не накурился, просто говорю сам с собой вслух, такие у меня причуды. Или обычаи. Или обеты.

— Мы всегда опираемся на опыт и помощь прошлого, — сказал я. — Мы черпаем силу в нашем славном прошлом... и в ваших подвигах. И достижениях, ессно.

На этот раз в голосе я услышал безмерное довольство.

— Я знал!.. Я знал, что мы жили не зря... Нас помнят...

— Еще бы, — сказал я. — Я жил одно время в Тарту, это в честь Тартиса, мой отец работал в Уганде, это страна в честь угаларнов... Словом, вашими именами названы не только города вроде Москвы и Питера, что города — ерунда, но даже реки, горы, моря... Дорогой предок, что скажешь, как нам благополучно выбраться?

Голос ответил незамедлительно:

— Когда-то моя власть была на полмира... А остальная половина, где зверье да дикие люди, меня просто не интересовала! Но теперь моя власть всего лишь до краев кургана. Когда ветры и дожди сровняют с землей, тогда я уже не смогу из чертогов Тартиса приходить на землю...

«Так вот для чего такие курганы», — мелькнуло у меня в голове. Сказал как можно почтительнее:

— Ты спас нас, благородный Угаларн.

— Я помогал только тебе, — отозвался голос чуть холоднее. — Мне нет дела до чужаков. Их столько сменилось за тысячи лет... Но-тебя я ощутил сразу. В тебе нет злости к нашим богам! И ты не служишь чужому богу... как они!

Голос стал угрожающим, я сказал поспешно:

— Благородный Угаларн, они не враги!.. Они... мои спутники. Младшие.

Ланзерота передернуло, Рудольф укоризненно покачал головой, даже принцесса высокомерно вздернула голову. После паузы голос произнес угрюмо:

— Ладно, если они тебе нужны... я оставлю им жизнь. Но пусть соберут раненых врагов и зарежут на вершине холма. Мне угодно, чтобы кровью пропиталась земля. Нам, угаларнам, угоден запах крови... А трупы сожгите. Мы любим аромат горящей плоти...

Я сказал торопливо:

— Сделаем!

Я не был уверен, что смогу убедить таскать убитых и раненых на вершину, ведь грозный голос слышал только я, но буду таскать сам, куда денешься. Двадцатый век приучил делать многое из того, что ну никак не нравится. Да еще и смайлиться при любом раскладе.

Бернард приподнялся, его поддерживали под спину. Затуманенные болью глаза отыскиали меня. Я видел, с каким трудом он раздвинул полопавшиеся от жара губы.

— Дик... С кем ты говоришь?

— С тем, кто спас наши шкуры, — сказал я быстро. — Бернард, он... это великий Угаларн, он жил тысячи лет тому...

Ланзерот презрительно поморщился.

— Язычник!

Принцесса и остальные молчали. Я сказал:

— Бернард, ты знатный воин... поймешь. Он ничего не имеет общего с нашими врагами, он жил слишком давно.

Лицо Бернарда стало таким же злым и непреклонным, как у Ланзерота.

— Язычник, — проговорил он с осуждением. — Дик, запомни... Лучше умереть, чем принять помощь от врага или нечистого человека. Отринь его и забудь... Прочти дважды Воскресную, это я тебе как воин говорю... Кстати, почему он помог нам отбиться?

Я прошептал, чувствуя, что все рушится:

— Угаларн... мой дед... Ну, даже старше, чем дед...

Наступило молчание. Я чувствовал, что в воздухе что-то меняется. Наконец Рудольф вздохнул и шумно пошевелился, железо на нем гроыхнуло. Асмер неожиданно улыбнулся, подмигнул. Бернард после паузы проговорил:

— Господь велит чтить родителей, как его Самого. Так что он хоть и язычник, но дал жизнь тебе, а ты... с нами. А ты своими деяниями сможешь искупить и его нечестивую жизнь... в которой он не так уж и виновен, так как Господь прислал своего Сына спасти мир намного позже. Ладно, когда приедем... если приедем, исповедуешься и покаешься нашему священнику. А сейчас...

Сердце мое бешено стучало. Я сказал торопливо:

— Бернард, не сердись, но благородный Угаларн просил втащить сюда раненых и... гм... дорезать. А трупы сжечь. Тоже здесь. Так что я пойду таскать. Мне, конечно, не все равно подтаскивать или оттаскивать, тем более по косогору, но я обещал...

Бернард задумался, Асмер сказал быстро:

— Да что там, я помогу! Он прав, раненые могут выздороветь.

Рудольф буркнул:

— Я тоже. Родителей надо чтить.

Мы перетаскали раненых на самый верх, их отыскалось всего пятеро, священник им пытался отпустить грехи, после чего Асмер деловито дорезал, я приволок еще и два трупа. Там оставалось еще много, но я решил, что предок не обидится. Пять и два — уже семь, магическое число. Конечно, это не семь тысяч пленных, которых резали на похоронах древних царей, но и мы не совсем войско.

Кровь впитывалась и впитывалась в землю, затем раздался такой мощный вздох, что вздрогнули я, Лансерот, принцесса, а Асмер тут же выхватил кинжал.

— Хорошо...

По лицам я видел, что услышали голос все. Теперь надо вдвойне думать, о чем говоришь и что говоришь.

— Хорошо, — повторил голос. Ранее бесплотный, бесцветный, он налился оттенками, я слышал и сдержанное удовлетворение, и веселую ярость. — Вы принесли жертву. Что вы хотите?

Все молчали, я тоже, ибо, когда слышат все, в том числе и благородные, простолюдин должен держать язык пониже спины. Наконец из телеги ответил Бернард:

— Мы принесли жертву, чтя родителя нашего спутника Дика. Он силен и отважен. И хотя он молод, но это будет орел!

Голос произнес мощно:

— Слова, достойные воина, хоть и поклоняющегося нечестивым богам... Я позволяю вам зайти и узреть.

Бернард вскипел, за его спиной выругался Асмер. На этот раз первой нашлась принцесса.

— Зайти? — спросила она удивленно, я восхитился, даже сейчас в ее голосе звучало поистине королевское достоинство. — Куда?

— Если вас возьмет с собой мой потомок, — ответил голос, — то... ко мне.

Я застыл, прямо передо мной в земле появились ступеньки, ведущие вниз, во тьму. Земля никуда не исчезла, а белесое дерево ступеней я видел как сквозь прозрачную воду. Ступени даже слегка колебались, что испугало меня еще больше. Сзади ахнула принцесса, ругнулся Асмер, Рудольф загремел железом. Лансерот, судя по всему, молчал.

Я торопливо оглянулся. Священник очнулся, но все еще в полубеспамятстве, ладони шарят по земле, пальцы загребают всякие щепки.

— Ага, — сказал я. — Я их беру... Конечно, беру! Как Фатиму впереди себя по минному полю...

Ноги тряслись, ощущение было таким, словно вступил в теплую воду. Подошва ощутила ступеньку, я остано-

рожно сделал второй шаг, третий. Когда погрузился до пояса, за спиной послышался властный голос Ланзерота:

— Асмер, не спи!.. Возьми факел. Там наверняка темно.

Ступеньки вели вглубь, хоть и деревянные, но странно новенькие, не истлевшие в сухой земле прожигаемого солнцем кургана. Никто по ним не ходил, это не московское метро, здесь все, что там внизу, спустили один раз, после чего запечатали навечно. За спиной колыхался красный трепещущий свет. Асмер догнал, я взял из его руки, не глядя, факел и краем сознания отметил, что это получилось у меня достаточно властно и естественно. По крайней мере Угаларн видит, что я здесь... ну, главный.

По обе стороны утоптанная земля, я успел заметить даже сухие травинки, обломки глиняной посуды, черепки и кости мелких животных. Ступени вели и вели вглубь, я боялся оглянуться, трепещущий свет мощного факела хреневее любого зачуханного фонарика, того и гляди загремишь во тьму...

Спускались долго, уже не только ниже уровня земли, но где-то на уровне океана, если не глубже, по бокам земляные стены незаметно сменились каменной кладкой. Подошвы моих сапог так же незаметно от шлепанья перешли на сухой стук по широким ступеням из темного гранита. Ход стал шире, я ощущал всеми фибрами и жабрами, что мы уже точно глубже уровня океана, а ход неумолимо ведет и ведет вниз, вниз, в таинственную усыпальницу, что останется невредимой и тогда, когда от кургана не останется и горстки пыли. Деревянные ступеньки, понятно, рассыплются в прах вместе с курганом, а вот камень — вечен...

Я устал опускаться в напряжении, несмотря на то что с момента, когда пошли каменные ступени, мы уже не продавливаемся сквозь разжиженную для нас землю. Здесь в самом деле пустота, застоявшийся воздух, а впереди...

Дыхание остановилось, я сделал еще несколько шагов на подгибающихся ногах. Помещение тонуло во тьме, но я ощущал, что оно невероятно огромно. Рядом в стене

светильник, масло давно испарилось, но тряпичный фитиль цел, лежит, какдохлый червяк. Огонек от моего факела вспыхнул неожиданно легко. Осветился участок стены из массивных гранитных блоков. Странно, от ровного огонька светильника зажегся соседний, от него еще один, еще, и по всей стене побежала цепочка огоньков, при виде которой у меня на миг мелькнуло нехорошее чувство тревоги, будто огонек бежит по бикфордову шнуру.

За моей спиной послышались потрясенные вздохи. Кто-то помянул нечистого, Рудольф забормотал молитву. Свет все еще бежит вдаль, но я сам с потрясением видел помещение, которое больше всего напоминало станцию метро. Старинную, добротную. Типа «Маяковской», только сюда опускаться поглубже, поглубже. Но тот же красочный полукруглый свод, мраморный пол из крупных цветных плит. Только нет по краям канав с рельсами, зато посредине виднеется нечто вроде...

Сдерживая сердцебиение, я осторожно продвигался к этой каменной плите, что напоминала больше всего огромный стол. В голове почему-то завертелись строки: «Где стол был яств, там гроб стоит...» — и чем ближе я подходил, тем больше убеждался, что там в самом деле... гроб.

Глава 22

Массивный, из черного гранита, что выглядит богаче и торжественнее мрамора, теплее мореного дуба. Сверху крышка, тоже из камня, во всю длину барельеф в виде меча, по обе стороны буквы или пиктограммы, узор из листьев, крылатых коней, грифонов, змей с распахнутыми пастями, скачущих всадников.

Такой же затейливый узор и по стенам саркофага. По всем четырем. Я остановился перед гробом, за спиной слышал сухой голос Ланзерота:

— Рудольф, Асмер!.. Вон там под стеной амфоры. Проверить.

— Кувшины? — переспросил Асмер.

— Да. В таких обычно масло. Одного хватит, чтобы сжечь наверху покойников.

Тонкий прерывающийся голос принцессы:

— Хотя мне без вас страшно, но надо торопиться.

— Сделаем, ваша светлость!

Под стенами оказались не только кувшины с маслом. И вином. И зерном. Я шел вдоль стены, где сундуки и скрины, ларцы и просто окованные медными полосами ящики, все это громоздится в три ряда. Похоже, были и мешки, полотняные или кожаные, но все истлело, а на том месте сейчас только горки золотых монет, драгоценных камней, перстней, колец, золотых брошек... Эти кучки достигали мне до пояса. За спиной изумленное аханье, принцесса растеряла королевское величие, ее пальцы то и дело ныряют в груды драгоценностей, выхватывают то одно украшение, то другое, она даже примеряла к себе, потом, спохватившись, с виноватым смехом клала обратно, но тут же, не вытерпев, хватала что-то другое...

Я шел довольно равнодушный, я вообще-то не отличаю драгоценные камни от цветного стекла, даже золото не воспринимаю как нечто ценное, понимаю только рубли или доллары, а за эти рубины ничего не купишь, их надо менять, продавать, а эти промежуточные операции нагоняют тревогу, какой-то средневековый криминал, даже если в центре Москвы.

Противоположная стена вся отдана под оружие. Тут и мое сердце забилося учащенное, надоело перебиваться чем придется, тут я могу выбрать что-то по себе. И хотя рыцарскими доспехами здесь не светит, все же тут самые разные кольчуги, иные — с дырками, значит — с героев сняли, именные, но мое внимание больше привлекли безымянные, но зато добротные.

Сверху сбежали, почти скатились по ступеням запыхавшиеся Рудольф и Асмер. Рудольф спросил с беспокойством:

— Здесь все в порядке?.. А то нам почудилось...

— Сожгли? — спросил Лансерот.

— Пламя до неба, — заверил Рудольф. — Что там за масло в кувшине?.. Едва сами успели отпрыгнуть. Вон Асмер как заяц сигал, а уж вершал...

В огромном помещении раздался глубокий вздох удовлетворения. Земля чуть дрогнула, с потолка посыпалась пыль. Мы замерли в страхе, под ногами прокатился гул и удалился. Затем в полной тишине раздался могучий голос, я снова почти зримо увидел могучего мужчину с черными волосами до плеч, яростным лицом и круглыми орлиными глазами.

— Смертные... Жертва воинов, павших в бою с мечами в руках... Для полководца нет желаннее... Это не хныкающие младенцы или вопящие девственницы... Приветствую тебя, мой потомок!.. Но превратности боев лишили тебя оружия, достойного потомка Угаларна?.. Подойди.

Трепет пробежал по всему моему телу. Сзади шумно дышал Рудольф, не с его тушей бегать вверх-вниз по лестнице, рядом с ним беспокойно переступал с ноги на ногу Асмер. Тело мое застыло, но я велел ему двигаться, я ж современный, у нас ожившие мертвецы в каждой игре, фильме, игрушке, на майках и картинах в Доме художников.

Крышка гроба приподнялась. Взметнулась пыль, я успел увидеть нечто кувыркающееся, инстинктивно подставил руки. В правую ладонь со смачным чмоканьем впечаталась рукоять кувалды. Нет, молота. Или все же кувалды, я не очень секу разницу между молотом и кувалдой. Рукоять короткая, из потемневшего дерева, отполированного множеством ладоней... или одной, но чувствуется, что этот молот бывал в руках часто, хотя я все еще не представляю, как им драться. Будь рукоять подлиннее, удобно бы крушить железные шлемы и даже латы...

За спиной досадливо крикнул Рудольф. Я сам чувствовал себя обманутым. Втайне мечтал о новом необыкновенном мече, пусть не рыцарском, это сейчас рисуем древних с длинными красивыми мечами из супербулата, а на самом деле, как читал по истории, их мечи не длиннее

мечей римских легионеров, у моей бабушки нож для разделки рыбы вдвое длиннее...

— Мой подарок! — прогремел голос. — Я с ним прошел всю Мидию, Цению и Агафалк. Пусть же послужит тебе, как послужил мне!

— Спасибо, — пробормотал я. — Если еще позволишь выбрать что-нибудь...

За спиной прозвучал настойчивый голос Рудольфа:

— Дик, кланяйся и благодари. Кланяйся и благодари!.. Мы там раненого Бернарда одного оставили, не забыл?

Про священника он даже не упомянул, святоша.

— Понял, — прошептал я, а громко сказал: — Впрочем, нам пора. Предстоит прорываться, враги окружили весь курган.

Голос сказал величественно:

— Идите. Прорветесь. Там всего лишь нангулы, они поднимаются из земли по зову очень сильного колдуна. Он там один, с ним еще двое помощников, остальных вы убили...

Мы гуськом потянулись из захоронения. На всякий случай я захватил горсть золотых монет, по крайней мере это все-таки понятные деньги, пусть и стоят меньше, чем драгоценные камни.

Бернард сидел, опираясь спиной о повозку, лицо бледное, исхудавшее. Рядом с ним священник, бледный, зеленый, в обеих руках фляга с вином. Никто из них не заметил, что у меня на поясе болтается тяжелый молот, простой и неказистый, как будто я спер его в деревенской кузнице.

— Воют, — сообщил Бернард мрачно. — Мороз по шкуре... Гады.

— Нангулы, — вздохнул Асер. — Дикое, что с них возьмешь?

Бернард насупился.

— Кто-кто?

— Это такие ожившие мертвяки, — пояснил Асер

так же небрежно. — Да ты не тревожься, они так поднимаются вот уже тысячу лет.

— Больше, — бросил Рудольф. Он полез в повозку, слышно было, как грохочет там чем-то тяжелым. Высунул голову, добавил: — Тыщи две, не меньше.

Он скрылся снова, а Бернард спросил зло:

— Что он мелет?

Ланзерот остановился, меня игнорировал, сказал заботливо:

— Ты был прав.

— Я всегда прав, — сказал Бернард гордо. Потом поинтересовался: — Ты о чем?

— Они не могли просочиться через границу такой огромной толпой...

— Просочились же, — буркнул Бернард.

— Нет, пробрался только один колдун. Но сильный, правда. Он-то и поднял здесь из земли павших... не знаю, простые это мертвецы или какие-то особые, но там внизу... гм... нам сказали, что опасен только колдун. А остальных живых, кого он наберобовал здесь за деньги, мы уже вбили в землю по ноздри. А кого не вбили, того сожгли.

Бернард взглянул ему в лицо, перевел взгляд на меня, покачал головой, увидев на поясе прицепленный молот.

— Ну-ну, ты говоришь так понятно, что тебе бы в прелаты... И там внизу тебе все сообщили и на колдуна пальцем указали... Да еще и рассказали, как переколдунить эту мразь?

Ланзерот сказал неожиданно:

— Надо двинуться прямо сейчас.

— Ты с ума сошел?

— Они уверены, что будем отсиживаться до утра. Утром нангулы волей-неволей уйдут под землю, вот тут бы нам и на поиски колдуна. Понятно, что он либо спрячется, либо таких ловушек настроит... А к следующей ночи, если еще доживем, он будет втрое сильнее, а вот мы...

Рудольф и Асмер, слушая вполуха, уже запрягали волов. Мы оставили коней, Ланзерот вел нас вниз тихо, скрытно, но мечи вытащили, только Асмер пока что держал ог-

ромный лук, однако рукоять меча колыхалась прямо под ладонью.

Я сжимал молот, довольно нелепое оружие, ручка непропорциональна, даже мне видно, а Рудольф и Асмер вовсе надрывают животики. Ланзерот не улыбнулся даже, он презирает молча.

В ночи, пусть и подсвеченной лунным светом, багровые костры смотрятся ярко, вызывающе. Далеко внизу, ровная цепь, идет по кругу, опоясывая курган. Понятно, все расположились прямо у подножия. Мы крались так тихо, что я усомнился в рыцарстве Ланзерота, по моему глубокому убеждению, рыцарь ни за какие пряники не согнет спину, не станет подкрадываться, а только лицом к лицу, грудь в грудь, честным оружием, даже арбалет для рыцаря стыд и позор...

Из темноты раздался тихий голос:

— Ваша милость, голову даю на отрез, колдун вон там...

Я всматривался до рези в глазах. Перед кострами сидят и лежат темные фигуры, некоторые прохаживаются между кострами. Ничего зловещего не видно, по крайней мере отсюда все выглядят просто вооруженными людьми. А мертвецы они или не мертвецы, так для меня всякий, кто умеет говорить и мыслить, — уже не мертвец, для признания мною живым человеком наличие души не требуется...

Надо мной промелькнула черная тень. Но угрозы в ней я не ощутил, в голосе было нечто покровительственное, как к тайному сообщнику. Испугавшись, я постарался не думать, что же отличает живого от неживого, взгляды человека двадцатого века могут круто отличаться от нынешних взглядов, для которых наличие души важнее, чем когито эрго сум. А я все-таки конформист, как человек двадцатого... тем более уже двадцать первого века.

За моей спиной Асмер положил на траву меч, колчан со стрелами торчит над плечом, я услышал легкий треск сгибаемого лука. Я сделал несколько глубоких быстрых

вдох-выдох, нагнетая кислород в кровь, задержал дыхание.

Первая стрела свистнула почти бесшумно. Дальше я слышал только треск сгибаемого лука, тугие щелчки тетивы. У костров люди падали, как груши. Крик раздался, когда не меньше шести фигур распласталось, пораженные стрелами.

— Наше время! — сказал Ланзерот громко.

Рудольф ринулся вниз едва ли не раньше, я замешкался, успел увидеть, как Асмер выстрелил еще дважды и подхватил меч. Я бежал по склону, орал, размахивал нелепым молотом, клялся себе, что влуплю раз, только раз, для пробы, а потом выдерну эту великолепную полосу стали, рукоять торчит у меня над левым плечом...

Нангулы, застигнутые врасплох, все же слаженно отступили. Начали подхватывать с земли щиты, выстраиваться в боевые порядки. Ланзерот налетел, как лев, его громовой голос заглушал звон железа. Рудольф рубил и крушил, как бык, а ревел, как пароходная сирена, разгоняя лодки туристов.

Я увидел расprostертые тела, у одного в руке зажат топор, а у другого и вовсе меч — длинный, со странным светящимся лезвием. Были трупы, сраженные стрелами, с копьями и странного вида алебардами, но я бросился к мертвецу с мечом. Мне бы таблетки от жадности, а то что это за нелепая страсть к мечам: за плечами — великолепный меч, такой только у Галахарда, как говорят, а я все надеюсь найти еще круче, еще острее...

От ближайшей группки один не выдержал вида такого мародерства, бросился ко мне. Я как раз наклонился и начал выдирать меч, но пальцы мертвеца вцепились в рукоять мертвой, естественно, хваткой.

Защитник бежал ко мне, уже вскинул топор. Я, не помня себя, швырнул в него молот, а сам обеими руками ухватил застывшие пальцы, с силой разогнул... и тут меня так ударило по фалангам правой руки, что я взвыл и выпустил руку с мечом.

А на землю бухнулся мой молот. Мертвеца, который бежал на меня, не стало. Еще не веря в себя, я подобрал молот другой рукой, неумело швырнул в ту группку, за спинами которой уже появился высокий старик в черной одежде со звездами на плаще. Я держал его взглядом и мысленно умолял молот попасть именно в колдуна, именно в этого гада, что прячется за спинами насильно мобилизованных...

Молот понесся, как птурс. Мне даже почудился треск вспарываемого воздуха и частые хлопки, как при взлете испуганного голубя. Страшный удар, звон искореженного металла — грудь ближайшего мертвеца расплескало, а молот развернулся по короткой дуге и так же стремительно ринулся ко мне. Я сжался, инстинктивно растопырил ладонь и попытался поймать. Впечатало отполированной рукоятью, как конь шершавым копытом. Я смотрел неверяще, потом заорал:

— Колдуна!.. Колдуна достань!..

Размахнулся и швырнул, как гранату, держа взглядом старика. Нангулы мелкими шажками двинулись вперед, у старика между вскинутыми руками заблестала зловещая сиреневая молния. Мертвецы на глазах начали расти, их плечи раздвигались, а руки становились длиннее и толще.

Кто-то из нангулов уже выставил копьё в мою сторону. Двое выдвинули огромные щиты, закрывая колдуна. Молот с грохотом проломил живую стену, словно я метнул его в картонную декорацию. Раздался страшный крик. Земля дрогнула, а с неба посыпались крупные перья.

Справа слышался треск, грохот, звон, крики, рев. Ланзерот и Рудольф, как два грозных быка, ломили и крушили нангулов, вбивали в землю, рассекали на части, топтали, сбивали с ног. Асмер рубился чуть позади и первым сориентировался, закричал:

— Сэр Ланзерот!.. Ваша милость!.. Они уже не воюют!

Ланзерот двумя могучими ударами поверг еще двух, прежде чем до него дошел смысл слов своего соратника. Я видел, как даже в лунном свете бледное лицо рыцаря

покрылось краской стыда, он-де рубил тех, кто бросил оружие!

Нангулы оружия не бросали. Они просто перестали замечать нас. Молча и равнодушно, уже не люди, а в самом деле живые мертвецы, застывали неподвижно и тут же медленно погружались в землю, как в воду, но без всплеска, без волн или плавно расходящихся кругов.

Сверху послышался задыхающийся голос:

— Управились? Лаудетор Езус Кристос...

— Лаудетур, — ответил Асмер. — Ты чего на коне?

Бернард едва держался в седле, но на бледном лице глаза блестели, как озера.

— Ее Светлость, — сказал он, — меня подлечили... Как же вы без меня управились?

— Еще не поняли, — ответил Асмер. Он обернулся ко мне. — Что у тебя за молот? Ты ж их как сухие листья!.. Колдуна, как жабу сапогом...

Бернард с высоты седла всматривался в мой неказистый молот.

— Неужто, — прошептал он почти благоговейно, — это из тех молотов, что были у древних богов... что не признали Христа и стали демонами? Раньше таких молотов было немало, но мастера вымерли, а молоты переходили из рук в руки, пока не затерялись... Кто ж знал, что в этой гробнице! Я бы сам полез хотя бы на четвереньках...

— Ему подарили, — вступился Асмер. — А ты рылом не вышел, понял? Тебе разве что по шее бы... надарили!..

— Гм... Дику же отвалили? Но молот, молот... Раньше, когда верили в их существование, короли отправляли целые войска на поиски. Последним посылал своего сына с тысячей воинов и тремя могучими колдунами король Аталрган, властелин земель Долины Скачущего Кота. Сейчас там королевство Кельтулла...

— Нашли?

— Только свою смерть. Во всяком случае, никто не вернулся. Просто не вернулись... и все. Больше о них не слышали.

Я пробормотал:

— Надеюсь, они искали не в этом кургане. А что за Старые Мастера?

— Как-нибудь расскажу, — пообещал Бернارد. — А сейчас надо убираться отсюда поскорее.

Снова я хватался за колеса, на этот раз не подталкивал повозку, а удерживал, чтобы не понеслась и не покалечила волов: спускаемся напрямую, время дорого.

Священник уже пришел в себя, вдвоем с принцессой затанули раны Бернарда. Бернарда мучил голод, он даже в седле вытаскивал из мешка и ел хлеб, сыр, холодное мясо.

Когда потащились по равнине, я кое-как взобрался на своего коня, только бы не проговориться, как он мне достался, ноги дрожат, а спина ноет, будто повозку нес на спине.

Глаза Бернарда с жадной цепкостью прошли по молоту у меня на поясе.

— Ага, — сказал он, — я ж обещал!.. Когда-то меня проткнули копьем почти насквозь, я с полгода отлеживался в Гинтском монастыре. Там у них большая библиотека... Конечно, все жития святых, Писания, апокрифы и разное всякое, но туда стащили и все старые фолианты, что не сожгли в первые же годы... Правда, таких осталось мало, если честно. Вот и читал то хроники древних королей, то истории войн, то жития... да не святых, тогда главными были полководцы и потрясатели земель и народов... Так вот в самые давние времена воевали здесь вообще не люди, а всякие там демоны... тогда они, я ж говорил, были богами, а теперь, не признав Христа, превратились в демонов... так вот эти демоны дрались и между собой, и с гномами, и эльфами, гоняли троллей и кобольдов, людишек разных... Правда, тогдашние люди нам не в пору, на равных дрались с богами. Ну, тогда и боги были помельче, и люди покрепче. Их так и звали полубогами... а иные так и вовсе... вон Унтапиштим, как сказано в летописях, на три четверти бог, на четвертушку — человек... Словом, войны были нешуточные. А раз воины не в при-

мер нынешним, то и оружие было... гм... иное. Читывал я про лук, что пробивает сорок доспехов, поставленных в ряд, про топор, что делает хозяина неуязвимым, пока тот не выронит из рук, про боевого коня, что за сутки может проскакать от Края Мира до другого Края, про всякие амулеты, кольца, серьги, браслеты...

— А молот? — спросил я. — Что насчет этого молота?

Бернард развел руками.

— Насчет молота не знаю. Слышал только, что были... Ты лучше не виси его на поясе, не виси!.. Упражняйся. Хоть и непростой молот, а у дурня в руках только беды наделает, а не пользы...

Я отъехал в сторонку, глаза высматривали цель. Ага, вон массивный валун у дороги. Похож на придорожный камень, но не видно ни рун, ни знаков, ни стрелки с надписью: «...а прямо поедешь — об этот камень навернешься».

Рукоять молота охотно скользнула в ладонь и устроилась уютно в пальцах. Я метнул, воздух протестующе затрещал. Я ждал звонкий удар, в лучшем случае массивный валун даст трещину, раз это не простой молот, а молот древних богов...

Страшный треск, будто лопнула каменная гора. Острые осколки камня пропороли воздух со свистом взорвавшейся авиабомбы. На месте валуна возникло серое облачко каменной пыли и крошки, что быстро осело поверх торчащих из земли блестящих каменных лезвий, похожих на зубы подземного зверя.

Кони испуганно ржали. Бернард выругался, но в его громовом рыке было больше восторга, чем ярости:

— Ты что, совсем дурак?.. Отъедь подальше!

Асмер едва удержал прыгающего под ним коня. Тот трясся и прижимал уши. Асмер выкрикнул:

— Ну, Дик!.. Ну... я даже и не знаю!

Я сам дрожал, как три коня Асмера, ладони вспотели, пальцы едва держали чудесный молот. Послушно отъехал в сторону, долго не решался повторить попытку, но ведь без учения любая техника мертва, и я начал бросать, сперва робко, а потом наглее и наглее — во все встречные ко-

ряги, пни, камни, деревья. Конь быстро перестал вздрагивать, а потом вообще не обращал внимания на летящий в его сторону тяжелый молот.

Сперва мне казалось, что молот летит не дальше, чем могу добросить, а кидала из меня неважный, потом заметил, что больше зависит от настроения. Конечно, как бы ни разозлился, не доброшу до вон того хребта, но если брошу с воодушевлением, скажем так, то понесется как реактивный снаряд, сокрушит, разнесет, а по красивой дуге вернется. Только не бойсь подставить уже здорово побитую ладонь.

Я пробовал не ловить, молот шлепался у ног. Сперва я ощутил облегчение, но Рудольф, который увидел такую хитрость первым, скривился, я сразу упал в его глазах на уровень даже не простолюдина, а жены простолюдина, если не его престарелой тещи. Пришлось стоически задерживать дыхание, с красивой смайлой на лице подставлял ладонь, уже вспухшую, как у нерадивого бурсака, хватал и мужественно смотрел вдаль орлиным взором, как подбает мужчине. Высматривал новую цель, значитца.

Ланзерот все видел, морщился, но помалкивал. Бернارد, чтобы как-то сгладить впечатление, сказал оправдывающимся голосом:

- В стране Ланзерота вообще молот не оружие.
- Все на свете, — заметил я осторожно, — оружие.
- Гм... Ну, там нет отрядов, где на вооружении молоты. Топоры — да, двенадцать видов, а вот молотов — ни одного. Как вот, скажем, в королевстве Бургелия запрещены арбалеты и луки, как нечестивые виды оружия.
- Церковь добилась? — спросил я.
- Откуда знаешь? — удивился Бернارد.
- Да так, — ответил я туманно, — слухи... А Ланзерот разве не из Зорра?

Как помню, церковь не раз декретами запрещала арбалеты и луки, а потом — порох, пушки, пулеметы... Последнее, что она запрещала и проклинала, — атомные бомбы. Но про крылатые ракеты уже ни слова, выдохлась.

Непротивление Злу — прекрасно, но Бог Богом, а жисть есть жисть.

— Ланзерот из Горланда, — ответил Бернард со вздохом, не обращая внимания на непонятные слова, как привык не обращать внимания на латынь. — Это страна далеко на юге.

— Дальше Зорра?

— За Зорром лежат Скарланды, сейчас захваченные Тьмой, а уже за Скарландами — Горланд. Это небольшая горная страна, бедная, но там живут сильные и отважные люди. Уже и Скарланды пали, а Горланд кое-где еще держится... Не весь, понятно, долины захвачены, но отважные бароны в своих горных гнездах держатся! Конечно, основные силы Тьмы двинулись дальше, сейчас уже осадили наш Зорр, но бароны все еще держатся, держатся, держатся. Силы их, увь, тают. И, похоже, души тоже постепенно покидает надежда, что вообще выстоят.

У меня невольно вырвалось:

— Так почему же не отступают в благополучные земли?

Бернард покосился удивленно, Асмер фыркнул, а Рудольф махнул рукой, предлагая не обращать внимания на несмысленныша. Я понял, что Рудольф буквально спас мою шкуру, ибо я предложил, по их понятиям, настоящую гнусность.

— Опорой стали даже не замки, — продолжал Бернард, — а монастыри. Не тем, что стены крепче... просто у Тьмы там меньше сил. Приходится только мечами да топорами, а колдовство тью-тью. И чем ближе к монастырским стенам, тем колдовства меньше.

— Но что могут монахи? Разве они не клялись не брать в руки оружия?

— В монастыри бегут окрестные крестьяне. Их села сожжены, туда стягиваются рыцари, бароны, да и всяк, кто способен носить оружие и не желает позорно бежать с наших земель!

Я по-новому взглянул в подчеркнутую прямую спину

рыцаря. Похоже, Ланзероту кажется недостаточно достойно отсиживаться за крепкими стенами, отражая вялые приступы. А здесь он наступает.

Полдня ехали без приключений, потом Ланзерот остановился, подал условный знак. Рудольф и Бернард тут же взяли в руки топоры и пустили коней далеко вправо и влево от дороги. Я хотел последовать за Бернардом, но из повозки высунулась принцесса. Глаза ее были встревоженные.

— Дик, — позвала она. — Дик!.. Держись поближе.

— Но там опасность...

— Патер чувствует приближение Зла!

— Он его во всем чувствует, — ответил я, но конь мой, повинаясь непроизвольному содроганию моих мышц, пошел боком к повозке. Принцесса уже скрылась, я ехал рядом, прислушиваясь, надеясь уловить запах ее волос, аромат ее кожи или хотя бы дыхание.

Когда повозку тряхнуло, слабо громыкнуло, будто столкнулись скалы. Послышался сердитый голос священника, тут же он забормотал молитву, поспешно раскаиваясь в грубом слове, гневе, давая новые обеты смирения.

Далеко впереди вроде бы слышались слабые крики. Я насторожился, привстал в стременах. Там, за клочьями неопрятного тумана, взметнулась желтая пыль, взлетели испуганные птицы. Как будто бы донеслись слабые удары металла о металл...

— Дик!

Это отчаянно кричала принцесса. Я вздрогнул, справа шагах в десяти прямо из травы поднялись крупные разрисованные цветной глиной люди. Моя рука шлепнула по рукояти молота, так пьяный ганфайтер бьет по кобуре. Молот вырвался из ладони, как воробей, часто-часто хлопая по воздуху невидимыми крыльями, но ударил, как противотанковый снаряд, вернулся в ладонь, я метнул в другого, третьего, а четвертого я встретил уже грудь в грудь.

Его кривой меч со звоном ударил о мой щит, в ответ я шпажно ткнул мечом в голый живот. Человек отчаянно вскрикнул, я тут же выдернул лезвие и послал коня на другую сторону повозки. У колес лежали двое, пораженные стрелами, пузырились широкие лужи слизи, а еще двое вытащили принцессу, один перебросил ее через луку седла, яростно пришпорил коня...

Она дралась, кусалась, царапалась, а затем, когда поняла, что вырваться не сможет, закричала:

— Дик!.. Помоги!

Этот крик стегнул меня по нервам, как пропущенный через тело электрический ток. Легкий степной конь уходил на немыслимой для наших могучих коней скорости, всадник пригнулся, прижимая принцессу и уменьшая сопротивление ветру... Молот разнес ему затылок, как если бы кто палкой ударил по гнезду с куриными яйцами. Принцесса вскрикнула, однако сумела перехватить повод, замедлила бешеный бег, я догнал, вместе столкнули с седла убитого, но тот зацепился ногой в стремени и поволокся следом.

Я едва не плакал от любви и жалости к принцессе, настолько она прекрасна в своем божественном испуге, бледная и решительная, на волосах, плечах и руках отвратительная грязь из разбитой вдрезыг головы разбойника, но глаза горят решимостью, руки дрожат от ужаса, но делает все, что нужно, ибо на то мы и люди, чтобы делать то, что нужно, а не то, что хочется...

Галопом вернулись к повозке, а с другой стороны так же галопом мчались Ланзерот, Бернارد и Рудольф. За ними вихляющей рысью торопился Асмер, он пошатывался в седле.

Из повозки высунулся священник, в руках арбалет со взведенной тетивой. Волосы дико всклокочены, в глазах ужас, стыд. Завидев всех нас, он отшвырнул арбалет, упал на колени перед ближайшим разбойником, забормотал молитву.

Ланзерот, увидев принцессу, вздохнул с великим облегчением. Бернارد сказал виновато:

— Впереди в самом деле была засада... Но, выходит, рассчитали правильно. Засадой просто отвлекали.

Рудольф бросил зло:

— И ворон, похоже, пугали сами. Дик, ты молодец.

— Их было немного, — ответил я, как положено отвечать герою, и покосился на принцессу. Но она, видимо, уже считала меня героем, потому лишь торопливо срывала верхушки трав и брезгливо счищала с себя грязь. — Но заметили, что нападают все чаще?

Глава 23

Но участились не только нападения в пути, как я заметил. Все чаще чувствовал пристальное внимание чего-то незримого. Нет, при всем неверии в астрологию и прочую хреномантию, я сталкивался с необъяснимым и раньше. Начинает вдруг вертеться в голове песенка, да так назойливо, а через некоторое время приятель рядом начинает напевать ее вслух. Если это не магия, то не магия и это вот прощупывание меня на расстоянии, не магия мои полеты во сне, когда я могу подражаться с такими же... летунами. Даже мой летающий молот — не магия, ведь с ним все понятно и предсказуемо. Даже понятнее, чем, скажем, с электричеством, которое непонятно абсолютно всем, даже самым ученым академикам.

Однако это незримое внимание бывало иногда просто отвратительным. Словно кто-то огромный, водя окуляром микроскопа по капельке воды, вдруг из мириадом амёб выбирал именно меня, всматривался, а его мощь сверхсущества действовала... очень сильно, чтобы не сказать больше.

Пытаясь стряхнуть ощущение чужого присутствия, я начинал думать о принцессе, о ней думать всегда приятно, и в этих случаях я чувствовал, как это нечто огромное в разочаровании убирает от меня всеильные щупальца.

С юга, где особенно чистое синее небо, потемнело, пошли черные, тяжелые, как горные цепи, тучи, давящие

и угнетающие. Дышать стало тяжелее, даже мой простой кожаный панцирь давит на плечи. Желание пустить коня вскачь сменилось на стремление найти нору и забиться поглубже.

В тучах грозно потрескивало, словно лопался камень, грохот катился по долине, сшибая углы и превращаясь в обкатанный рокот, все еще грозный, но не такой свирепый.

На краях черной тучи страшно-забелела пена, словно на узде загнанного коня. Я часто посматривал наверх, там кривляются злобно и корчат гримасы жуткие рожи. Помню, в глубоком детстве я еще видел в облаках скачущих коней, бегущих слонов, снеговики, паруса кораблей Магеллана, сказочные замки, но уже давно вижу только облака, просто облака. Да и какие облака над Москвой, так, грязные серые тучи, лохматые и загаженные промышленными газами.

Но сейчас в самом деле вон там проплывает замок, настоящий замок из белейшего мрамора. Буквально утопает в защитных укреплениях, солнце искрится на вершинке вала, вот края подъемного моста... Но я чувствую, как откуда-то наблюдает за мной неотрывно и злобно.

Островки леса попадались реже. Если север весь в непроходимых лесах, дремучих и болотистых, то сейчас колеса нашей повозки оставляют след в безлесных долинах, в равнинной степи. Но зато, когда встречаем лес, деревья вдвое, если не втрое выше северных, да и толще почти впятеро...

«На севере почти сплошь болота, — подумал я. — А на болотах какие деревья растут? Больные, мелкие, не породистые. Зато здесь если выживают, то обязательно великаны...»

Останавливались всегда в лесу. Во-первых, хорошее укрытие, во-вторых, такие леса вырастают не на пустом месте: там обычно родник, а то и начало хорошего ручья, что может уйти в песок всего через пару сот шагов.

Мы направились к такой роще, Ланзерот указал на-

правление, где наверняка вода, там вершинки деревьев зеленее, Асмер держал перед собой двух подстреленных по дороге косуль...

Деревья затрещали. Мне показалось, что в глубине леса бригада лесовальщиков: одно дерево с треском повалилось в сторону, другое, третье... И лишь когда упало четвертое, я с ужасом сообразил, что никакие стахановцы не пилят лес с такой скоростью и что кто-то двигается через вековой лес, раздвигая и ломая деревья, как я шел бы через камыши!

— К бою! — прокричал Лансерот. Он первым понял, что, кто бы ни шел, от такого бегством не спастись, рука его с жутким лязгом выдернула меч. Одно движение головой, и забрало с металлическим лязгом закрыло ему лицо. — Асмер, копье! И — уводи повозку!

Кнут засвистел, на воловьих спинах плетть обрушивалась с пистолетными хлопками. Волы понесли, Асмер не стал рвать рубаху и кричать, что он — воин и потому примет бой вместе со всеми, на ходу что-то крикнул в повозку, оттуда руки принцессы и священника выбросили длинное рыцарское копье.

Ближайшие к опушке деревья еще не рухнули, а мы увидели огромную лохматую голову, что мелькнула на уровне вершин. Кровь застыла у меня в жилах. В следующий миг дерево вздрогнуло, переломилось посередине.

Из пролома шагнул человек, который показался приземистым, настолько широк, хотя головой достигал вершин дерева. Лохматая нечесаная голова размером с нашу повозку, грязная борода до пояса, мохнатое, как у зверя, обнаженное тело, только от пояса и ниже в подобии шортов из толстых турьих кож, босые ступни...

Хуже того, в правой руке у него дубина, ею и крушил деревья, хотя мог бы ломать их голыми руками, как хвостыны.

Лансерот, уже с копьем в руке, горячил коня. Острие колебалось, я видел, что рыцарь мучительно выбирает, куда нанести сокрушающий рыцарский удар, когда вся мощь тяжелого коня и панцирного рыцаря сливается

в одно... Но здесь до сердца не достать, даже до живота. Разве что в колено...

Рудольф и Бернард с топорами в руках встали по обеим сторонам рыцаря. Кони вздрагивали, звериный запах великана достиг ноздрей. Я тоже услышал, по коже побежали пупырышки. Только от этого запаха можно схватить инфаркт, в нем вся мощь зверя, ярость, жестокость, сокрушающая мощь, против которой бороться просто немыслимо.

Дрожа, я все же заставил коня приблизиться к воинам. Молот, казалось, заерзал в ладони от сильнейшего возбуждения.

— Вывози, — прошептал я. — Только на тебя надежда... Иначе мы пропали!

Размахнулся, швырнул изо всей силы, сжался, молил всеми фибрами ударить как можно сильнее, как можно сильнее...

Великан содрогнулся, как если бы в огромное высокое дерево с силой ударил скатившийся с горы валун. Дубину не выронил, но остановился, левой рукой ухватился за левую сторону груди, куда ударил молот.

Я подставил ладонь, шлепок, стало горячо, я размахнулся снова и крикнул:

— В лоб!.. В лоб мордоворота!

Молот из моей руки уже вырвался, как управляемый снаряд. На этот раз услышали глухой удар, треск. Великан содрогнулся снова, пальцы разжались, дубина выскользнула. Колени начали подгибаться. Дубина ударилась о землю так, что под ногами послышался гул, а затем рухнул и великан.

Земля дрогнула, качнулась, деревья испуганно затряслись, как трава под ветром. Я растопырил пальцы, рукоять смачно шлепнула по мозолям, я метнул снова. Так сказать, контрольный выстрел. Молот ударил вяло, я поймал на лету и, не вешая на пояс, осторожно пустил коня к поверженному гиганту.

Даже лежа, он был почти в мой рост на коне, достаточно

рослом. Молот, как видно, угодил в середину груди, проломил, смял, как пластилин. Вмятина такая, что и позвоночник, наверное, тю-тю, раздроблен в муку. Торчат обломки костей, а густые алые ручьи текут широко. Под великаном уже широкая лужа, а будет озеро. Он смотрел с бессильной яростью, крошечный мозг еще жив, но сердце уже перемешано в жидкую массу с обломками костей, не крупнее его зубов.

Толстый, как скальная плита, лоб расколот. Вмятина такая, словно в стену бункера угодила крылатая ракета. Кровь хлещет ручьями, заливает глазную впадину и стекает на землю.

Лансерот оглянулся, в прорезь шлема я видел вспыхнувшие яростью глаза. У рыцаря был такой вид, что сейчас ринется и проткнет меня копьем, Бернард ухватил его за руку, что-то сказал, а мне крикнул:

— Дик!.. Твой молот... твой молот...

А Рудольф заорал ликующе:

— Дик!.. Да если даже это нечестивый молот, но... лишь бы довести мощи!.. А там освятим!

«Хренушки, — подумал я. — А если превратится в обычный молот? Нет, уж пусть лучше останется колдовским...»

В небесах как будто прозвучал смешок. Я быстро вскинул голову. Облака превратились в темные рваные тучи. Их несло пугающе быстро, а в самой середине синего неба туча сворачивалась в странном водовороте. Она уже стала похожей на спиральную галактику, только эта туча вращались все быстрее и быстрее. Снова я ощутил на себе чужое внимание, будто меня рассматривали в капле воды через мощный окуляр.

Повозка неслась с невиданной прытью, потом замедлила ход, остановилась. Показалась принцесса, взобралась на свою лошадку. Асмер что-то кричал ей, но она развернулась в нашу сторону и погнала галопом.

Бернард проехался вдоль туловища великана. В глазах нашего силача было изумление, он все крутил головой, пожимал плечами и чесал в затылке.

— Какая жалость, — сказал он наконец, — что нельзя взять с собой хотя бы голову! Я бы повесил ее на стену... ну, у Рудольфа. У меня тесно. И ходил бы к нему смотреть.

— А мне жить на улице? — спросил Рудольф.

Принцесса закричала издали:

— Вы... как-то сумели? Хвала Господу!.. Я уже думала...

Ланзерот нахмурился, сказал быстро:

— Все, уходим. Погоня настигает. Мы не знаем, сколько еще продержится Зорр. Дай Бог, чтобы мы успели... Уходим!

Голос рыцаря стал жестким, неприятным. Все послушно повернули коней в сторону повозки. Ланзерот понесся впереди.

Когда порядок движения восстановился, Бернард подъехал ближе, сказал негромко:

— Дик, я даже не думал... не мог себе представить, что твой молот может завалить такого зверя!

— Откуда мы знаем, — сказал я досадливо.

Он удивился:

— Что?

— Что это зверь, — сказал я с досадой. — Может быть, он шел из леса на рыбалку! А мы напали. Сами звери...

Я заметил, что полог повозки чуть приоткрылся, откуда на меня смотрит, как на говорящую рыбу, принцесса. В глазах недоумение, хорошенький ротик приоткрылся. Бернард хмыкнул, Рудольф заржал как конь. Принцесса в беспомощности обернулась назад в темноту повозки.

— А что вы скажете, — услышал я ее голос, — отец Совнарол?

Я подъехал вплотную, принцесса опустила полог, но я услышал в повозке визгливый голос священника:

— Все, что не есть создание Божье, — Его враги!.. Господь наш создал зверей, гадов и птиц, но не великанов! Великаны — от блуда ангелов Марута и Харута с дочерьми человеческими, так в Святом Писании. Так что истреблять их всех — дело богоугодное!

Бернард посмотрел в мою сторону, заинтересовался:

— Отец Совнарол... а что говорит Святое Писание, если богоугодное дело творится нечистым орудием? Ведь молот демонов... гм... не наш, не наш! А мы — истинные сыны церкви! Я, к примеру, уходя в поход, прошу благословение не только себе, но и своему оружию.

Тишина настала неприятная. Полог откинулся, священник выглянул рассерженный, бледный, шурился от яркого света, а на меня посмотрел с явной неприязнью. Бернард крикнул, сконфузился, умолк. Священник сказал со злостью:

— Да, этот молот — нечистое орудие... И руки, что его держат, нечисты!.. Но не нам дано угадывать замыслы Создателя. Я же смиренный слуга церкви. Если доберемся до Зорра, то этот человек предстанет перед судом святой инквизиции!.. И наши мудрые и непогрешимые отцы решат как его судьбу, так и судьбу этого... этого орудия.

Меня пробрал озноб, все мы хорошо знаем из школьных учебников, что такое инквизиция. Так что еще на подходе к Зорру хорошо бы удрать в те королевства, в которых, как сказал странный проповедник, живут умом. Или сразу же по прибытии в Зорр, пока не попал в бархатные руки инквизиции, что предпочитает наказывать без пролития крови, то бишь на костре...

Горы придвигались все ближе и ближе. А пока мы проехали еще три города, преданных огню. Последний еще дымился, воздух полон отвратительно сладкого запаха разлагающейся человеческой плоти. Разжиревшие вороны уже не взлетали на ветки, разве что на черные основы печей, пепел покрыл черную землю и обуглившись кости, но, к удивлению, следующий город оказался цел. Даже деревни вокруг него уцелели. Когда мы выехали на дорогу, увидели подводы, людей, как конных, так и пеших.

Гнали скот, брели паломники. Среди простого люда виднелись и знатные, кто верхом, кто в телегах, вместе с семьями и слугами.

Подгадав под праздник, купцы и простые селяне беспечно, не замечая полыхающей рядом войны, везли в город мясо забитых зверей, рыбу, мешки соли, зерна, связки свежeweделанных кож, пеньку, бочонки меда, желтые массивные круги воска. Из городских ворот такие же телеги везли уже повеселевших хозяев на кипах сукна, дорогой медной посуды, разных скобяных утварей.

Город стоял на большом холме, что уже не холм, а так, малая возвышенность, чтобы река не залила, когда выйдет из берегов. Крепкая городская стена сжимает город, как тугой пояс затягивает живот уже немолодого бывшего воина, а по эту сторону город опоясали сады, где баронский почти не отличался от роскошных и ухоженных садов богатых горожан, торговцев, знатных людей и просто любителей яблок и груш.

Я любовался огромным городом, богатым и растущим, здесь половина домов уже из камня, а которые из простых бревен — все равно поражают взор высотой стен, яркими крышами, широкими окнами с дубовыми ставнями... и все же сердце стиснулось, когда вспомнил, через какие города только что проехал.

«А еще не война, — напомнил себе. — Так, набег мелких отрядиков, что ползком перебрались через границы... и здесь отыскиали сторонников».

— Мимо, — напомнил Лансерот строго, — мимо!

Бернард, суровый и каменнолицый, прогудел невозмутимо:

— До Зорра рукой подать!

Снова ночевка в ближайшем лесу, на огромной поляне, чтобы никто не смог подобраться, прячась за толстыми деревьями. Стыдно сказать, но, сколько я ни всматривался в звездное небо, не находил в нем никаких отличий от того, московского. Не находил, потому что и там, в Москве, не поднимал глаз к звездам. А небо видел только краем глаза, боковым зрением. Хоть дневное, хоть ночное. Оно не несет никакой сиюминутно меняющейся информа-

ции, потому воспринималось как незаполненное пространство. Даже меньше, чем огромный щит с надписью: «Здесь могла бы быть ваша реклама!»

Но с каждым днем я посматривал в звездное небо все чаще. Среди всех звездочек одна все же выделяется, красноватая, с тем оттенком, какой бывает у догорающего угля, покрытого серой золой пепла. Достаточно слабого дуновения ветерка, чтобы легчайший налет пепла смахнуло, а багровый жар запылал во всей зловешей красе.

«Марс», — подумал я. Где-то читал, что планета Марс выглядит с Земли красноватой звездочкой. Потому ее и называют планетой войны, планетой пролитой крови, пожаров...

И все-таки на душе скребло. Эта красноватая звездочка выделяется на ночном небе уж чересчур. Хотя я из тех свиней, что на небо смотрят только тогда, когда их поворачивают на вертеле, но все же заметил бы этот зловещий блеск, заметил бы...

Бернард спросил подозрительно:

— Что там?.. Летучие мыши?

— Звезды, — сказал я.

Он зевнул, протянул со скукой:

— Ну, звезды... Это пусть маги ломают головы. Нам звезды ни к чему.

— Ни к чему, — согласился я. — Что это за звезда?

Он проследил за моей рукой, буркнул зло:

— Маркус. Звезда войны. Говорят, оттуда раз в тысячу лет нисходит зло. По всей земле тогда наводнения, землю трясет, а вулканы так и вовсе грохочут и полыхают, как факелы... Священники устраивают крестные ходы, язычники приносят в жертву девственниц... я слышал, однажды в жерло вулкана, погубившего город, сбросили тысячу молодых красивых девственниц, проклятые язычники!.. В конце концов все успокаивается, затихает, земля зализывает раны... Чужаки улетают к себе, увозя пленных.

Я спросил с сильно бьющимся сердцем:

— Чужаки? Улетают?

— Да, — ответил он нехотя. Суровое лицо перекривилось от неудовольствия. — Когда звезда подходит совсем близко, оттуда спускаются чужаки в летающих кораблях. Они рыщут по нашим землям, жгут наши города и села, хватают пленных... Я не знаю, почему не могут остаться и жить здесь королями! И не знаю, сколько властвуют, пока звезда не позовет их обратно. Но знаю, что эта звезда приближается снова, я умею считать годы и столетия. И знаю, что снова будут наводнения, проснутся дремавшие тысячу лет вулканы...

— И снова прилетят чужаки, — закончил я.

— Да, — ответил он нехотя. — Если они прилетали много раз, то почему не прилетят сейчас?

Я перевернулся на спину. Красная звезда, казалось, выросла в размерах даже за время нашего разговора. Красный цвет, словно планета уже полыхает в огне пожаров, ибо раскалилась от трения в атмосфере, едва уловимый оранжевый цвет, уже зловещий, ибо это цвет более высокой температуры.

Багровые блики подсвечивали лицо Рудольфа снизу, оно выглядело мрачным и жестоким. Повозка то появлялась, то исчезала, а когда Рудольф подбросил новую охапку, ее осветило от колес до верха. Бернард вынырнул из темноты, от него пахло хвоей и горьковатым соком, прогудел:

— Кости трещат... Староват что-то я целый день скакать, ночью еще и сторожить...

Асмер поднялся.

— Я посторожу.

Бернард покачал головой:

— Нет, очередь Рудольфа.

Рудольф чуть вздрогнул и опустил голову. Мне показалось, что он сейчас откажется, но на него смотрели все, и Рудольф поднялся, как-то странно посмотрел на полную луну. Плечи его повисли, он взял оружие и ушел в темноту.

Я вспомнил, что последние дни Рудольф, проявляя бешеную активность днем, старательно избегал уходить в

ночную стражу. Однажды я встретился с ним в сумерках, холодок прошел по всему моему телу. В черепе блеснула дикая мысль, настолько невероятная, что я тут же отбросил и забыл, благо есть о чем думать, но сейчас я снова ощутил прежнее беспокойство...

Ненадолго приходил священник, благословил костер и снова ушел, но принцесса пришла ему на смену и осталась сидеть перед огнем, задумчивая и печальная. Огонь высвечивал ее лицо быстрыми бликами, но глаза оставались в тени.

Ланзерот даже сейчас, смертельно усталый, сидел с ровной спиной и гордо раздвинутыми плечами. Грудь выпячена, лицо надменное, нижняя челюсть выдвинута вперед. Под глазами темные круги, черты лица заострились. Я вдруг подумал, что ему не меньше нас хочется сгорбиться, распуścić брюхо, схватить кусок недожаренного мяса и торопливо жрать, пачкаясь соком и громко чавкая, как Рудольф или Асмер, но он все время помнит о своем благородном происхождении...

Его серые глаза пару раз чуть сдвинулись в орбитах в мою сторону, я напомнил себе, что хоть горблюсь и достаточно, но хорошо бы еще и причавкивать или плямкать, дабы не заподозрили в скрываемости благородного происхождения.

Бернард негромко рассказывал о Зорре, обычаях, о самом высоком и просторном соборе, даже в огромном и богатом Морданте вдвое меньше, о подвигах славных и доблестных рыцарей, известных верностью дамам сердца и отвагой в сражениях.

Я не решался даже с предельной деликатностью расспрашивать принцессу о жизни в пограничном королевстве, она и раньше рассказывала очень неохотно, а больше расспрашивала о моей жизни. Я понимал, что, как бы ни хитрил и ни рассказывал про подмосковный лес, все равно для нее это будет как волшебная сказка о скучной однообразной жизни, где мы свободно бродим по лесу, собираем ягоды, все без охраны, и даже ночью можно выходить в лес и жечь костры для шашлыков.

Асмер и Ланзерот у костра, отдыхая, чинили кольчуги, штопали кафтаны. Потом Асмер ушел точить меч, но и он, несмотря на залегшего где-то в ночи Рудольфа, оставался комком нервов. С дерева неожиданно перепрыгнула на другое дерево белка, и тут же два острых ножа пронзили ее в полете раньше, чем Ланзерот и Асмер поняли, что за рыжее пятно мелькнуло над их головами.

— Враг сильно потряс Зорр, — объяснял мне Бернард устало, — но мы почти научились воевать и давать отпор... Его мощь, правда, растет, но и наша... как видишь! К ним подходят их черные силы, к нам... вот сейчас возьмем святыне. Так что на время наступило было равновесие... Мы даже начали теснить врага!

Он скрипнул в ярости зубами, умолк. Я спросил тихо:

— А что... случилось что-то?

— Мордант!

Слово прозвенело, как будто в воздухе столкнулись два клинка. И хотя явно Бернард хотел, чтобы прозвучало как удар тяжелого по шлему, но я отчетливо увидел эти два отточенных стальных лезвия. И не знал, какое из них принадлежит Морданту.

Я спросил торопливо:

— Это... кто?

— Когда-то это был род славных рыцарей, — ответил Бернард с ненавистью. — Они отличились во многих славных битвах... и потому в числе первых огнем и мечом раздвигали пределы нашего мира, теснили нечисть. Но потом... это случилось совсем недавно, они снюхались с той самой нечистью, с которой воевали их отцы. И даже допустили ее в свои пределы. Говорят, за плечами Руперта, это их нынешний король, всегда видна черная тень, что движется сама по себе. И с каждым днем она все растет.

— Предатель, — вырвалось у принцессы. — Подлый предатель!.. Мерзавец...

— Увы, этих предателей все больше, — сказал Бернард с ненавистью. — Слишком уж много обещает Тьма. А всем бы получить больше меньшими силами. И не каждый устоит...

Я спросил осторожно:

— Но разве сделки с Тьмой не запрещены... законом, церковью... моралью, наконец?

Бернард взглянул сочувствующе, но лицо стало совсем злым и несчастным одновременно.

— Знаешь ли, — сказал он с сомнением, — вопрос уж очень сложный...

Я изумился:

— Сотрудничество с нечистью?

— Ну да. Даже то, что есть нечисть. Вон для священника даже мы с тобой — нечисть... почти что, ибо не молимся десять раз в день, не обвешались крестами, а вместо Священного Писания у нас в руках — мечи. А для другого... скажем, для Морданта, даже гномы и эльфы... да что там гномы, он даже троллей нечистью не считает!.. И не только он. Понимаешь, в церкви тоже разнотолки. Одни зовут к реформам, другие — напротив, к истокам, а третьи упорно стоят на том, что есть сегодня. Мордант, переходя из одной ветви церкви в другую, ташил с собой и весь народ... Понимаешь, он вел дела очень хитро, страна богателя, а такому правителю народ прощает все, если у него миска с едой полна. Мордант втихомолку заключил с нечистью какие-то соглашения, продает им что-то из города, взамен получает...

Он умолк. Я вспомнил рыцарей, что выезжали ночью на какую-то тайную встречу, озабоченного Тристема, спросил жадно:

— Что?

— Да всякое говорят. Золото и серебро, понятно, но это само собой. Тролли и всякие там кобольды серебра не боятся, вот и копают... но Мордант на то и Мордант, чтобы на одном серебре и золоте не остановиться. Кобольды для него таскают из подземных пещер всякое разное... ну, вещи из древних захоронений, из похороненных городов, из залитых лавой башен, стертых с лица земли замков... от которых остались только подземелья с сокровищницами, библиотеками, колдовскими тайниками...

Сердце мое забилося учащенно. Подземелья с сокро-

вишницами, библиотеки, колдовские тайники — не здесь ли зарыта тайна, как я сюда попал? И способ, как выбраться обратно? Нет, в Морданте мне побывать надо будет обязательно... Возможно, там инквизиция не так сильна. Да, если там торгуют с так называемой нечистью, то инквизиция там вовсе уже не инквизиция.

Ланзерот ушел в сторонку, чтобы не мешать. Оттуда послышались удары молотка: рыцарю в последней схватке снова помяли доспехи топором или боевым молотом, которых он не признает оружием. Я слушал внимательно, Бернард рассказывает хорошо, умело, даже принцесса заслушалась, хотя явно все это слышала раньше...

Послышался быстро нарастающий шорох. Я едва успел повернуть голову, как из черноты на высоте моей головы со скоростью брошенного камня вылетел огромный зверь. Он летел по воздуху прямо на принцессу. Пасть распахнута, острые как ножи зубы блестят, в желтых глазах безумная ярость и жажда крови...

Бернард неуловимо быстро сдвинулся в его сторону. Огромный волк обрушился на подставленный щит. Бернард присел под тяжестью зверя, шея и лицо налились кровью. Тут же Бернард распрямился, волк отлетел, как отброшенная щепка.

Раздался жуткий вой, волк покатился по земле. За ним оставалась широкая красная полоса. Я перевел взгляд на меч Бернарда, тот по самую рукоять был в крови. Тяжелые капли срывались с лезвия, на земле подпрыгивали фонтанчики пыли.

— Я иду! — донесся издали крик Ланзерота.

Слышно было, как с сухим треском разлетаются заготовленные там поленья. Ланзерот с обнаженным мечом в руке добежал в момент, когда волк прыгнул снова. Жуткая рана на боку уже не кровоточила. Раны на оборотнях, вспомнил я, под полной луной заживают в мгновения ока.

Бернард снова приготовился принять волка на щит, но тот рыскал перед ним, забегал справа и слева, рычал, пугал оскаленной пастью. Я набежал сзади, волк молние-

носно оглянулся, но меч Ланзерота уже стремительно падал на спину. Волк судорожно метнулся в сторону, острое лезвие рассекло бок. Я успел увидеть белые, как зубы, концы перерубленных ребер. Из широкой раны хлынула кровь.

— О, святое причастие! — вскричал Бернард. — Если это оборотень, то все наше оружие бессильно!.. Нужны церковные реликвии... ну, череп Петра или Павла, на худой конец — гвоздь из Креста Господня...

Я крикнул:

— Где наш священник?..

Бернард огрызнулся:

— Кричи, к утру явится...

Он оборвал себя на полуслове, волк метнулся прямо на него, так казалось, но в полете сумел изменить направление и обрушился на Ланзерота. Тот упал, прикрывшись щитом, а Бернард, спасая рыцаря, обрушил на спину оборотня меч, рассек левую ляжку.

Я торопливо бросился за молотом, зря оставил на седле. С криком примчался священник, на ходу заголосил молитву, руки взлетали, как у поп-певца на сцене:

—... Лаудэтур Езус Кристос...

Оборотень зарычал злобно, красные глаза обратились на священника. Я видел горящие неистовой злобой глаза, распахнутую пасть с острейшими зубами, но какая-то сила все еще мешала оборотню броситься сломя голову. Он преодолевал некое сопротивление, ломился к читающему молитву, как через ураганный встречный ветер, даже припал к земле, но подползал все ближе...

Бернард и Ланзерот с яростными криками набежали с двух сторон. Волк закричал почти человеческим голосом, два лезвия рассекли ему бока и раскроили голову. Я успел увидеть залитую кровью морду, где жутко и страшно блеснули два желтых глаза, похожих на два озера расплавленного золота.

Полуослепший, оборотень упал, откатился, а потом каким-то чудом пополз прочь. Бернард бросился с поднятым мечом вдогонку. Я неожиданно для себя закричал:

— Не надо!

Бернард остановился. Я увидел гнев на обращенном ко мне лице. В глазах полыхала ярость.

— Что?

— Не надо! — крикнул я. — Он же...

Я хотел сказать и не мог выговорить, что это же человек, а не волк, но такие глупые и кощунственные слова застряли в горле.

Неожиданно сказал Асмер:

— Брось, Бернард. Сейчас не убьешь. Всяк знает, что надо либо осиновый кол, либо серебряное копьё.. А где их взять?

А Ланзерот бросил брезгливо:

— Осиновый вытесать легко, но что толку? Это против вампиров только! А против оборотней — мощи святых да святая вода из Иордана, где Иисус купался.

Бернард с сожалением поглядел вслед уползающему волку. Тот уже поднялся и неуклюже скакал на трех лапах. Вскоре прыжки стали увереннее, он побежал на всех четырех и скрылся в высокой траве. Я вскинул голову. Звездное небо было наполовину закрыто рваными тучами. А с севера наползает темная масса облаков. Огромная полная луна сияла жутким мертвенным светом. Туче оставалось чуть-чуть, чтобы ее закрыть, но ночью облака почти стоят на месте.

Впервые я пожелал, чтобы подул холодный северный ветер.

Глава 24

На рассвете, еще до восхода солнца, мы снялись со своего ночного лагеря и двинулись в сторону горного хребта. Волы исхудали так, что кожа едва не рвалась на выпирающих костях. Из жалости к животным я то и дело соскакивал с коня и помогал вытаскивать повозку из рытвин, только бы Асмер не хлестал несчастных животных.

Бернард пообещал, что сменим волов в ближайшем

городке, он знает одного торговца, у которого не волю, а настоящие слоны, а бегают, как зайцы...

Но, не доезжая до города, мы увидели серо-желтое пыльное облако, поднятое не то ветром, не то ногами и копытами. Оседало оно медленно, нехотя. Еще медленнее проступило кровавое поле, широкое и необъятное. Павшие закрыли всю землю, многие лежат друг на друге с оскаленными в крике ртами. Повсюду горы мертвых тел, торчат обломки копий, блестят топоры, мечи, ножи, косы. К небу вздымаются обломки мечей в застывших кулаках, видны руки, ноги, конские копыта.

Страшное поле, уже кладбище, ибо невысказанно собрать всех павших и похоронить, тянулось во все стороны в бесконечность, смыкалось с горизонтом, уходило за край земли.

Изредка виднелись на поле челядины, собирали оружие, сносили охапками в огромную кучу, возвращались к самым знатным из павших, снимали доспехи, шарили в карманах, стаскивали добротные сапоги. Священники бродили с книгами и чашами, брызгали водой, часто наклонялись, что-то шептали, я видел, как их губы шевелятся.

Высоко в синем небе звонко кричал жаворонок, но над полем кружили, оглушая мир радостным карканьем, несметные стаи воронья.

Бернард сказал зло:

— Это уже не две-три сволочи, проскочившие через кордон!

Рудольф окинул поле боя оценивающим взглядом.

— Да, но и черные полегли все... Впрочем, нам легче.

Лансерот ехал злой, мрачный. Уронил, не оборачиваясь, высокомерно уверенный, что каждое его слово ловят, внимают. Или внемлют:

— Это значит, что Зорр вот-вот возьмут. Уверены настолько, что часть войска сняли и пустили дальше. Вглубь.

— Идиот этот Алексис! — прорычал Бернард. — Выслал бы тогда к нам хотя бы часть своего войска!.. А теперь...

— Если Зорр устоит, — сказал Ланзерот, — то Алексис сумеет организовать оборону. Здесь немало крепостей. Пусть старых, но просторных. Им только стены подновить да подвалы набить запасами для долгой осады. Но если мы падём... падет и весь мир.

Он сказал просто, буднично, но меня опалило морозом. Бернард, Рудольф, Асмер ехали суровые, могучие, с красивыми мужественными лицами. За нашими спинами помукивают несчастные волы, теперь их не поменяют в этом городе... которого больше нет. Колеса постукивают по твердой земле, в повозке принцесса с арбалетом, священник с молитвенником. Оба ежеминутно готовы к бою. Да, это в моем мире каждый просто живет и тянет лямку, а от неведомых властей требуем, чтобы нас защищали, кормили, подавали, разрешали, допускали, выпускали, здесь же каждый защищает себя и своих друзей сам. Даже не знаю, что лучше.

Миновали кровавое поле, дальше в сторонке проплывает зеленая мирная роща, птицы поют и порхают с ветки на ветку, бабочки, стрекозы, рыжие белки устроили гонку с дерева на дерево и обратно.

Ветви до самой земли, а навстречу им от земли вытянулась густая изумрудно-зеленая трава, так что вся роща издали казалась скопищем огромных зеленых шаров. Ланзерот, который был впереди, выругался и, умело управляя шпорами и поводьями, заставил коня попятиться.

— Обратно! — донесся его злой голос. — За деревья!

Я во мгновение спрыгнул с коня. Пока Рудольф и Бернард задерживали повозку, я с молотом в руке подбежал к опушке.

По ту сторону рощи коричневая равнина с темной громадной скалой посредине. Я потрянул головой, это не скала, а монастырь, но что встревожило Ланзерота, понятно — плотное кольцо разномастного люда вокруг монастыря.

Я снова потрянул головой, уже оценил, что хотя из монастыря перекрыты все дороги, но осаждающие держатся

от стен на почтительном удалении. Но что это за странные люди среди осаждающих... если они вообще люди?

Пальцы от ужаса холодели, я едва не выронил молот. Непослушные губы попробовали прошептать молитву, я уже видел раньше — эта формула самовнушения помогает, но слова не пошли из перехваченного страхом горла. Станных существ не просто немало, а их большинство. А кроме того, в лагере осаждающих вообще странная тьма, там возникают и пропадают очертания странных зверей, чудовищных построек, оттуда доносятся нечестивые звуки и гадкие вопли.

В двух шагах из-за кустов рассматривал осаждающих блистательный Ланзерот. Губы его тоже шевелились, словно он шептал молитву подлиннее моей. За спиной слышались тяжелые шаги. Бернард опустил на колени между нами, осторожно выглянул. Солнце упало на суровое лицо старого воина. Горькие складки у твердых губ стали еще глубже, а морщины на лбу сдвинулись и застыли.

— Вот тебе и Алексис, — сказал Бернард с ненавистью. — Он не в состоянии защитить даже свой монастырь!..

Ланзерот внимательно осматривал чужой лагерь, монастырские стены, расстояние до леса.

— Это еще не наступление, — сказал он наконец. — Кто-то из местных властелинов Тьмы пробует силы...

— Да, — сказал Бернард сурово, — силы Тьмы растут. Нас всех застали врасплох. Но мы ж держимся?

Я оглянулся на повозку. Принцесса стояла с арбалетом, священник обеими руками сжимал крест. Оба своими телами закрывали дверцу.

— Что будем делать? — спросил я. — Объедем?

Оба рыцаря посмотрели, словно это я привел сюда войска и осаждаю монастырь. Ланзерот холодно отвернулся, Бернард буркнул:

— Мы собирались заночевать в монастыре.

— Но...

— Вот и заночуем, — отрубил Бернард.

Мы неслись к воротам во весь опор. Со стен заметили, закричали. Мы прорубывались через вражеское войско, как через заросли камыша. Войско оказалось жидкое, пестрое, я ожидал сопротивление покруче. Со стен взвилась туча стрел.

Совсем близко от меня один воин с перекошенным лицом вздрогнул от сухого короткого удара, а в его шлеме появился кончик металлического прута. Он еще заносил топор, но рукоять выскользнула из ослабевших пальцев.

Со стен раздались подбадривающие крики. Арбалетные стрелы перестали бить по доспехам и щитам, подобно граду, арбалеты перезаряжать долго, зато над головами засвистали стрелы. Пригнувшись, я несясь к воротам крепости.

Створки начали раздвигаться. В стороны разбежались вооруженные люди, галопом мы влетели во двор монастыря. За спиной крики, звон железа, стук мечей и уже привычный грохот топоров по щитам и доспехам...

Я попробовал развернуть коня, он повиновался с охотой и сам без нужды ринулся к воротам. Их наполовину задвинули, но десятка два орков успели. Их зеленые морды показались мне знакомыми, но я, не раздумывая, метнул молот в эту толпу черепашек-ниндзя, поймал, метнул снова. Кривые топоры жутко сверкали на солнце, в орков стреляли из арбалетов, луков. Лансерот и Бернард раньше меня повернули коней и рубились в передних рядах защитников.

Последние орки пали, створки сомкнули и успели вложить в огромные железные петли целое бревно из ясеня. С той стороны раздался жуткий вой разочарования, ворота дрогнули от набежавших. С ворот и со стен часто-часто защелкали арбалеты.

Я вертел головой по сторонам, конь уже успокоился, некого бить копытами, с интересом рассматривал монахов-воинов. Я их рассматривал тоже. Выглядят чересчур суровыми и мрачными. Для поездки в Гослинию, за мощами, наверняка отбирали по всему Зорру самых приветливых и улыбающихся, вроде Лансерота да Бернарда. Те-

перь, среди этих мрачных суровых лиц, оба выглядят пацифистами и политкорректными правозащитниками.

Я услышал вскрик, тут же рядом со мной Асмер вскинул лук. Я услышал частые щелчки тетивы по кожаным рукавицам. Волна зловонного дыхания ударила, как дубиной. Сильный толчок в плечо, небо и земля поменялись местами. Земля с такой силой ударила в грудь и живот, что дыхание вырвалось с жалобным всхлипом. Я успел увидеть горящие свирепой яростью круглые глаза, распахнутый длинный клюв с тремя рядами острейших зубов, чудовищные лапы с длинными острыми когтями.

Три толстые стрелы пробили зверю толстую чешую и вонзились в грудь и живот. Еще две прорвали крылья, а ветер под сильным напором проделал в них широкие дыры. Одна стрела угодила в горло, и, когда крылатый зверь ударился о землю, древко с хрустом переломилось.

Я с трудом поднялся. В голове звенело, а чудовище то становилось больше, то уменьшалось.

— Что... это?

Бернард оглянулся, гаркнул с отвращением:

— Червяк! Ты решил умереть?

Я некоторое время тупо смотрел в спину, потом сообразил, что это рука Бернарда швырнула с седла. И еще понял, что крылатый зверь несясь тогда прямо на меня, а Бернард меня спас в очередной раз.

— На башне! — раздался крик. — На левой башне!

Бернард прорычал:

— Ну, Дик, это тебе уже почти... Зорр!

Вокруг лязг оружия, крики, грохот копыт. Со стороны башни по каменным ступеням сбегали во двор закованные в железо рослые воины с топорами на длинных рукоятках. Навстречу ринулись монахи. Я ухватился за молот, побежал, даже не подумав вернуться к коню, тоже закричал, с разбега метнул молот, поймал и снова метнул. Сдуру я влетел в самую гущу, где молот бесполезен, ухватился за меч. По мне колотили со всех сторон, как по наковальне. Я тоже рубил, принимал удары и снова рубил, пока пере-

до мной не оказался закованный в железо воин почти такого же роста.

Меня уже шатало от усталости. Из последних сил я закричал, шарахнул противника железным лбом в его железную переносицу. Тот отшатнулся, оглушенный, я обрушил меч, держа обеими руками. Воин завалился навзничь. Удар был слаб, но меч у меня тоже непрост, лезвие раскроило череп вместе со шлемом до нижней челюсти.

Я слышал только страшный свист: хрипели и сипели легкие. Сквозь застилающий глаза пот вдруг полыхнуло красным огнем. Лицо опалило жаром, в ноздри ударил запах горящей смолы и серы. Послышались крики.

Посреди двора возник огромный уродливый демон. Весь красный, словно раскаленный слиток металла, с горящими глазами, он распахнул жуткую пасть. Я обомлел, зубы, как острые ножи, а глотка — вход в адские печи Освенцима.

— Смертные! — взревел он трубно. — Сладкое мясо!..

Бернард и Асмер попятились. На Бернарде затлела одежда от невыносимого жара, он принялся сбивать огонь ладонями. Пламя сразу разгорелось ярче. Бернард с проклятиями отбежал, там монахи набросились толпой, гасили, бросали песок и плескали воду.

Надо уходить, даже убежать, не мне драться с бессмертным демоном, но несвойственное моему миру чувство заставило стоять. Жар обжигал лицо, слышно было, как тлеют ресницы. Обожженная кожа пошла волдырями, но я лишь сжал рукоять меча, с усилием выпрямился.

Демон повел жуткими красными глазами в мою сторону. Они сузились в ярости, он прохрипел злобно, из пасти вырвались языки огня с клубами черного дыма.

— Смертный?.. Беги, букашка.

— Да пошел ты...

— Беги, — проревел демон, — ты не такой... как они.

— Ты не пройдешь, — сказал я зло, — трансформер проклятый...

— Мне убивать тебя не обязательно, — рыкнул демон уже совсем люто. — Мне та дщерь... и та повозка... Но если будешь... заберу и тебя.

Он сделал шаг, держа глазами нечто поверх моего плеча. Я знал, что там телега, священник с молитвенником и... принцесса с заряженным арбалетом. Лужа крови под распластанным телом сраженного мною воина от страшного жара превратилась в коричневую корочку, свернулась в мелкие трубочки, словно сухие листья, где в паутине укрылись черви.

Я с усилием поднял меч и загородил дорогу. Демон взревел, его огромная когтистая лапа потянулась к моему лицу. Я вскинул меч для удара, но обреченно понимал, что легче перерубить двутавровую балку...

От приземистой часовенки бежал, истошно вопя, священник. Седые волосы струились за ним, как живое серебро, сутана развевалась, как крылья нетопыря. Он на ходу вскинул крест, завопил тонким срывающимся голосом:

— Посланец ада!.. Заклинаю, изыди туда, откуда явился! — Демон дернулся, мне показалось — в сильнейшем раздражении, что помешали, а сами слова на его дубленую кожу не оказали никакого воздействия. — Исчезни, тварь!

Голос демона прогремел, как раскаты грома. Земля вздрогнула, пронесся порыв сильного ветра. Я не расслышал слов, демон в ярости, я не ощутил в нем страха, даже когда священник приблизился вплотную и брызнул на демона из бутылочки прозрачной жидкостью. Кожа не задымилась, мясо не вспыхнуло. Лицо демона перекаслось сильнейшей яростью. Глаза налились багровым огнем. Оттуда пошел зловещий пурпурный свет, я видел, как сузились зрачки. Внезапно из глаз демона полыхнула ветвистая молния толщиной в ствол дерева и ударила в крест, зажатый в сухоньком кулачке священника.

Я ждал, что священника отшвырнет, как футбольный мяч от бутсы футболиста, но сухонький сверчок в рясе даже не пошатнулся. Лицо полыхало праведным гневом,

волосы трепал невидимый ветер. Глаза светились чистым светом, только голос все испортил, прозвучал визгливо:

— Повелеваю!.. Изыди! Иначе исчезнешь, яко дым перед Лицом Всевышнего...

Демон завизжал, но теперь это был визг смертельно испуганного зверя. Я потрясенно наблюдал, как весь он стал намного меньше, мельче, а свирепое адское пламя исчезло вовсе. Под ногами вспыхнуло огненное облако, демон разом исчез... Остался только запах гари и серы. Сраженный воин лежал весь почерневший, кровь застыла, как черная смола.

Я все еще держал меч перед собой, пальцами другой руки коснулся лица. Кожа чистая, никаких волдырей. Даже ресницы на месте.

Священник посмотрел неприязненно. Я уже открыл было рот благодарить, но священник повернулся и пошел осматривать раненых.

Подошел Бернард, он шумно дышал, отдувался, проревел:

— Молодец! Хорошо дрался. Ты не простолюдин, Дик. Я хоть и не рыцарь, но мне можно иметь оруженосца. Понял? Я беру тебя.

Я поклонился, еще не зная, надо ли брякаться на колени. Конечно, оруженосец — это повышает мой статус, но в походе значит лишь, что коня Бернарда я должен чистить чаще и лучше других. Выше статус — больше обязанностей. Странный мир...

— Спасибо... Бернард.

— Хорошо дрался, — повторил он. — Эти твари, раз уж не смогли ворваться за нами, совсем взбесились! Пока мы тут обнимались, бросили отборные силы на захват левой башни. Почти удалось, почти...

Я прервал:

— Бернард, ты видел?

Он вскинул брови:

— Кого?.. А, демона? Ну конечно. Все видели.

— А почему он так... Ну, меня не утащил в ад, других

не стал? У него же силы, как у сотни воинов! Но священник погнался, как какого-то шелудивого пса...

Бернард посмотрел с великим удивлением:

— А ты не знал?

— Чего?

— Что на силах ада запрет убивать людей. Или тащить в ад.

Я начал догадываться, спросил:

— А... почему?

Бернард пожал плечами.

— Наверное, договор. Что, значит, можно брать только «своих». А за остальных людей идет ежечасная борьба. Да-да, между силами Тьмы и Света. Добра и Зла, Правды и Кривды, Порядка и Хаоса... Как ни назови, но это так. И Господь наш то ли не так уж всемогущ, то ли у него какие-то соображения, раз не уничтожит дьявола раз и навсегда. Ты ж знаешь, дьявол в любое время вхож на небеса, разговаривает с Господом, спорит с ним, скотина, клеветает на человека... Может быть, в этот самый момент на меня возводит напраслину, гад! Словом, для меня, простого честного воина, это чересчур сложно. Да только ли для меня? Церковники друг другу волосы рвут, никак не договорятся. А я, простой солдат, вот что тебе скажу: еще больше, чем самого дьявола, берегись людей, что отдали души дьяволу!.. Вот они-то опаснее самого дьявола. Они в ад утащить не могут, но вот туда отправить — за милую душу. Над ними нет запрета разрубить тебя на куски, содрать шкуру с живого, посадить на кол... Ты никогда не сидел на колу? Правда? Ну тогда вообрази хорошенько, что тебя поймали, связали и сажают на острый длинный кол...

Он говорил настолько смачно и красочно, что я в самом деле... вообразил. Стало дурно, а Бернард зычно захохотал, довольный.

— А если бы все-таки утащил в ад? — спросил я. — Ну взял бы и утащил?

Он подумал, кивнул.

— Ну, злость может затуманить башку даже демону.

Ну тогда... за нарушение как-то накажут уж точно... Выпорют или заставят свиней пасти...

— Спасибо, — ответил я зло. — Мне как-то все будет равно, сорвут с него лычки или не сорвут.

Нам отвели просторную келью, но Асмер и священник остались при повозке. Принцессу местный священник увел в исповедальню, я быстро выяснил, что при монастыре есть и огромная библиотека, отпросился у Бернарда, ныне своего непосредственного хозяина, выскользнул.

Именно здесь, во дворе монастыря, я ощутил дух Средневековья. Дома крестьян, которые мы проезжали, мало чем отличаются от домов современных колхозников или фермеров, а коровы и гуси везде коровогуси, сады тоже сады, даже рыцарские замки при известной фантазии смотрятся как причудливые особняки «новых русских», но вот монастырь...

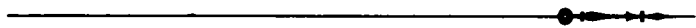
Я шел через двор, вымощенный плитами, сразу присмившийся, ставший меньше ростом. Здесь все из камня, грубого, неотделанного, как напоминание о вечности. Эти камни будут такими же, когда исчезнет и память об этих монахах, о королевствах, так что надо жить, помня о вечности, отбрасывая мелкое, никчемное, суетное, сиюминутное...

Каменные стены, каменные здания, а посреди двора колодец, выложенный по кругу массивными гранитными плитами. Единственное дерево, тоже у колодца, старое, с потрескавшейся корой, ветви простерты во все стороны, как благословляющие длани...

Возле колодца в глубокой задумчивости сидит монах. По здешней моде капюшон надвинут на глаза так, что я видел только чисто выбритый подбородок да скорбно сжатые губы.

— Добрый день, — сказал я. — Не подскажете ли... святой отец, как мне побеседовать с настоятелем монастыря?

Монах чуть приподнял голову, некоторое время изу-

чал мои ноги, а я смотрел на его отливающие синевой щеки и думал, что католицизм лучше православия уже тем, что эти монахи бреются, хоть слыхом не слыхали про Old Spice, а наши зарастают, как орангутанги. Хотя, по большому счету, и те и другие... гм...

— Отец настоятель, — ответил он наконец медленно, — уже далек от мирских забот. Он готовится к встрече со Всевышним...

Я посочувствовал:

— Умирает?

— Нет, — ответил монах, — но он... очень стар. Если тебе нужно что-либо, сын мой, скажи мне.

— Отец, — ответил я ему в тон, — взгляни на меня. Если ты не послушник, то сможешь понять, можешь ли ответить на мои вопросы.

Он наконец поднял голову. Лицо худое, изможденное постами и бдениями, глаза запавшие, но в них светился ум и твердая воля. Взгляд прямой и пронизывающий, но я видел, как этот взгляд сломался, как ломается сосулька, столкнувшись с асфальтом. Лицо дрогнуло, чисто выбритые щеки побледнели.

— Кто... ты? — спросил он наконец.

Он не добавил на этот раз «сын мой», а во взгляде наконец проступил страх.

— Это я и хочу спросить у отца настоятеля, — ответил я.

Он поклонился.

— Прости, теперь я вижу, меня обуяла гордыня. И тут же я получил жестокий урок. Позволь, я смиренно проведу тебя к нашему наставнику, а сам удалюсь замаливать свой грех.

Мы двинулись через двор, мимо нас вооруженные монахи протащили на тележке булыжники, другие несли охапки копий, алебард, от двух кузниц несли неумолчный стук молотов, пахло горящим железом, углем и березовыми листьями, их добавляют для... словом, для крепости металла.

Монах оставил меня у двери со словами «жди», ушел,

долго не показывался, я чуть было не вернулся, но дверь все же распахнулась. Тот же монах, обуянный гордыней, кивком пригласил войти, повел по широкому коридору из камня, на самом конце дверь, монах осторожно отворил, сказал просительно:

— Пожалуйста... пожалуйста, не утомляй его слишком.

— Постараюсь, — ответил я.

Дверь за мной тихо закрылась. Я стоял в просторном зале, свет падает в окна с цветными стеклами, на полу и стенах радостный узор. В конце зала блистает золотом высокая спинка кресла. В самом кресле — белоснежная гора из взбитых волн не то Tide, не то еще чего-то отмывающего до такой белизны. Лишь приблизившись, я различил в кресле крупного старика в белой одежде, с длинными белыми волосами и седой бородой до пояса. Белые подушки с боков, под спиной, а ноги укрыты теплым одеялом. Тоже белым, как сугроб. Даже лицо его бледное, восковое, а глаза выцветшие от старости.

Кисти его рук на подлокотниках высунулись из широких рукавов халата, я увидел настолько прозрачную восковую кожу, никогда не видевшую солнца, что различил все суставы, жилы и даже жидкую кровь, уже почти замершую в этих жилах.

Глаза белые, почти слепые, похожие на бельма. Меня передернуло, нос этого настоятеля заострился, как у покойника, тонкие кости натянули кожу. Только эти выцветшие глаза под седыми мохнатыми бровями еще живы, покрасневшие, старческие, с красными веками.

Я поклонился, сказал, чувствуя себя абсолютно лишним в этом торжественном великолепии:

— Приветствую, отец мой...

Впервые я говорил эти слова без натуги, ибо старик годится в прапрадеды, а мы даже в моем мире к старикам в транспорте или на улице обращаемся с этим словом, чтобы избегать «товарищ», «господин» или того гаже — «гражданин».

Тяжелые набрякшие веки поднялись. Глаза взглянули осмысленно, даже как-то странно понимающе.

— Да, сын мой...

— Отец, — повторил я, но плечи все же передернулись от такого подобострастного обращения, — я чужак в этих землях. Потому прости, если что не так... Я слышал, что в монастыре много книг. Дозволено ли мне взглянуть на них? Можно одним глазом. Можно даже вполглаза.

Священник посмотрел удивленно и даже настороженно.

— Сын мой, — ответил он осторожно, — ты умеешь читать?..

— Да вот как-то случайно, — ответил я.

— Но зачем тебе? — спросил священник. — На все вопросы есть ответ в Библии. Что непонятно, спрашивай. На то мы и есть, дабы толковать неясные для простого ума словесы.

«Спасибо, — подумал я, — слишком много посредников, что толкуют только в свою пользу».

— Да я такой странный, — ответил я, — люблю допытываться сам. Когда свободен от работы, люблю думать о всяком разном.

— Думать надо о Боге, — возразил священник сурово. — На то и даден Господом отдых!.. Даже свободный день в неделе даден, чтобы помыслить, прильнуть сердцем к вере, перебрать свои поступки за неделю, покаяться, наметить правильный путь на следующую неделю... Но Господь запрещает тащить в царство небесное силой. Сын мой, таких книг в монастырской библиотеке нет. У нас только жизнеописания апостолов, святых, мучеников, подвижников. А также их поучения, наставления, указания.

Я вздохнул, усталость навалилась, как будто кто-то положил мне на плечи мешок с песком.

— Жаль... Прости, что потревожил.

— Иди с миром, сын мой, — ответил он участливо. — Пусть Господь будет к тебе милосерден.

— Спасибо, отец.

Я поклонился, медленно пошел к двери. Пальцы коснулись медной ручки, когда за спиной раздался дряхлый старческий голос:

— Погоди...

Я обернулся. Старый настоятель слабо дернул за веревочку слева от подлокотника. Из-за портьеры выступил худощавый монах ростом мне до середины груди, лицо скрыто капюшоном, голова наклонена, руки смиренно сложены в районе гениталий, словно у футболиста в ожидании штрафного.

— Отец Теодор, — прошелестел тихий голос настоятеля, — проведи эту заблудшую душу к отцу Иезекилю. Пусть этот несчастный получит то, к чему стремится...

Человек в сутане быстро поклонился, но голос из-под капюшона прозвучал чересчур резко:

— Отец?.. Мы лишили его сана!

— Но еще не получили подтверждения от архиепископа...

Отец Теодор с явной неохотой поклонился, быстро догнал меня. Движения его суетливые, порывистые, я подумал с сочувствием, что такому приходится смирять себя чаще, чем другим, сонным овцам.

Солнце ударило на выходе в глаза. Двор залит оранжевым светом, Теодор наклонился ещё больше, пряча глаза и все лицо. Я успел увидеть только узкий, как у щуки, подбородок и плотно сжатые тонкие губы.

— А что, — спросил я, стараясь завязать беседу, — у отца Иезекиля какие-то особенные книги?

Теодор вел через двор наискось быстро, мелкими шажками, горбился, словно свет солнца пригибал к земле. Голос из-под капюшона прозвучал зло:

— Когда сжигали старые книги... оставшиеся от нечестивых времен!.. он уволок иные к себе в келью. Его порицали, он каялся, но упорствовал в своем нечестивом заблуждении. Отец настоятель наложил на него епитимью, велел носить вериги, но и тогда Иезекиль... Наверное, он уже был одержим бесом!

На той стороне двора указал на узкую дверь в каменной стене, за ней открылась такая же узкая лестница с каменными ступеньками. Мы поднимались долго, я сказал, чтобы не молчать:

— А зачем так высоко? Я думал, святая церковь предпочитает закапываться вглубь...

— Еретик, — процедил отец Теодор с ненавистью. — Мы на церковном совете лишили его сана за богомерзкие чтения!... За кощунственные слова...

— Какие?

— Он смел утверждать... что звезды, которые не что иное, как серебряные гвоздики, которыми укреплена небесная твердь, на самом деле... Он смел...

От негодования он захлебнулся, остановился. Рука его, упершаяся в стену, крупно дрожала. Я молчал, но сердце от волнения едва не выпрыгивало. Отец Теодор наконец совладал с собой, мы кое-как одолели последние ступени. По-моему, мы уже на той высоте, что впору магам, а не церковникам, ибо только маги обожают торчать в самых высоких башнях.

Глава 25

Дорогу преграждала дверь, старая, массивная, из такого темного дерева, что истлеет не раньше, чем через тысячи лет, а все жуки-короеды обломают зубы. Отец Теодор постучал, прислушался, постучал снова. Я почему-то вспомнил свою улицу, жаркий день, запах разогретого асфальта, когда под ногами прогибается темная поверхность с вкрапленными камешками...

Запах асфальта! Я потянул ноздрями. И запах серы... Отец Теодор отпрыгнул, перекрестился, перекрестил дверь и быстро-быстро забормотал по-латыни. В щель из-под двери ясно тянуло горячей серой и расплавленной смолой.

— Там силы ада, — простонал священник. — Что он делает! Что делает?

— Может, — сказал я, — вызвать других священников?

— Не успеем, — вскрикнул он в отчаянии. — А его надо спасти!

Я торопливо снял с пояса молот, отступил на пару шагов. Метать снизу вверх не очень удобно, но сердце мое колотится часто, адреналин в крови, и молот вырвался из моей ладони, как скала из мощной катапульты. Теодор отшатнулся, едва не покатился по ступенькам.

Молот с грохотом ударил в середину двери. Страшный треск, лязг, это вылетели металлические скобы, обломки дерева брызнули во все стороны, как стая вспугнутых бабочек. Открылся вид в комнату, на полках в самом деле штук пять толстых книг, в нос ударил запах серы, горячей смолы и паленой шерсти. В полутемной комнате жуткая тварь, похожая на вынутый из горна кузнеца огромный раскаленный слиток железа, медленно надвигается на маленького сморщенного человека в сутане. Тот жалобно вопил, слабо отталкивался. В полумраке я увидел бледное лицо, выпученные в смертном страхе глаза. Демон протянул руку, указательный палец с длинным, как нож, острием коснулся груди человека. Вспыхнул дымок, запах горелой плоти стал сильнее.

Мой язык прилип к гортани. Отец Теодор, напротив, обогнал меня, вбежал в комнату и, налившись праведным гневом, вскрикнул:

— Изыди!

Демон оглянулся, я отважно сделал шаг назад. В самом деле отважно, ибо панически хотелось с поросычьим визгом унести голову. Морда широкая, надбровные дуги выдвинуты, как навесы из красного камня, в глазах плещется расплавленный до оранжевого цвета металл, нос расплюснут, а пасть вытянутая, как у гиббона, клыки не помещаются, торчат из пасти, словно у дикого кабана.

Мне показалось, что демон скажет что-то вроде «не изыду!», но тот лишь взревел. Комната задрожала, со стен

посыпалась посуда. Человечек в сутане закричал по-заячьи, закрыл голову обеими руками.

Отец Теодор сорвал с пояса крест, выставил, будто щит. Демон заколебался, отец Теодор отважно до полного идиотизма попер вперед. Демон сделал шаг назад, я закричал:

— Погоди!.. Дай я его...

Дрожащие пальцы наконец совладали с молотом. Я метнул, молот жутко тяжел, я проследил взглядом, как он пролетел, едва не угодив священнику в затылок, ударил демона в колено и... рухнул на пол. Демон вообще не заметил удара, который должен был его повергнуть, с дикой злобой смотрел на священника. Пурпурный цвет начал превращаться в багровый, руки и ноги вообще стали серыми, словно остыли раньше, только голова и грудь еще оставались раскаленными.

— Смертные! — прогремел страшный голос, от которого у меня помутилось в черепе. — Ваш час не настал... но, если не уберетесь из-под ног, мой властелин не будет против, если притащу с собой и вас, черви!

Священник вскинул крест выше. Он с усилием сделал еще шаг, но демон не отступил, и они оказались друг против друга на расстоянии вытянутой руки. Оба с ненавистью смотрели друг на друга.

Я быстро повернулся к отцу Иезекилю.

— Ты раскаиваешься?

— Да-да! — прокричал он, весь в смертном страхе. — Я лгал, прелюбодействовал, учинял ворожбу и сатанинские действия...

— Он раскаивается! — крикнул я демону. — Ты не смеешь взять его душу, какой бы черной она ни была...

Отец Теодор быстро повернул голову ко мне, воскликнул с болью и отчаянием:

— Имеет! И возьмет. Но он не имеет права торопиться! Лишь Господь дал нам душу, он ее и вынимает. А уж куда ее потом...

Иезекиль, минуя меня, рухнул перед отцом Теодором на колени. Слезы хлынули двумя мутными ручьями.

— Раскаиваюсь! — закричал он. — Гордыня меня погубила!.. Гордыня и... женщина!.. Я делал все, чтобы возвыситься. Я читал богомерзкие книги, я летал на тайные встречи колдунов, творил черные мессы, губил невинных младенцев и наслаждался криками жертв... Господи, я был чудовищем!.. Накажи меня, но прими мое раскаяние, прими мои слезы...

Он захлебнулся словами. Глаза остекленели, пальцы с треском рванули на груди ткань. Лицо стало синюшного цвета.

Я видел, как из поникшего тела выметнулось нечто вроде отвратительного черного нетопыря с красными, как угольки, глазами. Отец Теодор отшатнулся в омерзении, а демон на лету сграбастал эту летучую мышь громадной пятерней. Черная душа с жутким писком утонула в кулаке. Мохнатая голова с оскаленной пастью торчала сверху, да высунулись лапы вниз.

— Теперь мой! — закричал демон победно.

— Твой, — ответил отец Теодор скорбно. — Теперь твой.

Полыхнул огонь, мы отшатнулись. Демон исчез, в помещении остался запах серы и паленой смолы. Бездыханное тело отца Иезекиля распростерлось под стеной. Лицо оставалось синюшным, но в глазах нет ужаса. Даже некое злорадство, словно в последний момент успел затормозить, не сорвался на предельной скорости в бездонную пропасть, а просто вмазался в придорожный столб.

Отец Теодор повернулся ко мне. В глазах печаль, на кротком лице ни следа праведного гнева. Божья овца в лаптях, ничего больше. Голубок, символ мира.

— Пусть Господь будет милосерден к его душе, — произнес он тихо. — Все же он признался в своих грехах, покался...

— И что, получил прощение? — спросил я саркастически.

— Нет, но теперь у него есть надежда.

— На что?

Он с недоумением взглянул на меня.

— На прощение в будущем, сын мой. Из каких бездн ты, если не знаешь таких истин? Теперь он не осужден на муки вечные, как нераскаявшиеся. Всего-то пробудет в смертных муках до второго пришествия Господа нашего Иисуса...

Он благочестиво перекрестился. Я склонил голову и сделал вид, что шепчу молитву. Это «всего-то» может затянуться. Приход Иисуса и начало Страшного суда намечали сперва на 666 год, потом на 1000-й, на 1666-й, а сейчас вот и 2000-й одолели, какие только катастрофы не ожидали, как только теологи не изощрялись, а ни фи́га не стряслось, даже обидно, и до Страшного суда еще как таракану из моей квартиры до Крабовидной туманности.

— Но колдуна мы потеряли, — обронил я печально. — То бишь ученого отца Иезекиля.

— Колдуна, — согласился он со вздохом. — Увы, уже колдуна...

— Жаль...

— Хорошо, — возразил он серьезно. — Представляешь, чему бы он научил?

Я посмотрел на него, вздохнул и отвел глаза. Похоже, он не знаком с философией моего времени, что нет плохих или хороших инструментов, все зависит от рук, которые ими пользуются.

Правда, в это определение не влезает генетика.

Монахи помогли починить телегу, настоятель распорядился заменить волов. Они показались мне мельче, но мускулистее, живее. И нагуляннее, в то время как у наших ребра выпирают из-под сухой кожи, как планки штакетника. Коней тоже осмотрели, перековали, помогли отремонтировать упряжь. Мое мнение о монахах резко изменилось. Раньше полагал наивно, что это лодыри на дармовых хлебах, но здесь это скорее колхоз с крепким уставом и моральным кодексом строителя коммунизма, а во главе авторитарный вождь. Монахи сами строили эту чудовищную крепость, скромно назвав монастырем, сами

несут охрану, а теперь уже и почти единственные, кто вполне профессионально сражается с вторгнувшимися войсками Тьмы.

Ланзерот переговорил с Бернардом, оба поглядывали в мою сторону. Ланзерот ушел к повозке, а Бернард подождал меня повелительным жестом:

— Дик, иди-ка сюда. Ты уже был в церкви?

— Я общался с отцом настоятелем, — поспешно сообщил я. — И с отцом Теодором.

Он поморщился, хотя в глазах промелькнуло удивление.

— Тебя допустили к настоятелю? Я слышал, он очень стар. И уже ни с кем не говорит... Впрочем, я о другом. Когда ты был на исповеди?

Я ощутил недоброе, попробовал отшутиться:

— Каждый день я тебе в чем-то да исповедуюсь.

— Ясно. Хорошо, пойдем.

Я двинулся за ним следом, ибо когда Бернард говорит таким тоном, то его послушает и Ланзерот с принцессой.

Отдельной церкви, как я понял, здесь нет, церковь — что-то вроде избы-читальни для простого люда, где проводятся агитки и разъяснения политики Господа Бога, а монастырь — это уже элитарный универ. Бернард провел меня через ряд комнат в среднего размера зал с высокими сводами. Окна стрельчатые, с цветными витражными стеклами. На пол падают красно-синие тени, в зале десяток грубых лавок с простыми спинками из струганых досок, а под противоположной стеной стол, накрытый скатертью. Концы свисают до самого пола, и кажется, что накрыт не стол, а квадратная гранитная плита.

Спиной к нам у стола на коленях застыл человек в сутане. Бернард сделал знак остановиться, сам тоже замер. В мою сторону коротко оскалил зубы, мол, что, если помешаю общению человека с Богом, он меня удавит своими руками. Он, Бернард, удавит, не Бог, тот чересчур милосерден, потому и пришлось создать инквизицию...

Священник молился очень долго. Я потерял терпение, но молчал, смирился. Ноги застыли, превратились в

колоды. Сесть не осмелился, да и негде поблизости, а возвращаться в зал далеко.

Наконец священник поднял голову, но не повернулся к нам, пребывав в странном оцепенении. Бернард кашлянул, сказал негромко:

— Святой отец, нельзя ли узнать...

Он почтительно умолк. Священник вздрогнул, а когда обратил лицо в нашу сторону, вздрогнули мы с Бернардом. Лицо священника стало белее мела, в глазах полыхнул безумный ужас.

— Изыди!.. — прохрипел священник. — Уйди!.. Именем Господа, исчезни!

Кожи коснулось дуновение холодного свежего ветерка, Бернард чуть вздрогнул, его взгляд метался от священника ко мне и обратно.

— Падре, вы это кому?

— Изыди! — выкрикнул священник с мукой. — Ты явился за моей душой?.. Но Господь милостив, за свои прогрешения я заплачу любую цену, святые ангелы меня оградят...

— Святой отец!

— Я порвал с отцом Иезекилем, — продолжал священник бессвязно, — как только увидел, что безумная жажда знаний губит душу... Я сам наложил на себя епитимью...

— Бернард, — сказал я, — это он меня испугался. Только я правда не понимаю.

— Изыди! — возопил священник. Он держал перед собой огромный крест, заслоняясь как щитом. — Во имя Господа!.. Изыди!!!

Я отступил, сказал Бернарду негромко:

— Пойдем отсюда. Ты видишь, я на него как действую.

На залитом солнцем дворе оба ощутили себя словно бы в безопасности. Я направился к лошадям, Бернард вдруг сказал:

— погоди. Ты сам сказал, что это ты на него действешь.

— Сказал.

— Подожди здесь. Попробую без тебя.

Он почти бегом вернулся обратно, хлопнула дверь, исчез. Я вошел в конюшню, и здесь монахи молодцы, чисто, как в операционной, кони здоровые, выглядят бодро, от скуки едва не разносят стойла, сила играет. Я погладил одного по вытянутому носу, рука не дрожала, хотя, если честно, внутри меня трясется, как овечий хвост. Да, я пришел из мира, где церковь, так сказать, отделена. Кто хочет, ходит к этим шаманам и целует попам немытые руки, разнося микробы, а кто не хочет, тот вообще не вспоминает о таком анахронизме, как религия. Есть чудачки, что строят капища и поклоняются древним богам, есть поклонники Дьявола — все это игры, такие же, как гонки на виртуальных машинах. Я отношу себя к свободным людям, которые вообще не вспоминают о вере, церкви, Боге, религии.

Бернард явился пошатывающейся походкой сильно избитого человека. Или смертельно усталого. Я шагнул навстречу, поддержал его под руку. Его широкое лицо стало непривычно бледным, пожелтело, осунулось.

— Нет-нет, — ответил он на мое молчаливое предложение, — отдыхать некогда. Вернемся к нашим.

Я все еще поддерживал его, своего господина, я ж оруженосец, он в самом деле тяжел, как три шишкинских медведя. Бернард тряхнул головой, но глаза оставались затуманенные, то ли излишней ученостью монахов, то ли страхом.

— Ну что? — спросил я наконец. — Что он сказал?

Мы медленно шли через двор, Бернард заговорил нехотя, в голосе старого воина я услышал хрипы:

— Самое лучшее... самое лучшее, что мне бы сделать... а может, и сделаю... это топором тебя по голове. А потом сжечь труп, а пепел развеять.

Меня продрал мороз, воображение у меня живое, к тому же я из мира, где страшатся даже прищемить пальчик.

— Что случилось?

Бернард сказал несчастливо:

— Дернуло же меня за язык... вступиться за тебя! А что теперь? Ты едешь с нами...

— Что он сказал? — повторил я.

— Он сказал... он сказал, что у тебя нет ангела-хранителя.

— Ну нет так нет, — ответил я уязвленно, — я уже взрослый. Мне сопельки утирать не надо. Значит, Господь мне доверяет больше.

Бернард отшатнулся, широкое круглое лицо вытянулось, как у коня. В глазах метнулся страх.

— Несчастный, — вскрикнул он непривычно торопливым голосом, так непохожим на его густой размеренный бас. — Пади на колени и проси дать тебе ангела-хранителя!.. Иначе обречен! Нельзя, нельзя без проводника в этом страшном мире...

— У меня нет другого мира, — ответил я горько.

— А тот, высший? Мир, где обитают наши бессмертные души?

Он суетливо перекрестился, став похожим на нашего мэра, у того тоже такая же широкая морда, и крестится похоже.

— Мухи отдельно, — отрезал я, — котлеты отдельно.

Но на душе было гадко. Бернард отстранил мою руку, другой прикрыв глаза, чтобы даже не встречаться со мной взглядом, будто я василиск или Азazelло, жестом отослал меня прочь, а сам чересчур поспешно ушел в конюшню. Я вернулся в помещение, выделенное нам, побродил, натыкаясь на столы и лавки. От разогретых за день солнцем каменных стен несет почти животным теплом, но я чувствовал, как по рукам пробегает дрожь, забирается вглубь и так мелко-мелко трясется в подленьком страхе мое интеллигентное сердце.

— Не надо, — сказал я вслух, убеждая сам себя и чувствуя, как это звучит красиво, возвышенно, но неубедительно. — Не надо мне никаких ангелов, пропагандистов, СМИ, проводников, поводырей, агитаторов! У меня есть голова. Своя. А в ней даже есть мозги!.. И разберусь сам.

Темная комната внезапно вспыхнула. Я отшатнулся, ослепленный, обеими руками прикрыл лицо. Сквозь растопыренные пальцы видел только блистающий огонь, что залил все, будто прямо в комнате вспыхнуло солнце, а я прямо на его поверхности... Внутри огня высветилась фигура еще ярче, слепящая, чистая настолько, что у меня пересохло во рту и во внутренностях.

В белом огне страшно полыхала... полыхал, постоянно меняясь, вырастая в размерах, исполинский человеческий силуэт. Он уперся головой в потолок, за спиной мерно колыхались крылья. Огромные, слепяще белые, из огня, что искрился, но не обжигал, и я невольно вспомнил что-то про огонь, что возник в купине и тоже вроде бы не обжигал.

Я открыл и закрыл рот, но слова не шли из перехваченного горла. А нечеловечески огромный голос, что заполнил, казалось, весь мир, грянул гневно:

— Смертный!.. Тебе еще можно было... Теперь же помни, ты отказался сам!.. Сам!

Я прижался спиной к стене. Губы спеклись от жара, иначе я бы уже заорал в страхе, что я не могу без ангела, без проводника, что у нас принято бурчать и отказываться, вся русская интеллигенция так делает, но помощь и любые подачки буквально рвет из рук, только делает вид, что это она оказывает помощь и благодеяние дающему... а на самом деле мы все — послушные потребители...

В том месте, где голова огненного ангела, вспыхнули два страшных золотых глаза и тут же исчезли. Я открыл наконец рот, просипел что-то и снова закрыл. Дурак, тут словами не играют. Тут все слова принимают за чистую монету.

Глава 26

Ночью я слышал шум, крики, над воротами взвилось красное зарево, потом все утихло. И тут же Ланзерот поднял нас, велел обернуть конские копыта тряпками. Я тряс-

ся, ибо ворваться в монастырь все же проще, чем вырваться. Но если нас за воротами ждет войско...

За воротами было пусто. Мы проехали как можно быстрее в тени монастыря, прячась от лунного света, потом так же долго ехали через темный лес, то и дело натываясь на деревья. Рассвет застал нас далеко от монастыря, а когда солнце взошло, Лансерот придирчиво проскакал вперед, Бернард привычно охранял сзади, Рудольф и Асмер разъезжались далеко в стороны.

Священник выглянул из повозки, крикнул нервно:

— Нет?

— Никого! — ответил Асмер ликующе. — Даже не представляю, как нам удалось!

Священник бросил на меня быстрый злой взгляд, сказал торопливо:

— Теперь сказать можно. Они и не надеялись взять монастырь осадой. Налетели, пробуя захватить врасплох, обломали зубы и собирались идти дальше... Но тут мы. Они уже знали, что мы не будем сидеть долго... И в самом деле, ночью из ворот выехала повозка с большим отрядом, помчалась по восточной дороге...

Асмер распахнул рот.

— Так что же... Я слышал шум ночью!.. Это их отмаживали от ворот?

— Да. Сейчас, возможно, все открылось, но мы уже далеко.

— За нами кинется все войско?

— Вряд ли, — ответил священник рассудительно. — Их дело сеять страх и панику на землях короля Алексиса. За нами они, так сказать, попутно. За нами гонятся совсем другие люди...

— И звери, — добавил Асмер.

— И звери, — согласился священник серьезно. — Некоторые из них совсем недавно были людьми.

Они оба посмотрели на меня, переглянулись. Священник втянулся в повозку, как улитка в раковину, Асмер прищипорил коня и погнал его справа от дороги.

Ближе к полудню увидели далеко впереди телегу, за-

пряженную двумя конями. Ее сопровождали трое хорошо вооруженных мужчин, четвертый правил телегой. Я издали увидел у него под рукой короткий меч, а с другой стороны сиденья — круглый удобный шит.

В телеге на сене, покрытом шкурами, лежал пятый. В глаза бросилось крупное бледное лицо, огромные черные усы, кровь проступила через повязки на голове и груди. Мужчина был настоящим великаном, я боялся и представить себе, какой он в сражении.

Ланзерот остановил коня, развернув боком. В руке арбалет, направленный в переднего воина, ладонь левой руки на рукояти меча.

— Кто вы? — спросил он громко. — И откуда?

Передний воин смерил его недружелюбным взглядом. Второй сплюнул Ланзероту под ноги, ответил дерзко:

— Не тебе спрашивать, ряженая ворона!

Ланзерот даже не изменился в лице, но Бернард что-то ощутил, втиснулся между Ланзеротом и воинами, пробасил примиряюще:

— Ребята, время нелегкое, мы все раздражены. Но если перекреститесь... то у нас не будет повода к вам цепляться.

Передний воин поморщился, а второй ответил с дерзким весельем:

— Я-то перекрещусь!.. А вот ты повтори за мной «Богородице Дево...».

Ланзерот смолчал, Бернард перекрестился, сказал торжественно и громко:

— Богородице Дево, радуйся...

Он звучно и четко читал молитву, первый воин дослушал до середины, перекрестился и тоже подхватил, закончили уже вместе. Бернард кивнул на раненого:

— Кого везете?

Первый воин, измученный настолько, что едва держался в седле, ответил слабым голосом:

— Наш сеньор. Он дрался храбро. Первым вступал в бой, а из боя его едва вынесли...

— Конечно, проиграли?

Второй перебил первого:

— Ты нам зубы не заговаривай! Их переправилась через реку целая тьма. Такие твари, что не только свет не видывал... но и не слыхивали о таких. Но ты нам зубы не чеши. Что с темя двумя?

Я заметил, что третий воин и даже раненый держат в руках арбалеты. Стрелы блестят серебряными наконечниками.

Лансерот сказал громко:

— Бернارد, Асмер, Дик, перекреститесь. А вы разве не знаете, что достаточно одному прочесть молитву, чтобы у всей нечисти вблизи начались корчи?.. Ладно, ребята, у нас в повозке немного еды, есть лечебные травы. Мы поделимся с вами.

Повозки сошлись боками. Принцесса и священник передали старшему воину три хлебных каравая. Священник с требником в руках подступил к раненому.

— Крепко ли веруешь, сын мой?

— Отче, — простонал раненый. — Если бы не верил в правоту Господа нашего, пошел бы я с горсткой людей на такую силу?

Священник кивнул, в запавших глазах промелькнуло удовлетворение, сказал с нажимом:

— Верь и сейчас, сын мой!.. Ибо сейчас тебе вера понадобится больше, чем когда-либо.

Принцесса подошла к раненому, ее узкая ладонь легла ему на лоб. Бровки ее озабоченно взлетели вверх, на священника взглянула с испугом.

— Отец, у него жар... Он держится из последних сил!

— Настоящий воин Христа, — ответил священник. — Да поможет нам Господь и все его светлые ангелы...

Принцесса опустила ладони поверх окровавленных повязок раненого. Он закрыл глаза, на губах проступила слабая улыбка, будто из кончиков пальцев принцессы изливался анестезин.

— Верь, — сказал священник настойчиво, — верь! Верь неистово! И снова в твоих руках будет меч, ты встанешь на пути Зла...

Он забормотал молитву на латыни. Я плохо понимал слова, рядом рыцари обнажили головы, тоже бормотали или хотя бы шевелили губами, а Рудольф слез с коня и преклонил колени, что, по-моему, уже явный перебор. Но я склонил голову и тоже шлепал губами, украдкой при-сматриваясь к принцессе. Ее лицо стало строгим, отрешенным. На миг в глазах проступила сильнейшая боль, руки дрогнули. Голос священника стал громче, настойчивее.

Принцесса прикусила губу. Лицо стало белым, как мрамор, на чистом лбу заблестели мелкие капельки пота. Она часто дышала. Мне показалось, что она на грани обморока. Начал придвигаться в ее сторону, подхватчу, священник возвысил голос до крика, вскинул крест, обе руки воздеты к небу...

Красиво, ничего не скажешь. Затем в наступившей тишине голос его прозвучал чересчур слабо и буднично:

— Покажите его раны.

Раненый уже сам, что-то почуяв, с выпученными глазами торопливо срывал окровавленные тряпки, морщился, отдирал по живому. Второй воин, который дерзкий, отодвинул его руки и сам осторожно снял бинты...

Я вытянул шею. Этого гиганта вряд ли довели бы до медпункта. Даже если там сам Пирогов делает операции, не спас бы со всем своим умением первого полевого хирурга. Раны рваные, глубокие, инфекция уже закопалась в кишки... Вернее, раны были рваные, а сейчас на их месте только багровые вздутые шрамы, толстые как веревки.

Воин попытался сесть, со стоном завалился навзничь. Ланзерот сказал торжественно:

— Благодарите Ее Высочество принцессу Азаминду!.. А сейчас лежи, набирайся сил. Твои силы тоже до капли ушли на... заживление ран.

Рудольф раньше меня успел подхватить теряющую сознание принцессу. С другой стороны ее поддержал священник, вместе усадили в повозку.

Воин смотрел на Ланзерота, на всех нас круглыми от изумления глазами. Голос его дрогнул от ликования:

— Друзья! Кто бы ни были... светлые ангелы или такие же сражалыщики со Злом... но отныне и навеки конт Белуни ваш вечный должник.

Он закашлялся, затих. Бернард довольно прогудел, как огромный рой пчел в огромном, как пещера, дупле:

— Отоспись. Уже завтра сядешь на коня. По себе знаю... Меня Ее Высочество четыре раза, можно сказать, из когтей дьявола вырывала!

Он захохотал, довольный. Вассалы Белуни счастливо хлопотали вокруг сеньора, смотрели благодарными глазами. Дерзкий воин сказал торопливо, сразу растеряв заносчивость, теперь будь у него хвост, оббил бы себе им бока:

— Вы направляетесь в самое пекло!.. Куда, в Зорр? Я думал, он уже пал. Не знаю, что вас туда несет... Сражаться можно и здесь. Мы видели в той стороне столбы черного дыма до самого неба. Говорят, город пал, а жители распяты на дверях собственных домов. Да, хочу предупредить, появилась нечисть, что не меняет облика. Сколько ее ни крести, рожи те же. И серебро на нее не действует. И соль.

Бернард сказал недоверчиво:

— Нечисть? Может быть, просто гоблины или тролли? Ну, какие-нибудь дикие, которых не знаем.

Конт Белуни все еще ощупывал себя, мямля, проверяя, сизые шрамы, сказал рассеянно:

— Гоблины... Какие ж гоблины нечисть? Это все равно что обозвать нечистью оленей или медведей. А то и вовсе кабанов. Нет, благородный сэр, то доподлинная нечисть. Добротная, новая.

Первый воин сказал с раздраженной усталостью:

— Какая новая? Это старую воскрешают! Ее наши деды побили, а колдуны нашли способ ее поднять.

Бернард промолчал, но лицо его было чересчур серьезное. Мне стало страшновато, ибо, судя по глазам Бернарда, деды таких зверей не знали. И вряд ли прошли бы в эти земли, если бы эта нечисть еще там была. Скорее всего, ее побили намного раньше. А победители то ли перемер-

ли от кори или свинки, то ли как лемминги ушли к морю и перетопли.

В сторонке от дороги из земли торчал древний массивный камень. Без всяких знаков, до половины зарос серым, уже высохшим мхом. Я посмотрел на оживших духом, но все равно измученных воинов, мои пальцы нащупали на поясе молот.

Бернард явно не понял, зачем я швырнул его без всякого смысла в этот валун. Я сам не знал, просто поддался чувству, что сейчас это почему-то уместно. Залопотал воздух, это ручка молота, вертясь, творит турбулентные завихрения. Грохнуло, раздался страшный треск. Я ожидал, что на камне возникнет белое звездообразное пятно, словно туда с размаха вмазали крупным снежком, но взметнулась мелкая каменная крошка, а крупные куски унесло далеко в стороны.

Я выставил мозолистую ладонь, хлопок, пальцы сомкнулись на рукояти. На серой поверхности металла ни царапины от удара, в то же время видны следы от кузнечных молотов по раскаленному металлу: древние мастера работали грубовато и небрежно, все было уже привычно, а этот молот не экспериментальный, работа шла на потоке.

Воины смотрели раскрыв рты. Даже конт Белуни сумел приподняться на локте и тоже смотрел на меня с изумлением и недоверием.

— Мы пройдем в Зорр! — сказал я громко. — Вот так будет и с нашими врагами. И силы Тьмы отступят... Верьте, ребята.

Затылок сверлил, словно бурав, упорный взгляд. Я оглянулся, успел увидеть, как священник поспешно втянул голову в повозку. Лансерот отдал честь воинам, мы тронулись мимо дальше на юг, а они возобновили движение в тыл.

Не останавливаясь, я бросал молот во все встречные камни, валуны, хорошо бы еще метнуть со всей дури в наковальню, но уже догадывался, что в лучшем случае на наковальне будет вмятина, не разлетится же вдрызг незака-

ленный вязкий металл, а на молоте не останется даже отметинки. Хорошая металлургия у гномов, даже порошковую оставят позади...

Бернард ехал стремя в стремя с Рудольфом, я слышал его озабоченный голос:

— Не думаю, что это воскрешают уже побитую. С той знаем, как справляться. Хуже другое...

— Что?

— Слышал в монастыре, какой-то колдун открыл пещеры Заарота.

— А что это?

— Когда-то в давние времена, от которых остались только слухи, могучий колдун Заарот... а может, звался по-другому, это мы решили звать Зааротом, потому что на каком-то старом языке «заарот» — «самый могучий»... так вот этот колдун сумел загнать или заманить в пещеру целое войско опасных демонов и запечатал выход могучим заклятием. Прошли тысячи лет, страхи забылись. Пару раз пытались отыскать ту пещеру и открыть ее...

— Зачем?

— Понятно, зачем... Каждый уверен, что демоны в благодарность тут же станут служить тому, кто их освободит! Как будто демоны могут испытывать чувство благодарности!

Мне от подслушанного стало не по себе. Я подъехал, спросил шепотом:

— Думаете, кто-то сумел?..

Рудольф смолчал, Асмер сказал язвительно:

— Боишься, что твой молот окажется бессильным? Правильно боишься.

Слева от дороги, всего в сотне-другой шагов от нее по прямой, лошадь тянула соху. За нею шел, налегая на высокие рукояти, худой мужчина в рваной рубашке. Он горбился, старательно вел борозду, всадников заметил не раньше, чем мы оказались от него прямо на дороге. Я изу-

мился, когда он моментально нагнулся, а когда выпрямился, в его руках были меч и щит.

Бернард помахал ему, крикнул зычно:

— Бог в помощь, добрый человек!

Мы проехали мимо, землепашец долго провожал нас взглядом, но, когда я оглянулся от леса, он уже вел борозду дальше.

— Что он так? — спросил я. — Безумству храбрых поем мы песню?

— Боится, — ответил Бернард с оттенком уважения. — Но, как видишь, не убежал. Храбр не тот, кто не боится, это просто дурак, а тот, кто сумеет преодолеть страх.

Рудольф услышал, пророкотал насмешливо:

— Дурак и тот, кто не замечает наступления нечисти. Или кто думает, что успеет уйти, собрав урожай. Здесь все-таки приволье...

— В чем? — спросил я.

— Нет сеньоров, — ответил Рудольф. Он посмотрел в спину Ланзерота. — Никто не берет налоги, никто не гоняет таскать камни для замка. Сеньоры убрались отсюда первыми! Так что тот, кто остался, в чем-то даже выгадал... Я имею в виду, выгадали простолюдины.

Бернард нахмурился.

— Рудольф, — сказал он предостерегающим тоном, — ты говоришь так, словно оправдываешь это предательство.

Рудольф смолчал, а я спросил:

— Предательство? Почему предательство?

— Никто из нас не волен, — ответил Бернард твердо. — Человек рождается грешным. Он обязан работать... не потому, что надо прокормиться, вообще обязан работать! Даже если закрома полны. Обязан защищать страну, даже если напали не на его огород, а на поле дальнего соседа. Он обязан подчиняться сеньору, ибо без подчинения и порядка любая рать гибнет, любая страна рушится, любая семья гниет!.. Человек, который живет только для себя, — предатель. Он предаст род людской. А любой предатель —

находка для Врага. Запомни, Дик: нельзя предавать!.. Нельзя предавать!.. Предать нельзя!

Он говорил с таким неистовством и убеждением, словно я вот прямо сейчас колебался: предать или не предать Родину за бутылку пепси.

Горы придвинулись настолько, что в чистом прозрачном воздухе различались трещины в снежных покровах, отдельные скалы, черные дыры пещер, ибо сами горы очень старые, древние, как Карпаты или Уральские в сравнении с юными Гималаями.

— Еще пару суток пути, — объявил Лансерот, — и мы на перевале. А оттуда всего сутки до Зорра.

Вечером на стоянке Асмер вынес из повозки лютню. Играл и пел старинную, как мне казалось, балладу о верной и вечной любви. Я слушал вполуха, перед глазами то и дело вставали страшные сцены появления огненного ангела. Если такой же и за левым плечом, только черный и с рогами, то на такого дядю не поплюешь. Я как-то привык полагать, что если на правом плече сидит ангел и нашептывает в ухо доброе, а на левом — бес и шепчет непристойности, то оба размером с канареек, пусть даже с попугаев среднего размера. Ну, чтобы дотягивались до ушной раковины, не подпрыгивая. Но чтоб такие быки...

Плечи зябко передернулись. Я заставил себя слушать балладу, тем более что все слушали с печальными и торжественными лицами. В прекрасных глазах принцессы блестели слезинки. Одна выкатилась и понеслась по нежной коже, оставляя мокрую дорожку, будто там проползла улитка.

Сердце внезапно дрогнуло. Баллада непроходимо тупая, глупая и нелогичная: он уходит в крестовый поход нести веру Христа в дикие страны, а она остается ждать в высокой башне. И вот годы идут, он бьется с разными гадами, захватывает целые гаремы красавиц, но ни одна не может поколебать его верность. Более того, что совсем дико, он даже ни с одной красоткой не разделил ложе,

хотя к нему под походный плащ пытались забраться и крестьянки, и принцессы, и волшебницы, и жены королей...

Асмер пел тихо и проникновенно. Перед глазами то появлялась белая башня, где невеста ждет и ждет, отвергает знатных женихов, хотя на лицо ложатся первые морщинки, то возникала раскаленная пустыня и одинокий всадник в полных рыцарских доспехах, что двигается вперед и вперед, неся нелепую веру Христа в страну такой же нелепой веры Мухаммеда...

Небо было звездное, чистое, полная луна медленно выползала из-за темных деревьев. Пока что ее не видно, но вершины сосен засеребрились странным волшебным светом. Рудольф коротко взглянул, опустил голову с такой скоростью, что клацнули зубы. Ланзерот взял одеяло и ушел в темноту, но сперва бросил Бернаруду:

— Первую стражу Рудольф. Сменит Дик.

Он исчез, никто из нас не знает, где он спит да и спит ли вообще. Бернард подмигнул мне. Ланзерот по-прежнему меня не жалует, даже подозревает в чем-то, но доверил же сторожить! Признал переход в оруженосность из простолюдства.

Полная луна выплыла из-за деревьев, круглая и хищная, завтра уже пойдет на убыль, но сегодня еще полнолуние. Я в астрономии не копенгаген, вроде бы все эти фазы: полнолуние, новолуние и половинки длятся по неделе, сегодня последний день полнолуния, но все-таки еще полнолуние, и, движимый понятной тревогой, я поднялся от костра, волоча за собой одеяло, двинулся в темноту.

Потом одеяло осталось на траве, а я, пригибаясь и скрадываясь за кустами, приближался к тому месту, где должен был затаиться на посту Рудольф. Стояла полная тишина, но легкий ветерок пахнул в мою сторону, я уловил едва ощутимый запах сильного крупного зверя. На левом локте у меня щит, ладонь правой руки сжимает ко-

роткую рукоять молота. Бросать некуда, вершины деревьев и кустов залиты светом, видна каждая ночная букашка, но ниже сплошная чернота, однако с могучим молотом в руке я чувствую себя суперменом, как придурок с пистолетом на улицах Москвы, что и пользоваться еще не умеет толком, но смотрит по сторонам в поисках повода продемонстрировать свое сокровище.

Запах донесся сильнее. Я застыл, в трех шагах должен лежать Рудольф, высматривать, не крадется ли враг...

Огромный зверь ринулся из темноты так внезапно, что я не успел и шевельнуть молотом. К счастью, зверь пересекал в прыжке залитую лунным светом полянку. Я сумел его увидеть и закрыться щитом. Страшный удар швырнул на землю. Зверь, оттолкнувшись от щита, приземлился в трех шагах, молниеносно развернулся и ринулся снова. Мой щит тоже в трех шагах, но рука сжимала молот, и я метнул его навстречу оборотню.

— Не убивай... — шепнул я умоляюще.

Молот и зверь сшиблись в воздухе. Оборотень рухнул, земля дрогнула от удара. Я хрипло и тяжело дышал, а сердце выламывало ребра. Чудовищный волк медленно превращался в человека, но я через пелену выжигающего глаза пота видел только расплывающуюся фигуру.

С земли донесся стон. Человек медленно поднял голову, лицо было искажено неимоверной мукой. Рудольф, сразу потеряв нечеловеческую силу и живучесть оборотня, пытался подползти к вороху своей одежды и доспехов. Его пальцы уже сомкнулись на рукояти меча, когда я, догадавшись про ужасный замысел, с силой ударил по его пальцам ногой. Меч вылетел, исчез в темном кустарнике.

— Не... смей... — послышался рыдающий голос. — Я должен... должен... умереть...

— Нет, — прохрипел я, горло от жара стало как покрытое жестью. — Самоубийство — грех...

— Дурак... Мои грехи выше этих гор...

— Но все равно, — возразил я и сам удивился, почему не убил оборотня раньше, — теперь нельзя! Это значит одним грехом больше.

— Тогда ты убей меня!

Он зарыдал, уткнувшись лицом в землю. Голые плечи тряслись, он всхлипывал, как ребенок, но этот горький плач могучего мужчины был самым горьким, что я в жизни видел. Снова зашипало глаза, но уже не от пота.

— Нет, — ответил я с трудом, в памяти выплыли слова священника, я начал произносить их, сперва как чужие, но смутно ощутил в них некую силу и мудрость. — Господь возлагает на нас ровно столько, сколько можем нести!.. И кто жалуется на тяжесть, тот ропщет на самого Господа... А кто отказывается нести бремя жизни, тот предает самого Господа! И весь род людской.

Я сам удивился, как сильно и торжественно это прозвучало. Рудольф рыдал безутешно и горько. Огромные руки захватили целые пригоршни земли, мороз прошел по коже, ибо земля здесь, утоптанная копытами, тверже камня.

— Я не могу... — донеслось сквозь рыдания. — Я не смогу!..

— Надо смочь, — ответил я. — Разве ты виноват, что успели покусать только тебя? Ты закрывал всех, честь тебе и огромное спасибо...

Я чувствовал себя глупо, ибо кто я, а кто могучий Рудольф, но я вынужден говорить ободряющие слова, и единственное оправдание, что говорю не свои слова, а через меня как бы говорят священники и отцы церкви, которых Рудольф так почитает.

— Убей меня! — воскликнул Рудольф с яростью. — Или я убью себя сам!.. И моя душа отправится в ад... Хотя она отправится туда и так...

— Нет, — ответил я, торопливо перебирая изречения отцов церкви, выпалил: — Тебе выпала великая и славная доля, которой могут только завидовать все рыцари христианского мира и все короли!..

Рудольф прорычал в землю:

— Мне?

Мышцы его напряглись. Мне почудилось, что он сей-

час взметнется вверх и разорвет меня голыми руками, заподозрив насмешку, слова полились торопливо, потоком:

— Господь взваливает на слабых слабую ношу, на сильных — великую!.. Тебе дал эти страшные испытания, потому что ты силен как телом, так и духом!.. Мы не знаем Его замысла, и нам не дано предугадать Его помыслы, но верь — они стоят твоих мук и страданий. Господь верит в тебя! Ты — его воин. Даже я, человек из Теплого мира, уже знаю, что малая война идет на полях битв, а великая — в душах людей. А ты сейчас — самый великий рыцарь христианского мира! Тебе ли признать себя побежденным силами Тьмы? Держись, Рудольф. Полнолуние кончилось! Через пару дней, как сказал Ланзерот, мы уже в Зорре. Разве иерархи церкви не смогут помочь? А пока держись. Главная опасность уже миновала. Завтра зов луны будет намного слабее...

Он всхлипывал, но я настойчиво натягивал на него кафтан, брюки, он уже не отбивался, люди Средневековья стыдились показываться голыми даже своему полу, грех. Когда закончил надевать доспехи, со стороны костра в ночи послышался хруст, затем голос Ланзерота:

— Рудольф, это я. Смотри не выстрели с перепугу! Потом стрелу не отыщешь.

Рыцарь вышел на полянку, глаза его подозрительно, но без всякого удивления прошлись по мне, по Рудольфу.

— Шум какой-то, — пояснил он. — Ломали лес? Вас услышат раньше, чем вы кого-то.

— Будем сидеть тихо, — пообещал я, — как мыши под полом.

Ланзерот скривился и ушел. Я запоздало подумал, что вряд ли я стилизовал свою речь верно. В детстве, помню, в доме у бабушки под полом в самом деле жила мышь. Одна-единственная, тишайшая днем, но по ночам грохотала, как работающая лесопилка.

— Иди к костру, — сказал я Рудольфу. — Моя очередь бдить, тащить и не пущать. Только не смотри на небо.

Он покачал головой:

— Сможешь ли?

— Дурное дело не хитрое, — ответил я самоуверенно. — Солдат спит — служба идет. Правда, когда он бежит, служба все равно идет... Отдыхай!

Я опустился в тени на упавшее дерево, сразу исчезнув из видимого мира. От Рудольфа в лунном свете висела срезанная наискось верхняя половина, остальное растворилось во тьме. Лица не рассмотреть из-за торчащей во все стороны темной бороды и падающих на лоб волос, вместо глаз — темные провалы, но ощущение такое, что под волосяными зарослями он похудел, как скелет, скулы и подбородок вот-вот прорвут натянувшуюся кожу. Измученный, он все еще колебался, но я пихнул его в спину, уже чувствуя свое превосходство человека двадцать первого века над этими простыми и бесхитростными.

Глава 27

Некоторое время я еще слышал удаляющийся хруст веток. Иногда над головой вскрикивала мелкая птица, что-то снится страшное, на голову упал кусочек истлевшей коры. Когда снял его с макушки, в пальцах рассыпался в труху.

Со стороны полянки, где оставили пастись стреноженных коней, донесся встревоженный всхрап. Потом фыркнул другой конь. Я потихоньку поднялся, прислушался. За темной стеной кустов топало, сопело, чесалось. Лунный свет серебрил только верхушки деревьев, а под сенью ветвей черным-черно.

— Иду-иду, — сказал я вполголоса. — Не сопи...

Все они, нормальные кони, пасутся на краю освещенной костром поляны, только мой хвостатый гигант, наследие барона, предпочитает срывать молодые веточки с куста и перемалывать в огромной пасти, как коза траву. Я вышел к нему, он тряхнул гривой, коротко ржанул.

Я посмотрел в ту сторону, куда повернута морда, насторожился. За деревьями на миг возник крик и тут же

оборвался. Сердце застучало чаще. Почему-то показалось, что крик — женский. Поколебался, не разбудить ли Бернарда, но показалось стыдно нарушать сон воина, потихоньку ступил за ближайшие деревья.

Крик повторился, на этот раз я различил отчетливо, что кричит женщина. Кровь бросилась в голову. Обязанность рыцаря — прежде всего защищать женщин, а уж потом страну, короля и Отечество. Да что там рыцарей — это обязанность всех мужчин...

Уже нет времени возвращаться к костру и будить остальных. В крике слышу отчаяние, а это значит, зверь может добраться до жертвы в любое мгновение.

Я несея через темный лес, сам удивляясь своей способности не разбиться о темные стволы, что выскакивают из тьмы в самые неожиданные моменты. Лунный свет заливал поляны слабым серебром, краски исчезли. Когда я выбежал на огромную поляну, почудилось, что вижу оранжевый свет в ветвях роскошного дуба с темными ветвями...

Вокруг дерева сидят жуткие темные твари. Сперва почудилось, что это огромные глыбы камня, кто-то их так ровненько расположил по кругу, только трое у самого ствола... Доносился треск, я на бегу сообразил, что звери грызут дерево. Один быстро повернул голову в мою сторону.

Я увидел страшную темную пасть. При лунном свете жутко блеснули острые зубы и горящие как факелы глаза. Дрожь пробежала по спине, я готов был пуститься обратно, на бегу криком поднять на ноги весь лагерь, но с дерева донесся жалобный крик-плач:

— Отважный рыцарь, спаси!

Я не рыцарь, хотел ответить я, но рука уже метнулась к рукояти молота. Два зверя, не обращая на меня внимания, вперевалку подошли к дереву и тоже принялись в нетерпении грызть с такой силой, что полетели белые щепы. Еще два медленно пошли на меня, а три остались, их морды в ожидании подняты к веткам. Там мелькнуло оранжевое не то платье, не то девичье тело.

Я отступил на шаг, нужна дистанция, привычный уже взмах, молот вылетел грозный, как баллистическая ракета. Звери бросились, одного расплескало, других я встретил быстрыми взмахами острого меча. Ноги сами отступили в сторону, челюсти лязгнули совсем рядом, и в этот миг лезвие врубилось в череп другого зверя. Я ощутил такой удар по рукам, что пальцы онемели, а меч едва не вылетел из рук, словно ударил по огромному камню.

Зверь страшно взревел, отпрянул. Еще один развернулся, я выставил перед собой острие меча, зверь оскалил зубы, но нападать не посмел. Я лихорадочно размышлял, что делать, но с дерева снова раздался крик. Верхушка дрогнула, донесся треск.

Уже не раздумывая, я прыгнул вперед. Меч засверкал в лунном свете, звери попятились, у одного на голове темнеет зарубка, сочится кровь. Зверь пытался увернуться, руки снова трянуло, лезвие вошло на треть. Зверь взревел, ухватился за сталь зубами. Зазвенело, но я нажал, зверь задергался.

Я не устоял, когда еще один прыгнул сзади на плечи. Мы покатались, зверь пытался выковырять мое изнеженное мясо из скорлупы кожаных доспехов. Я с трудом нащупал кинжал на поясе, выдернул и воткнул зверю в живот. Страшный рык едва не разодрал перепонки, на шлем из раскрытой пасти хлынула горячая кровь. Лапы заскребли по железу.

Я спихнул с себя зверя, поднялся. С мечом в руке метнулся к дереву, ибо уже трещит и качается. Женский крик стал отчаяннее. Три зверя, что лениво наблюдали за тем, как собраты грызут ствол, повернулись в мою сторону.

Я налетел как ураган, рубил и колол, сбрасывал с себя, а когда снова выполз из-под трупов, только два зверя грызли ствол. Огромный ствол в три обхвата угрожающе накренился. Я бросился к чудовищам, в сердце кольнул страх, что не успеваю.

Один из зверей в последний момент грызть перестал. Я успел увидеть черное тело прямо перед глазами, по чис-

той случайности ухватил на лету, поднял над головой и с размаху ударил о землю.

И в это время страшный треск, шум ветвей, отчаянный крик. Я метнулся в сторону. Дерево медленно наклонялось, но падало все быстрее и быстрее, а о землю ударились с такой силой, что дрогнула и подпрыгнула земля.

Последний зверь отскочил, темное тело метнулось в месиво ветвей. Я бросился следом. В самой большой пучине веток и листьев, где половина сломана, половина изогнута, снова раздался крик.

В лунном свете я увидел, как страшный зверь с силой продирается через зеленую стену. Толстые ветки трещат под его могучим телом. За листвою мелькнуло оранжевое, я догнал, занес меч и обрушил со всей силы.

Удар пришелся по хребту. Боль отдалась даже в плечах, я понял, что уже не удержу меч в онемевших пальцах. Однако зверь распластался, жалобно взвыл. Лапы разъехались, я перевел дыхание и вторым ударом перерубил ему хребет.

Из заросли ветвей донесся плачущий крик:

— Доблестный рыцарь!.. Неужели вы целы?

Я прохрипел:

— Леди... Дивно то, что вы целы... Господь не допустит, чтобы пострадал невинный...

Я начал раздвигать ветви... На голову обрушился страшный удар. Я пошатнулся, в черепе зазвонили колокола. Но никто не бросился добивать, к ногам с плеча свалился здоровенный сук. Из сплетения ветвей протянулась бледная рука. Я ухватил за тонкие нежные пальцы, дернул. В объятия влетела, охнув, молодая девушка. Я прижал ее к груди, не давая упасть, теперь понимал, что за дивный свет пробивался сквозь листву: длинные золотые волосы даже в ночи светились, как утреннее солнце! Они падали крупными локонами на плечи, на грудь, опускались ниже пояса, скрывая ее жалкие лохмотья.

— Доблестный рыцарь! — пролепетала девушка. — Я еще не слыхала о таких героях, чтобы в одиночку мог разогнать целую стаю ночных троллей.

Я вздрогнул, запоздалый страх прополз по коже.

— То были тролли?

— Ночные, — подтвердила девушка. — Самые опасные!.. Ой, вы ранены?

— Да нет, — прошептал я, — это пустяки...

Дышать было трудно, доспех мой изорван в клочья, почти все металлические пластины исчезли. В боку сильно кололо, а когда я пощупал ушибленное место, ладонь стала мокрой и темной.

— Поспешим ко мне, — сказала девушка быстро. — У меня есть лечебные травы! Я заживлю ваши раны, доблестный сэр... очень быстро. К утру вы будете сильным и здоровым, а мои кузнецы починят ваши доспехи...

— Ваши кузнецы, леди? — спросил я.

Она гордо выпрямилась.

— Да. У меня небольшой замок там дальше в лесу. У меня всего десять человек... Они же слуги, воины и все, что понадобится.

Я спросил:

— Как случилось, что такая молодая девушка оказалась одна в лесу?

Она сказала гневно:

— Я всегда выходила рвать лечебные травы одна. Грубые солдаты только мешают! И всегда было безопасно. Никогда еще силы Тьмы не подходили так близко...

Она уже тащила меня едва ли не силой. Я перестал упираться, ибо в самом деле устал так, что все тело дрожит как в ознобе, а меч и молот кажутся такими тяжелыми, словно к поясу подвесили ствол дерева, которым выбивают крепостные ворота.

Деревья расступились, на широкой поляне, где поместилось бы поле целой деревни, тускло блистал под лунным светом высокий замок. Показалось, что висит над землей, потом только понял, что замок стоит на земляном холме, то ли естественном, то ли насыпанном специально для замка. Девушка права: замок мал. Не замок

даже, а высокая четырехугольная каменная башня. Но наверху за зубчиками блеснули доспехи стражей, накопечники копий.

Я сразу оценил все недостатки и преимущества этого лесного замка. Он мал и слаб, взять нетрудно, но сразу видно, что добычи здесь нет, а людей погубить придется много, пока будешь выбивать крепкие двери, а потом подниматься по узкой винтовой лестнице наверх, а оттуда будут осыпать стрелами, бросать камни, лить кипяток и бить топорами по голове.

Так что еще не одна война пройдет мимо, а этот замок сможет оставаться свободным островком.

Нас с башни заметили, дверь распахнулась. Навстречу высыпало несколько человек. Одеты плохо, но мечи и копья в руках выглядят новенькими, а только что отточенные до остроты бритвы лезвия нехорошо блестят.

— Леди Клеондрина, — вскрикнул один с испугом. — С вами что-то случилось?

Девушка отмахнулась.

— Ничего страшного. Это я споткнулась о корягу и порвала в темноте платье. А благородный рыцарь, которого я встретила в лесу, взялся меня проводить к замку. Ему, кстати, нужен приют на эту ночь. Или больше, если он возжелает.

Суровый бородатый воин посмотрел на меня без всякой симпатии. Я видел, как его взгляд задержался на моих порубленных кожаных латах, уже подсохшей крови на плече и боку, но тем не менее суровое выражение не исчезло с лица.

— Конечно, он возжелает!.. Еще как возжелает.

Леди сурово прикрикнула:

— Придержи язык, Гунлерд!

Она гордо прошла в темный проход, там маленькое помещение, служащее холлом, жалко горит светильник, а сверху по лестнице уже спускался еще один воин с факелом в руках.

— Тарт, — сказала леди Клеондрина повелительно, —

ты нас проводишь! Этот благородный странствующий рыцарь нуждается в отдыхе.

— Добротный замок, — заметил я. — И поставлено мудро. Десяток воинов может держаться здесь годами.

— У меня пятнадцать человек, — ответила она гордо. — А когда подступает враг, сюда сбегаются крестьяне... Там, дальше за лесом, две деревушки, оттуда привозят зерно. А мясо мужчины добывают охотой. Здесь в лесу видимо-невидимо как зверя, так и птицы, а вон там озеро, где кишит рыба...

Мы поднялись по винтовой лестнице. Я ахнул. Ступеньки вели выше, на втором этаже дверь распахнута в богатый зал, где горят яркие светильники, свет дробится на украшениях из цветного стекла и драгоценных камней.

Леди Клеондрина сделала приглашающий жест.

— Сюда, мой рыцарь!

Я переступил порог, ноги одеревенели. Комнату можно бы назвать залом, если бы ее не ограничивали стены. Но на всех стенах богатые ковры, на коврах распяты шкуры львов, тигров, медведей и диковинных зверей, которых я никогда не видел. Всю противоположную стену занимает оружие, развешенное так тесно, словно это оружейная, но я видел драгоценные камни в рукоятях, замечал безукоризненную отделку лезвий — это не оружейная, здесь редкое оружие королей и героев. На соседней стене справа портреты в дорогих рамах, оттуда надменно и гордо смотрят бородастые мужчины в доспехах. У всех на головах короны разной формы, размера, но — настоящие! А всю стену слева занял роскошный гобелен с изображением величественной битвы, где сражаются тысячи людей, троллей, гномов, эльфов, а в небе тесно от драконов и страшных острозубых птиц с металлическими перьями.

— Проходи, мой рыцарь, — сказала леди. — Сейчас мы займемся твоими ранами.

Меня мягко подтолкнули в спину. Сзади две молодые девушки и огромный мужчина с черной бородой, что растет прямо от глаз. Лохматые черные волосы падают на

плечи. Я видел только блестящие глаза, красный нос и щель в бороде для рта.

Девушки умело и ловко помогли снять доспехи, мужик собрал их, покачал головой. Леди спросила резко:

— К утру починишь?

Мужик посмотрел в окно.

— Ваша светлость, — бухнул приглушенный из почти-тельности бас, — утро уже вот-вот... Будь эти доспехи из железа, то на гвозди да подковы бы хоть... А так куда эти обрезки кожи? Но, если велите, могу подобрать что-нибудь из готового.

Она сказала повелительно:

— Но тогда самое лучшее! Он мне жизнь спас.

Мужик посмотрел на доспехи критически.

— Да у нас и худшее... получше этого хлама. Кожаных доспехов у нас отродясь не было. А теперь так и вовсе только стальное. Не беспокойтесь, ваша светлость! После такого непотребства, что он носил, нашими доспехами будет доволен.

Меня раздели, я чувствовал себя таким слабым, что даже оперся о женскую руку, когда влезал в бочку с горячей водой. Терли, скребли, разминали мышцы, я наконец ощутил, как затихает боль, затягиваются мелкие раны.

Девушки хихикали, их пальцы мяли и пощипывали все откровеннее. Кровь с шумом ходила по телу, заживляя без всяких молитв и слов Божьих, пробуждая, напоминая, но, когда их руки углубились в воду уж чересчур, я напрягся, чувствуя смущение, непривычное для человека моего времени, сказал торопливо:

— Довольно. Там я помою сам.

Обе переглянулись в удивлении. Одна сказала, округлив глаза:

— Сеньор, что с вами?.. Пусть кровь свободно ходит по телу. Это вас ни к чему не обязывает.

— Я не хочу, — ответил я.

Вторая хихикнула.

— Сеньор, мы и не навязываемся... хотя и хотелось бы. Вы очень сильный и красивый рыцарь. О таких мечтают все девушки, хоть простые, хоть коронованные. Но наша госпожа нас приберет, если мы... если вы... Словом, вашей целомудренности ничто не угрожает.

— С нашей стороны, — добавила вторая лукаво и громко вздохнула.

Я подумал, что и в самом деле, можно успокоиться, ничего страшного, посмотрел в их смеющиеся лица с веселыми глазами, раскрыл рот и сказал неожиданно даже для себя:

— Нет-нет. Что делать, у меня такие обеты.

Девушки снова переглянулись. Первая сказала несколько скованно:

— Как скажете. Я много слышала про рыцарские обеты, но никогда их не понимала. Наверное, я слишком простая...

Я промолчал. Девчушка права, давать обеты и держаться их могут только сильные. А простые... простые живут просто. Без всяких обетов. Простой не станет удерживаться, если перед ним поставить торт. Схватит обеими руками и сожрет. В моем мире все свободны от всего, в том числе и от комплексов. Но здесь пока еще миром правят другие понятия.

Я выбрался из бочки, чувствуя себя освеженным, словно проспал беспробудно пару суток. К удивлению, раны в самом деле затянулись, а возникшие на их месте шрамы невыносимо зудели и чесались. Я попробовал почесаться между лопатками, но скрипнула дверь, поспешно убрал руку и сделал бесстрастное лицо.

Леди Клеондрина вошла в легком просвечивающем платье. Настолько прозрачном, что кровь прилила к моему лицу с такой силой, что я ощутил себя как в работающей кузнице. Леди приближалась неторопливой пританцовывающей походкой, широкие бедра ходят из стороны в сторону, тонкий стан остался прямым, а грудь смотрит

мне прямо в губы горячими красными кончиками, что с силой натянули тонкую ткань.

В руках леди Клеондрина держала медную чашу. Я уловил тонкий аромат.

— Ложитесь, сэр рыцарь, — произнесла она тихо. Голос был загадочным. — Прилягте на ложе... Ваши раны затянулись, но вы сойдете с ума от зуда, если не втереть эту мазь. Она еще и придаст силы и свежести...

Я, чувствуя себя страшно неловким, опустил на ложе вниз лицом. Краем глаза видел, как совсем рядом появилось сочное женское бедро. Плечи вздрогнули и тут же расслабились, когда на них опустились легкие женские ладони. Мазь была холодной, но, когда ее начали втирать в мышцы спины, разогрелись так, что воспламенившаяся кровь побежала по всему телу. Даже ногти стали горячими, как гвозди для подков в раскаленном кузнечном горне.

— Хорошо ли вам, герой? — прозвучал над ухом нежный голосок.

— Никогда еще не было так хорошо, — ответил я искренне.

Над головой прозвенел смех, нежный голос попросил:

— А теперь перевернитесь, сэр...

Я с готовностью лег на спину. Она зачерпнула из чаши мазь, та обожгла грудь приятным холодом, а нежные пальцы принялись втирать в грудные мышцы. Я не мог удержать расползающийся до ушей рот, Клеондрина загадочно улыбалась, смотрела в глаза. В ее расширенных зрачках я видел свое отражение: с глупой довольной улыбкой, расслабленный, счастливый, балдеющий, кайфующий, оттягивающийся...

— Хорошо?

— Как в раю, — сообщил я. Поправился: — Наверное, как в раю. Наш священник много рассказывает о рае, но я представлял его себе именно так...

Ее пальцы на мгновение застыли, я даже ощутил, как будто от них пошел холод, но затем принялись втирать мазь с удвоенной силой. Я наслаждался, Клеондрина молча и

довольно энергично разминала мышцы, затем я не успел опомниться, как легко и быстро села верхом, и все это время энергично и деловито разминала грудь, плечи, втирала мазь, и я чувствовал, как уходит зуд, а тело наливается силой и свежестью.

— Вам должно быть лучше, чем в раю! — шепнула она нежно. — Я постараюсь...

Я ощутил неловкость.

— Леди Клеондрина...

— Зовите меня просто Клео, — перебила она. — Разве не видите, сэр, мы с вами на ложе? На одном ложе. А мы — мужчина и женщина...

Она засмеялась таинственно и призывно. Ее взгляд скользнул вниз. По идее, прихлынувшая кровь должна была обжечь мне щеки и шею, но я из другого мира, в чем-то более сложного, а в чем-то и намного упрощеннее, так что кровь сразу пошла в район развилки.

— Леди Клеондрина, — повторил я просительно.

Она перебила веселым голосом:

— Если начнете сейчас уверять, что вы не мужчина, то вы опоздали, доблестный рыцарь!.. Ваше мужское естество выдает вас надежнее, чем все ваши клятвы и обеты. И, чувствую, вам сейчас жаждет отказаться от какого-то обета...

Она смеялась весело, задорно. Я чувствовал жар ее тела, кровь воспламенилась, жаркая волна от гениталий ударила в мозг. Мозг даже не пытался выстроить какую-то защиту, он сам всегда доказывал необходимость любой ломки любых обычаев, любых приличий, любых суеверий, обрядов, обетов...

В сердце легонько кольнуло. Чуть-чуть, но я на краткий миг увидел, как ветер сорвал шапку с убегающего от погони всадника, стремительной золотой струей расплескались золотые волосы... Еще на миг всплыло нежное строгое лицо, синие глаза взглянули на меня в упор...

— Ох, леди Клеондрина, — проговорил я слабым голосом, — не надо...

Она рассмеялась еще звонче:

— Почему?

— Нехорошо... нехорошо я делаю...

Она сказала убежденно:

— Хорошо! Разве вам это неприятно, сэр?

Я сказал в замешательстве:

— Очень... очень даже хорошо. Но все равно это нехорошо...

Она продолжала втирать мазь, от нее не только приток сил, но и прилив желания, а я без мази уже готов, воля плавится, а мой обет... какой обет? Разве я давал какой-то обет?... превращается в песок.

— Это, — сказала она настойчиво, — хорошо! Очень хорошо. Вы желаете меня, вы жаждете меня! Разве не так?

— Так, — прошептал я.

— Вы готовы отдать все, чтобы взять меня всю...

— Да, — прошептал я еще тише, — готов...

— Да возьмите, — выкрикнула она. — Возьмите же!

Одним движением сорвала с себя одежду. Я задохнулся. Она сидела на мне, как на бревне, поставив длинные изумительной красоты ноги по обе стороны, я видел ее всю в ослепительной зовущей наготы.

Мои руки потянулись к ней, задрожали. Я стиснул челюсти, на лбу и висках вздулись толстые жилы, выступил пот. Тело горело, а чресла жгло огнем, там все было готово взорваться.

— Леди Клеондрина, — сказал я хриплым голосом, — это жестоко...

— Мой благородный рыцарь, — сказала она и прильнула всем телом, — вот теперь вам уж точно придется поступиться своими обетами...

Смех ее был веселым, слова шутливыми, но я стиснул зубы крепче и, чувствуя себя последним дураком на свете, заставил себя выдохнуть:

— Нет... нет, леди Клеондрина!.. Я никогда не поступлюсь обетами... С вашей стороны жестоко этого требовать...

Она отпрянула, на прекрасном раскрасневшемся личике отразились изумление и внезапный гнев.

— Требовать?... Доблестный рыцарь! Это я, благородная леди Клеондрина, владетельная хозяйка этих земель, легла с вами, забыв стыд и честь, чтобы хоть чем-то малым отблагодарить вас за благородный поступок!.. А вы отвергаете?

Я сделал над собой невероятное усилие, будто двигал гору. Мышцы затрещали от натуги, ведь боролся еще и с собой, обеими руками сдвинул прекрасную обнаженную женщину с себя, опустил на ложе рядом, а сам поспешно вскочил.

Меня трясло от стыда, позора, унижения, что обо мне подумают, ничтожество, червяк, комната расплывалась, пол под ногами качался, но я сумел схватить брюки и поспешно натянуть, что удалось с немалым трудом.

Обнаженная женщина приподнялась на локте и смотрела круглыми остановившимися глазами.

— Сэр рыцарь! — прошептала она в великом изумлении. — Значит ли это, что вы отказываетесь... от меня? От меня?

Я едва не взвыл от стыда, поклонился и ответил не своим голосом:

— Прекраснейшая леди Клеондрина, я никогда не посмел бы отказаться от вас! Да и какой мужчина в своем уме откажется? Я мечтаю заслужить вашу признательность, ваше внимание... А за одну вашу улыбку я готов умереть!..

Она спросила все тем же изумленным голосом, чересчур тихим:

— Но вот вам мои улыбки, мои простертые к вам руки, мое желание насытить ваши чувства и погасить огонь в ваших пылающих чреслах!.. Вот я, сэр рыцарь! Возьмите меня и удовлетворите свою страсть!

Я застегнул широкий пояс. И хотя пальцы еще не ощутили ни меча, ни боевого молота, ощутил себя увереннее, а когда заговорил, голос почти не дрожал:

— Леди Клеондрина! Будь я рыцарем, я, может быть... Но я еще не рыцарь! И потому стремлюсь быть достойным звания рыцаря. И потому никогда не отступлю от обетов, никогда не посмею бросить тень ни на свою честь, ни на чужую. Вы — необыкновенная женщина!.. В вашу честь трубадуры должны слагать песни, в вашу честь знатнейшие рыцари должны собираться на турниры и ломать там во имя вашей улыбки копья! И я не посмею бросить тень на вашу честь, поступив вот так... недостойно. Вы не должны мне платить за спасение. Это долг каждого рыцаря... да что там рыцаря — каждого мужчины! — броситься на помощь женщине, даже если это грозит ему увечьем или смертью...

Мой язык молот эту высокопарную чепуху, а она поднялась выше, фигура ее грациозно изогнулась. Внутри моей мохнатой сути взвыло. Я с трудом загнал зверя глубже, ее звонкий голосок пробивался сквозь грохот в моей голове, как серебристый ручеек пробивается через нагромождение скал и камней.

— Вы рыцарь, благородный сэра Дик!.. Даже если все еще не получили рыцарский пояс и рыцарские шпоры. Но я не из благодарности легла с вами на ложе! Из благодарности я заживила ваши раны, а кузнец из той же благодарности за спасение их госпожи подбирает вам более достойные доспехи, чем та рвань, что была на ваших широких плечах, которые каждая женщина мечтает обнять... Но я решила с вами разделить ложе совсем по другой причине...

Я огляделся в поисках рубашки, отступил на шаг.

— Леди Клеондрина! Вы не должны так говорить. Так говорят только простолюдины, а благородные люди должны иметь возвышенные мысли. С вашей неслыханной красотой вы призваны царить над миром! Ради того, чтобы заслужить вашу благосклонную улыбку, рыцари будут сражаться... Их будут выбивать из седел, они будут умирать с вашим прекрасным именем на губах!.. Нет, вы не должны приносить в жертву так... много.

Она все еще не верила тому бреду, что молот мой кон-

формистский язык, не поднималась с ложа, только уперлась локтем, отчего ее гибкая фигурка эротично изогнулась. Но ее огромные синие глаза наконец загорелись гневом, а нежнейшее лицо полыхнуло красным.

— Сэр рыцарь, — сказала она звонким негодующим голосом, — вы не понимаете, что говорите!.. Вот я, нежная и зовущая вас женщина, томящаяся без ваших сильных рук. Набросьтесь на меня, мните, терзайте, утолите свои желания, делайте со мной все, что продлеваете в своих ночных видениях... Я жду этого, я жажду!

Я отступил еще на шаг. Трясло, сердце колотилось, горячая кровь тяжелыми волнами расплавленного металла с силой била то в чресла, то в голову, то в сердце. В голову, правда, не поднималась, высоко, но сердце наполнилось отвагой и жаждой совершить что-то необыкновенное и очень красивое. Хотя я уже совершил немало, ведь я воздерживаюсь все время путешествия.

— Леди Клеондрина, — ответил я с достоинством, — наш священник говорит, что ночные видения насылает дьявол. Говорят, иногда и ангелы посещают праведников в их чистых снах, но то, что являлось мне, несомненно от дьявола, ибо сладостно и мерзко греховно. Посему я прошу позволения удалиться... дабы ратными подвигами в ваше имя, леди, заслужить бесценнейшее право как-нибудь прибыть к вам украшенным многими славными победами и бросить к вашим ногам боевые трофеи... дабы вы узрели мои заслуги и наградили меня благосклонной улыбкой...

Она вскочила, как разъяренная кошка. Обнаженная, все еще сводящая с ума своими формами, сейчас смотрела с ненавистью. Ее рука как выстрелила по направлению к моей груди, а голос упал до страшного змеиного шипения:

— Ты!.. Ты отказываешься от меня? Сейчас?.. Ты не взойдешь со мной на ложе?

Сердце колотилось, как это сладостно, оказывается, жертвовать, лишать себя плотских наслаждений ради... ради... даже не знаю, чего ради, ведь никто не узнает, да и

не обещал никому блюсти верность, сейчас ее никто никому не блюдет, но прямо раздуваюсь, как жаба, от собственного благородства и самолюбования...

Спина выпрямилась, я ощутил себя Ланзеротом, недостает только выпяченной нижней челюсти. Посмотрел в затуманенные яростью глаза, выпятил челюсть и сказал твердо:

— Леди Клеондрина! Я не хотел этого говорить, но вы не оставили мне выхода... Леди Клеондрина, в высокой белой башне меня ждет Она. Единственная. Глупо это или смешно, но я останусь ей верен.

Она отшатнулась. Выкрикнула искривившимся ртом:

— И что же? Как она узнает? Скажите, сэр Дик, как она узнает?

Я торопливо натянул рубашку, заправил в брюки, взял в руки молот.

— Вы второй раз называете меня Диком, — напомнил я. — Но я своего имени не произносил!

Глава 28

Восточный край неба начал розоветь, когда я отыскал то местечко, где я должен был сторожить. Рудольф поднялся навстречу, лицо его было измученное, а в глазах виноватое выражение.

— Дик... Я услышал, что ты уходишь, пришел сюда, не застал... Бернард и Асмер тебя искали всюду... О, что на тебе за панцирь?

— Но далеко не уходили, — сказал я.

— Конечно, — согласился он. — Это могло быть ловушкой.

— Для меня?

— Тебя не жаль, — ответил он простодушно. — Для остальных... Ведь нас и так слишком мало! Повозку захватить все же легко. Пойдем, там уже запрягли волов. Но что за панцирь?

— Да нашел, нашел...

— Как и меч?

— Ну, похоже...

Кони обнюхивались, готовые к походу, Бернард и Асмер подвязывали седельные мешки. Ланзерот у повозки разговаривал с принцессой. Увидев нас, Бернард кивнул Асмеру, сам сделал пару шагов навстречу. Глаза холодно и враждебно прошлись по моему свежему лицу, отметили и чисто вымытые волосы, блестящий стальной панцирь вместо моего кожаного с железными висюльками, из-за которых я чувствовал себя байкером.

— Тебе придется подробно объяснить очень многое, — сказал он почти так же холодно, как Ланзерот. — Что-то ты зачастил исчезать ночью. И как ты объяснишь то, что ушел в коже, а вернулся в железе?

Асмер подмигнул мне, но сказал очень серьезно:

— Хорошем.

Бернард обернулся, рывкнул:

— Что?

— Говорю, — объяснил Асмер, — что панцирь на Дике из хорошей стали. Очень хорошей.

Бернард рывкнул люто:

— Пусть из стали! Тем более!.. Куда ты уходил ночью? С кем встречался тайком? От кого этот панцирь?

Я отступил на шаг.

— Бернард, в прошлое мое исчезновение удалось отыскать тебя. Я все объясню...

— Ладно, где был сейчас?

Ланзерот и принцесса обернулись и смотрели в мою сторону. Выглянул священник, поморщился.

— Может быть, — предложил я, — лучше на ходу?.. Всем на свете клянусь, что с вражескими лазутчиками не встречался, порочащих связей не имел... ну, я так полагаю. Хотя не уверен, так как не знаю, где здесь проходит грань и каковы дефиниции...

Бернард потянул ноздрями. Я сам чувствовал, что от меня за милю несет сладкими притираниями, мазями, благовониями, как от мамзели горизонтального промысла с Тверской. Это явно уловил и Рудольф, теперь надо

держаться как можно дальше от повозки, где проводит большую часть времени принцесса...

Ланзерот снова ехал впереди, но меня зажали между Бернардом и Рудольфом. Рудольф поглядывал виновато, но долг есть долг, и, к его чести, он наверняка даже не смог бы предположить такую дикость, что я выдам его тайну.

Мой конь фыркал, пробовал кусаться с конями Бернарда и Рудольфа, те топают чересчур близко. Я рассказал все без утайки. И про то, как бросился на женский крик, и как дрался, и как меня, как лоха, привели в невесть откуда взявшийся замок. Бернард следил за моим лицом, и каким бы он ни выглядел грубым, но жизненный опыт явно научил отличать правду от брехни. Рудольф повеселел, в его взгляде появилось нечто, похожее на уважение.

Бернард подобрел, а когда я закончил, крикнул, показав головой, предположил внезапно:

— А может быть, она и не была ведьмой вовсе.

Рудольф опешил:

— Ты что? Не слышал, что рассказывал Дик?

— Слышал.

— И что? Не поверил?

— Да нет, все сходится. Ты посмотри на Дика, сразу ему поверишь. Он именно это сказал, верю. Но я и женщин знаю.

Сзади подъехал Асмер, оказывается, подслушивал, да и заодно отрезал мне дорогу назад. А если учесть, что Ланзерот едет впереди, то я был в самой надежной на свете коробочке... Асмер заявил авторитетно:

— Рудольф прав. Какую бы женщину это не взбесило? Они все ведьмы, только не все эту ведьму из себя выпускают.

Я ничего не понял, слишком заумно рассуждают, спросил с надеждой:

— Так что, леди Клеондрина не ведьма?

Бернард вздохнул. Асмер сказал почти ласково:

— Ты хорошо держался, Дик. Из тебя выйдет настоящий рыцарь. Зерцало всех доблестей. О тебе будут петь менестрели, тебя будут ставить в пример молодым рыца-

рям. А священник на воскресной проповеди о тебе закати́т целую пане... паны... в общем, гирику.

Я снова не понял, спросил настойчиво:

— Так она была не ведьмой?

— Наверное, нет, — подтвердил Бернارد. — Но вот теперь... есть.

А Рудольф буркнул тихо:

— А женщины — чем красивее, тем ведьмее.

По дороге навстречу две худые лошади тащили тяжело груженную мешками подводу. Я невольно подумал, что на дышловой телеге, говорят, ездит сам дьявол. Еще говорят, что дьявол ест и пьет с теми, кто садится за стол, не перекрестившись. Это со мной, стало быть. За телегой устало топали два тяжело навьюченных коня. Замыкал маленький караван немолодой всадник в бедной одежде, но весь обвешанный оружием.

Лансерот и Бернارد, словно тоже решили, что на телеге с дышлом встретят именно дьявола, пришпорили коней и понеслись навстречу. Рудольф и Асмер двигались по сторонам повозки сразу посуровевшие. За дверью повозки послышался скрип натягиваемой стальной тетивы арбалета.

Возница, что дремал на облучке, очнулся от грохота копыт и с удивлением смотрел на приближающихся всадников. Страх на его лице я не усмотрел.

Бернارد оглянулся на меня, нахмурился, буркнул неприязненно:

— Надо было остаться.

Лансерот спросил звучным голосом:

— Откуда путь держишь, почтеннейший?

Он заступил своим конем дорогу. Возница натянул поводья, лошади с великим облегчением остановились. Я покосился на второго всадника, тот тоже придержал коня.

— Из Ирама, сэ́р рыцарь, — ответил возница почтительно. — Мы купцы, зарабатываем немного...

Бернард хмыкнул:

— В Ирам ездить — большой риск, так что зарабатывать неплохо. Но ты не трусь, грабить не будем. Что там в Ираме? Разве там люди еще остались?

Возница поклонился.

— Города живут, ваша милость. Многие, правда, сбежали, но многие остались. И то сказать, нечисть если и была в этих землях, то ее либо побили, либо ушла обратно. Я третий раз ееду, но там безопасно, как в Срединных Королевствах...

Бернард кивнул, медленно пустил коня вдоль каравана. Его железная рука похлопала по мешкам, зоркие глаза оглядели придирчиво груженных коней. Всадник, замыкающий караван, казалось, дремал. Я раздраженно смотрел на Ланзерота и Бернарда, тоже мне таможенников корчат, они медлили, все еще не пропускали повозку, осматривали бесцеремонно, грубо. Бернард объехал телегу с другой стороны, снова пощупал мешок.

— Зерно везешь?

— Зерно, ваша милость!

— Странно...

— Что не так, ваша милость?

— Разве зерно не нужнее там, в городах?

— Я ж говорил, народу стало меньше!

— Да, но вне городских стен землепашцев еще меньше, — проговорил Бернард. — Да и вообще...

Он протянул это «вообще» таким зловещим голосом, что моя рука невольно потянулась к молоту. Возница не на шутку перетрусил.

— Что не так, ваша милость?

— Осажденные всегда накапливают зерно, — сказал Бернард медленно, как муравьи в закромах. — Ты кто, вор?

Мне стали чуть понятнее действия Ланзерота и Бернарда, хотя вообще-то воря вездe немало, пусть их ловят люди шерифа, а у нас, везущих драгоценную реликвию, должны быть другие заботы.

Возница воздел руки. Мне показалось, что он готов

скатиться с облучка телеги и пасть в дорожную пыль на колени перед конем Бернарда.

— Благородные рыцари! — возопил он плачущим голосом. — Да не вор я, не вор!.. Я честный торговец!.. А зерна в этих землях немало. Мяса — верно, мало, нечисть до мяса падка, они ж не только людей пожирают, но и зверей... поверите ли, не только стада диких свиней переловили и сожрали, но и стаю волков как-то догнали и разорвали в клочья...

Бернард кивнул:

— Значит, все-таки нечисти в этих краях немало?

— Да не в этих, — сказал возница плачуще, — а в тех!.. Сюда если и проберется какая, то вреда от нее мало.

Ланзерот уже обогнул караван, приблизился с другой стороны. Лицо у него было скучающее.

— Ладно, — сказал он неожиданно, — перекрестись, что не врешь, да езжай себе дальше.

Лицо возницы застыло. Потом вся фигура начала меняться. Плечи раздвинулись, плащ натянулся. Над глазами стали выдвигаться тяжелые надбровные дуги, закрывавшие сузившиеся глаза.

Щелкнуло, во лбу возницы появилось белое оперение короткой стрелы. Ланзерот и Бернард исчезли, на их месте были два металлических вихря. Всадник ринулся в их сторону, на ходу превращаясь в нечто огромное зеленое, единое с конем. Я с ужасом обнаружил, что и оба навьюченных коня странно присели на укоротившихся ногах, расплываются. Гладкая лоснящаяся кожа стала серой, пошла чешуйками. Те собрались в крупные костяные щитки. Стройные ноги превратились в толстые лапы, похожие на куриные, только в десятки раз крупнее, а когти погрузились в твердую землю, как в мокрую глину.

Я успел увидеть как конские головы превращаются в оскаленные пасти, полные острых зубов. В стороне был лязг, стук, крики, звериный вой, потом коня так сильно толкнули, что я едва не вылетел из седла. Блестящая фигура заслонила мир, сверкающий меч блистал подобно падающему в лучах яркого солнца ливню. Зеленые брыз-

ги попали на руки, я с омерзением отряхнулся, и тут мешки словно взорвались, полезли жуткие твари с мохнатыми кожистыми крыльями.

Я заорал, конь с готовностью скакнул к телеге. Я наконец-то ударил мечом, даже не вспомнив про молот. Широкое лезвие с легкостью ссекло полкрыла и нанесло длинную рану на груди гарпии. Она упала коню под копыта, затрепыхалась. Я остервенело рубил, рушил, меня тоже били, клевали, кусали, царапали, я орал и размахивал мечом...

Потом все разом затихло. Я огляделся, ошалелый, с окровавленным мечом. Повозка подъехала и остановилась в двух шагах, Рудольф и Асмер деловито добивают все, что шевелится. В проеме повозки принцесса с бледным решительным лицом, у ног ее разряженный арбалет, в руке длинный узкий нож. Вокруг телеги лжеторговцев куски зеленого мяса, лужи слизи, отсеченные лапы, крылья, разрубленные головы таких омерзительных чудищ, что я побледнел и отвернулся.

Лансерот с безгливой тщательностью вытирал меч. Я тоже стал вытирать лезвие, неумело, торопливо. Ладони скользили, не сразу сообразил, что и рукоять в липкой крови, и весь я как мясник.

Блистательный Лансерот, на доспехах ни единого пятнышка, бросил меч в ножны. Я почти с завистью смотрел, как он хозяйски направил коня к принцессе, что-то строго выговаривал. Бернارد махнул рукой принцессе:

— Здесь все. Езжайте, езжайте!.. Сейчас догоним. Рудольф, Асмер — от повозки ни на шаг.

«Скотина, — мелькнуло у меня в голове. — Мог бы сказать, ни на шаг от принцессы. Конечно, мощи самого Тертуллиана, но все равно высшая драгоценность этого мира — принцесса. Видно же, что Господь ее любит, если сделал такой совершенной, чистой, возвышенной... даже когда с ножом и арбалетом в руках».

Бернارد наконец оглянулся в мою сторону. На суровом лице я с облегчением заметил одобрение.

— Молодец, — заметил Бернад. — Ты хорош с мечом! Почитай, всех гарпий побил ты.

— А... сколько их было?

— Три.

— А... кони, что кони?

Бернард отмахнулся:

— И кони, и эти двое, что рядились под людей...

Я передернул плечами, спросил жалко:

— Что, все это... нечисть?

— Не все, — успокоил Бернад, — телега, к примеру, настоящая.

Ланзерот проехал мимо, бросил холодногато:

— Все, закончили. Дик, держись у телеги, а ты, Бернад, проедь вперед. И не радуйся больно.

Бернард сказал довольню:

— А почему нет? Видно же, что сюда проникают только мелкие твари. Да и те в открытую идти страшатся.

— У них могут быть другие цели, — сказал Ланзерот трезво. — К примеру, проникнуть как можно дальше. Составить карту. Узнать наши слабые стороны. Вернуться и подготовить вторжение. К тому же, Бернад, тебе ли не знать, что еще десять лет тому подобные твари так далеко не проникали вовсе.

Оба поехали вперед, ни один не оглянулся на месиво из разрубленных тел. Рудольф и Асмер сбросили телегу лжеторговцев на обочину, Рудольф остался поджигать ее, дабы огнем выжечь скверну, а Асмер повел мимо повозку с мощами. Я смотрел ошалело, все уже забыли про то, что их жизни висели на волоске, что минуту назад рубились яростно с порождением ада, дрались остервенело, рубили, убивали...

Это что же, такая жизнь для них привычна?

Еще встретили целый отряд хорошо вооруженных всадников. Во главе настоящий рыцарь, по крайней мере герб на щите, а за ним в два ряда бородатые лохматые мужчины. В правой руке рыцарь держал настоящее рыцар-

ское копьё острием вверх. Чуть ниже острого наконечника трепетала по ветру синяя тряпочка. Завидев повозку, запряженную шестью не худенькими еще волами, заметно оживились. Мне очень не понравились их откровенно жадные взгляды, а когда я представил, что вот так будут смотреть на принцессу, раздевая ее глазами, бешенство поднялось из таких темных глубин, о которых я даже не догадывался.

Рудольф теперь держался ко мне ближе, прошептал:

— Дик, не ярись.

— Да я молчу.

— Зато морда твоя орет, аж лопается.

Я подумал, что оруженосцу не положено кричать громче господина, выпрямился, хотя надо бы, наверное, сгорбиться. Ланзерот ехал впереди, я смотрел на чужаков, как мне казалось, бесстрастно, но пальцы как будто сами обхватили рукоять молота. Ланзерот остановил коня, копьё тоже острием вверх, но я ощутил, что он вот-вот просто отбросит его в сторону, а в руке окажется смертоносный меч.

Отряд по знаку их предводителя остановился. Рыцарь выехал навстречу Ланзероту. Он был высок и хищно красив, как по-своему красив волк перед стадом овец. Темные волосы падают на плечи, темное от солнца лицо дышит силой и отвагой.

— Сэр, — сказал он весело, — у меня нет времени на долгие переговоры. Вы без боя отдаёте свой груз, коней и оружие. А взамен получаете жизнь.

Я ожидал, что Ланзерот ответит что-то высокомерное и надменное этому наглецу, однако наш рыцарь лишь вскинул руку, подавая нам знак, в мгновение ока отбросил копьё и выхватил меч... все, как я и представил, его конь одним могучим прыжком оказался рядом с предводителем отряда. Блеснул меч, донесся звук короткого удара по металлу. Чужака унесло с седла, как сдунуло ветром, а Ланзерот бросил коня на всадников. Я успел увидеть, что один закачался с короткой арбалетной стрелой во лбу,

тут же Ланзерот сменил арбалет на щит, его меч взлетал и опускался, с каждым ударом седло чужого коня пустело.

Рудольф и Асмер снова оказались быстрее меня, но Бернард опередил всех, рубил и крушил уже рядом с Ланзеротом. Я метнул молот, поймал и метнул снова. А в третий раз замахнулся, но оглядел поле схватки ошалелыми глазами и сунул обратно в раскрытую седельную сумку.

Священник выпрыгнул из повозки, молитвенник в руках, быстро наклонялся к павшим. Повозка съехала на обочину, объезжая трупы и перепуганных коней. Ими умело управляла принцесса. Лицо ее было бледным, решительным, но без капли страха или отвращения.

Я слез с коня, как и Асмер, осматривали трупы, собирая оружие. Мы оба проморгали момент, да и Ланзерот с Бернардом и Рудольфом проворонили, когда один из трупов, как мы считали, вдруг подскочил прямо с земли, ухватил моего коня за стремя, дернул и в мгновение ока оказался в седле. Это был тот самый рыцарь, глава отряда. Меч Ланзерота лишь оглушил его на пару секунд и вышиб из седла, сейчас цепкие руки уже успели ухватить поводья, и вряд ли мы догнали бы, у меня конь не так силен и обучен, как у Ланзерота или Бернарда, но легконог и быстр...

Я, совершенно не думая, что делаю, ухватил вора за сапог и дернул с такой злостью, что рыцарь снова слетел с коня, как будто его сдуло. Я бросился к нему с кинжалом в руке. Рыцарь лежал на спине, руки раскинуты. Меч вылетел от удара о землю и блестел в трех шагах от головы.

Я упал сверху, одной рукой пытался приподнять забрало, но искореженное железо не подалось. Попробовал просунуть лезвие в щель, сзади донесся громкий крик:

— Дик!.. Не смей!

Ланзерот на полном скаку остановил коня рядом. Конь встал на дыбы, заржал гневно и ударил по воздуху копытами.

— Почему? — крикнул я.

— Пусть сперва покается! — прокричал Ланзерот.

Я тряхнул поверженного рыцаря, железная голова вяло качнулась. Сквозь щели для глаз были видны опущенные

веки. Я потрянул сильнее, одно веко чуть приподнялось, Я отшатнулся от вида закатившегося глазного яблока.

— Он без сознания!

— Нельзя убивать, — крикнул Лансерот, — не дав покаяться перед смертью!..

— Его душа и так пойдет в ад, — возразил я, злой за попытку кражи своего коня.

Лансерот перекрестился, голос был суровым:

— Кому в ад, кому в чистилище — решает Господь Бог.

Я задержал руку с кинжалом. Лезвие уже проникло через щель и касалось века наглеца, который хотел завладеть принцессой. Чуть нажать, стальное острие войдет в глаз и поразит мозг. Мерзавец умрет быстро и без мучений. Но душа его будет вечно гореть в аду. Вечно! А если успеет покаяться, то, возможно, ему в страшных муках придется пробыть всего несколько сот лет. Или тысяч. Все пустяки в сравнении с вечностью.

Я поднял голову, Лансерот смотрел сурово.

— Мы ж не можем ждать, — крикнул я зло, — пока он очнется! А оставить так... он соберет людей побольше и догонит. Тогда от нас полетят шерсть и перья.

Я хотел нажать на рукоять, Лансерот вскрикнул гневно:

— Мне плевать на его душу! Я о твоей пекусь. Ты сам берешь на себя смертный грех, отказывая даже злейшему врагу в покаянии! Не делай этого. Мы — люди, не звери.

Я с отвращением поднялся, сунул кинжал в ножны.

— Мы за это поплатимся, — сказал я. — Мы за это поплатимся своими шкурами.

— Только бы не душами, — ответил Лансерот сурово.

В полдень, как обычно, короткий привал. Измученные животные попадали в изнеможении, а неутомимый Асмер развел костер, быстро жарит на углях мясо. Горный хребет поднялся до небес, преграждая дорогу. От далеких снежных вершин ощутимо веет прохладой, хотя умом я

понимаю, что это немыслимо. Но снег сверкает, искрится, как бенгальские огни. Я представил, что беру в руки, ощущение холода пробежало от ладоней и заставило кожу на руках вздуться пупырышками.

У костра впервые собрались все, даже священник и принцесса сели рядышком.

Я подбрасывал веточки в оранжевый огонь, это я и в той жизни любил делать, краем уха слушал разговор. Рудольф и Бернард заспорили о способах заточки мечей, Асмер расспрашивал принцессу о жизни в Срединном Королевстве, а рядом со мной Ланзерот и священник затеяли скучный богословский спор о том, был ли у первого человека пупок. Я сперва вслушивался только в голос принцессы, любовался ее бесконечно милым лицом, но она говорила очень тихо, а рядом разговор набирал обороты, голос священника стал резче, в нем звучала сила, которой я раньше не замечал:

— Доблестный Ланзерот! Сатана рассчитал верно... Абсолютно верно! В Зорре почти не осталось войск, а он собрал и двинул в наши земли непомерную силу. На каждого нашего с оружием у него сто. К тому же он долго готовил тяжелую конницу, под его властью горные племена, которым всегда были неведомы сострадание и жалость, а кроме того, все колдуны, волхвы, чародеи и волшебники служат ему верой и правдой... если так можно сказать о подлом племени. И самое худшее — ты же видишь, по этим землям, которые еще не под властью Тьмы, уже почти открыто рыщут создания Тьмы, жуткие твари, рожденные то ли адом, то ли измышлениями проклятых колдунов!

Я невольно прислушивался, впервые от священника что-то путное, а не злобные выкрики в адрес отступников, еретиков, хриstopродавцев. Ланзерот спросил просто:

— И что же, отец, спасения нет?

— Нет, — ответил священник. Лицо его было просветленным. — На этот раз мы не устоим.

Ланзерот кивнул, лицо его оставалось таким же надменно-высокомерным.

— Значит, надо седлать коней, чтобы успеть в последний бой.

«Нет, — подумал я с отвращением, — этот священник все-таки полный идиот». Ну, про меднолобого и говорить нечего. Милитаристы все по природе своей интеллектом не отягощены.

Бернард прервал спор с Рудольфом, тоже поднялся. Глаза его зло блеснули:

— Да, ваша милость, все верно. Рудольф, вставай! Рассиделся.

Я смотрел на них во все глаза, перевел взгляд на священника.

— Но если нет спасенья... — вырвалось у меня. — Если Сатана все рассчитал правильно, и нам ни за что не устоять... то как с этой мыслью драться?... Мы ни за что не победим!

Священник взглянул остро. Мне показалось, что сейчас повернется и уйдет, но он ответил сухо:

— Верно. И поляжем все.

— Но...

— Еще не понял?

— Нет, — признался я.

— Главное, — сказал священник строго, — победить не врага, а себя. Главное, не шкуру сберечь, а не предать!.. Понял? Только в этом различие между нами и Тьмой. Для них все же самое главное уцелеть. Уцелеть любой ценой. А для нас — не предать!

Он осенил меня крестом, то ли оберегая от сил Зла, то ли желая проверить, не возоплю ли диким голосом и не исчезну ли в адском пламени, повернулся и ушел к волам. Я видел, как он довольно умело помогает Асмеру запрягать, движения его тощих лапок были уверенными и решительными. И мне послышался далеко-далеко вверху серебристый звук фанфар.

За сегодня придвинулись к горам почти вплотную. Земля пошла холмами, каменными насыпями. Часто попадались огромные камни, похожие на утопающих в жидкой земле допотопных животных. Кустарники вперемеш-

ку с лесом, рощи попадаются неопрятные. Если раньше встречались аккуратными группами березняки, дубравы или сплошь заросли вяза, то теперь все перемешалось, сосна возле граба, дубы рядом с кленами.

Мы рыскали поодиночке в пределах видимости друг друга, повозка двигалась посредине. Иногда деревья разделяли нас, Ланзерот тут же тревожно трубил в рог. Я подумал, что нас только по этому реву могут запеленговать чуть ли не с другого конца планеты и послать уже местных «альфовцев» на перехват. Какая-то дурь: чем ближе к осажденному Зорру, тем неосторожнее... и даже провокационнее ведет себя этот рыцарь. Как будто кому-то подает знак. Кому-то помимо нас.

Глава 29

Я как раз проскакивал через небольшой лесок, когда в сторонке послышался звонкий голосок, напевающий песенку. Привстал на стременах, в сотне шагов над кустами проплыло красное, исчезло. Я осторожно тронул коня, красное еще дважды мелькнуло в просветы зелени, кусты кончились. Через поляну хорошенькая молодая девушка несла, сторбившись, тяжелую вязанку хвороста. Нежное лицо покраснело, но она стойко продолжала напевать свою песенку, словно черпала в ней силы. Ее волосы были красными, как огонь, даже как борода Рудольфа, опускались на спину, где их прижимала вязанка серых сучьев.

Я успокаивающе помахал ей рукой, ибо она в испуге замолчала и застыла. Девушка робко улыбнулась, сказала торопливо:

— Добрый день, благородный рыцарь!..

— Я не рыцарь, — ответил я поспешно.

— Как же не рыцарь? — не поверила она. — Такой конь, такие доспехи...

— Если настоящие рыцари услышат, — сказал я, — меня повесят на первом же дереве. Я просто оруженосец. Ты далеко забралась в лес. Это не опасно?

Она ответила послушно, все еще держа хворост на спине:

— Что делать, господин ры... господин. Чем-то топить надо.

Я увидел в ее глазах покорность и смиренный страх, ведь мы в лесу одни, а молодой мужчина не упустит случая сделать с молодой девушкой все, что желает. Я чувствовал стыд и раздражение, я ж из прогрессивного мира, где «это» такой пустяк, что ни мужчина, ни женщина уже через пару минут не вспомнят о коитусе, а здесь меня подозревают, что я накинусь с такой жадностью, как будто это что-то для меня редкое и недоступное.

— Давай я довезу тебя ближе к дому, — предложил я. — Прямо к дому не обещаю, торопимся... Ты где живешь?

— Прямо за этим лесом наша деревня, — ответила она смиренно. — Вон за теми деревьями уже видно...

— Садись, — сказал я. — Скоро стемнеет, а ночью тут бродят волки.

Она посмотрела на небо, на ее лице страх и надежда боролись так явно, что я сказал еще торопливее:

— Твой хворост тоже захватим, не бойся.

Я соскочил, быстро приторочил вязанку позади седла, вскочил на коня и протянул девушке руку. Освободившись от вязанки, она выглядела стройной, как березка, чистой и нежной. Красные волосы рассыпались по плечам. На бледных щеках заиграл румянец.

— Вы так великодушны, сэр рыцарь... ой, простите, господин!

— Влезай, — поторопил я. — А то мне влетит.

Она подняла на меня взгляд ясных, почти детских глаз. И без того маленькая и хрупкая, выглядела совсем ребенком, только крупная грудь выдавалась под простым платьем очень отчетливо, а я старался и не мог отвести глаза от низкого выреза ее платья.

— Да, — сказала она послушно, — да... но вы уверены, господин, что не хотите... что ничего не хотите?

Я помотал головой.

— Садись! Могут же люди что-то делать бескорыстно?

— Могут, — ответила она и улыбнулась благодарно. — Но мужчины чаще отказываются от золота, чем от женщины.

Ее тонкие пальцы скользнули в мою широкую ладонь. Я дернул, успел удивиться ее почти невесомому телу, в следующее мгновение она оказалась в моих объятиях. Смушаясь, как бы не подумала, что похоть все же взяла верх, я отстранил ее, повернул к себе спиной. Конь тут же двинулся ровным неспешным шагом.

Красные пушистые волосы пахли лесной травой, щекотали лицо. Я невольно вдыхал нежный запах. Руки сами по себе начали стискивать ее хрупкое тело. В поясе она такая тонкая, сверху руку сладко обожгло, по всему телу промчалась сладостная дрожь, это я нечаянно коснулся ее груди.

Девушка сидела в моих руках, как пойманный зверек. Я слышал, как часто-часто стучит ее испуганное сердечко, вряд ли крупнее, чем у зайца. Я старался держать мысли чистыми, но перед внутренним взором возникали картины, где уже мну ее в стоге сена, раздетую, открытую, с раскинутыми руками...

— Господин, — произнесла она трепещущим голосом, — господин... позвольте мне сесть позади.

— Зачем? — спросил я. — Так удобнее.

— Я прошу вас...

— Глупости, — пробормотал я. — Здесь держу, а там свалишься.

— Я буду держаться за вас, — возразила она, чуть смеясь. — Я обхватчу вас за пояс обеими руками! И буду держаться крепко-крепко!

Она легонько вскрикнула, когда я пересаживал, для этого пришлось прижать ее весьма крепко. Седло протестующе скрипело, я усадил ее на вязанку, повернулся, пряча пылающее лицо, ибо, пока переносил, ее горячая грудь прижалась к моей щеке, я успел ощутить на губах сквозь тонкую ткань упругие горячие угольки.

Конь двигался мерным шагом, не обращая внимания на возню на его спине. Я сидел, выпрямившись, как столб, щеки пылают, уши раскалились, перед глазами промелькнули гнусные и сладостные видения. Я старательно гнал их, распухшие от прилива крови губы беззвучно шлепали, то ли шептали молитву, то ли ловили эти горячие, как угольки, кончики.

За спиной потрескивал хворост, сидеть на вязанке неудобно, девушка поневоле согнулась в поясе, почти легла грудью мне на плечи. Я беззвучно взмолился, почему на мне такой тонкий железный панцирь, не защищает от жара ее молодого тела, руки ее никак не отыщут, за что ухватиться. Если б не вязанка, то сидела бы, чинно обхватывая за пояс, а сейчас при каждом конском шаге в испуге хватается, хватается...

— Ой, — вскрикнуло у меня над ухом, — что это у вас, господин?

Ее полные жаркие груди коснулись затылка и тут же отстранились. Я ощутил по ее движению, что она сунула палец в рот. Перед глазами вспыхнула сладостная картина ее полных жарких губ, уже созревших, податливых. Я пояснил:

— Не обращай внимания. Это мне в монастыре сувенирчик вручили.

— Какой он...

— Поцарапалась? — удивился я.

— Да... нет, будто обожглась. Хотя нет, почудилось... Нагрелся от твоего молодого сильного тела, мой господин. В тебе полыхает жар, господин...

Я буркнул:

— Не обращай внимания. Твоя деревня справа или слева?

Конь вышел на тропинку, что раздваивалась, как змеиный язык. Над ухом прозвучало рассеянное:

— Слева... Конечно же, слева...

Правое ухо обжигало ее горячее дыхание. Мне показалось, что ее дыхание становится все жарче, а ладони хватаются за меня даже крепче, чем чтобы удержаться. Снова

плечи обожгло прикосновение ее полных горячих грудей, я стиснул зубы, повернул коня налево и пустил вскачь.

Грохот горячей крови в ушах гремел громче, чем стук копыт. Я ощутил, что недостает воздуха. Над ухом раздался нежный голос:

— О, мой господин...

Как сквозь пелену я увидел вдали блеск, что разрастался, приближался. Снова грохот копыт, щелчок. Сжимающие меня руки ослабели. Мелькнули серебристые доспехи, сквозь шум крови в ушах гремел злой голос, ему отвечал другой. Я с трудом различил голоса Ланзерота и Бернарда.

Я ощутил, что лежу на земле лицом вверх. Сверху появилось, заслоняя все небо, огромное красное лицо. Бернард взглянул с отвращением, исчез. Я с трудом поднялся, опираясь на локоть. Да, валяюсь, как колода, посреди тропки, неизвестно как оказавшись здесь, по щеке кровь, в голове звон и слабость. Конь мирно щиплет траву на обочине. Ланзерот уже на коне, Бернард что-то доказывает, загородив дорогу, Ланзерот отрицательно качает головой.

Бернард оглянулся, лицо его было красным от гнева. Я собрался с силами, поднялся. Ланзерот бросил в мою сторону взгляд, полный презрения к быдлу, повернул коня и ускакал. Бернард выругался, он казался мне надвигающимся монстром.

— Дурак! — прорычал он. — Какой дурак!..

— Да, — сказал я убито, — да... Но... где та девушка?

— Дурак, — повторил Бернард с отвращением. — Так ничего и не понял. Вон она, посмотри!

Я оглянулся, ноги подкосились. Шагах в десяти дальше по тропе лежала вниз лицом, раскинув руки, красно-волосая девушка. Пышные волосы рассыпались по спине, закрыв ее целиком. Пальцы в предсмертном усилии вцепились в землю. Холод страха вонзился во внутренности, когда я увидел, как глубоко вонзила пальцы в твердую сухую землю. Справа из шеи торчит оперенный кончик короткой стрелы.

Бернард подошел, грубым пинком перевернул ее вверх лицом.

— Иди сюда, дурак!

На меня взглянуло мертвенно-бледное прекрасное лицо. Прекрасное лицо не молодой девушки, а красивой зрелой женщины. Ее рубашка порвалась на груди, но я на этот раз не мог оторвать взгляда от красивого рта... полу-раскрытого... откуда высунулись длинные клыки.

Я потрогал ноющую шею. Кровь уже не течет, кончики пальцев нащупали ранку, закупоренную сгустком крови.

— Она... что же?

Бернард рыкнул:

— Да, дурак, да!.. Хуже того, она была послана именно за тобой. Я видел ее, прошла мимо меня в трех шагах. Ланзерот тоже видел. И она нас видела... Это он сказал, что проверит, зарядил арбалет серебряной стрелой и помчался по ее следу. Успел, она уже почти прокусила главную жилу! Еще чуть — и тебя б уже ничто не спасло. Ни один лекарь не умеет останавливать кровь из этой жилы...

— Господи, — прошептал я в страхе и чуть было не перекрестился. — Из артерии, конечно... Спаси и сохрани!.. Что это?

— Женщина, — ответил Бернард зло. — Просто женщина. Одни женщины пьют из нас кровь всю жизнь, просто не замечаем, а если и замечаем, то... привыкли, мол, семейная жизнь, а другие вот так сразу... Этих бьем. Если замечаем, конечно.

— Спасибо Ланзероту, — прошептал я. Плечи зябко передернулись, когда представил, что Ланзерот помедлил бы еще чуть. Или промахнулся бы, стреляя на скаку. — Хорошо, что он сразу...

— Он не сразу, — ответил Бернард. Глаза его зло блеснули. — Кто ж думал!.. Когда он поскакал за вами, он крикнул, что ты наверняка уже мертв.

— Но я, славу Всевышнему, уцелел.

Бернард пробурчал:

— Одного не пойму, почему послали за тобой?.. Правда, послали слабенькое... С одной стороны — тебя сильным противником не считают, но с другой стороны — почему тебя, а не меня?

Мне почудилось в злом голосе старого воина оскорбленное достоинство.

Горный хребет, что последнюю неделю надвигался с астрономической неспешностью, теперь перегородил мир. Все эти недели он вырастал незаметно, как нестерпимо медленно превращается во взрослую собаку шенок, но последние два дня горная цепь заслоняла полнеба. Сегодня вечер еще не наступил, а волы уперлись рогами в каменную стену.

Я смотрел на коричневые камни с волнением. По ту сторону — грозное королевство Зорр, а здесь земли не то благородного Арнольда, не то благородного Алексиса — мы едем как раз на стыке их земель, — но дыхание неистового Зорра чувствуется даже здесь. Деревья не стали мельче, все такие же картинные великаны, но здесь, в глубинных, захваченных племенем леса землях, растут вольно, на просторах, ветви в стороны без помех, поляны одна за другой, солнечный свет падает на ярко-изумрудную траву.

Иногда, правда, деревья по какой-то причине собираются в тесные группки, держатся плотно ствол к стволу, словно заняли круговую оборону. Стволы обычно покрыты толстым зеленым мхом, могучие корни вспучивают землю, конь обходил их опасливо по широкой дуге.

Волы печально стояли посреди поляны, посреди которой собрались спина к спине громадные валуны. Даже вершины под толстым слоем мха, что меня смутно встревожило, ибо под прямыми лучами солнца любой мох должен высохнуть и отвалиться пересохшими комьями.

Поляны здесь шире, сливаются в широкие просторы. Уже деревья выглядят одинокими островками среди высокой травы и ярких цветов.

Горная цепь выглядит старой, древней. Видны темные провалы гротов, пещер. Виноград и лазающие деревья цепляются за каждую щелочку, чтобы укрепиться, подниматься выше и выше, разламывая корнями камни.

С карнизов срываются небольшие водопады. Ручьев немного, но, прыгая с уступа на уступ, они сверкают, как драгоценности, разбрасывают многоцветные радуги. В одном месте я рассмотрел даже двойную радугу, что сулит удачу. Над радугой кружил орел, но рассмотреть я не успел: орел метнулся в сторону, вниз, я увидел выпущенные когти, и орел исчез за выступом скалы.

Ланзерот распорядился:

— Асмер в дозор!.. Всем отдыхать, с утра начнем...

Последняя ночь на этой стороне горного хребта, отделяющего земли Сакранта от грозного королевства Зорр. Я чувствовал, что все, даже Ланзерот, желают мне крепкого и безмятежного сна. И, конечно, сновидений. Увы, чем ближе граница с Тьмой, тем сны мои кошмарнее, я от кого-то убегаю, прячусь, таюсь, отбиваюсь, ноги ватные, зато монстры быстрые...

В этот раз за мной тоже гонялись, били большими дубинами, я дважды просыпался, чувствовал, как сильные руки Бернарда укрывают одеялом из шкур, потом слышался нежный голос принцессы. Она не то напевала, не то говорила что-то ласковое, и меня сразу обуял восторг, я возделся, монстры измельчились и сгнули, иные просто растаяли, как тени, а я взлетел свободно и мощно, звездное небо совсем рядом, внизу темная холодная земля, меня понесло на юг, как ураганом, я устрасился на миг, потом понял, что ураган и есть я, возликовал так, что едва не проснулся. Огромным усилием заставил себя успокоиться, опустил и отыскал наш лагерь. Я сам, вернее — мое тело лежит, наполовину укрытое одеялом, ноги торчат, голова сползла с седла, щас начну храпеть, а от собственного храпа тут же проснусь...

Сцепив зубы, рывком взлетел, поспешно огляделся.

Ночь темна, как свежеуложенный асфальт, глаза привыкают медленно даже к яркому свету звезд. Но костры с такой высоты видны ясно, ярко. Если приблизиться...

Я успел только подумать, а ветер зашумел в моих прозрачных ушах, через мгновение я уже завис подобно «черной акуле» над ближайшим костром.

Собрав волю в кулак, я взлетел, как ракета фейерверка, по широкой баллистической дуге метнулся к следующему костру. Этот за три-четыре мили, горит ярко, и, судя по широкому пятну, там большой отряд. Я с трудом пересилил охотничий инстинкт и заставил себя вернуться к своему костру, а оттуда пошел по кругу. Глазные яблоки трещали от напряжения, я до рези всматривался во все овражки, буераки, ярки, где может скрываться засада. Теперь уже может, ведь кольцо вокруг нас стягивается туже, к тому же мы совсем близко к королевству, перехватить проще.

Я уже пролетел над одним местом, но странное чувство заставило зависнуть в воздухе. В густой траве, если присмотреться, едва-едва заметны сверху серые холмики, я бы так и посчитал их серыми холмиками, но на этих холмиках трава не растет, будто это не земляные холмики, а дорожные плащи на крупных мужских телах. Если б не плащи, блеск металлических доспехов выдал бы сразу. Похоже, здесь уже самые опытные и умелые. И залегли именно в том месте, где Ланзерот наметил маршрут на утро...

Я опустился и завис несколько сбоку. Все равно меня не увидят, если не колдуны, а колдунам незачем прятаться так умело, достаточно поставить магическую сеть или стену. Не спят только двое, чутко и настороженно вслушиваются в ночь, поглядывают по сторонам. Даже не переговариваются, сволочи. Лица уверенных и сильных мужчин, крепкие массивные челюсти, широкие лица, вообще оба похожи, словно из одной пробырки.

Над горной цепью я снизился и внимательно осмотрел единственный удобный перевал. Потом, уже зная, что

мое тело берегут, и чувствуя силы, ускорился, понесся с огромной скоростью дальше на юг.

Почти сразу впереди заблестало море огней. Я замедлил полет, снизился. Внизу костры, сотни, тысячи костров. И каждый, насколько помню, рассчитан на десяток воинов. Множество палаток, шатров. Огромный обоз. На многих телегах омерзительного вида устройства — орудия пыток; медленного расчленения человеческих тел, плахи, горы цепей для заковывания пленных.

Лагерьей несколько, везде по периметру бродят часовые. Все они то и дело поглядывают дальше на юг, где в серебристом лунном свете ярко и беспощадно блистает огромный город-крепость. Я медленно плыл по воздуху, словно несомый ветерком воздушный шар, город все ближе, я чувствовал, что если бы я находился в теле из плоти, то мне было бы не по себе. Даже очень не по себе.

Зорр, а это явно Зорр, расположен в излучине реки, но это значит лишь, что с водой проблем нет. На том берегу тысячи огней, там такие же воинские лагеря, как и с этой стороны, а на воде сотни военных кораблей, корабликов и даже плотов.

Земля перед Зорром выжжена на сотни шагов. Не просто черна от копоти и серая от хлопьев пепла, а сожжена до твердости обожженной глины, жесткая, как камень, где сотни лет не сможет расти трава. Сам Зорр окружен невероятно высокой и толстой стеной из глыб гранита и песчаника. Стена показалась мне покрытой пятнами грязи, но в ярком лунном свете с дрожью разглядел опаленные и оплавленные камни, будто в те места с огромной силой били из чудовищного огнемета.

Кое-где стена кажется поврежденной, там пламенеет кладка из обожженного кирпича. Дважды видел даже места, заделанные наспех бревнами, но это бревна мореного дуба, их не поджечь, стена выглядит несокрушимой, а в войне не до изящества. Холодок охватывал меня все больше, когда я видел по этой стене, что ее не раз ломали, рушили, пробивали, просто горожане умудряются отбивать натиски и снова заделывают бреши.

«Невозможно, — подумал я, — невозможно даже определить, какой стена была в самом начале. Здесь нет камня, не забрызганного щедро кровью с той и другой стороны, нет места, не испытывавшего яростных атак, ударов тарана, топоров, мечей, стрел, камней из катапульт...»

Через равные промежутки над стеной возвышаются массивные каменные башни. Из-под крыши холодно смотрят в сторону лагеря гигантские луки, их можно натянуть только впятером. Видны заготовленные камни, бочки со смолой, старые мельничьи жернова. В узкой щели между толстой крышей и каменной оградой поблескивают доспехи воинов.

Лица воинов изможденные, суровые. Из пяти трое с повязками на головах, в лунном свете темнеют пятна крови, еще один сильно прихрамывает. Я услышал их тихие разговоры, но прислушиваться не стал, ночь коротка, поспешно полетел к главному замку.

Окна неплотно прикрыты ставнями. Я не стал пробовать втиснуться вовнутрь, завис, как наполненный газом баллон.

На троне крупный человек могучего сложения, что скрыто как под нездоровым мясом, так и под множеством пышных королевских одежд. Длинные волосы падают на плечи, но на голове золотом горит корона, а с плеч ниспадает горностаевая мантия. Перед ним мужчины в доспехах, двое держат шлемы в руках. Рыцари стараются держаться бесстрастно, но я видел, насколько все подавлены, измучены. Один из них, крупный грузный немолодой воин, голова перевязана окровавленным полотенцем, едва не упал, когда опускался на скамью, подвела раненая нога, а другой, опустившись в кресло, расплылся бесформенной тушей, хотя всю жизнь такие появляются на людях только с гордо выпрямленной спиной, а орлиным взглядом окидывают свысока всех и каждого.

— Торн вот-вот рухнет, — сказал король надтреснутым старческим голосом. — Там почти не осталось защитников. А натиск Тьмы усиливается с каждым днем.

— Там доблестный Роланд, — возразил воин с раненой ногой. — Он прославленный рыцарь и полководец...

— Никакой полководец не выиграет битву без армии, — сказал король. — Да и самый лучший рыцарь не может без сна и отдыха сражаться на стенах сутки напролет. Когда-то и его силы иссякнут... Уже иссякают.

Он помолчал, давая высказаться, но рыцари молчали. Лишь один из самых молодых и горячих вскинул голову, глаза сверкнули, он уже раскрыл было рот, у таких слова всегда опережают разум, но опомнился и стиснул в бессилии острые, как у шуки, челюсти. Кулаки сжались. Сидящий рядом могучий воин в жесте понимания и сочувствия накрыл его кулак огромной, как тарелка, ладонью.

Я видел по хмурым лицам, что короля понимают, но никто не решается сказать вслух, что он прав. Более того, могут даже возражать. И придется приказывать, заставлять, ломать сопротивление. Не сильное, ведь понимают, что он прав, но все же останется недовольство, а то и невидимые трещины в их монолитном братстве.

Молодой рыцарь все же вскочил. Его красивое лицо покраснело от стыда и гнева.

— Так нельзя!.. Жители... все жители окрестных деревень надеются на защиту наших мечей. Мы всегда служили им примером доблести! Они знают, что рыцарь — это не только сверкающий бездельник, что скачет по лесам в погоне за бедным оленем, но и человек, который с мечом в руке защищает от врагов земледельца! И если враг сильнее, то рыцарь обязан пасть на пороге дома землепашца, защищая его семью... а не бежать, как подлая крыса, зачуявшая... да, зачуявшая!

За столом начал нарастать шум. Рыцарь с повязкой на голове одергивал, но кое-кто, напротив, поддерживал молодого, что понятно, я сколько раз видел, когда вот так открыто не решаются бросить в лицо своему шефу обвинения, но подзуживают какого-нибудь Ваню-правдолюбца. Другие спорили друг с другом, гул сильных мужских голосов наполнил зал.

Король хлопнул ладонью по подлокотнику. Шум начал смолкать. Я увидел, как все сразу подтянулись, на обращенных к королю лицах появились смирение и почти-тельность.

— Да, — сказал он жестко, — перед нами выбор: красиво и благородно пасть в этом замке или же отступить... и выиграть войну. Да, это покажется многим трусостью. Тем более что мы оставим в этом замке часть войска, надо защищать эти стены... Но наш Зорр все равно падет, с нами или без нас. Но с нами падет и надежда остановить нашествие сил Тьмы.

Рыцарь с повязкой на голове сказал глухо:

— Как вы это представляете, Ваше Величество?

— Судьба сражения решается не здесь, — ответил король зло. — Вы сами это понимаете. Или нет?.. Нашествие Тьмы сдерживает только крепость Торн. Зорр — всего лишь столица, но основной удар Тьмы нацелен по Торну, самой мощной нашей цитадели. Именно там отчаянно нуждаются в любой помощи, ибо силы их тают. Но если они выстоят, это может быть переломом в войне. Впрочем, довольно разговоров! Доблестный сэр Гарольд Круглый Щит! На вас будет возложена самая тяжелая и неприятная миссия... которую я не решился бы никому доверить больше.

Я видел, как мрачнели лица рыцарей, а сэр Гарольд, тот самый, с повязкой и прихрамывающий, побелел, выпрямился и задержал дыхание, словно боролся с беспомощностью.

— Ваше Величество, — проговорил он наконец. — Неужели... неужели это все?

— Да, — отрезал король. — Вы разве не видите, сколько нас осталось? Здесь впервые нет на таком важном совете даже Беольдра, моего брата, ибо некому больше удерживать ворота! Мы уйдем под покровом ночи. Коням обмотать копыта тряпками, чтоб не звякнули, завязать морды, дабы ни одна лошадь не ржанула. Тайно, не вызываясь в схватки, просочимся до леса. Там соберем всех,

кто сумеет выбраться. Пусть нас наберется сотня или даже десяток! Но и это будет помощь защитникам Торна.

Долгое тягостное молчание нарушил молодой рыцарь:

— Ваше Величество... тогда надо срочно послать вестника королю Арнольду. Он готовился послать нам помощь. Чтоб не угодили в западню.

Король кивнул.

— Доблестный Зигфрид! Ты молод, но уже заглядываешь вперед. И даже заботишься о союзниках, что пристало только полководцу... которым тебе явно быть. Ты прав, это надо сделать немедленно. Сэр Аспарун, распорядитесь!.. Немедленно гонца к нашему соседу, благородному королю Арнольду... А вы, сэр Гарольд, берите трубача. Я хочу, чтобы переговоры о сдаче начались немедленно.

Глава 30

Я неслышно последовал за рыцарем, что выехал из ворот крепости, как на собственные похороны. Сэр Гарольд повернул коня к лагерю, который ничем не отличался от других. Догадываясь, что именно там и находится глава похода король Карл, я ускорился, понесся по прямой, оставив сэра Гарольда далеко позади.

Костры освещают огромное пространство, да к тому же через равные промежутки в землю вбиты столбы с закрепленными факелами. Перед самым большим шатром вкопан особо могучий столб, а перед ним я увидел прикованных толстыми железными цепями двух священников. Оба с непокрытыми головами, один с залитым кровью лицом, у второго пламенеет широкая ссадина через щеку и сильно распух потемневший глаз. Длинные волосы отливают серебром, как и короткая борода, но и волосы и борода испачканы темной кровью.

Двое рыцарей шли мимо, один остановился, окинул пленников мутным взором, процедил:

— Тупые твари... Завтра утром вас сожгут живьем!

— На медленном огне, — добавил второй весело.

Священники переглянулись. Один, который постарше, радостным голосом возблагодарил Господа, а второй воскликнул нетерпеливо с радостным блеском в глазах:

— Эх, как долго ждать! Почему не сейчас?

Первый священник, который постарше, утешил его короткими словами:

— Проведи время в молитве, сын мой. И время пробежит быстрее до сладостного мига.

Рыцари переглянулись. Один сплюнул им под ноги, второй сказал угрюмо:

— Они что, так шутят?

— Священники? — ответил второй. — Эти тупые твари разве знают, что такое юмор?

— Тогда... они сумасшедшие?

— Нет, — ответил рыцарь угрюмо. — Вы, сэр Зибегаль, прибыли издалека, не знаете, что здесь происходит... Они надеются после их мученической смерти за веру стать святыми. Или хотя бы покровителями этих мест. Но вы заметили, что наш владыка велел их на рассвете сжечь, а не отрубить головы или повесить?

— А есть разница?

Рыцарь засмеялся:

— Как сильно в вас невежество, сэр Зибегаль! Если сжечь, то не останется святых мощей. Вон как расташили скелеты первых апостолов, весь крест, на котором распяли пророка их веры, даже помост Голгофы расташили на щепки... Надо признаться, те реликвии в самом деле творят чудеса. Наши маги справляются не всегда, не всегда, что прискорбно, и в отдельных случаях... только отдельных!.. вселяет уныние...

Рыцарь с невольным уважением оглянулся в сторону скованных монахов.

— Если сжечь, то реликвий для потомков не останется? Как все просто!

Рыцарь кивнул:

— Да. Почти.

Первый насторожился.

— А почему только почти?

— Без мощей их нельзя будет перевозить с места на место. Но зато, развеянные пеплом, становятся покровителями этих земель. Я, если честно, даже не знаю, что лучше. Вернее, что хуже.

Со стороны входа в лагерь послышался призывный рев трубы. В ответ, с замедлением, прозвучал такой же протяжный медный звук, долгий и что-то объясняющий на своем трубном языке. Рыцари повернулись, слушали. Первый сказал обрадованно:

— Парламентер!

— Надеюсь, наконец-то эти фанатики сдадутся...

Оба заторопились, исчезли. Я поднялся выше. В лагере поднялась суматоха. Военачальники криками и руганью восстановили порядок, из шатров с достоинством начали выходить рыцари. Некоторые с кубками в руках, кто-то держал огромный кусок и продолжал жевать, переговаривались с ленивым интересом, но после второго зова трубы вытерли масляные ладони об одежду и волосы, начали выстраиваться в линию.

Сэр Гарольд ехал с вынужденной неторопливостью, но я чувствовал, как ему хочется поскорее миновать этот унижительный коридор, где стены — из выкрикивающих насмешки и оскорбления врагов. К тому же его явно угнетала необходимость в повязке. Я видел, как еще перед выездом из ворот он пробовал снять ее, чтобы надеть шлем, но кровь потекла сразу, обильно. Пришлось поверх тряпицы надеть шапку попросторнее, он явно не хотел, чтобы враг злорадствовал, глядя на пятна крови.

Из шатра вынесли и поставили на ярко освещенное место дорогое кресло с высокой резной спинкой. Сэр Гарольд остановился перед креслом, молча ждал. Черные рыцари злобно хохотали, бросали ядовитые реплики. Кто-то швырнул огрызком яблока.

Из шатра вышел неторопливо тучный человек в позолоченных доспехах. Такой же роскошный шлем с пышным плюмажем держал на локте согнутой руки. Обрюзгшее лицо было преисполнено самодовольства. У него,

как и у Ланзерота, был вид человека, рожденного повелевать, приказывать и двигать целыми армиями.

— А, сэра Гарольд, — сказал он громко. — Давненько мы не виделись!.. Пожалуй, с битвы при Винглянде?.. Или с Кадунского поля?.. Оба раза я так и не смог вас догнать.

Костяшки пальцев сэра Гарольда побелели. Толстяк это заметил, молча сел в кресло, сказал уже официальным тоном:

— Итак, я, король Горланда, Гиксии и ряда других земель, перечислять долго, по имени Карл Завоеватель, готов выслушать вас, сэра Гарольд. Если не ошибаюсь, Круглый Щит? Как-нибудь расскажете на досуге, почему такое нелепое прозвище, приличествующее разве что диному степняку. Итак, с чем прибыли?

Сэр Гарольд открыл и закрыл рот. Побагровел, я видел, как ему трудно выдать слово, горячо сочувствовал, а толстую сволочь в кресле готов был размазать по всему лагерю. Карл откинулся на спинку кресла, развалился, руки удобно разложил на подлокотниках, пальцами поглаживает завитушки из меди. За его спиной торжествующие рыцари, весь цвет его армии. Они пожирали Гарольда глазами, перебрасывались язвительными шуточками, но так, чтобы он все слышал.

— Да, — сказал наконец сэра Гарольд мертвым голосом, — у меня послание...

Человек в кресле сказал резко:

— Да знаю я, что у вас за послание! Разве не предрек великий Кроган, что я, Карл Завоеватель, въеду в вашу крепость на белом коне? И за мной будут мои отборные войска?.. Так что же вы противитесь неизбежному?

Сэр Гарольд уронил голову. Я видел по его изменившемуся лицу, что этот великий Кроган, какой-то великий прорицатель, не давал ложных предсказаний. Похоже, они сбывались всегда. Это предсказание тоже было явно известно всем. И в Зорре — тоже. Так что, еще начиная оборонять город, король Зорра уже терзался, что делает бесполезное дело. Город будет взят... И только верность своему народу заставляла защищать королевство, а вер-

ность вассалов помогала продержаться так долго. В любом случае они отвлекли немалую часть сил на осаду города. Торну будет легче...

— Вы противились нашей воле, — сказал Карл, — чересчур долго. Вы это знаете?

— Мы защищаем свою землю, — ответил сэр Гарольд, — но сейчас мы не в состоянии продолжать сражение. Вы хотите эту крепость? Мы готовы сдать...

Карл возразил:

— Дорогой сэр Гарольд, мы и без вашей готовности берем и крепость, и земли, и всех живущих на ней!

Сэр Гарольд переступил с ноги на ногу, я видел, как он страшно побледнел, а глаза на миг стали невидящими, потом он заговорил деревянным, неживым голосом:

— Вот об этом и речь. Мы готовы сдать крепость на условиях... что всем можно будет разойтись по домам. Как горожанам, так и солдатам.

Рыцари грозно зашумели, кто-то бросил угрожающе, что старый вояка не в том положении, чтобы выдвигать условия, но король Карл властно поднял руку. Голоса смолкли.

— Я разумный человек, — сказал он. — А ваше предложение — та же капитуляция. Только выраженная в других словах. Какая разница, сделаем мы это по требованию сэра Гарольда или по своему желанию? Мы все равно не собирались казнить или как-то иначе наказывать жителей. Да и воинов тоже. Нам нужен этот город живой, а не в руинах. Хорошо, сэр Гарольд! Мы принимаем ваше условие. Все, кто сложит оружие, могут разойтись по домам. Пусть все сразу же начинают заниматься своим делом: булочники — печь булки, сапожники — тачать сапоги. Мы не хотим, чтобы в нашем городе, а теперь это наш город, начался голод... Вы удовлетворены?

Я заметил одну странность: король Карл ни разу не сказал: «Я». Для меня естественно, если бы он говорил: «Я не собирался казнить...», «Мне нужен этот город...», «...сделаю я...», но он везде говорит «мы». Какая-то форма военной демократии?

Сэр Гарольд самую малость наклонил голову. Я видел, что не от высокомерия, просто боится потерять сознание.

— Удовлетворен.

— Сколько вам потребуется времени?

Сэр Гарольд покачулся, приложил ладонь к виску.

— Сутки, — выдавил он хриплым голосом.

— Почему так долго?

— Надо оповестить всех. Я не хочу, чтобы кто-то встретил вас с мечом в руке лишь потому, что не услышал о сдаче.

Рыцари зашумели, лязгали ножнами мечей, похвалялись, что погонят это быдло мечами, не вынимая из ножен. Карл снова вскинул ладонь, прерывая похвальбу.

— Да будет так, — сказал он властно. — Со следующим восходом солнца ворота должны быть открыты.

Сэр Гарольд поклонился, отступил на шаг, повернулся и пошел к выходу из лагеря, где пришлось оставить коня и оружие. Похоже, он понимал, что последнее слово правильное оставить за Карлом, который присвоил себе чересчур громкий титул Завоевателя. Мелкие люди всегда чувствуют свое превосходство, если последнее слово за ними.

Я хотел было сразу же взмыть повыше и лететь обратно к своим, но насторожила улыбочка Карла, которой он обменялся с двумя рыцарями. За сэром Гарольдом пошла хохочущая толпа, но вреда причинить не посмеют, слишком уж жаждут получить наконец-то гордый Зорр. Карл поднялся, поманил тех рыцарей, и все трое вошли в шатер.

Поколебавшись, я попробовал проникнуть в щель, но мое призрачное тело не в состоянии проскользнуть в замочную скважину. Остался слушать, но, к счастью, полог резко распахнулся, высунулся один из вельмож, крикнул резко:

— Сэр Вагант!.. Проследите, чтобы никто не приближался к шатру.

Он опустил полу, но я был уже внутри шатра. На миг почудилось, что попал в музей драгоценностей и редких вещей. От множества свечей воздух теплый и приторный,

с привкусом мертвечины. Карл быстро прохаживается взад-вперед, обрюзгшее лицо горит нездоровым румянцем. Двое рыцарей стоят в почтительных и одновременно вольных позах, следят за королем одними глазами, не поворачивая голов.

Здесь, в шатре, король от надменного и неторопливого божка перетек в гибкого хищного зверя, победно вскинул к куполу шатра стиснутые кулаки. На лице его расплылась свирепая радость. Низкорослый рыцарь в пышном бархатном костюме с достоинством поклонился.

— Ваше Величество, осмелюсь спросить...

— Спрашивай, — сказал Карл быстрым резким голосом.

— А как... поступим на самом деле?

— Как поступать надо, — ответил король свирепо, — так и поступим! Мы живем, руководствуясь разумом. Пришло новое время! И новые методы войны. Мы хотим мира, а для этого надо, чтобы никто не смел даже помыслить о восстании, сопротивлении!.. В этом городе не должно остаться ни одного живого человека. Даже собак и кошек... всех-всех!.. В наших деревнях достаточно плодится народу, чтобы заселить и этот город. Но страшная слава облетит всех... И враги, и союзники будут знать, что ждет тех, кто дерзнет противиться нашей воле.

Рыцарь поклонился еще угодливее.

— На войне как на войне, ваше светлость.

Король остановился так внезапно, словно ударился о твердое силовое поле. Несмотря на тучность, он выглядел и был преисполненным дикой первобытной силы, но голос сделал холодным и деловитым.

— Подумайте над тем, как это сделать. Если перебить их прямо в домах, то задохнемся среди гниющих трупов. Вся наша армия только и будет делать, что копать ямы и бросать туда убитых... а я знаю, как начинаются болезни, что уносят целые армии молодых сильных воинов, а вдобавок опустошают целые края!

Он был на выходе, когда рыцари уже заговорили наперебой, предлагая то вывести всех за город на праздник

примирения и отравить разом, то напоить сонным зельем и сварить из них мыло — из такого количества народа хватит на торговлю с соседним Мордантом...

Жестокая улыбка тронула губы Карла. Не так уж и много надо, чтобы даже те, кто недавно так цеплялся за рыцарские ценности, сейчас говорили как потерявшие всякую честь разбойники.

Я ощутил тень недовольства, что несколько меня удивило. Ведь Карл в самом деле говорит правильно. Войну надлежит выигрывать с наименьшими потерями. А если население этого города вырезать... то другие могут сдать-ся без сопротивления. Сохранив как свои жизни, так и жизни солдат Карла. Так бомбардировка Хиросимы спасла не только жизни американских солдат, но и жизни японцев, которые еще долго могли бы драться до последнего японского солдата...

И все же я заставил себя взмыть вверх почти с закрытыми глазами, там есть шель, и со стиснутыми челюстями понесся обратно. Уже когда огоньки лагеря остались позади, открыл глаза, увидел, что взял немного левее, выровнял линию полета и дальше несея, как баллистическая ракета, не отклоняясь от курса.

На востоке заалела розовая полоска. Сейчас Лансерот уже будит Рудольфа и Асмера, Бернард встал наверняка раньше... Только бы не дал разбудить меня, они же знают, чем я могу заниматься, только бы не дал разбудить...

Я ощутил неладное, метнулся обратно. Ветер свистел, кожу обжигало, словно морозом. «Только бы не проснулся и сам, — подумал отчаянно, — только бы...»

Сквозь мир ночи, звездного неба начало медленно проступать багровое пятно. Я не сразу сообразил, что это свет догорающего костра, я лежу лицом к багровым углям, это он светит сквозь опущенные веки, поспешно старался прогнать это зловещее видение, сосредоточился на ночи, звездном небе и летел так в страшной чудовищной раздвоенности: я лечу свободно, быстрее любой птицы, и в

то же время лежу как бревно перед костром, ноги подогнул, в спину дует холодом, только бы продержаться еще чуть и не открыть глаза...

На темной земле проступила багровая точка. Я метнулся к ней, как сокол-сапсан, как пикирующий бомбардировщик. В мозг внезапно ударила паника: а вдруг это чужой костер, я едва не замедлил падение, но затем в сером рассвете углядел светлый верх повозки, спины волов, заложил вираж, чтобы не протаранить, с размаха влетел в тело, что уже двигалось, пыталось натянуть на голову одеяло, поджимало колени вовсе к груди...

Удар был такой, что подпрыгнул, зубы лязгнули. Огляделся дико. Бернард стоял надо мной с тревогой на лице. Спросил быстро:

— Дик?... Дик?... Ты кричал, Дик...

Они все стояли надо мной, даже Ланзерот приподнялся с пня и, увидев мой еще мутный взгляд, сел обратно и начал тряпкой вытирать рукоять меча. Тут же отшвырнул, стал водить по лезвию точильным камнем. Меня передернуло от скрежещущих звуков. Чтобы погубить в полете над вражеским лагерем, ему достаточно было один раз вот так по лезвию камешком.

— Ну что? — спросил Бернард жадно.

Я приподнялся на локте. Все тело трясется, голова дергается, как у контуженого. Асмер сорвал с пояса флягу, я поперхнулся крепким вином. Принцесса тотчас отодвинулась, благовоспитанно села в сторонке, но я все равно чувствовал аромат ее волос, запах ее тела.

— Я видел, — вырвалось у меня. — Я видел... очень много! Засада на перевале... Отряды, что рыщут всюду, ищут нас... Волчья стая, что идет по нашему следу, не обращающая внимания на стада оленей по дороге... Странные монстры... Но, хуже всего, я побывал в вашем Зорре!

— Почему хуже? — спросил Бернард быстро.

— Как там? — вырвалось у Рудольфа.

— Отец жив? — спросила принцесса жадно.

Голос Ланзерота прорезал их голоса, как железо режет тонкую кисею:

— Что с обороной?

— Отец жив, — ответил я, обращаясь к принцессе. — Здоров, насколько могу судить... Но оборона... Они в отчаянии. Уже не могут держаться... Только что сэр Гарольд, выполняя приказ короля, говорил с Карлом о сдаче крепости. Договорились, что ворота откроют через двадцать четыре часа.

Бернард с силой ударил кулаком по камню. Ланзерот молчал, только костяшки пальцев на рукояти меча побелели, да лицо заострилось, как у хищной птицы. Рудольф тихо с отчаянием ругался, Асмер скривился, принцесса беззвучно плакала.

— Отец... бедный мой отец...

— Они надеются выйти из крепости тайными тропами, — сказал я. — Говорят, есть шансы.

— А потом?

— Будут пробираться в Торн. Там еще сражаются. Говорят, та крепость выдержит долгую осаду.

Асмер быстро посмотрел на остальных, спросил неожиданно:

— Что говорят о святых мощах?

Я не понял, почему взгляды всех стали вдруг настороженными, колючими. Только принцесса посмотрела смущенно, даже как будто виновато и отвела взгляд в сторону.

— О мощах не слышал, — признался я. — А что, должны были говорить?

— Нет-нет, — сказал Асмер поспешно. — Это я так. Подумал, ждут ли еще... или уже забыли, что нас послали.

Он говорил чересчур быстро, у меня снова осталось ощущение, что он врет. Да и остальные продолжают скрывать нечто важное.

Ланзерот произнес серебряным голосом:

— Подробнее о засаде на перевале.

— Человек пятьдесят, — сообщил я.

Рудольф фыркнул:

— Всего-то?

Остальные выглядели очень серьезными.

— Двадцать из них с длинными луками, — объяснил

я. — Не знаю, как стреляют, но вид у них... страшноватый. Древко черное, блестящее, толщиной в руку. Я видел, как один натянул тетиву... Толщиной с палец! А стрелы такие, что даже не знаю... То, что на мне, прошибут насквозь, а чего стоят ваши, знаете лучше.

Бернард сказал трезво:

— Стрела, пущенная из черного лука, пробивает любые доспехи. Если не соскользнет. Доспехи делают выпуклыми вовсе не для красоты. Но если в тебя выстрелят пятеро, то хоть одна найдет местечко. Нет, напролом переть глупо.

— А как не напролом?

— Надо искать.

Ланзерот покачал головой:

— Ты еще не понял? У нас всего двадцать четыре часа. Даже меньше.

Я даже не сообразил, о чем он, все остальные смотрели на него с изумлением. Рудольф сказал осторожно:

— Ты хочешь сказать...

Ланзерот указал глазами на меня, Рудольф тут же запнулся, умолк. Бернард прогудел:

— Сэр Ланзерот сказал, что мы вправе сделать рывок. Получилось или нет... но теперь... да, теперь мы можем.

Остальные переглядывались, их мрачные лица светлели. Отчаяние не ушло из глаз, но какой-то малостью они подбодрились, чего я не понимал. Но то, что от меня что-то скрывают, скрывают очень серьезное.

Ланзерот сказал решительно:

— Все, запрягайте. Пойдем через Восточный перевал.

Бернард нахмурился.

— Там дорога ой-ой... Волы могут не пройти. Даже если все бросим оружие и ухватимся за колеса.

Ланзерот помолчал, мне показалось, что он подает Бернарду какой-то знак то ли бровью, то ли глазами, но Бернард не реагировал, остальные угрюмо молчали, Ланзерот наконец сказал с неудовольствием:

— Не понимаете? Именно потому там и не поставят заслон.

— Дик сообщил, что там заслон есть, — возразил Рудольф.

— Разве то заслон? — бросил Ланзерот резко и с таким презрением, словно это относилось ко мне. — Там заслон так просто, на всякий случай. У них людей девать некуда, вот и поставили. Мы их собьем легко. Может быть, удастся даже без шума, и тогда вкатим повозку уже без драк. Ведь это последние заслоны?

Все смотрели на меня, я кивнул:

— Да. Если не ошибаюсь, дальше стены вашего стольного града. Но...

— Что ты видел? — спросил Бернارد быстро.

— Плохое, — ответил я. — Город не просто в осаде. Перед воротами целый военный лагерь, но там, к счастью, люди. Однако в лесу отряд странных людей с бледными лицами. Все неподвижные, как мертвецы. По реке плавают даже не лодки, а целые корабли.

Ланзерот спросил отрывисто:

— В город не пробраться?

— Не знаю, — ответил я независимо. — Сплошной цепи войск не заметил, здесь еще не знают позиционной войны. Или окопной... Да это я так... заговариваюсь от усталости. Можно тайком пробраться в город, особенно ночью, можно тайком выскользнуть. Но как проскользнуть с шестеркой волов, повозкой — не представляю!

Бернارد и Ланзерот переглянулись. Мне снова показалось, что от меня что-то скрывают. Я наконец сообразил, что эти сумасшедшие намерены тащить тяжелую повозку через самый жуткий перевал, какой мне только приходилось видеть, я вскрикнул:

— Не понимаю, как мимо башни? Оттуда сбросят единственный камень, и от всего отряда останется мокрое место!

Бернارد спросил быстро:

— Какая башня? Тебе ничего не привиделось?

Я огрызнулся:

— Не больше чем то дерево, за которым нашел меч!

— Дерево?.. Ах да... А ну-ка, расскажи подробнее.

— Башня, — объяснил я. — Самая обычная. На самом верху. Прямо на перевале. Там такая скала над перевалом, как нарочно: ровная площадка, а на ней эта башня. Из хороших таких глыб, что и ста тысячам быков не сдвинуть. Нижние окна начинаются на высоте в три моих роста! Да и то узкие, задница не пролезет. Миновать эту башню не получится!

Лансерот мрачнел, хмурился, а Бернард сказал озадаченно:

— Раньше ее не было. Вот сволочи! Я ж говорил, на то место просто напрашивается какой-нибудь наблюдательный пункт. А эти гады отгрохали почти крепость... Сколько, говоришь, там народу?

— Не видел. Но человек десять поместится легко.

— Десять, — сказал Бернард хмуро. — Десятерых я и сам смету... если застану спящими. И связанными. Что будем делать, Лансерот? Пойдем в обход?

— Прямо, — отрубил Лансерот.

— Но как пройдем?

— Не знаю, — огрызнулся Лансерот. — Не рыцарское это дело — знать! Главное — ввязаться в схватку. А там посмотрим.

У меня было тягостное ощущение грядущей неудачи. Даже катастрофы. Волон запрягли, двинулись прямо, там ущелье, но не думаю, что протянется долго. Здешние скалы по обе стороны выглядят дико. Невольно подумалось, что это остатки какого-то катаклизма. Возможно, метеорит не столкнулся лоб в лоб, а догнал и врезался в поверхность, потому не взорвался, как ядерная бомба в миллиард мегатонн, а разлетелся на куски...

Камни в самом деле странноватые. Я всем нутром чувствовал их неземное происхождение, но не увидел ни шахт, ни копаден. Гномов, как и людей, интересуют только золото и железо да еще драгоценные камни, а мимо кобаль-

та, циркония, урана и разных трансуранидов пройдут равнодушно.

Волы стонали, надсадно ревели, их худые шеи напрягались в усилии, мышцы трещали. Я тоже хватался за колеса, помогал бедным животным. Голова моя пригибалась при каждом шорохе, треске. Я каждое мгновение ждал нападения...

Впереди Ланзерот поднял ладонь. Рудольф тут же остановил волов. На локте левой руки как будто сам собой возник щит, а правая приподняла в готовности топор. Бернард пустил коня вперед вскачь. Я видел, как они переговорили, Бернард вернулся, кивнул Асмеру:

— Мы с тобой попасем этих овец.

Асмер улыбнулся, спросил шепотом:

— Сэр Ланзерот не обидится, что и его зачислили в стадо?

Бернард удивился:

— Где ты видел, чтобы во главе стада шла овца?

Со смешками отъехали в конец нашей колонны, пока я пытался вспомнить, кто же во главе стада: баран или козел, почему-то казалось, что именно козел, где-то слышал, хотя непонятно, почему в стаде овец да вдруг козел...

Впереди раздались крики, брань, тут же вопли, звон металла. Я пробовал удержать коня, но этот боевой дурак, приученный прошлыми хозяевами, понесся на шум схватки, как Леня Голубков в МММ. Ланзерот яростно рубил с целой толпой крепких мужчин, все в добротных блестящих кольчугах, что делало их похожими на больших рыб, в остроконечных шлемах с конскими хвостами. К счастью для Ланзерота, они бросились на него хоть и с острыми, как бритва, саблями, но чересчур легкими. Еще с десятков лучников метко и сильно били в Ланзерота длинными стрелами. В воздухе стоял сухой треск, щепы разлетались, как конфетти, а Ланзерот не по-рыцарски живо вертелся в седле и с каждым ударом либо рассекал противника до пояса, либо сшибал головы.

Я метнул молот. Сразу двое упали, сплюсненные, как

серые пластилиновые фигурки, у которых внутри красная начинка. Ланзерот оглянулся, гаркнул разъяренно:

— Твое место у повозки, дурак!.. Там опаснее всего!

Я молча подал коня назад. Хоть и назвал дураком, но нечаянно проговорился, что я стою не меньше его, благородного и обученного рыцаря. Если не больше.

Дорога пошла с малым наклоном вниз, я видел впереди вытянутую рошу, а дальше снова горы. Не совсем горы, скорее два десятка странных остроконечных скал, земля там выглядит прокаленной в огне до крепости обожженной глины. Бернард сделал вялый знак правой рукой, что было похоже и на крестное знамение, и на жест хозяина, показывающего свои владения уже в сотый раз.

— Там, за теми скалами, прямая дорога к нашему Зорру, — сказал он. — Всего день пути!.. Впрочем, я забыл, ты сам все видел с высоты. Вот минуем скалы...

Я передернул плечами.

— Не нравятся мне эти скалы...

Он хмыкнул.

— Мне здесь многое не нравится.

— Скалы, — сказал я осторожно, — какие-то странные. Там ничего не происходило?

Он не понял, повернулся и посмотрел на меня в упор.

— Ты о чем?

— Ровная степь, — объяснил я. — Ну, рощи кое-где, тоже понимаю... А вот те скалы откуда взялись?.. Горный хребет тут ни при чем. Да и не сразу горы начинаются, а как-то медленно...

Я запутался, не зная, как объяснить, не мог же сказать, что это напоминает ядерный взрыв или падение метеорита размером с астероид, что не взорвался, как ядерная бомба в сто миллиардов мегатонн, а обрушился градом раскаленных каменных обломков. Там на глубине этих каменюк намного больше...

— Что скалы, — проворчал Бернард. — Разбойники хуже.. Мы-то отобьемся, но народ от них бежит... В тяжелые времена разбойники плодятся как мухи при навозе. Там, где поедem, уже давно нет мирных путников..

Рудольф пояснил мне сурово:

— Значит, кого бы ни встретил — бей!

— А спрашивать потом?

— Зачем? — удивился Рудольф. — Известно, что хорошие люди перестали пользоваться этой дорогой уже давно...

Я промолчал, что мы-то пользуемся, Бернارد добавил:

— Их не просто убивали. Это раньше убивали просто. А сейчас пытаются и мучают... без надобности. Просто так. Этого я не понимаю. Добро бы вызнать какие-то тайны, но ради удовольствия? Но пытаются и мучают просто так. Мы сами находили замученных женщин-поселянок — что они знают? — изувеченных детей, младенцев еще живых, но со вспоротыми животами...

Рудольф возразил:

— Откуда знаешь, что увечили люди? Я слышал, нечисть. И следы мы находили нелюдские.

— Нечисть просто убивает, — ответил Бернارد. — Убивает и жрет. Все понятно. Но вот зачем пытаться? Зачем кожу сдирать с живого, кричащего человека?.. Зачем сажать на кол простого селянина да еще на глазах его семьи?

— Но все-таки нечисти там много, — сказал Рудольф угрюмо. — Чересчур. И такие чудища появились, о каких раньше не слышали.

Шум воды мы сперва услышали, а когда мой конь поднялся повыше, я увидел озверевший горный поток, весь в пене, прыгает по камням, как Маугли по джунглям. Иные камни с грохотом дергает взад-вперед, но утащить кишка тонка. Дальше вода красивыми каскадами уходила вниз, пару раз получались красивые длинные водопады, словно отрендеренные в 3D Max Studio.

Глава 31

Внизу уже не поток, а река уходила в ущелье, мрачное и темное, но через само ущелье от края и до края пролегал узкий, похожий на акведук мост из багрового гранита.

Изумительно высокие колонны, кажется, контрфорсы, поддерживают мост. Вода билась о них с такой силой, что брызги взлетали до середины столбов.

Я с ходу определил, что мост чересчур узок, нарочито узок, по нему можно ехать только по одному всаднику в ряд. Да и то осторожно, не вскачь, а на той стороне не зря эта массивная и зловещая башня-крепость. Мальчишка с арбалетом в состоянии задержать целую армию. Достаточно застрелить одного всадника, чтобы через его труп не перебрались остальные. Надо спешиваться и сбрасывать с моста в воду, а за это время их самих истычут стрелами...

И, самое главное, по этому мосту не пройдут воны. И не проташат телегу. Сердце мое начало стучать чаще. Похоже, наступает час правды. Волон придется оставить, а мощи наверняка понесем на руках. Я сам могу нести их в мешке за спиной. Но что в повозке еще? Кроме оружия?

Все слезли с коней, в молчании проверяли конскую сбрую, подтягивали подпруги. Я нацепил коню на грудь конский щит, почти человеческий, только выкованный с учетом конских форм, набросил ему на голову и шею тонкую кольчугу, где для глаз и ушей широкие прорезы. Конь взбодрился, дурак, начал храпеть, показывать зубы, вот какой он страшный и сильный, раздувал ноздри, вращал огненными глазами, даже попытался встать на дыбы.

Потом долго и кропотливо я надевал подобную сбрую, только потяжелее, на себя. Наколенные щитки придумали, оказывается, вовсе не хоккеисты, да и остальные доспехи очень напоминают где спецназовские, где спортивные. Наплечники, налокотники — как у велосипедистов или бегунов на роликах, вязаная шапочка под металлический шлем, толстая шерстяная рубашка, сверху — кольчуга, а уже потом — цельнокованный металлический панцирь, шлем, прочее железо. Полагалось еще и плащ сверху, чтобы сверканием доспехов не выдать себя издали, но прятаться бесполезно, и я повесил меч справа у пояса, молот прицепил на свое место слева.

Странное чувство защищенности, и что-то еще неуловимое, гордое, как победа над собой. Простолюдин, вспомнил я слова Бернарда, не станет таскать на себе эти доспехи. Он слишком себя любит и жалеет, но свою лень подает как отвагу, мол, он не боится встретить опасность голой грудью, втайне уверенный, что любая опасность его минует. И потому простолюдины гибнут как мухи от метко пущенных в спину стрел, от слабого удара ножа или даже брошенного камня, от которых спасают доспехи. Простолюдин не станет истязать себя, обучаясь драться мечом или топором, он лучше понежится на солнце, поудит рыбку, снова полежит, пойдет к гулящим девкам. Простолюдин всегда ищет любую возможность увильнуть от нагрузки, работы, дела, а вот рыцарь...

Бернард насторожился, вскинул руку. Все затихли. Далеко-далеко в ночи раздался тоскливый вой. Мороз пробежал по шкуре. Жуткая обреченность в этом вое, словно эти существа уже зрят все муки ада, куда их волокут черти.

— Нечисть? — прошептал я.

— Хуже, — ответил Рудольф.

Я не понял, всмотрелся в угрюмое широкое лицо.

— Что может быть хуже?

— Волки, — ответил он хмуро.

— Волки?

— Да, простые честные волки. Которых ты видел очень далеко. Как думаешь, кого наши кони и волы боятся больше?

Вой распадался на множество голосов. Я представил себе в темном лесу с полсотни этих голодных зверей с горящими глазами, их кто-то собрал и направил, а сам следом, луки наготове, а мы здесь, отстреливая на выбор...

От повозки донесся строгий голос:

— Уходим. Совнарол, будь добр, не отходи от принцессы.

— Все в руке Божьей, — прогремел яростный голос. — О себе заботься, сын мой!.. Господь не забудет, кто идет во имя Его...

Подъем становился все круче. Однажды пересек дорогу поток холодной воды, что с маниакальным упорством вилял из стороны в сторону, только бы броситься под ноги, забросать холодными брызгами, белыми клочьями пены.

Ланзерот впереди тащил коня в поводу. Когда завал оказался чересчур сложным, рыцарь подлез под своего дорогого, как «Мерседес», коня, приподнял и тяжело перебрался через мокрые и скользкие камни. В Средние века, вспомнил я, это считалось подвигом. В мое же время акселерации каждый крепкий парняга в состоянии поднять коня на плечи и пробежать с ним сотню-другую шагов.

Однако другие смотрели на рыцаря с громадным уважением. Бернард, правда, тоже готов был перенести своего коня на спине, но тот оказался явно не рыцарским: два-три неуклюжих прыжка, злобное «иго-го», и жеребец даже вверх по склону обогнал хозяина. Наши кони тоже показали себя конями повышенной проходимости, пробрались и через камни, и через ручей, словно неказистые, но мощные «КамаЗы».

Маленькие водопады красиво разбрызгивали воду, а последней узкой струей, как из водосточной трубы, низвергались в небольшое кипящее озеро. Оно лежало в каменной чаше, мне даже почудились огромные украшения по внутренней стороне чаши, но рассмотреть не успел, Бернард торопил, снизу начал подниматься туман, довольно быстро скрыл озеро, угрожающе пополз, как геккон, по отвесной стене.

Я кое-как перебирался по скользким камням, многие покрыты сырым мхом, дальше пошли вроде бы выбитые миллионами ног ступеньки, или это только кажется, а проклятый поток снова пересек дорогу, и некоторое время пришлось двигаться по колено в бурной воде, что стремилась унести вниз, как никчемную щепку.

Хоть и цивилизованный, я все равно не понимаю, что заставляет воду взбираться на вершины гор, а оттуда изливаться потоками, если точно так же могла бы пробиться к поверхности земли у самого подножия.

Кое-как я выбрался из потока, но увидел, что радуюсь напрасно. Вверху, откуда эта вода течет, поток разделился и низвергается множеством мелких ручейков так, что идти посуху не удастся. Одно хорошо, что снизу жуткий рев водопада превратился в глухой ропот, поднялись мы на уровень соплеменных, где орел наравне, а тучи могут проползти даже ниже.

За поворотом я увидел коня Ланзерота, одиноко привязанного к дереву. Выше из зеленых зарослей торчали ноги рыцаря. Оставив коней, мы, пригибаясь без нужды, вломились тихонько в кусты.

Впереди, всего в полумиле, над скальным горизонтом торчит каменная башня. Будь пониже, ничем бы не отличалась от прочих скал: из серых массивных глыб, камень необработан, острые сколы, выступы, а крохотные окошки под самой крышей больше похожи на трещины. Но только она стоит нагло и вызывающе, оглядывая всех свысока, как браток с автоматом, уложив всех мордами в снег.

— Чертов Зуб! — вырвалось у Бернарда. Он спохватился, забормотал: — Прости, Господи, мои справедливые слова, но только нехристь способен такое построить на помеху добрым людям, ибо христиане должны быть одним народом... гм... и ходить друг к другу без препятствий.

— Дальше все как на ладони, — сказал Ланзерот зло. — Муравей не проползет незамеченным, а я не могу оставить своего боевого коня...

Башня торчала, как нижний клык из кабаньей пасти. Солнечные лучи холодновато отблескивали на каменных сколах, отчего башня выглядела закованной в металлические доспехи.

— Кто здесь бывал? — спросил Бернард.

— Ты же и бывал, — напомнил Ланзерот.

— Я не запомнил этих мест, — огрызнулся Бернард.

— Асмер, — спросил Ланзерот, — ты здесь проезжал раньше? Что, в самом деле ее никак не обойти?

Асмер ответил с усмешкой:

— Обойти никак. Даже подобраться очень трудно. Правда, можно вот так, прячась за камешками, но не станете же вы, ваша милость, пригибаться, как простолюдин, ползти на брюхе, как... прости меня, Господи, нечестивая ящерица?

— И сколько надо ползти? — осведомился Ланзерот ледяным тоном. — Кстати, ящерица — тоже Божья тварь.

— Да всего с десятков шагов... Но нельзя даже головы поднять. А дальше снова можно вдоль стены... к самой башне.

Ланзерот кивнул, с Бернардом вернулись к повозке. Когда я увидел, как оба вскоре появились в старых потертых плащах поверх доспехов, я понял, что башню придется брать в самом деле. Во рту стало сухо, а сердце заняло в тревоге. Одно дело, когда, не успев даже испугаться, ткнешь вилами в брюхо какой-то летающей гадины или машешь оглоблей, даже когда во сне, как считаешь, рубишься мечом, другое — вот так хладнокровно подкрадываться к наверняка запертой и хорошо вооруженной башне-крепости.

Меня определили замыкающим, но Асмер держался рядом, а когда я видел, как он посматривает на меня, закрадывалось сомнение, видит ли во мне соратника или же пленника.

Тропка между валунов и обломков скал показалась чересчур протоптанной. По знаку Бернарда мы застыли на месте. Они с Ланзеротом скрылись за обломками. Прошло довольно много времени, я уловил негромкий свист. Асмер тут же толкнул меня в бок:

— Не спи, замерзнешь.

За поворотом я наткнулся на два трупа. У обоих разможжены головы, а шеи и ноги вывернуты под нелепыми углами, как у цыплят табака. Похоже, падали с немалой высоты, но кто так метко и с огромной силой умеет метать камни: Бернард или сам Ланзерот?

Ланзерот и Бернард впереди в десятке шагов притаились за широкой каменной плитой. Даже хмурый Рудольф не удержался от довольной усмешки. Башня в самом деле

неприступна даже за счет того, что из окон все видно за милю вокруг. Однако за последние годы где-то выше обломился или сдвинулся обломок скалы, пусть даже камешек, но это изменило русло ручьев. Небольших, что возникают при ливне и через часок-другой исчезают. Будь ручей постоянным, его обязательно бы заметили, отвели в сторону, как-то приспособили бы даже.

Сейчас же мы ползли по сухому руслу, что за последние пару лет пробили дождевые потоки. И когда приблизились к башне на расстояние броска ножа, нас так и не увидели ни из окон, ни даже с крыши.

Бернард приготовил топор, просунул левую руку под локтевой ремень щита и крепче взялся за деревянную рукоять. Рудольф и я, он с топором, я с молотом, застыли, смотрели на Ланзерота. Тот быстро зарядил арбалет, взял в другую руку меч.

Бернард грянулся всем телом в дверь. Затрещало, створки распахнулись, на пол упали половинки деревянного засова. Рудольф скользнул в помещение и молниеносно отступил вправо, следом за ним так же быстро вдвинулся Асмер и встал по другую сторону, а Ланзерот по-рыцарски ворвался прямо, весь воплощение благородного гнева и ярости.

В круглом помещении за двумя массивными столами сидело пятеро мужчин в кожаных доспехах. Еще столько же лежат на лавках, трое на полу обнимаются с винным бурдюком. Кто-то загорланил песню, не обращая внимания на грохот от выбитой двери, но остальные вскакивали, хватались за оружие.

Засвистели стрелы. Ланзерот метнулся через весь зал, похожий на новенький бронетранспортер, сметая столы, лавки. За ним остались стонущие и залитые кровью тела. Я опомнился, метнул молот, поймал и снова метнул. В третий раз бросить не пришлось, бравый спецназ королевства Зорр прошелся по залу, как по стране инфляция. Даже стонущих не осталось, их прикончили быстро и безжалостно, никто не хотел получить стрелу или нож в спину.

Я быстро осматривался, стараясь, чтобы это не выгля-

дело совсем уж дико. Вся схватка продлилась меньше минуты, а комната завалена изрубленной мебелью, словно громили мебельную фабрику. Стол разбит в щепки, лавки сломаны, порублены, ножки вывернуты, и все это плавает в темно-красной луже, кровь испачкала подошвы и подбирается к щиколоткам.

Асмер торопливо подбирал арбалетные стрелы, вытирал о ближайшего убитого и услужливо подавал Ланзероту. Бернард ощупывал стены, словно искал потайные комнаты или выходы наружу. Рудольф переворачивал убитых, весь перемазавшись кровью, морщился, не найдя хорошего оружия, зато снимал с двух или трех тугие кошельки.

— Кто ранен? — спросил требовательно Ланзерот.

Бернард прорычал:

— Все помнят, что наш священник далеко внизу!

— За дело, — распорядился Ланзерот. — Времени в обрез.

На мост даже не посмотрели, а место, которое сочли проходимым, оказалось отвесным обрывом в три человеческих роста. Я был уверен, что обоз придется оставить, но эти сумасшедшие распрягли быков и, обвязав широкими ремнями, поднимали по одному. Испуганные животные не брыкались, но печально ревели, и этот могучий рев разносился над горами и долами, оповещая всех и вся, что вот здесь, в этом месте, горстка людей, отложив оружие, поднимает наверх обоз... наверняка груженный мешками с золотом.

После быков втаскивали повозку. Снова мне почудилось, что она стала еще легче. Намного легче. Почти пустая. Волос поспешно запрягли, не дав отдышаться. Бернард часто поглядывал в небо. Однажды ткнул пальцем в синеву.

— Асмер, что скажешь?

Асмер, мокрый от пота, как мыш, что выбралась живой из бочки вина, прохрипел:

— Да видел, видел... Одна была, теперь три кружат! Скоро все твари сюда стянутся.

— Это уж точно, — ответил Бернард.

Мне почудилась в голосе старого воина хмурая радость. Подумал с отвращением, неужели у этого дурака такая самоубийственная страсть к драке, схваткам, звону оружия, так красочно воспетому в балладах? Ведь ясно же, что если эти птицы в самом деле как-то передают, где мы и что делаем, то сейчас нас обложат таким плотным кольцом, что не только повозку потеряем, но и сами поляжем быстро и надежно...

Вережки почти перетерлись за долгий изнурительный подъем, но впервые эти люди не осматривали и не чинили упряжь. Асмер нахлестывал волов, те перешли на тяжелый бег. Повозка тряслась и подпрыгивала, как пустая картонная коробка. Бернард перехватил мой пристальный взгляд, поспешно отвернулся, закричал:

— Ланзерот, что там?

Далеко спереди прогремел, как медная труба, до обращения мужественный голос меднолобого рыцаря:

— Ждут!.. Хвала Господу, да их там сотни!

Лучи заходящего солнца упали на дальний край ровного, как поверхность бильярдного стола, перевала. Загораживая дорогу к спуску, расположились сотни людей... и не людей. Скорее даже нелюдей. Мороз сковал мое тело, впервые я видел чудовища не в спешке, не в лихорадке боя, когда судорожно отмахиваешься, еще не разбирая, от кого или от чего, а вот так... страшно.

Видно, как мечутся командиры, поднимая людей. Заблестел металл, это вынимают из ножен мечи, ножи, поднимают с земли топоры. На левом фланге два десятка великанов: на голову выше меня, втрое шире, волосами покрыты с головы до ног. Я помнил, что пуля не пробивает даже простую бурку: в горских войнах храбрецы выходили на дистанцию выстрела, вызывая огонь на себя, а потом возвращались, вытряхивали застрявшие в шерсти пули, из которых потом отливали пули уже для своих ружей. А кирасиры носили на шлемах конские хвосты, и

никакая сабля, никакой меч не мог достать через такую защиту их шеи. Так вот эти гориллы, что загородили дорогу, сушие кирасиры со всех сторон, шерсть погуше и подлиннее, наши мечи тут бесполезнее палок...

Бернард и Рудольф разом подняли топоры, щиты одновременно возникли на левых руках. Асмер правил волами, кнут разрезал воздух со свистом, но пока не опу-скался на крепкие воловьи спины. Узкий меч и щит ждали в готовности с обеих сторон сиденья.

Я все еще не понимал, что замыслили зорьяне. Под-нять повозку на перевал — полдела, но на той стороне точно такой же крутой спуск, а загораживает противник, которого не обойти, чую всеми фибрами. А попадать им в руки не жажду. Вовсе не хочется так же красиво погиб-нуть за прекрасную и возвышенную цель перевозки ис-тлевших костей мертвяка из пункта А в пункт Б.

Асмер увидел мое побледневшее лицо, сказал подбад-ривающе:

— Не трусь, из любой ситуации всегда есть выход.

Бернард услышал, буркнул:

— Лучший выход никогда не бывает простым или лег-ким.

— Лучший выход всегда прикрыт засадой, — добавил Асмер. — Это ж здорово! Дик у нас обожает драться...

Ланзерот обернулся, привстал на стремянах, это мне всегда казалось чудом и циркачеством, когда вот такая за-кованная в железо башня держится на одних стремянах. С изумлением я увидел на лице Ланзерота улыбку. Так могла бы улыбнуться смерть, видя богатую добычу.

— Вперед! — сказал он звонким голосом, чистым и почти красивым. — Последний бой!

Я метнул молот, держа глазами самого рослого из во-инов. Он стоял впереди, тоже весь в железе, настоящая наковальня, да еще прикрылся щитом, выставив справа широкий меч. Молот вспорол воздух с таким шумом, что конь Ланзерота шарахнулся, я же трусил, что поспешил, можно не добросить...

Грохот, щит разлетелся в щепки. Гигант согнулся по-

полам, а молот как бумеранг понесся обратно. Я ухватил на лету за рукоять, метнул снова, ярость направила точно и дала ускорение. Второго отшвырнуло в задние ряды. Третий рухнул с разбитой головой, и лишь тогда Ланзерот на полном скаку ворвался в их ряды. Его меч засверкал, окружив его сияющим ореолом, и в этом блистающем пузыре он двигался через их отряд, справа и слева, как и спереди, возникали оскаленные морды, тут же исчезали, брызгая кровью, Рудольф и Бернард неслись по бокам, вломились, рубили и крушили, Асмер правил бегущими ошалело волами. Принцесса выставила кончик арбалета, я видел, как в воздухе блеснула, подобно серебряной рыбешке, стрела.

Я несколько раз метнул молот еще, потом с мечом в руке догнал Бернарда. Он рубился сразу с тремя воинами, я прокричал:

— Бернард! Скажи этому надутому индюку, что там обрыв!.. Нам не пройти с волами!

Бернард с тревогой оглядывался, сзади вой, крики, меня расслышал не сразу, отмахнулся:

— Точно?

Я двумя ударами сразил широкого в плечах, но больно уж мелкого воина с топором в руках, крикнул:

— Что?

— Что не пройдут?

— Обрыв! — прокричал я. — Даже мы вряд ли... но как повозку? Сбросить?

Он рубился, по нему стучали, как по наковальне, в ушах заломило от металлического звона, прокричал:

— Слышь, а это идея!

— А мы?

— Мужчины должны умирать, — ответил он с достоинством, — если это племени на пользу!

Ланзерот оглянулся на Асмера, заорал:

— Гони!.. Во всю мочь!

Кнут со свистом распорол воздух. Послышался хлопок, похожий на выстрел из дробовика. Волы шли вскачь, как призовые кони. Принцесса уже сидела на своей крас-

ной лошадке. Похудевшее лицо ее было суровым, подбородок приподнят вызывающе, глаза горят решимостью. Рудольф поравнялся с повозкой, протянул руку и выдернул изнутри священника.

Волы неслись, как горная лавина. Кого-то в самом деле сшибли, другие в панике прыгали в стороны. Повозка болталась и подскакивала на ухабах. Снова в мозгу мелькнула дикая мысль, что повозка движется еще легче, чем вчера или неделю тому, но жуткий вой смешал все мысли, горячая кровь разламывает череп, молот вырвался из руки будто сам, я поймал себя, что швыряю и швыряю, а глаза ищут, кому бы еще и мечом, да так, чтобы хряск, треск, красные брызги во все стороны...

Из-за спин людей и огров выметнулись темные тени. Волы уже проскочили мимо, и черные, как волны ада, волки помчались за повозкой. Я пригнулся в седле, готовясь нагнать и рубить, крушить, топтать, но могучая рука дернула повод моего коня с такой силой, что я едва не вылетел из седла..

— Озверел? — прогремел откуда-то разъяренный голос Бернарда. — Мы воины Христа, а не какие-то сраные берсеркеры!

Шестеро волов проломили центр чужого войска. Фигуры в железе с воплями прыгали в стороны. Мы неслись по обе стороны и рубили, крушили, топтали, повергали. Мы истребили этот второй заслон, истребили третий, разметали четвертый. Я не верил глазам, но мы продолжали продвигаться. Я сам едва дышал, пот заливал глаза, мир качался, приходилось обеими руками хвататься за седло. Правая рука вопила от боли. Прошлый раз у меня такое было, когда вздумал прогуляться с другом и его доберманом по Битцевскому парку. Пес почему-то выбрал меня и принес здоровенное полено. Я сдуру швырнул, пес с готовностью подобрал и принес снова. Я взял и зашвырнул как можно дальше. Пес принес снова... Я швырял и швырял, как вот сейчас молот, а проклятый пес, как черная молния, ловил полено еще до того, как ударится о землю, и вот уже передо мной, нетерпеливо тычет в руки

это бревно: ну бросай же поскорее, не тяни!.. Помню, два дня распухшие плечевые суставы скрипели, как шатуны лифта.

Сзади хрипло ругался Рудольф. На нем иссекли доспехи, разбитый шлем остался на дороге, мокрые от пота красные волосы повисли грязными сосульками. Ухо и вся правая сторона взмокла, только так можно догадаться что там кровь, но выглядит он живее меня. По крайней мере есть силы ругаться.

Я вертелся в седле, как родеист, рубил мечом и бил молотом. Страх прошел, едва не только я, но и мое тело ощутило, что акселерация — это не только рост, но и рефлекс, которые не снились кирасирам при Ватерлоо, а уж тем более — в рыцарские века.

Последних мы сбросили с косогора. Наши кони хрипели, страшась спускаться по такой крутизне. Ланзерот первым соскочил, быстро повел своего жеребца в поводу. Асмер и Рудольф идут позади, отстреливаясь, принцесса тоже быстро и довольно умело стреляет из короткого степняцкого лука. Я оборачивался и метал молот. Еще не верилось, что мы прорвались... Но что с повозкой?

— Бернард! — крикнул я. — Что с повозкой?

За спиной послышались крики. Несколько удальцов погнались, один не удержался, упал и съехал на спину Бернарду под ноги. Тот молча наступил ему на горло, обернулся. Глаза отыскиали меня.

— Что?.. Не слышу?

— С повозкой что? — заорал я. — Мы ж прорвались, потому что повозка...

Рудольф ухватил меня за плечо, развернул к спуску и толкнул в спину. Я поневоле побежал, прыгая через камни, деревья мимо мелькали с ужасающей скоростью, пытался затормозить, но склон чересчур крутой, сзади огненное дыхание коня, сомнет, скотина...

Бежал я долго, ежесекундно ужасаясь возможности расшибиться в лепешку о встреченные деревья. Наконец ровная поверхность долины ударила под ноги, будто я прыгнул на Юпитер с его чудовишным тяготением. Лан-

зерот помог взобраться в седло священнику, оказывается, захватили и запасного коня, и все вообще у них по плану, принцесса уже в седле, Асмер возбужденно стирает кровь со лба, дышит хрипло, правая ладонь зажимает рану в боку.

Я огляделся дикими глазами. Солнце уже опустилось за край, багровое страшное небо нависает тяжело, словно пропитанный горячей кровью полог гигантского шатра. Принцесса и священник вместе шептали над Асмером, потом над Бернардом, а когда подошли к Рудольфу, тот резко отстранился:

— Не надо!.. Посмотрите, что с Диком.

— Но я видела, — начала принцесса настойчиво, — как тебе рассекли плечо...

Она осеклась. В доспехе на плече зияла трещина, запекшаяся кровь покрыла края, но Рудольф крепко держал огромный топор, и было видно, что рана... если она еще есть, совсем не беспокоит.

Сияющие лица Бернарда и Асмера показались неуместными, я сказал со злостью:

— И чего добились? Спасали драгоценные шкурки? Но святые мощи в их руках!

Бернард тяжело взобрался на коня, ухватил поводья.

— Ты... уверен?.. — пробасил он хрипло. — Ты точно видел?

— Да! — прокричал я. — Ладно, рухнули в пропасть, какая разница? Достанут они, а не мы! Я же говорил, что там засада!.. Я же говорил, что не пройти с шестеркой волов и громоздкой телегой!.. Да что вы все за тупые такие?

Бернард вскинул ладонь, я задохнулся от злости, но умолк. Асмер с трудом снял шлем. Буркнул, не глядя на меня:

— Бернард... парень доказал, что он не враг. В любом случае, скажи ему...

Бернард крикнул:

— Да, помню... я пообещал ему что-то... Дик, ты не совсем прав. Понимаешь, мы не должны были тебе это говорить. Все-таки ты чужак, не так ли? А на карту была

поставлена судьба нашего королевства. Может быть, даже вся война с Тьмой...

Я умолк, чувствуя неладное, переспросил:

— Ты о чем?

— Да ведь...

По косогору с каменным грохотом скатились еще двое. Молот из моей руки вырвался как будто сам по себе. Я почти удивился, так как держал его вроде бы рядом в мешке. То есть начал пользоваться им автоматически, на уровне рефлексов.

Асмер выстрелом из лука пригвоздил к земле второго. Лансерот крикнул властно:

— В галоп!.. Нужно оторваться!

Асмер успел крикнуть жизнерадостно:

— Если наше наступление как по маслу, значит — прем в засаду.

Конь под Бернардом встал на дыбы, ржанул и понесся вскачь. Весь отряд метнуло через долину в сторону ближайшего леса, как будто нами выстрелили. Мой конь помчался вместе со всеми, не дожидаясь приказа. Я злился, не получив ответа, ибо ясно же, что мы прорвались только благодаря попавшей в руки врага повозке с мощами Тертуллиана...

По багровому небу то и дело пролетали странные птицы, чересчур крупные, как только и летают, но я читал, что по законам аэродинамики даже жук не должен летать, но жук этих законов не знает и потому летает. Эти же птахи с кожистыми крыльями гигантских летучих мышей летают по кругу, а если круг провести по земле, то он, как яркий свет прожектора с полицейского вертолета, будет перемещаться вместе с нами.

Мой конь сам догнал Асмера, я предположил:

— Наблюдают. А если как-то сообщают?

— Конечно, сообщают, — ответил Асмер. — Сейчас остатки погани, что впереди, стягиваются в нашу сторону. Все засады снимаются с мест!

В суровом голосе мрачная гордость, грудь колесом, ноздри раздуваются, а глаза горят отвагой. Я стиснул че-

люсти, посмотрел на прямую спину Ланзерота, стиснул зубы так, что заломило в висках. Тот вообще само воплощение благородства и отваги. Который отдаст противнику свой меч, если у того вдруг сломается.

Глава 32

В лес влетели на полном скаку. Если на равнине еще что-то можно разглядеть, то в лесу хоть глаза выколи, а тропка узкая, пришлось вытянуться цепочкой по одному. Мне показалось, что даже лес здесь иной: деревья слишком толстые, узловатые, на стволах наплывы, грибы, толстый слой мха, чернеют дупла, быстро-быстро сверкают желтые глаза и тут же исчезают. Даже орешник, боярышник, терновник — все злое, дикое, растопыристое, а где и есть просветы между деревьями, то либо до самой земли свисают зеленые космы мха, либо перекрыто тугой паутиной — толстой, как тетивы большого лука, а пауки громадные, как воробы...

Наверху мелькнул красный огонь, стремительно перескочил с одного дерева на другое. Я едва не метнул молот, всего лишь белка, хоть и слишком крупная. А с толстой коры нас провожают угрюмыми блестящими глазами крупные, как черепахи, жуки в панцирях с металлическим отливом. На головах зазубренные рога — палец перекусят с легкостью.

Ветви то и дело закрывали звездное небо. Меня несло через темноту, сердце сжалось. Я пригибался, укрывался за конской гривой, но чувствовал себя беззащитным, как улитка без панциря. Это не в коробке автомобиля, скорее — на мотоцикле через лес с завязанными глазами: колени торчат, а железобетонные стволы проносятся в миллиметре от моих коленных чашечек.

Впереди между конских ушей иногда возникал серебристый волшебный мир. Навстречу неслась высокая сочная трава, на стебельках блестящие кузнечики и жучки, все залито лунным светом, в воздухе пляшут крохотные

человечки с прозрачными крылышками... но я не успевал ахнуть, как конь с грохотом вламывался в черноту, дальше стук копыт в ночи, треск веток, сучьев, в плечи и по ногам то и дело больно бьют, хватают, пытаюсь выбросить из седла.

Бешеная гонка длилась вечность. Конь уже начал хрипеть и пошатываться, задевал мною за все деревья. Я сцепил зубы, теперь у меня, как у Марадоны, разбиты все колени, а голени покроются могучими кровоподтеками. Наконец далеко-далеко впереди послышался слабый крик:

— Я вижу... Зорр!

Конь мой как будто хлебнул волшебного эликсира всей бегемотьей пастью, которой медведь мечтал хватать меду, прибавил ходу. В черноте возникло слабое пятно, разрослось. Я увидел чернеющие стволы могучих деревьев, а за ними расстилалась залитая ровным колдовским светом ушербной луны широкая долина.

Глаза мои различили слабый блеск доспехов. Рудольф на коне ближе всех, я видел, как он в страхе взглянул в небо, но луна уже перешла в три четверти. Это значит, что удержаться сможет, но вот способность оборотней быстро заживлять раны ослабела тоже на четверть.

Ланзерот и Бернард спешили, оглаживали коней. Я услышал, как Бернард сказал озабоченно:

— За нами идут... Я бы не хотел оказаться между молотом и наковальней.

— Ты прав, — ответил Ланзерот. — Ударим с ходу. Что скажете, Ваше Высочество?

Из темноты донесся приглушенный голосок принцессы:

— Я вижу Зорр!.. Что нам еще?

Голос священника прозвучал со сдавленной яростью:

— С Божьей помощью да расточатся врази!

Вблизи из темноты вынырнул Асмер, за ним двигалась темная громада коня. Асмер хмыкнул громко, сказал Рудольфу:

— Я ж говорил, если атака удалась, то мы уже в засаде!

Ланзерот легко поднялся в седло. Меч с тихим радостным звоном покинул ножны. Бернард, Асмер взяли топоры, лунный свет блистал на широких лезвиях пугающе и мрачно. Рудольф с широким мечом встал с другой стороны от принцессы, священник оказался в середине.

— С Богом, — сказал Ланзерот ясным голосом.

Он пустил коня легким шагом, а когда тот вышел на открытое пространство, взмахнул мечом и погнал в галоп. Все ринулись следом, а я ахнул во все воронье горло, только сейчас сообразив, что по ту сторону леса на голой земле лежат воины. В доспехах, с оружием в руках. Ни одного костра, никто не ходит, не шутит, не затевает свар...

Но едва конь Ланзерота вырвался на простор, все начали подниматься. Снова я не услышал привычных окриков офицеров, что выстраивали бы ряды для правильной обороны. Зазвенела сталь, Бернард и Рудольф ломились, как озверевшие слоны через волчью стаю. Я швырнул молот, увидел обращенные в мою сторону лица, мороз пошел по всему телу.

«Этих не остановить, — мелькнула паническая мысль, — не испугать». Даже не замечают чудодейственного молота, что прорубает целые просеки в их рядах. Прут, как за гипнотизированные, словно это не люди, а нелюди...

Я поймал молот, задержал в занесенной для броски руке. Из-за спин молчаливых воинов в нашу сторону энергично пробиваются огры. В полтора человеческого роста, широкие, все в кожаных доспехах, с блестящими в лунном свете шлемами на головах. Каждый размахивает огромной дубиной. Особенно жутким показалось, что двигаются огры без привычной неуклюжести тяжеловесов.

Я всхлипнул, сделал взмах. Молот исчез из ладони, а ближайший ко мне великан вздрогнул, как фонарный столб, в который врезался на «мерсе» «новый русский». Я не видел, как подломились у него колени, но он осел в толпу воинов, как будто ему отрубили ноги. Я швырял и швырял, потом волна молчаливых нахлынула, я начал пятиться, торопливо рубил, по мне стучали топорами, мечами.

ми, остриями алебард и копий, второй рукой я еще пару раз ухитрился швырнуть прямо в застывшие морды, а потом уже остервенело бил обеими руками мечом.

А потом передо мной выросла затянутая в толстый кожаный панцирь огромная туша. Толстые, как бревна, руки обнажены, для защиты хватает шерсти, а могучий торс закрыт кожаным панцирем.

Я ударил мечом так, как сносил головы простым ратникам. Меч прорубил первый слой кожаного панциря на середине груди. Я чувствовал, что там еще слоя три-четыре кож, по прочности круче стального рыцарского доспеха, левая рука поднялась для замаха...

Страшный удар снес меня с коня, словно жестянку из-под пива. Я перевернулся в воздухе, с такой силой ударился спиной о землю, что изо рта вырвался свинячий вскрик. Меч я еще удержал, а рукоять молота выскользнула из ватных пальцев. Огр зарычал, я смотрел в жуткую звериную морду, и мир застыл, как на стоп-кадре. В трех шагах остановился с красиво поднятым мечом красавец Ланзерот, чуть дальше Бернард превратился в статую, перед ним стоит, отшатнувшись, могучий огр, Рудольф и вовсе повис в прыжке, пропуская удар меча под подошвами... Затем все пришло в движение, Ланзерот весело и яростно рубит во все четыре стороны, Бернард на равных теснит едва ли не самого толстого из огров, Рудольф в прыжке ухитрился срубить голову огромной твари... Ланзерот видел мое отчаянное положение, но мне показалось, что слишком уж помедлил, прежде чем повернулся в нашу сторону. Второй удар огра едва не пробил в земной коре ущелье, я остановившимися глазами смотрел на гиганта, как он со злобной радостью заносит дубину снова. Я пытался увернуться, откатиться, как делают это в кинофильмах, однако справа и слева трупы, ползающие воины, руки, колени, копошащиеся тела... Дубина обрушилась, как мне показалось, в бок, круша и ломая ребра. Я вскрикнул от острой боли.

Гигант занес дубину для последнего удара, взревел:

— Я обещал тебя оставить... для Улафа!..
Я все же сумел отодвинуться, прокричал:

— Ну так и оставь!.. Я что, против?

Гигант шагнул за мной и снова начал поднимать дубину. Широкая пасть распахнулась в злорадном смехе:

— Не могу... утерпеть... Улаф простит...

Ланзерот обернулся как ужаленный. Не поднимая забрала, закричал страшным голосом:

— Кто там говорит про Улафа?... Он мой!

Он прыгнул к нам через груды трупов, быстрый, сверкающий, похожий на киборга из живого металла. Гигант развернулся в его сторону, взревел, но блистающий рыцарь уклонился от удара, а его меч блеснул, растворяясь в туманной полосе. Гигант еще стоял, а Ланзерот с мечом в руке красиво отвернулся и шагнул дальше, не обращая внимания ни на меня, ни на гиганта. И тогда лишь гигант вздрогнул всем телом, голова скатилась с плеч, подпрыгнула и, разбрызгивая горячие красные струи, подкатилась и уперлась подбородком мне в раненый бок.

Я посмотрел в жутко вытаращенные глаза, еще живые, оскаленный рот, меня едва не стошнило.

— В бой! — кричал Ланзерот. — Мы прорвемся! Прорвемся в Зорр!

«Черта с два», — мелькнуло у меня в голове. Конь топтал несчастных, что пытались его поймать за узду, я зашвырнул, он пробрался ко мне через трупы. Чьи-то руки помогли влезть в седло, я трясущимися ладонями стер красную пелену с лица. Лица Бернарда и Ланзерота суровые, мрачные. Впервые я видел иссеченные доспехи на Ланзероте, а из-под шлема по шее стекает темная полоска.

Волосы Бернарда слиплись, словно попал под дождь, торчат неопрятными лохмами, свисают грязными сосульками. Кровь выступила из порезов на лбу, скуле, подбородке, но он смахивал только с правой брови, затекающей в глаз, хрипло ревел, ругался, голос его звучал в моих ушах, как раскаты грома. Доспехи на нем иссекли так, что он сбросил остатки, будто скорлупу. Могучее тело обтягива-

ет тонкая кольчуга, но и в ней две дыры, а рубашка пропиталась кровью.

Блισταющие доспехи Ланзерота выглядели как колода мясника после года работы. Глубокие зарубки превратили гладкую поверхность во что-то вроде терки, а кое-где прорубили насквозь. Лицо рыцаря было бледным, глаза запали, а каждое слово он выговаривал с усилием.

Рудольф сказал хрипло:

— Что-то пошло не так, верно? А какой был план...

— Ни один план, — сказал Асмер наставительно, — не переживает первой же стычки с противником. Что делать будем?

Он смотрел, как и остальные, вслед убегающим ограм. У них хватило мозгов не лезть дуrom, а побежать за помощью. Но я увидел, как побледнел Бернард, взглянул снова. С той стороны в нашу сторону двигались огромные темные твари, мне почудилось, что под солнечным светом они выглядели бы пурпурно-красными, в руках у всех трезубцы, с такими изображают Нептуна. На массивных головах тускло блестят короткие толстые рога.

— Ого, — проговорил Бернард чужим голосом, — такого я не ждал...

— Не иначе оборотники помогают Карлу...

Бернард сказал с сомнением:

— Да вроде бы оборотники Тьме не помогают...

Последний из убегающих огров прошмыгнул мимо этих тварей, я не поверил глазам: великан-огр показался рядом заморышем. Ланзерот пробормотал молитву, вытащил меч. Уже все на конях, только священник вдруг сорвал с шеи крест и быстро-быстро пошел навстречу.

Его трясло, то ли от страха, то ли от бешенства. Во вздетой руке блистал крест, священник что-то выкрикивал. Я видел его выпученные глаза, разинутый рот, а когда ветер переменял направление, слышал: «...Лаудетор Езус Кристос...»

Между ним и надвигающимися чудовищами оставалось не больше десятка шагов. Я наконец-то рассмотрел, что на ногах чудищ копыта, что намного удобнее, чем

наши обезьяньи лапы, все еще пригодные больше для лазания по деревьям, чем вот так, по земле. И за каждым чудищем тащится длинный мускулистый хвост, наподобие львиного.

— Да воскреснет Бог, — закричал священник. — Да расточатся врази Его! Да исчезнет яко дым...

Прямо на священника пер огромный бес, вдвое выше и впятеро толще. Он взревел так, что мощная звуковая волна сдвинула нас с мест, пропахав конскими копытами борозды, заставила траву лечь, как скошенная. У меня зазвенело в голове, я был на грани обморока.

— Да сгинут ненавидящие Его! — прокричал священник.

Я не успел стронуться с места, как бес одним прыжком оказался перед священником. Огромные руки, способные поднять танк, занесли трезубец для смертельного удара. Я закричал, ринулся на помощь, хотя видел, что не успеваю. Священник выставил перед собой крест, ветер донес обрывок молитвы на звучной латыни.

Трезубец столкнулся с крестом. Рука священника даже не дрогнула, а трезубец разлетелся в щепки. Щепки превратились в струйки черного дыма, тут же рассеялись. Бес вскрикнул неожиданно тонким поросычьим голосом, из него тонкими струйками брызнул дым.

Бернард рядом со мной громко помянул Имя Божье. На месте громадного, как гора, беса осталась кучка серой золы. Священник поднял крест выше, прокричал зычно:

— Именем Того, кто дал нам душу!.. Да расточатся врази Его, да исчезнет перед ликом Его всякий нечистый, яко дым...

В черном звездном небе прогрехотал гром. Среди наступающих тварей раздался многоголосый крик. Вспыхнули языки пламени, запахло серой, паленой шерстью, горелой землей.

Я ошалело тарашил глаза. Все бесы исчезли, как и огры за их спинами, даже воины в кожаных и металлических латах пропали. На темной земле корчились полуго-

лые растерянные люди. У многих в руках были боевые топоры и молоты, но в глазах страх и непонимание.

По всему полю рассеивались черные и сизые дымки. Ветер бросил в лицо пепел. Мелькали хлопья, я успел подумать, что нечисти было, наверное, много, пепла здесь, как будто Везувий рядом...

Священник все еще вздымал над головой крест. Его неприятный визгливый голос прорезал зловещую тишину, как молния грозовую ночь:

— Идите... и не грешите!..

Рудольф отер кровь со лба, сказал со злобой:

— Преподобный, спасибо за помощь, но... дальше уже наше дело решать, кому идти, а кому и ответ держать.

— Да, падре, — сказал Асмер. — Им не уйти без расплаты. На колени, твари!

Люди молча опускались на колени. Я видел, как один подхватил с земли короткий меч и вонзил себе в грудь. Священник вскрикнул:

— Несчастный!.. Что ты творишь?.. Самоубийцы идут в ад!

Смертельно раненный прохрипел:

— Я его заслужил...

Он повалился на бок, ноги дернулись, затем все тело выпрямилось и застыло. Люди стояли на коленях, смиренно опустив головы, глаза уставились в землю. Рудольф и Асмер с длинными ножами в руках направились к пленным. Я поднял меч, все тело ныло, но что-то противилось, не принимало такой покорной жертвы...

Священник вскинул крест, голос стал еще визгливее:

— Именем Господа! Проклинаю тех, кто посмеет сейчас обидеть этих несчастных!.. И обрекаю их на вечные адские муки!

Рудольф остановился, будто ударился о стену, Асмер сделал пару шагов, топор уже поднялся для удара по покорно склоненной шее. Я увидел расширенные в недоумении глаза.

— Святой отец, — упрекнул Рудольф обиженно, — это же враги!

— Уже нет, — ответил священник.

— Но вот этот разрубил на мне кольчугу и ранил Бернарда! Я сам видел!.. Он дрался, как дьявол!

Священник повысил голос:

— Он был одержим дьяволом!.. И за это понесет наказание. Но это наказание будет не от тебя, ублюдка, а от матери-церкви. Ты разве не зришь, червь, что он уже мучим больше, чем ты можешь вообразить своим жалким умишком? А твой удар меча только даст ему избавление!

Асмер заколебался, он все еще стоял с поднятым топором над покорно склонившимся человеком. Я видел страшное отчаяние на бледном лице бородатого мужчины. Даже не понимает, где он находится, губы непрерывно шевелятся, и вряд ли он сейчас призывает на помощь дьявола.

Бернард крикнул:

— Рудольф, Асмер! Оставьте... Если сумеют пробраться на свои земли, пусть идут. Ты знаешь, не везде со священниками считаются, как у нас в Зорре. Где-то их попросту вздернут.

Священник, не обращая внимания на слова Бернарда, простер руки:

— Несчастные!.. Сила Слова Господня сняла с вас чары дьявола. Возблагодарите за то Его всем сердцем и душой! А теперь отправляйтесь в свои земли, ищите церковь, исповедуйтесь и примите заслуженное покаяние. Господь милостив, у каждого есть надежда на спасение!

Рудольф заворчал, лицо пошло багровыми пятнами. Люди медленно поднимались с колен и, не обращая внимания на обнаженные мечи уцелевших воинов, потянулись в сторону замка. Лансерот подал знак, мы успокоили коней и рысью двинулись в сторону юга. Там, на дальнем холме, поблескивало, будто нас рассматривали в телескоп. Но я там уже побывал во сне, помню эти цветные стекла в высоких башнях.

Асмер рассерженно плюнул вдогонку уходящим людям. Бернард сказал с угрюмой рассудительностью:

— Ну чего тебе не так?... Зато не вести под охраной, сами идут к виселице... Дик, ты как, цел?

— Почти, — проямлил я. — Но уж не думал, что спасение может прийти... так странно!

— От священника? — хмыкнул Бернард. — Можно считать, повезло. Но странного нет.

— Нет?

Теперь удивился Бернард:

— Конечно. А кому, как не священнику, снять эти колдовские чары?

— Да, но...

— А нас, как ни странно, хранила верность... или видимость верности святым идеалам. Если бы мы не посетили святое причастие перед выездом... то, может быть... Ты разве не заметил, что нечисть нас обходила стороной?

Я попытался вспомнить ход схватки, но в памяти только месиво тел, в ушах крики, ржание коней, визг тварей, резкий свист и хлопанье крыльев над головой.

— Случайность? — пробормотал я, но в душе вспыхнуло отчаянное желание, чтобы это не было случайностью, чтобы злобные создания тьмы и дальше обходили стороной, а противниками были понятные люди с оружием. Или огры, что тоже почти люди, но не выходцы из ада.

По пути лесок, Ланзерот тут же повел отряд прямо через середину, ибо в ночи, когда все спит, мы чересчур заметны. Я отчаянно напрягал зрение, в кромешной тьме ветки то и дело хлестали по голове. Если б не забрало, уже выколол бы глаза. Далеко в темноте прозвучал жуткий волчий вой, у меня похолодели внутренности. Это не волчий вой... или не совсем волчий!

Гулко и страшно ухнул рядом филин. Даже конь вздрогнул, а я дернулся так, что едва не свалился с седла. На голову что-то сыпалось, щелкало по железу.

Однажды в лицо пахнуло теплым нечистым воздухом, словно пролетела огромная летучая мышь. Дважды я слышал топот копытцев, тихий смех, почти человеческий, ехидное хихиканье.

Когда вынырнули из леса, я заново засмотрелся на

могучий Зорр, совсем не такой, каким видел сверху. На эти дальние стены нужно смотреть вот так: чуть-чуть снизу, чтобы оценить исполинскую мощь, размер каменных блоков, прикинуть вес и удивиться, как это земля не расступилась под такой тяжестью. Впрочем, Зорр стоит на огромной скале, как объяснил еще в дороге Бернارد, под него невозможно подкопаться, а под самим Зорром великое множество подвалов и кладов.

Сейчас лунный свет торжественно освещал крыши, переходы между башнями, верх зубчатых стен, я замечал даже поблескивающие искорки шлемов и доспехов часовых. Но луна осветила и огромное поле перед Зорром, занятое множеством шатров. Между ними костры. Сотни костров. Двигаются тени, угадывается огромная масса людей.

— Можно пройти вон по той ложбинке, — сообщил я. — В прошлый раз там никого не было.

Бернارد пробасил:

— Да и глупо там держать людей. Гнилое болотце... почти подсохло, но там не пройти войску.

Принцесса спросила:

— А мы?

Ланзерот сказал почти весело:

— Разве мы войско, ваша светлость?.. Пройдем по одному. Коней держать в поводу. Я там не раз хаживал, сокращал дорогу в лес. Это когда еще охотился...

— Вспомнил райские времена, — буркнул Бернارد тоскливо.

Спешились, Ланзерот пошел первым. За ним Бернارد, замыкал цепочку Рудольф. Принцессу и священника держали в середине, а мне на этот раз доверили идти с Рудольфом. Рыжебородый подмигнул мне: даже Асмеру пришлось идти впереди. Правда, Асмера все еще шатает после удара дубиной по голове, шлем разлетелся вдреизг, но все же доверие...

Кони ступали осторожно, они умнее, это я не могу отличить, где надежный холмик земли, где мшистая кочка,

под которой ледяная затхлая вода. Дважды проваливался до пояса. Асмер оглянулся, посоветовал хладнокровно:

— Будешь тонуть — тони молча. Ты же герой?

— Не дождешься, — буркнул я.

Вода хлюпала в башмаках, под коленом что-то шевелится, гадкое и скользкое. Я не поверил глазам: к обеим ногам присосались жадные и липкие, как сборщики налогов, пиявки. Я взвыл от омерзения, увидев их раздутые жирные тела. Одну попытался оторвать, лопнула в моих пальцах, руку окрасило кровью по локоть. Меня едва не стошнило, к дальнему берегу неся как бронетранспортер по мелководью. А коня тащил за собой так, что едва не оторвал голову.

Асмер догнал почти на берегу, толкнул, сказал негромко в самое ухо:

— Ты чем так разъярил Ланзерота?

— Не знаю, — ответил я. — По-моему, его милость на меня все время гневаются...

Асмер хмыкнул.

— Не все. Я слышал, как он спрашивал у Бернарда, почему Улаф так уж жаждет поквитаться с тобой, а не с ним... По-моему, это его задело.

Я молчал, приводил в порядок дыхание. Через болотце мы кое-как пробрались, но, едва вышли на сухое и твердое, наткнулись на конный разъезд горландцев. Лансерот сразу оказался в седле, над головой сверкающая полоса стали, Бернард взревел и тоже вздыбился с гигантским топором, как геральдический медведь с берлинской ратуши, я поспешно лапнул молот. Мне показалось, что тот от возможности подраться лизнул мне пальцы, убийца, киллер.

Я швырнул, особенно не целясь, только сконцентрировал мысль на том, чтобы снести с ног как можно больше гадов, что не дают мне добраться до ворот города, где будет ванна, горячая вода, чистые простыни, телевизор...

Конники оказались не робкого десятка, к тому же их

вдесятеро больше. Ланзерот рубился отважно, но я заметил, что рыцарь старается не ввязываться в схватки, не отвечает на вызовы, пропускает мимо ушей обидные клички, а с максимальной скоростью ведет отряд к главным воротам.

С башен и стен нас заметили. Засвистели стрелы. За спиной я услышал сухой стук стрел о щиты, звяканье железных наконечников о металлические шапки, но еще больше — криков, ругани, воплей. Одновременно от ворот донесся скрип, темная стена поползла вверх.

Конь подо мной шатался, я умолял его добежать, хлопал по шее, обещал золотые горы и ясли полные овса, пена летела во все стороны.

Ворота со скрипом начали подниматься. Мы с Рудольфом проскочили, пригнувшись к конским шеям, и тут же за спинами, едва не оборвав конские хвосты, рухнула тяжелая металлическая решетка.

Навстречу выбежали темные тени. Я проскочил мимо, широкий проем надвинулся и остался позади. По обе стороны бегут люди с факелами, а за спиной рубка, крик, там сбивают один другого с ног, лишают жизни. Затем створка ворот медленно отрезала крепость от враждебного мира.

В глазах потемнело, я почти рухнул с седла. Смутно чувствовал, что с меня сняли шлем, присвистнули, тут же принялись перевязывать голову. Бернард слез с коня сам, Ланзерота вынули из высокого рыцарского седла и унесли, он не двигался. Мне было гадко, в голове треск, все тело вопит от боли, суставы выворачивает, а во внутренних частях как будто раскаленный в огне валун.

Асмер прокричал мне в ухо:

— Дик, мы все сумели!.. Сумели!..

Он хотел явно хлопнуть меня по плечу, но глаза побелели от боли, он пошатнулся. Его подхватили под руки, хотели увести, но он с усилием отстранился.

— Что сумели, — сказал я горько. — Везли, везли... А перед самыми воротами потеряли. Так по-дурацки.

Асмер тяжело дышал, оглядывался налитыми кровью глазами. Бернард кивнул мне с самым заговорщицким видом.

— Дик, ты хороший парень, хоть и колдун. Если честно, то в повозке были только камни.

Я ахнул.

— А... мощи?

— С мощами все в порядке, — успокоил он.

— Вы их не везли?

Бернард подмигнул мне, конь положил морду ему на плечо. Бернард погладил его по шее.

— Иду, иду...

Его шатало, но он оперся на коня, и они пошли через суматоху по залитому лунным светом каменному двору.

Асмер сказал мне терпеливо:

— Везли, Дик, везли! Из монастыря святого Тертуллиана. Но потом, еще до того, как встретили тебя, ночью отправили троих с мощами в ларце. Верхом. Тайком. А сами тащили повозку с булыжниками в мешках. Заодно намекали всюду, что везем еще и оружие.

Голова у меня пошла кругом. Я чувствовал злость, разочарование, смертельную обиду, странное облегчение.

— Ага... а на привалах иногда ночью выбрасывали по камешку? Чтобы легче двигаться?

Он похлопал меня по плечу.

— Дик, ты умеешь видеть. Но пойми, днем в небе орлы и коршуны, ночью — совы. Мы не знали, какая птица сама по себе, а какая на службе Тьмы. А если еще и ты... из Темных? Тебя могли нам просто подсунуть по дороге. Ведь то умение, которым ты пользовался... не от Господа Бога нашего! Если бы ты сообщил, что у нас просто камни, то Галарда могли бы перехватить. А там мы все силы на себя, а Галард еще три дня тому благополучно... Не хмурь брови, Дик! Если бы мы не отвлекали всех на себя, ему бы никогда не доставить мощи в замок!

Глава 33

По булыжной мостовой с грохотом медного всадника промчался человек в железе на таком огромном коне, что даже мой показался жеребенком.

— Это и есть доблестный Асмер, — проревел он, — и... кто-то новенький?

Он слез с коня, такие гиганты не соскакивают, но и теперь возвышался над Асмером на голову. Со мной вровень, но явно крепче и тяжелее. От него пахло потом, дорожной пылью и даже гарью, словно только что прошел через горящий город. Во всем облике власть, уверенность, а движения выдают человека, рожденного повелевать и отдавать приказы.

За его плечами в черноте ночи страшно сияла луна. Все пятна на ее диске четкие, сверкают с ошеломляющей ясностью. Зубчатая башня на черном небе выглядит выкованной из чистейшего серебра, каждый каменный блок искрился и блистал множеством мелких искорок. В воздухе что-то мелькнуло.

По небу летели полупрозрачные люди. За их спинами часто-часто трепетали длинные, как у стрекоз, крылышки, а за некоторыми, я счел их женщинами, развевались по воздуху изящные шарфы.

Одна повернулась, я увидел смеющееся лицо, помахала мне рукой. Донесся тихий смех, женщина уже исчезла.

Гигант всматривался в мое лицо. Глаза его сузились. Он спросил Асмера подтвердившим голосом:

— Это кто с тобой?

— Милорд кастелян, — ответил Асмер поспешно и почтительно, — это Дик, он простолюдин. Однако выказал себя сильным и отважным воином. И оказал немало услуг... Я бы сказал, что не будь его... нам пришлось бы намного труднее.

«Труднее, — подумал я рассерженно. — Да я вас вытаскивал из ям...»

— В церковь, — распорядился кастелян отрывисто. — На исповедь! Мы не можем рисковать.

— Да-да, — ответил Асмер. — Дик, тебе надо обяза...
Он умолк на полуслове.

Я проследил за его взглядом. Из ворот замка в сопровождении слуг вышла женщина. Глаза мои растопырились до предела, видя такое великолепие. В этом мире отсутствуют слова «эротичная», «сексуальная», а если их попытаться ввести, то приживутся только в виде самой грязной ругани, но эта женщина... Это двигалась воплощенная чувственность при полном отсутствии души. Сочное гибкое тело самки, высокая почти неприкрытая грудь, крутые сытые бедра, безукоризненное лицо с чувственным ртом, чувственными глазами и чувственной кожей. Ее распущенные волосы свободно падают на спину и плечи, и я невольно представил эти волосы в беспорядке на подушке... и ее порозовевшее лицо с пухлыми темными от поцелуев губами.

Она скользнула по мне коротким взором. По ее губам пробежала едва заметная улыбка, но вообще-то она вряд ли выделила меня из толпы, ведь на нее жадно смотрят все мужчины.

— Королева Шартреза, — сказал Асмер, делая ударение на последнем слог. — Молодая жена нашего короля...

Я сказал невольно:

— А как она... с Тьмой?

Асмер взглянул на меня пронзительно.

— И ты заметил?

— Ну...

— Здесь даже чужой муравей не проползет, — заявил кастелян уязвленно.

«Муравей не проползет, — подумал я, — но идеи...»
Диссиденты возникают даже в самых закрытых обществах. Без всякого контакта с иностранными шпионами.

Асмер шлепнул меня по плечу.

— Слышал, Дик?.. Тебе надо сперва на исповедь. Давай-ка я отведу тебя, а то будешь искать еще сутки...

Он жизнерадостно улыбался, голос преувеличенно громкий. Мол, я ж о тебе забочусь, надо успеть покаяться, а то если вдруг убьют, то непокаянному дальше жить хуже.

Но я не сомневался, что готов вести меня силой, если заупрямлюсь.

Я кивнул, мы пошли через двор. Между лопаток мне уперся острый, как наконечник боевого рыцарского копья, взгляд кастеляна. Я все время чувствовал это прикосновение холодного металла, то ли кастелян неслышно ехал следом на ставшем призрачном коне, то ли копьё чудесным образом удлинялось... не ломаясь под действием гравитации.

Через двор нам наперерез быстро двигался огромный человек в доспехах, но с открытой головой. За ним спешили, переходя на бег, двое рыцарей. Увидев Асмера, гигант остановился так резко, что рыцари ткнулись ему в спину. Он даже не заметил, а для них это было как для автомобилистов, что налетели на бетонную ограду.

— Асмер! — воскликнул гигант. — То-то шуму прибавилось!

— Мой поклон, Ваше Высочество, — ответил Асмер почтительно.

Я смотрел во все глаза, безошибочно узнав более молодую копию того престарелого короля, что отдал приказ о сдаче Зорра. Брат, вспомнил я, Беольдр, который тогда защищал ворота и не присутствовал на совете.

Беольдр подошел ближе, я ощутил, что впервые смотрю снизу вверх. Беольдр явно выше ростом, намного шире. Он тоже стар, обветренное лицо хранит следы долгой жизни, хотя нет старческих морщин. Он мог бы отпустить волосы до плеч, как делают все мужчины, но предпочел стричь свою могучую гриву. Седые волосы торчат на квадратной голове, еще больше придавая сходство с рассерженным кабаном. Догадываюсь, что ему говорили не раз, что его длинные и толстые, как конская грива, волосы защитили бы шею от удара меча, но он хохотал и предлагал взглянуть на его шею еще раз. Толстая, как у старого дуба, подобно коре дуба покрыта шрамами, валиками, там можно рассмотреть уже заплывшие толстой кожей следы от укусов стрел, полосы от острого железа. Говоривший сразу умолкал, ибо шея Беольдра вдвое толще

шеи любого нормального человека. К тому же усилена толстыми жилами и обтянута неимоверно толстой кожей, еще больше огрубевшей и уплотнившейся под солнцем, ветрами, зноем и холодом.

Грубое, словно небрежно высеченное из камня и брошенное на половине работы лицо испещрено мелкими шрамами, под глазами намечаются темные круги, а морщины пробовали закрепиться у глаз, да и то явно появились от пристального взглядывания в линию между небом и землей, а старость, казалось, все не решается подступиться к Беольдру.

Асмер сказал торопливо:

— Ваше Высочество, вот этот человек... Дик его имя, видел Галахарда!

Беольдр повернулся ко мне молниеносно, ухватил за плечо.

— Галахарда? Он жив?

— Жив, — ответил я. Добавил: — И даже здоров.

— Где он? Что с ним?

Он волновался, явно старый друг или даже напарник, как вон во всех фильмах один напарник эстет и красавец, а второй — тупой, но честный громила с пудовыми кулаками.

Я коротко рассказал, не вдаваясь в детали. Беольдр слушал жадно, рыцари слушали тоже очень почтительно, на меня поглядывали с враждебным уважением.

— Дорога к аду, — сказал Беольдр с нажимом, — начинается с крохотнейшей уступки своим низменным желаниям! Уступи раз, потом... потом трудно удержаться. А уж отмыться, очиститься... это вообще подвиг, что не под силу простому смертному.

Асмер сказал почтительно:

— Ваше Высочество, вашими устами глаголет сам Бог. Надо держаться. Ни на шаг!

— Галахард держится, — сказал я. — Но волшебница не сдастся тоже. У них там поединок.

Перед глазами встало суровое лицо рыцаря, мелькну-

ло обольстительное лицо волшебницы с отчаянием в глазах.

— Поединок, — пробормотал Беольдр, — сколько же он длится?

Он махнул рукой, помрачнел. Асмер толкнул меня, а Беольдр с рыцарями пошел к замку.

За воротами громко и торжественно протрубил боевой рог. Асмер вздрогнул, посмотрел на розовую половину неба.

— Святое причастие, — сказал он зло, — Карлу не терпится войти в город! У тебя молот при себе?.. Ладно, исповедуешься позже, сперва посмотрим. Если что...

Он машинально провел ладонью по широкому поясу, где два ножа, короткий меч, пара свободных колец, куда можно подцепить еще что-нибудь, лишшающее жизни.

«Асмер прост, — мелькнуло у меня в голове, — но не сложнее и те, кого я видел в лагере противника». Я вспомнил Карла, его полководцев, как воочию представил их лица и почти увидел все, как там, на той стороне...

Конечно, король Карл не спал остаток ночи. Несмотря на всю уверенность перед рыцарями, он трепетал от мысли, что крепость сумеет продержаться до прихода подкреплений. И хотя им вроде бы неоткуда взяться, но страх подтачивал изнутри, и все труднее держать на лице уверенную улыбку.

Ночью был шум, переполох. Была замечена, хоть и поздно, крохотная группка, что пробиралась к крепости. Идиоты, сейчас из крепости надо бежать, а они сами лезут в пасть волку... Стража без охоты пыталась остановить, но те прорвались, а ворота успели захлопнуть. Плевать, все равно там им и крышка.

Зато примчался ликующий сэр Черлунг, волосы всклокочены, в них прыгают искры, шипят, шелкают, словно лопаются крупные блохи.

— Наконец-то! — возопил он. — Наконец-то!..

Карл хоть и не спросонья, но пребывал в хаотичных мыслях, вздрогнул, рывкнул зло:

— Вы о чем, сэръ Черлунг?

Черлунг чуть опомнился, выпрямился, ответил с достоинством, но не мог сдержать ликующую улыбку:

— Только что сообщили... Наконец-то перехвачен караван с мощами святого Тертуллиана!.. Уже на перевале!

— Ну и что?.. Мы их не страшились никогда.

Черлунг взмахнул руками.

— Кто страшился самих мощей? Суеверие, не больше. Но если этому суеверию подвержены тысячи людей, сотни тысяч?.. А сейчас по всем королевствам разнесется весть, что святые мощи у нас. Что мы разбросали их у порога и вытираем о них ноги.

Карл поморщился:

— Что за дурость? Вытирать ноги о кости?

— Попирая чужую религию, — возразил Черлунг почтительно, — возвышаешь свою. И хотя у нас своей нет, это все суеверие, но попира́ть чужих богов всегда полезно. Показываем всем нашу мощь. Противник должен страшиться не только нашего оружия!

В узкую щель шатра виднелся краешек горизонта, где тихо алела заря. Карл поднялся с ложа, крикнул:

— Эй, не спать!.. Парадные доспехи, быстро!

Оруженосец почтительно водрузил ему на голову позолоченный шлем с пышным плюмажем из разноцветных павлиньих перьев. Второй набросил на плечи роскошный красный плащ, цвет крови и победы. Конюх вывел коня, уже оседланного, укрытого не боевой попоной, что выдерживает удары острых стрел, а красочной шелковой, с золотыми нитями. Конь горделиво позвякивал серебряной уздой с золотыми бляшками. Широкие ремни перехватывали выпуклую грудь коня, на ремнях блестели золотые квадратные пластинки с изображениями зверей и хищных птиц.

Солнце еще не взошло, но он, не в состоянии удерживать нетерпение, взобрался с помощью оруженосцев в седло. К крепости ехать рано, заставил себя повернуть

коня и поехать вдоль костров. Воины вскакивали, лица свирепые, злые, но на него смотрят с обожанием. Он всегда отдает все города и села на разграбление, всегда разрешает делать с людьми все, что вздумается, а после них остаются только огонь, дым и горящие обезображенные трупы...

Оруженосец догнал, сказал торопливо:

— Пора!

Карл, сдерживая ликование, повернул к крепости. Ему казалось, что измученные осадой люди еще ночью, едва заслышав об условиях сдачи, должны броситься к воротам, распахнуть их и разбежаться по домам, бросая оружие. Но защитники вытерпели до утра, чтобы все получилось достойно, и, надо признать, никогда еще Карл не получал такого отпора. Они в самом деле держались достойно. Таких бы иметь в своей армии... но тем более надо всех уничтожить, все сжечь, а город разрушить, чтобы устрешенный мир знал, каково сопротивляться силам Тьмы.

За спиной фыркали и переступали с ноги на ногу кони. Карл насторожился, со стороны крепости послышались стук, скрип, лязг. Створки ворот едва заметно дрогнули. Карл почти видел сквозь толстое дерево, как по ту сторону дюжие мужчины с усилием вынимают бревно из железных петель.

Створки начали раздвигаться, как края проснувшейся раковины. Их так давно не открывали, что они почти вросли в землю. Нет, уточнил про себя Карл. Перед воротами пало столько его людей, что они добавили праха перед воротами...

За спиной Карла послышался голос Локатрантера, свирепого рыцаря, но верного, насколько вообще можно получить верность в армии, где властвуют совсем другие ценности:

— Сегодня наш день... ха-ха!.. и наша ночь!

Карл сдержал улыбку. О грубых выходках Локатрантера знает вся армия. В каждой армии есть свои локатрантеры, падкие на женщин, но когда они оставляют их, то на

месте их забав остаются лишь изуродованные куски еще живого мяса.

Кто-то бросил в ответ с такой же веселой кровожадностью:

— Да, сегодня мы спать, похоже, не ляжем...

Створки дважды застревали, словно мучительно противились сдаче города, но, когда наконец застыли, вход в город был открыт. Там мелькнули фигуры воинов, но поспешно убрались с дороги, будто ждали, что Карл со своими рыцарями ворвется галопом.

Сдержанная улыбка тронула губы Карла. Он пустил коня ровным медленным шагом. За спиной послышался ровный перестук, Карл слышал конское дыхание за спиной и тепло отборной сотни, запах смазанных маслом кольчуг и поясных ремней.

Мимо проплыли створки, когда-то ровные, гладкие и блестящие, а сейчас поклеванные железными стрелами так густо, что не было места приложить ладонь младенца. Под массивным карнизом темно и сумрачно, но дальше весь двор залит ярким утренним солнцем. На каменных плитах торопливо прыгают воробьи, расклевывают еще теплые конские каштаны.

Карл выехал из-под арки, за спиной надежно подрагивала земля под копытами богатырских коней. Железо доспехов позвякивает, слышится стук щитов, сдержанные голоса.

По ту сторону широкого двора возвышалась церковь. Ворота распахнуты, доносится слитный гул голосов. Верующие в своего дурацкого Христа что-то поют, просят милостей. У самого входа оседланные кони. На седлах мечи, топоры. И только теперь, когда копыта коня Карла спугнули воробьев, из-за укрытий начали выходить воины. У многих окровавленные повязки на головах, руках, но все, к удивлению и замешательству Карла, с топорами, мечами, пиками.

Из церкви без спешки вышли рыцари в полных боевых доспехах. Быстро и ловко вскочили на коней, Карл

ждал, хотя недоброе предчувствие шевельнулось в душе. Что-то не так. Нигде не видно старого короля, лорда Шар-легайла.

Навстречу выехали трое рыцарей. Хотя нет, рыцарь только один, могучего сложения аристократ с холодным надменным лицом, чересчур красивый для воина, а двое просто воины, причем один так и вовсе мальчишка, явно оруженосец...

Карл сказал резко:

— Где король? Где лорд Беольдр?

— Король отдыхает, — ответил рыцарь холодно, — а лорд Беольдр... на своем посту. А тебе, мразь ползучая, придется разговаривать со мной. Меня зовут Ланзерот! Это мои спутники, Бернард Большой Топор и Асмер Длинная Стрела, ты их знаешь... Знаешь, знаешь! Бернард когда-то убил твоего дядю, а вот Асмер недавно сразил твоего сына Эрнста Губошлепа и твоих двух братьев. А я, Ланзерот Озерный, убью тебя самого.

Рыцари за спиной Карла зашумели. Карл услышал шум и лязг выдергиваемых из ножен клинков. Я наблюдал, как Бернард тронул коня, тот подался на полкорпуса вперед. Бернард сказал зычно:

— Карл, тебе ж предсказали, что въедешь на белом коне в эту крепость? Вот ты и въехал. А сейчас ты выедешь намного быстрее, чем въехал. Мы настолько сильны, что отпускаем тебя, ничтожного дурака. Хотя могли бы, могли бы...

За спиной Карла раздался яростный вопль Локатрантера:

— Чего мы стоим? Карл, мы уже в крепости! Сомнем всех!

Ланзерот молча вскинул руку и сделал ладонью красивый жест в воздухе, словно отпускал на свободу голубя и указывал ему на прощание, как прекрасен этот мир, посмотри...

Карл и его рыцари невольно подняли голову. На всех крышах, на воротах, на стенах — лучники и арбалетчики. И все держат их на прицеле. Ближе всех Беольдр, его бѣ-

ромный арбалет нацелен прямо в голову Карла. Похоже, у Карла сразу стало сухо во рту, а страх затрепыхался в груди. По меньшей мере десяток стрел и арбалетных болтов нацелены именно в него, властелина Горланды, Гиксии, Скарландов. Пусть половину отразят его доспехи, кто-то промахнется, но все равно его пронзенное чужим железом тело сползет под копыта его коня... А уж Беольдр не промахнется точно.

Я видел, что страх и ярость сшиблись в нем с такой силой, что лицо потемнело от прилива дурной крови. Он покачнулся, заставил себя прояснить взор и быстро-быстро понять, что же делать. Да, если сделает хоть шаг, весь отряд истребят стрелами. Но отступить — это нанести такой удар по моральному духу войска, что уже никогда не будет прежним. Было бы красиво выхватить меч и ринуться на этих наглецов, и пусть убьют, но ворота распахнуты, следом ворвутся новые и новые отряды, крепость неизбежно падет...

Но, с другой стороны, что ему с того, что крепость падет и победа будет полной? Крепость займут другие люди, а его бездыханное тело истопчут конскими копытами. Правда, потом поднимут, омоют, умастят благовониями, похоронят в богатом склепе и назовут героем, но что ему от этого? Его уже не будет. А лучше живой трусливый пес, чем мертвый лев...

Но все еще колебался, позор отступить вот так, лучше уж пасть, ибо позор — та же смерть, как вдруг на парапете возникла длинная тощая фигура священника. От воздел руки, закричал тонким голосом, но настолько сильным, что Карлу нестерпимо захотелось закрыть ладонями уши:

— И знайте же, слуги Врага Рода Человеческого, что мощи святого Тертуллиана два дня тому доставлены в сию неприступную крепость... что отныне и вовеки неприступна вдвойне! А вам, слуги ада, гореть в геенне огненной отныне и вовеки веков!!!

Карл ощутил, как, несмотря на угрозу вечного огня, все тело осыпало ледяной крошкой. Он подал коня назад,

осторожно развернулся, моля Сатану, чтобы он удержал руки лучников, вломился в уже беспорядочное стадо своих рыцарей.

— Отходим! Отходим! Нет стыда в бегстве!..

Рыцари, цвет его войска, с разбегу сшиблись в воротах, закупорили, кого-то стоптали вместе с конем. Слышался лязг, крики, истошное конское ржание, ругань, блеснул меч. Карл на своем богатырском коне прорвался через упавших. Под стальными подковами его коня трещали панцири, черепа и ребра своих же верных рыцарей, но наконец в лицо ударил свежий ветер свободы. Спасен!

Вырвавшись на простор, помчался к своему лагерю, а уже там закричал страшным яростным голосом

— Измена! Они предали! Они нарушили слово!

Воины кричали и потрясали оружием, ибо Карл был страшен на своем забрызганном кровью коне под изорванной попоной. Только Черлунг, которого Карл всегда оставлял за себя, бросил на него странный взгляд и почему-то улыбнулся краешком рта. Эта улыбка преследовала Карла весь день, пока не сообразил, что обвинял зоррян в том, что для них, черных рыцарей, было самым естественным делом. Но только пока еще звалось не нарушением договоров и клятв, а военной хитростью, воинскими уловками, целесообразностью в войне...

Я тряхнул головой, это кричат и потрясают оружием здесь, в крепости Зорр, на площади между замком и главными воротами. Счастливые лица, ликование...

По ступенькам торопливо сбегал, наступая на полы рясы, наш священник. На полдороге простер руки, закричал во весь голос:

— Чада мои! Дух воинства Сатаны рухнул в ту черную бездну, откуда и вышел. Они подогревали себя сладким видением въезжающего на белом коне короля Карла в эту крепость! Мы показали, что видение толкуется иначе. Вот оно, исполнилось в точности, но крепость стоит, а король Карл с позором изгнан!

Асмер шепнул с улыбкой:

— Иногда говорит разумно. Как видишь, даже не вспомнил о мошсах...

— Но самое главное, — провозгласил Совнарол зычно, он раздулся, глаза засверкали, — у нас отныне есть могучий защитник! Святой Тертуллиан не допустит... Сейчас, дети мои, я вам расскажу о святом подвижнике Тертуллиане...

Я злорадно хмыкнул. Асмер поморщился, ухватил меня за плечо.

— Пойдем, чего уставился? Ишь, расстоялся здесь. Сейчас в церковь, а потом... вообще-то ты дурак, что приехал. За тобой надо вытирать сопельки, а у меня на это нет времени. Да и ни у кого нет. Первые трое суток я запрещаю тебе вообще выходить из помещений, понял?.. Потом...

Он заколебался.

— А потом? — переспросил я едва слышно.

— Потом разрешаю выход во двор, — отрубил Асмер. — И все!.. Да и то ходи под стенами, смотри на небо, под ноги и по сторонам. Понял? Одновременно.

Мы пересекали двор, на другом конце из-за домов выглядывает устремленная к небу остроконечная крыша огромного величественного костела. Костел строгий, отделанный с превеликой тщательностью, без нелепых украшений, варварской роскоши. Невольное благоговение медленно, но верно пошло заползать в душу. Это храм воинов, воинов креста, что несут свою веру с иступлением, в любой миг готовы отдать за ее торжество жизни.

Дверь небольшого закопченного помещения отворилась, оттуда вырвались клубы дыма, пахнуло жарким воздухом. Вышел толстый жилистый мужик в кожаном фартуке, взмокший, раскрасневшийся.

— Асмер, — сказал он жизнерадостно, — так ты цел? А рассказывали...

Его маленькие глазки подозрительно уставились на меня.

— А это кто? Асмер, да его ж тут куры заклюют. В жизни не видел, чтоб с такой могучей фигурой, да так

по-коровьи... Или у него какая-то болезнь? Парень, ты по ночам не дергаешься?

Я оглядел себя. Панцирь на мне, понятно, посечен, но на поясе молот, а из-за плеча выглядывает рукоять длинного меча. Так что я не совсем уж и корова.

Асмер хлопнул кузнеца по плечу:

— Ты потом подбери ему что-нибудь, хорошо? А сейчас нам надо идти. Не удивляйся! Дик из таких краев, где если и держали в руках топор, то разве что плотницкий!

Оружейник с немым изумлением смерил Асмера с головы до ног.

— Никогда не понимал твоих шуточек...

Асмер невесело рассмеялся:

— Есть такие королевства, есть. Их можно брать голыми руками. А рыцари там носят тоненькие позолоченные доспехи, сам видел. Ткни пальцем — пробьешь насквозь. Зато блещут! Перед бабами можно вышагивать гордо, как петуху.

Кузнец завистливо вздохнул:

— Так чего мы здесь сидим? Поедем в те королевства! Ты ж дорогу знаешь. И тоже будем как петухи... Эх, какой жизнью проживем!

Он расхохотался мощно и раскатисто. Асмер хмуро улыбнулся. Я смотрел на их лица, не сразу понял, что кузнец так пошутил, Асмер понимает, что пошутил, вон в его глазах, да и во всей фигуре кузнеца абсолютнейшее презрение к мужчинам, что не на переднем крае борьбы с врагом. И даже к женщинам, что не являются боевыми подругами настоящих мужчин на переднем крае...

Воздух вздрогнул и колыхнулся от тяжелого удара в огромный колокол. Медный звон еще стоял в теплом воздухе, а двор наполнился криками, возгласами. Я различил скрип взводимых к бою баллист, простучали конские копыта.

Асмер звонко шлепнул ладонью по рукояти топора.

— Что случилось? — вскрикнул он — Вроде б к обедне рано...

— Какая обедня, — огрызнулся кузнец. — Неужто су-

мели обрушить часть северной стены? Это значит всем, кто сейчас не на башнях и не охраняет ворота, — бегом туда!

Последние слова я едва услышал, мчался со всех ног за Асмером. Крики раздавались с той стороны замка. Мы на бегу обогнули, в лицо повеяло запахом горелого мяса. На каменных плитах догорали остатки странных животных, а десятка три мужчин в кожаных доспехах спешно заделывали пролом в стене. Дыра на самом деле невелика, два-три человека едва ли протиснутся плечо к плечу, даже пригнувшись, но страшно то, что все же сумели обрушить часть стены...

С десятков лучников быстро и часто натягивали тетивы. Стрелы исчезали в небе, еще десяток мужчин спешно забивали пролом каменными глыбами, кирпичами и булыжниками, заливали быстросхватывающим раствором из яичных желтков и свежего творога. Один оглянулся, я увидел бледное измученное лицо, донесся сорванный ветром и треском крик:

— Камней!.. Не хватит!..

— Мы посторожим, — крикнул один из лучников.

Я быстро сориентировался, порожняя телега смотрит прямо в лицо задранными оглоблями. Мои ладони на бегу ухватили отполированное дерево, поднатужился, колеса заскрежетали по камням. Я сделал крутой разворот, бегом лоташил телегу до склада с готовыми камнями. Набежали мужчины, быстро забросали, кто-то ухватился за оглобли, но я тащил с такой мощью, что помогающие рассыпались, я слышал сухие щелчки, вскрики. Дважды на каменные плиты рушились грузные тела крылатых зверей.

У пролома заканчивался короткий бой. Двое оттаскивали тяжело раненного, еще один, прыгая на одной ноге, ушел от стены и рухнул в тени. К нему подбежали женщины с белыми тряпицами. Я затормозил, выставив вперед ноги и упираясь в камень. Тяжело нагруженная телега толкала с такой силой, что ударилась оглоблями в стену.

— Вовремя, — крикнул один из мужчин. — Давайте рас-
твор!

Сам он, натужившись, схватил самую большую глыбу, побагровел, руки едва не разжались, но удержал, перевалил глыбу через борт и, тяжело ступая, отнес в самый пролом. У меня в голове стучали молоты, горячее дыхание обжигало горло. Пот струился ручьями, я почти на ощупь взял другую глыбу, справа и слева множество рук расхватывали камни, булыжники, а когда я вернулся за другой глыбой, оттуда уже вытащили последние.

Кто-то крикнул на бегу одобрительно:

— А ты здоровый, парень!

Я все еще тяжело дышал, удивлялся, что не восторгаются моим подвигом, как тяжелый удар в грудь сбил с ног. Немыслимая тяжесть расплющила, дыхание вылетело, как брошенный из пращи камень. Прямо перед лицом щелкали страшные зубы, зловонное дыхание опалило кожу. Я застыл, но зверь почему-то перестал дергаться. С невероятным трудом я спихнул его с себя, остался лежать, жадно хватая ртом воздух.

Рядом звенело железо, страшно рычали звери и кричали люди. Пролом уже заделали, а твари, что успели пробраться раньше, в бешенстве бросались на людей. Зверь, что подмял меня, был пронзен двумя стрелами, вдобавок череп от затылка был разрублен топором почти пополам.

Я лежал, на глаза навернулись слезы. Какого черта, я никогда не был тем идиотом, что в железе и с мечом в руках носится с толпой себе подобных в лесах Подмоскovie, сражаясь с толкинистами и прочими гномозьфами, а тут это выпало именно мне! Наяву.

Глава 34

Ноги дрожали, я поднялся и потащился по направлению к центру города, уж там-то не дерутся, как на Васильевском спуске. Каменная стена стала неузнаваемой из-за черного пятна копоти, что почти от земли и достигает крыши. Я с содроганием видел, что в середине пятна ка-

мень расплавился, как воск на солнце, и даже потек сосульками, тут же, впрочем, застывая.

Недалеко от ворот зияла огромная яма. Народ толпился, снизу им подавали ведра и бадьи с землей, люди неслись к воротам и высыпали, устраивая защитный вал. Что поразило, при всей спешке, все работают молча, быстро, сосредоточенно, ни одного лишнего движения, хотя вряд ли такие ямы среди улицы выкапывают часто.

Со стороны замка послышался грохот копыт. На двух телегах везли огромные бочки, поднимался сизый дымок.

— Расступись, расступись!

Я отпрыгнул, кони едва не стоптали, несколько мужчин взапрыгнули на телеги. Кто-то швырнул в обе бочки по факелу, и тут же мужчины уперлись в бочки, опрокинули. Горящая струя хлынула в яму, а следом рухнули одна за другой бочки.

Один из мужчин подбежал к краю и швырнул вдогонку горящий факел. Как я понял, на случай, если струя горячей смолы погасит пламя. Из ямы вырвался ревуший столб красного огня. Не столб, а целая колонна. Мне почудилось, в гуле пламени слышны крики сгораемых живо людей.

Земля дрогнула, дернулась с такой силой, что я взмахнул руками, как взлетающий журавль крыльями. Из воронки раздался жуткий рев, сперва басовитый, потом верещащий, перешел в истошный визг, но не оборвался, а из ямы выметнулось нечто горящее, огромное, как если бы медведь выпрыгнул из берлоги и разом вырос до размеров дракона. Этот пылающий факел одним прыжком оказался от ямы в пяти шагах, со второго — врезался в стену. Стена треснула, по ней пробежала извилистая щель.

Чудовище, ошеломленное ударом, мгновение лежало под стеной огромным пылающим факелом, но боль от огня заставила зашевелиться. Я с ужасом видел, как чудовище заковыляло в мою сторону. Несколько стрел просвистели в воздухе и пропали в пламени, зверь вряд ли их заметил.

Мои пальцы наконец-то сорвали с пояса молот.

— Держи, гад!

Ярость выплеснулась, как удар грома. Молот пронесся почти беззвучно, в таком реве не услышать, но удар, ломающий толстые, как броня танка, кости, я уловил. Пылающий зверь остановился, рухнул от меня в трех шагах. Запах горящего мяса и паленой шерсти забивал дыхание. Я закашлялся, ухватился за горло, желудок поднимается кверху. К счастью, в суматохе никто не заметил моей интеллигентности, вокруг крик, звон железа, кто-то с кем-то все же сражался...

— Сеньор, вы ранены?

Хорошенькая девушка с корзиной в руках смотрела на меня с жадным любопытством снизу вверх. Я вспомнил, что в доспехе да еще при своем росте я в самом деле тяну хотя бы с виду на большее, чем простолюдин или оруженосец.

— Нет, — ответил я. — Но лучше б я был ранен. Откуда такие твари? Никогда не видел.

Она взглянула с симпатией, но и с некой презрительной жалостью.

— Вы из Срединных Королевств? Вы похожи на срединника...

— Чем? — спросил я задетый.

— Вы такой мягкий, — объяснила она. — У вас даже голос мягкий... Подкрепитесь пока, а то они могут попытаться снова. Вот мясо, сыр, хлеб...

В корзинке отыскиались еще и ломти пахучей ветчины, бутылъ теплого эля. Я нехотя жевал ветчину, потягивал кислое пиво. На душе гадко, никогда еще не чувствовал себя таким ненужным и никчемным. За спиной слышались мужские голоса, грубый смех. Взвизгнула женщина, явно тоже разносит еду и питье защитникам, дабы не отлучались от стены.

— Хорошо в Срединных Королевствах, — произнесла она мечтательно. — Ничего, кроме кур и свиней...

— Ну, знаешь... Что это была за тварь?

— Огры, — объяснила она, не замечая моей обиды. — Но только горные огры. Если честно, то так близко никогда не подходили. Живут далеко в пещерах, всегда поодиночке. Враждуют со всем миром, даже друг с другом. Просто непонятно, откуда они вообще...

Я сказал осторожно:

— Но там было больше, чем один...

— Трое, — ответила она несчастным голосом. — Наши ломают головы...

— Как они соединились?

Она отмахнулась.

— Как прокопали такой глубокий ход!.. Хотя огры рождены камнем, дети пещер, но с чего вот так... Как остановить, если повторится...

«А ведь повторится», — подумал я угрюмо, но смолчал, устранившись грозного блеска в ее глазах. Они рады каждому отвоеванному дню, но Бернард правильно говорил, что защищающийся в конце концов проигрывает всегда. Атаки будут учащаться, становиться сильнее, и оборона рано или поздно будет разрушена вся...

— Огры — страшные великаны, — сказала она устало, — но хуже то, что за ними двигались твари пострашнее...

— Кто? — спросил я.

— Люди, — ответила она сердито. — Или думаете, что огры или гарпии хуже воинов Тьмы? Огры просто сожрут, а не будут пытать неделями, а потом на кол... Ограм наш город и наша земля не нужны, а вот рыцари Тьмы установили бы здесь свою черную власть. Снова людей в жертву, снова черные мессы...

Ее плечи зябко передернулись. Мимо проходил приземистый конюх с худым изможденным лицом. На ходу взял из корзины ломоть хлеба и сыр, остановился, ел, глаза шарили по верху стены. Девушка подала ему кувшин. Не отрывая взгляда от стены, схватил обеими руками, кадык задергался, пиво хлынуло в раскрытый рот водопадом. Конюх отнял кувшин от губ, только чтобы перевести

дух, снова припал с жадностью, а в корзину опустил уже пустым.

И все равно от него несло жаром, словно сутки пробыл в кузнице. Причем в самом горне. Такому и кислое теплое пиво покажется райским напитком.

Я встретил его слегка затуманенный взгляд, кивнул в сторону корзины с уцелевшим ломтем говядины.

— Подкрепись. Там еще осталось.

— Благодарю, — ответил он хрипло. — Благодарю.

— На здоровье, — сказал я вежливо.

— Ты это... новенький? Видел я тебя, растяпу... Из Средних Королевств? Не пора ли тебе сматываться в безопасные земли?

— Еще не решил, — ответил я еще вежливее. — Вы мне можете выяснить один вопрос... Кто такие оборотники?

Конюх на мгновение застыл. Затем я увидел, с какой скоростью человеческое лицо может превратиться в звериное. Я инстинктивно дернулся в сторону, но брошенный кувшин задел голову, в ушах зазвенело. Конюх взвился, как подброшенный вздыбившимся конем. Я отшатнулся, упал и ударился позвоночником о булыжную мостовую. Сам не понимая как, перекатился через голову, а на то место, где только что лежал, с грохотом обрушился тяжелый камень и разлетелся вдребезги.

В страхе, ничего не понимая, я подхватился и понесся со всех ног. В спину слышались как злые выкрики, так и довольный хохот, в котором злобы не было. Но было нечто хуже, чем злоба.

Я с размаха ударился, как о дерево, о высокого человека. Любого другого, даже могучего Бернарда, я бы смел с пути, этот даже не шатнулся, придержал за плечи. Меня шатало, а в голове звенели колокола и работала камнедробилка.

— Асмер, — послышался надо мной зычный голос, — этот?

— Спасибо, Ваше Высочество, — услышал я знакомый голос.

Асмер принял меня из рук Беольдра, потрянул. В голове у меня прояснилось. Плечом я упирался в дубовые ворота с широкими медными крестами на створках. Сверху приколочено распятие, над ним порхают розовотелые ангелочки.

Асмер похлопал меня по спине, Беольдр удалился, даже без коня топая, как медный всадник по ночному Петербургу. Асмер толкнул створки. Распахнулся огромный зал. Сразу, без всякого холла, коридора или предбанника в стороны пошли широкие массивные скамьи из темного дерева. Надежные и добротные.

Я двигался тупо, а в голове копошилось: надо драпать. Сегодня день прибытия, суматоха, как-нибудь отбрешусь, но завтра предстоит свидание с инквизицией. А инквизиция — это в лучшем случае — Галилей на коленях. Стандарт же — участь Бруно и десяти тысяч человек, лично сожженных Торквемадой... И миллионы — его учениками.

Массивные дубовые скамьи отступали по обе стороны широкого прохода, мы прошли к ризнице или как ее там. Как будто из воздуха возник неприметный священник, в хламиде с капюшоном, скрывающим лицо, как они это любят, спросил, куда и зачем. Асмер объяснил, священник остановил его, а меня подвел к такой же неприметной двери, с поклоном открыл.

Приемная, как я понял, высокопоставленных особ. Епископа. На стенах зеркала, явно в этом мире они еще диковинка, так что зеркал чересчур, на мой взгляд, если епископ не манекенщица. Огромные зеркала, массивные, в толстенных дорогих рамах из темного дерева. Два-три вообще в золоте. Почти все в рост человека, только одно выбивается из ряда: в простой раме, размером мне до пояса.

Не смотри, предупредил внутренний голос. Смотри в любые, только не в это. Но я не мог одолеть искушения, я ведь из того мира, где искушение уже даже не считается искушением. Где любое насилие над собой вызывает не только внутренний протест, но и насмешки окружающих, насмешки наставников, политиков, философов...

Из зеркала на меня взглянула тьма. В ушах у меня зашумело, но я все же видел в матовой поверхности себя, хоть и сильно искаженного, но еще яснее и отчетливее я видел тьму, мрак, бездну отчаяния, беспросветность, полную безысходность, гибель, распад, н и ч т о...

— Нет, — прохрипел я мысленно, — нет... Нет!

Тьма не отпускала, я с ужасом ощутил, что она не в зеркале, а во мне. Целая вселенная тьмы, я весь из тьмы, я ношу с собой тьму, распространяю, повергаю все в тьму...

— Нет, — вскрикнуло во мне нечто гаснущее, — нет!.. Не верю...

В черепе раздался оглушительный звон. Вспыхнул яркий свет, по затылку ударило твердым. Сверху обрушились потоки ледяной воды. Я захлебнулся, перекатился вбок, уходя от водопада, привстал на колени и лишь тогда открыл глаза.

Я все еще стою перед зеркалом, только смотрю на пол. Весь покрыт гусиной кожей, сердце трепещет, стучит мелко-мелко, словно и не человеческое вовсе, а мышье или тараканье.

Слышались мелкие шаркающие шаги. Молодой священник ввел под руку седого сгорбленного старика, как две капли воды похожего на епископа Войтылу, ныне известного как папа римский. Кажется, Павел с каким-то номером.

Священник подвел старика к креслу, усадил, поправил подушки по бокам, за спиной. Все это время старик тяжело дышал, на меня не смотрел, голова вздрагивала.

— Присядь... — произнес он наконец дребезжащим голосом. — Веланкер, дай страннику стул...

Молодой священник принес мне стул. Я осторожно опустился на самый краешек. Священник отошел и встал за спиной епископа. Лицо оставалось под капюшоном, но я постоянно чувствовал на себе его пристальный взгляд.

Епископ некоторое время отдыхал от долгой прогулки через комнату. Для него это явно покруче, чем для меня подняться пешком на двадцатый этаж при поломанном лифте.

Лицо было коричневое, как у побывавшего в огне яблока, сморщенное. Беззубый рот постоянно двигался.

— Мне уже сказали о тебе... сын мой, — произнес он, причем это «сын мой» явно далось с некоторым усилием. — Но я хочу составить свое мнение.

Голос звучал почти без дребезжания, а выцветшие глаза смотрели из-под красных набрякших век в упор. Этот старик повидал жизнь, и... стоит ли ему врать?

— Моя история удивительна, — сказал я осторожно. — Я не буду врать... отец, но моей истории поверить будет трудно. Я жил в далекой-далекой стране... настолько далекой, что там не знают о вашем мире, как у вас не догадываются о нашем существовании. Я жил... не скажу, чтобы счастливо, не скажу, чтобы праведно или неправедно... Я жил, как живут все!.. У нас это очень важно: быть как все. Мы все говорим об индивидуальности, оригинальности, но оригинальность наша не идет дальше новой прически или кольца в носу. А вот говорим и мыслим все одинаково, тем и счастливы... Но вот какая-то сила вырвала меня из моего мира и перебросила в этот. Для меня это тем более невероятно, что у нас... вы не поверите, не существует магии, сил Тьмы, сил Добра, а церковь... не обижайтесь, но церковь давно уже не ведет с пылающим факелом во вскинутой руке народы через тьму, а напротив — двигается позади за человечеством и подбирает калек, сумасшедших, умирающих старух и всяких чокнутых...

Он слушал, внимательно следил за моим лицом, смотрел, как двигаются мои губы, брови, как и когда к щекам приливает или отливает кровь.

Когда я умолк, он долго молчал, я чувствовал на себе только сверлящий взгляд молодого священника.

— Что было, — продребезжал внезапно голос, — что было перед тем, когда ты попал к нам? Какие знаки? Какие видения?

Я вздрогнул, кровь отхлынула с периферии вовнутрь. Даже сейчас страшно вспомнить, представить... что я тогда увидел. Я видел настоящий ад... современного человека.

Я умирал в том мире, который увидел, который есть, который на самом деле. Я ухватился за... за что? За иллюзию? В страшный миг умирания я закричал мысленно: не верю! НЕ ВЕРЮ!.. Да, я не воззвал к Богу, не призвал его в жуткую минуту отчаяния, это недостойно мыслящего интеллигентного человека, но я своим отчаянным «Не верю!» трусливо отверг и противника Бога, который показал мне мир таким, каков он есть...

— Мне страшно, — прошептал я. — Мне даже сейчас страшно... Я отверг Бога, но я отверг и Дьявола. У нас все так живут, но как-то не задумываются... А я вот, дурак, пытался докопаться, проникнуть мыслью...

Он медленно сказал:

— Сердцем...

— Что?

— Ты не мыслью... Ты пытался ощутить сердцем... Это достойнее, но...

— Вот это «но» меня и потрянуло, — ответил я. — Что мне делать, отец? Скажу вам то, что никому никогда не говорил. Я хотел бы вернуться в свой мир. Но никакие быстрые кони туда не домчат. Туда можно только так... как и оттуда. Магия... или чудо!

Священник за спинкой кресла переступил с ноги на ногу. Я чувствовал его ненавидящий взгляд.

Епископ снова молчал долго, а когда заговорил, голос был слабым и задумчивым.

— Я уже стар... Могу позволить себе просто поразмышлять о разном. В том числе и о таких кошунственных вещах, как суть магии... Да-да, простым монахам или рядовым священникам нельзя касаться этих тем... Даже думать запрет... воля простых людей недостаточно сильна... но мы, высшие иерархи церкви... Словом, как это ни звучит кошунственно, но вера и магия творят чудеса одинаково...

Священник за креслом дернулся, торопливо осенил себя крестным знамением.

— Как? — воскликнул я. — Но если такое возможно... Если это в самом деле так...

Епископ чуть приподнял ладонь, я послушно умолк.

— Но есть большая разница, — сказал он негромко, однако каждое слово падало, словно гиря на чашу весов. — Магия — это набор заклинаний, послушно срабатывающих в любых руках. Как в подлых, так и не подлых. В то же время чудеса, сотворенные сильной верой, доступны только чистым и честным людям. Заметил, в чем разница?

Я подумал, пробормотал:

— Магия проще, доступнее. Магами и колдунами можно населить весь мир. А вот насчет веры...

Он слабо кивнул.

— Ты уловил суть, хотя и смутно. Ты говорил, что магия не может быть плохой или хорошей, все зависит от рук, в которых находится.

Я кивнул в ответ, хотя что-то не помнил, когда говорил эти слова именно ему.

— Магия в плохих руках опасна слишком для многих, — произнес он с усилием. Из-за дальней портьеры появился еще один монах, подал в серебряном кубке красноватую жидкость. Епископ отпил, сказал чуть окрепшим голосом: — В то время как чудеса, совершаемые верой, никогда не причиняют вреда... Такой человек никогда даже не подумает, к примеру, стать властелином мира... Сама мысль о таком — смертный грех! Никогда с помощью чуда не совратит жену ближнего, не обидит соседа... Понимаешь? Если даже такая мысль мелькнет в голове праведника, он тут же потеряет способность творить чудеса!

Я молчал, это было ошеломляюще сложно, и в то же время шемяще правильно, но только слишком правильно, нежизненно правильно, будто здесь прошли через такие ужасы, что теперь идет полное искоренение магии, магов, колдунов, всего волшебного... всего лишь из страха, что среди великого множества чародеев может оказаться чародей с плохими наклонностями.

— Есть прямая зависимость, — предположил я, — между степенью святости и радиусом действия чуда? Или его мощи?

Он подумал, сказал осторожно:

— Слова твои странны и темны... Но, кажется, я улавливаю суть. Да, подвижник обретает возможность творить чудеса. Святой человек способен совершать великие чудеса! И чем он святее...

Он умолк, глаза закрылись. Я терпеливо ждал. Этот мудрый старик стар, очень стар. Во время нашего разговора два-три раза забывался, а то и вовсе терял сознание. Я терпеливо ждал, ибо передо мной настоящий титан, а такие так просто из жизни не уходят. И ни один разговор не оставляют незавершенным.

Он очнулся, сказал слабо:

— Надо добыть доспехи...

— Чьи?

Епископ пожевал губами, глаза все еще оставались закрытыми. Я подумал, что он уже забыл, с кем говорит, продолжает разговор с кем-то другим, кому не успел сказать что-то важное. Хотел подняться, но епископ проговорил, не подымая красных век, что стали еще толще, как наполненные кровью подушки:

— Доспехи Георгия.

— Кого-кого? — переспросил я. Еще не понял, о ком речь, но по всему телу пробежала дрожь, а волосы встали дыбом, как в разгар великой грозы. — А этот Георгий не тот ли...

— Святой Георгий, — ответил он совсем тихо, но глаза медленно открыл. — Георгий Победоносец, Егорий Храбрый, Юрий Пламенный... сейчас его называют по-разному, на всяких языках и наречиях, но тогда он был простым офицером в Риме... Был такой город, столица всех столиц, центр мира, где началось гниение, где Сатана обрел полную власть, и лишь немногие чистые души воспротивились Злу. Георгия казнили лютой смертью, но он остался верен истине, добру, чести... Теперь он на быстром, как молния, коне водит небесные войска против орд демонов. А его старые доспехи остались в Риме, откуда их выкрали, увезли в наши тогда еще края и спрятали в горном ущелье...

Я удивился, спросил осторожно:

— И что, до сих пор там лежат?

— А что тебя удивляет?

— Ну, не поржавели...

— В те времена железа почти не знали, — пояснил епископ. — Доспехи и даже оружие делали из меди, а потом из бронзы. Но теперь это не простые доспехи, ибо прикосновение святого человека преобразует даже вещи.

Я покачал головой.

— В это поверить трудно. Господь не позволяет совершаться чудесам.

Он сказал совсем тихо, я едва расслышал, но в слабом голосе чувствовалась крепость железа:

— Разве эта крепость не обрела добавочную мощь, когда в нее доставили мощи святого Тертуллиана?

Я возразил:

— Это другое дело!

— Да? — переспросил епископ. — Так вот, на ком будут доспехи святого Георгия, того не коснется Зло... Более того, он послужит защитой всем, вблизи. А уж как послужит, понимай сам...

Я перевел дыхание, епископ говорит разумно, но явно путает меня с кем-то. Забыл, как называется это психическое расстройство, но у престарелых это сплошь и рядом.

— У меня другая проблема, — сказал я, переводя разговор. — Дважды я встречал в этом путешествии человека... если он человек, который смушал мой ум и душу рассказами о тех странах, которые захвачены, как мы называем, Злом. Но там живут, как он сказал... и я почему-то верю, богаче и счастливее. И мне очень захотелось побывать в тех странах!

Епископ выслушал, лицо постарело еще больше, хотя это трудно было представить, а мешки под глазами налились жутким лиловым цветом. Я снова увидел, что говорю с очень старым и очень усталым человеком, которому довелось принять на плечи больше, чем он в состоянии вынести.

— Тот... прав, — ответил он тихо.

Я вскричал испуганно:

— Святой отец! Как можно? Мне чудилось временами, что со мной говорил сам Сатана!

— Так оно и было, — ответил епископ тяжело. — Так оно и было.

— Но как же, — растерялся я. — Как вы можете говорить, что Сатана прав?

— Потому что он прав, — сказал епископ надтреснутым голосом. — Разве не зришь, что в житейском мире верх одерживает тот, кто живет умом, а не сердцем? Что преуспевает тот, кто отвернулся от Бога и принял соблазны дьявола?... Что живущий сердцем смешон?

Я прошептал в ужасе:

— Святой отец... Хорошо же ты меня утешил! Так что же делать, если Зло побеждает в нашем собственном доме?

— Стиснуть зубы, — ответил епископ, — и... держаться. Господь не оставит нас.

Я уронил голову. Смешным или простоватым выглядеть не хотелось, а таким смотрятся все, кто старается жить сердцем: чисто, честно, соблюдая правила чести, благородства, рыцарства, воздерживаясь от свойственной простолюдинам грубости и похоти.

— Держаться, — повторил я. — А до каких пор?

Священник поднял голову. Я понимал, что он видит. Юноша смотрит на него чистыми, честными глазами. Сказать, что держаться надо всю жизнь, это ужаснет любого. Сказать, что продержаться надо год, — ужаснет такого вот юного, ибо для него год — вечность, в то время как для него, старого, годы летят, как опадающие по осени желтые листья.

— Ты видишь, что Зло сильнее, — ответил епископ негромко. — Да и все это видят. Потому люди слабые... а точнее — простые, охотно становятся на его сторону. Простые люди всегда ищут сильного, чтобы встать под его руку, под его защиту. И так было всегда... Но ты не заметил, что, несмотря на свою беспомощность, непрак-

тичность, неумение приспособиться к жестокостям жизни, Добро все же побеждает?

Я пробормотал:

— Не понимаю. Как, сталкиваясь с жадностью, похотью, обманами и предательством — Добро может уцелеть?

Епископ сказал почти властно:

— Укрепись духом, сын мой. Несмотря на все победы Зла... во все века и во всех странах и народах, мы все-таки есть? Ты не можешь не сказать, как мы все еще есть... ведь Зло безжалостно? И будь у него силы, оно бы уничтожило нас всех? Как добро, честь, благородство, верность — так и самих носителей этих понятий? Подумай над этим.

Я успел ощутить холодок, небо распахнулось, я в тысячную долю секунды успел поклясться, что выдержу, не сокрошусь под ощущением нечеловеческой мощи, и звезды разбежались в стороны, в пустоте возник, как краугольный камень мироздания, величественный храм, стены сложены из массивных глыб серого гранита, но я прошел сквозь них, как через силовое поле, душа замерла от ощущения величия места и собственной ничтожности, я успел увидеть исполненные суровости колонны, поддерживающие свод, высокие окна, похожие на перевернутые остриями кверху рыцарские щиты... Окна из цветных стекол чистых тонов: ярко-красные, синие, зеленые и оранжевые, никаких оттенков, на гладкий паркетный пол падают цветные тени, свод расписан аллегорически фигурами, а впереди, по дорожке между рядами простых деревянных кресел...

Меня выдернуло обратно в тот мир, как рыбу, заглатывшую крючок. Я схватил воздуха, сердце бешено колотится, поперхнулся, ибо новый воздух ни к чему, видение посетило снова лишь на долю секунды.

Епископ проговорил медленно:

— Сын мой... тебе было видение?

— Если бы я мог понять, — прошептал я, — что я зрел... Слишком огромно... Отец, как мне вернуться?

Епископ долго думал, голос его прозвучал почти нерешительно:

— Рискну предположить... только предположить, что тебя вызвал в этот мир именно дьявол. Если хочешь, чтобы я назвал имя, изволь — сам Сатана.

Я отшатнулся:

— Но зачем?

— Не знаю... Не знаю. Но одно несомненно... чтобы совершить подобное, нужна Высшая Мощь. А она есть только у самого Господа Бога и... у Сатаны.

— Но почему это не дело рук... другой стороны? — спросил я. Я все не мог назвать Бога. — Или кого-то из его ангелов?

Он покачал головой.

— На этот раз неверишь ты...

— Я готов поверить всему.

— Ты неверишь, — повторил он, — но у тебя нет...

— Чего нет? Второй головы?

— У тебя нет... ангела-хранителя!

— Ага, — сказал я. — Мне это, правда, уже говорили, но я как-то не особо тревожился. Я, значит, один-единственный человек на всем белом свете, который без ангела?.. А это значит, что я сам какая-то немыслимая гадость...

Он кивнул с убитым видом. В глазах его я читал беспредельную жалость и сочувствие.

— А как насчет беса?

Он покачал головой.

— Можешь не плевать через левое плечо. Там ничего нет. И никого.

Я чуть повеселел.

— Хорошо. То же самое равновесие, только ядреных запасов на обоих плечах поменьше.

Он снова покачал головой. Глаза его смотрели в мое лицо с беспредельной жалостью.

— Ты... не понимаешь?.. Бес нужен для искушения людей.

Я смотрел в слезящиеся глаза, и вот теперь мне стало страшно.

— Что вы хотите сказать?

— Пока ничего... с определенностью, — ответил он. — Но наши святые мужи предрекали в своих видениях, что в этом году в мир явится... Антихрист.

В комнату во время нашего разговора то и дело заглядывали священники, простые монахи, даже рыцари в железе, разве что с непокрытыми головами.

Один священник наконец приблизился, кашлянул деликатно, обращая на себя внимание. Епископ наконец поднял на него взгляд:

— Что тебе, отец Варлаам?

— Ваше Святейшество... В городе ликование, горожане уже заполнили площадь перед церковью. Если не отворить ворота, их выдавят!.. Все жаждут увидеть мощи святого Тертуллиана, прикоснуться к раке, испросить благословения...

Епископ произнес слабо:

— Приходы... оповещены?

— Да, — ответил священник ликующе. — Тайными тропами из города ушли наши люди с радостной вестью, что отныне сам святой Тертуллиан охраняет благочестивый Зорр...

Я переступил с ноги на ногу, сделал осторожный шагок назад. За плечами короля Карла — более современные и понятные мне формации общества. И, как сказал епископ, это силы Тьмы выдернули меня в этот мир. А кто выдернул, тот сможет и задвинуть. Мне надо драпать в земли, занятые Тьмой. А там поговорить с магами...

Дальняя дверь с грохотом распахнулась. Вошел седой священник в белой сутане. Длинные волосы падали на плечи, морщинистое лицо застыло.

— Ваше Святейшество...

— Что? — спросил епископ слабо.

— Смирненно прошу простить, что я столь бесцеремонно...

— Говорите, отец Гарпаг.

Священник тянул паузу, его тяжелый взгляд прошел-

ся по мне, как асфальтовым катком. Епископ заколебался, сделал слабое движение пальцами.

— Этот человек... нам не друг, но и не враг. Кем станет... зависит и от нас тоже. Говори.

«Хрен я стану на чью-то сторону, — подумал я зло. — Цивилизованному человеку неча встречать в драки дикарей».

Священник поклонился снова.

— Да, завтра все равно узнают... Ваше Преосвященство, у меня язык не поворачивается... Благородный король Арнольд не успел получить известия о прибытии святых мощей! Перед угрозой войны и разорения края войсками жестокого Конрада он поступил как христианин, хоть и не как воин... Возможно, наша церковь причислит его к лику святых, но рыцари и простые люди проклинать будут не одно столетие... Он ответил королю Конраду, что приказывает всем своим баронам, вассалам и всем войскам признать Конрада правителем Алемандрии. А сам уходит в леса и пещеры, где будет вести скромную жизнь отшельника и вопрошать Господа Бога о вечных истинах...

Голос его задрожал, упал до шепота. В глазах заблестела влага. Он вскинул голову гордо и надменно, но опоздал, слезы уже выкатились, по щекам пролегли блестящие дорожки. Нижняя челюсть дрожала, он прилагал нечеловеческие усилия, чтобы не разрыдаться, стоял ровно, смотрел на епископа, а по мокрым дорожкам все катились и катились капли, повисали на квадратном подбородке, срывались на грудь.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	35
Глава 4	49
Глава 5	62
Глава 6	79
Глава 7	91
Глава 8	105
Глава 9	118
Глава 10	132
Глава 11	150
Глава 12	164
Глава 13	176
Глава 14	188
Глава 15	203
Глава 16	216
Глава 17	231
Глава 18	246
Глава 19	256
Глава 20	266
Глава 21	281
Глава 22	292
Глава 23	307
Глава 24	322
Глава 25	337
Глава 26	346
Глава 27	360
Глава 28	375
Глава 29	388
Глава 30	401
Глава 31	416
Глава 32	431
Глава 33	445
Глава 34	459

Гай Юлий Орловский
РИЧАРД ДЛИННЫЕ РУКИ

Ответственный редактор *Д. Малкин*

Редактор *Е. Самойлова*

Художественный редактор *А. Стариков*

Технический редактор *О. Куликова*

Компьютерная верстка *В. Фирстов*

Корректор *Т. Пикула*

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:

109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.

Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.

127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.

www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве
в сети магазинов «Новый книжный»:**

Центральный магазин — Москва, Сухареvская пл., 12

(м. «Суxаревская», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.

Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.

Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.

Москва, ул. Профсоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.

Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

ООО Дистрибуторский центр «ЭКСМО-УКРАИНА». Киев, ул. Луговая, д. 9.

Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: sale@eksmo.com.ua

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Санкт-Петербурге:

РДЦ СЗКО, Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Б.

Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.

Сеть книжных магазинов «Буквоед»:

«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34

и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК» представляет самый широкий ассортимент книг издательства «Эксмо». Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Нижнем Новгороде:

РДЦ «Эксмо НН», г. Н. Новгород, ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Челябинске:

ООО «ИнтерСервис ЛТД», г. Челябинск, Свердловский тракт, д. 14. Тел. (3512) 21-35-16.

Подписано в печать с готовых montажей 09.09.2004.

Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Бум. тип.

Усл. печ. л. 25,2. Уч.-изд. л. 22,8.

Доп. тираж 4000 экз. Заказ № 4402395.

Отпечатано с готовых montажей
на ФГУИПП «Нижеполиграф».

603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

СТРАНА ИГР

160
СТРАНИЦ
2 РАЗА
В МЕСЯЦ

**Вы первыми узнаете,
во что все будут
играть завтра**

В МИРЕ ЕЖЕДНЕВНО ВЫХОДЯТ ДЕСЯТКИ ИГР
НА САМЫХ РАЗНООБРАЗНЫХ ПЛАТФОРМАХ:
PC, PLAYSTATION 2, XBOX, GAME CUBE, GBA.

МЫ ПОМОЖЕМ ВАМ РАЗОБРАТЬСЯ
В ЭТОМ КРУГОВОРОТЕ
И СДЕЛАТЬ ПРАВИЛЬНЫЙ ВЫБОР

СЕРИЯ

«РУССКАЯ ФАНТАСТИКА»

ЛУЧШИЕ РОМАНЫ
СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ-ФАНАСТОВ!

ТАКЖЕ В СЕРИИ:

В. Звягинцев

«Андреевское братство»,

«Бои местного значения»

В. Бурцев «Алмазный дождь»

А. Орлов «База 24»

А. Селецкий «Древняя кровь»

ВНИМАНИЕ!

У издательства «ЭКСМО» появился новый сайт, который мы с гордостью можем назвать полноценным веб-порталом!

www.eksmo.ru

Теперь на нашем сайте вы сможете найти любые книги издательства «ЭКСМО», которые продаются магазинах.

Более 1500 авторов.

Новый современный форум.

Более 5000 новых наименований книг в год.

Все встречи с авторами, презентации, выставки.

■ Ссылки на официальные странички любимых авторов.

**С помощью нашего сайта Вы
сможете найти СВОЮ книгу!**

ISBN 5-699-06502-4

9 785699 065028 >

Длинноруки

Длинные Руки

